

Годъ 19-й.

Кн. LXXII—LXXIII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія
Антропологии и Этнографіи,

СОСТОЯЩАГО ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1907, № 1 и 2.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Предсѣдателя Отдѣла **В. В. Миллера**

И

Товарища Предсѣдателя Н. А. Гилука.

МОСКВА.

Т-во А. А. Левенсонъ. Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Мамоновскій пер., с. д.

1907.

Ex Libris Library
3/31/57

GN
1
E8424 +

v. 19

1907

Печатано съ разрѣшенія Совета Императорскаго Общества Любителей
Естествознанія, Антропологии и Этнографіи.

191674C
186/Ex Lib
W

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	<i>Стр.</i>
I. Загробный міръ по вѣрованіямъ зырянъ. <i>В. П. На- лимова</i>	1
II. Къ вопросу о методѣ изслѣдованія былинъ. <i>А. В. Маркова</i>	24
III. Изъ иностранной литературы. Къ вопросу о возни- кновеніи и сложеніи сказки. <i>Е. Н. Елеонской</i>	38
IV. О преданіяхъ про животныхъ, жительствовавшихъ при храмахъ. <i>В. Н. Харузиной</i>	60
V. Смѣсь:	
1. Четыре духовныхъ стиха, записанныхъ отъ камиль Нижегород- родской и Костромской губерній. <i>В. Ржма</i>	63
2. Свадебныя пѣсни Казанской губерніи. <i>А. Ф. Можжа- ровскаго</i>	70
3. Нѣкоторыя данныя по изученію быта русскихъ на Колымѣ. <i>Е. П. Попова</i>	159
4. Современныя народныя собранія, игры, танцы и пѣсни (ча- стухи и другія) въ деревнѣ. <i>В. И. Степанова</i>	181
5. Изъ свадебныхъ и родильныхъ обычаевъ Хотинскаго уѣзда Бессарабской губерніи. <i>Е. П. Казиміръ</i>	200
6. Изъ свадебныхъ, родильныхъ и похоронныхъ обычаевъ По- дольской губерніи. <i>Ея же</i>	208
VI. Критика и библиографія:	
1. Отчеты о новыхъ изданіяхъ:	
Voth. Oraibi Natal Customs and Ceremonies. <i>В. Н. Хоу</i> (211).—Vöckel. Psychologie der Volksdichtung. <i>Е. Н. Е-ой</i> (212).—Nicolaev. Seyyed Mohammed dit le Bab. Histoire. <i>Вл. А. Гордлевскаго</i> (213).—Hamet. Les musulmans français du nord de l'Afrique. <i>Вл. А. Г-ю</i> (214).—Mauss. L'origine des pou- voirs magiques dans les sociétés australiennes. <i>Вл. А. Г-ю</i> (215).—	

Hessische Blätter für Volkskunde. <i>Вл. А. Г-го</i> (216).— Archiv für Religionswissenschaft. <i>Е. Н. Е-ой</i> (217).—Ко дню семидесятилѣтія Радлова <i>В. Н. Х-ой</i> (219).—Деличъ. Библия и Вавиловъ <i>Е. Н. Е-ой</i> (219).—А. г. Харузинъ. Сла- вянское жилище въ с.-з. краѣ. <i>Е. Н. Е-ой</i> (221).—Васильевъ. Обозрѣніе языческихъ обрядовъ, суевѣрій и взрваній вотяковъ Казанской и Вятской губерній. <i>В. Н. Х-ой.</i> (223).—Бурду- ковъ. Гончарныя издѣлія Средней Азии. <i>А. А. Семенова</i> (224).— Остроумовъ. Сказки сартовъ въ русскому изложеніи <i>А. А. Сага</i> (227).—Диваевъ. Киргизскія сказки о походеиіи трехъ плѣшивыхъ. <i>В. Н. Х-ой</i> (231).—Пантусовъ. Таранчинскія бакши <i>Вл. В.</i> (232).—Чичерина: 1) У приволжскихъ инород- цевъ. 2) Положеніе просвѣщенія у приволжскихъ инородцевъ. <i>В. Н. Х-ой</i> (235).—Записки Отдѣленія русск. и слав. архео- логіи <i>И. Р. А. О. Е. Н. Е-ой</i> (235).—Московская церковная старина. <i>Е. Н. Е-ой</i> (236).—По поводу рецензіи г. Зеленина на статью <i>И. С. Абрамова</i> „О курскихъ саянахъ“. <i>И. С. Абра- мова</i> (237) 211	
2. Обзоръ газетъ и журналовъ	240
3. Новости этнографической литературы	246

VII. Хроника:

25-лѣтіе предсѣдательства въ Этн. Отдѣлѣ Вс. О. Миллера.— Юбилей Шмелъца.—Некрологи: О. Г. Мищенко, И. В. Помя- ловскій, В. И. Модестовъ, Н. О. Хизановъ, Г. С. Лыткинъ, В. С. Передольскій, Я. И. Гуртъ, Н. А. Шабунинъ, М. С. Мостовскій.—Объ ученыхъ трудахъ Ю. А. Кулаковского и Н. О. Высоцкого—Къ вопросу о происхожденіи Руси.— Вліяніе нар. поэзіи на Пушкина.—Этнографическое обслѣ- дованіе болгарскихъ колоній.—О болгарскомъ великанѣ.— По исторіи вятчанъ.—Описаніе чувашской свадьбы.—Лите- ратура о чувашахъ.—Черемисско-русскій словарь.—О на- ціональности древнихъ обитателей южн. Россіи.—Матеріалы о кумандинцахъ.—По матеріальной культурѣ Турмемени.— Изданіе памятниковъ русск. литературы домонгольскаго періода.—Изданіе Этн. Отдѣленія Венгерскаго музея.—«Том- скія Губ. Вѣдомости».—Лекціи по этнографіи, антропологіи и археологіи.—8-й этнографическій концертъ.—Дашковскій этнографическій музей.—10-лѣтіе Городецкаго музея.—Пре- міи: Михельсона, гр. Уваровой, Бахрушина 253	
---	--

VIII. Объявленія объ изданіяхъ 289

Загробный міръ по вѣрованіямъ зырянъ.

Религіозное міровоззрѣніе зырянъ служило предметомъ изученія нѣкоторыхъ этнографовъ. Они приложили много труда, но всѣ ихъ усилія не могли дать окончательнаго разрѣшенія вопроса, и результаты, добытые ими, болѣе чѣмъ скромны. Они жаль не только не дали яснаго и точнаго представленія объ общемъ міровоззрѣніи зырянъ, но не былъ ими затронутъ и цѣлый рядъ частныхъ вопросовъ. Такъ, мы почти ничего не знаемъ о загробномъ вѣрованіи зырянъ, объ ихъ культѣ предковъ, о пережиткахъ анимизма и тотемизма. Неудача изслѣдователей зависѣла не отъ ихъ личныхъ качествъ и не отъ пренебрежительнаго отношенія къ тому или иному вопросу. Современные этнографическіе матеріалы добываются съ большимъ трудомъ, и содержаніе ихъ все-таки весьма скудно. Письменныхъ же памятниковъ, которые бы освѣтили прошлое зырянъ, почти нѣтъ. На опросы изслѣдователей зыряне отвѣчаютъ довольно неудовлетворительно.

Только долгая совмѣстная жизнь съ зырянами, участіе въ повседневныхъ работахъ, обрядахъ и т. п. даютъ мнѣ нѣкоторую возможность возстановить картину вѣрованій зырянъ о загробномъ мірѣ и о душѣ человѣка. Тѣмъ не менѣе и въ моей работѣ много пробѣловъ. Здѣсь прежде всего надо принять во вниманіе, что сами зыряне не имѣютъ цѣльнаго и стройнаго представленія о душѣ и о загробной жизни. Различныя слои населенія различно смотрятъ на это. А это уже значительно затеняетъ общую картину міровоззрѣнія зырянъ.

Зырянское слово „горт“ означаетъ „домъ“ и „гробъ“. Весьма возможно, что нѣкогда зырянину незначѣмъ было различать эти два понятія. Домъ для зырянина есть мѣсто, гдѣ онъ находитъ отдыхъ и покой послѣ трудовъ при жизни, и гдѣ сосредоточена его религіозная и семейная жизнь. Гробъ служитъ ему тоже

мѣстомъ отдыха уже послѣ смерти, куда онъ возвращается, утомленный съ охоты или рыбной ловли, и тоже домомъ, съ которымъ связаны его религія и его семья. По вѣрованію зырянъ, смерть есть не что иное, какъ прямое продолженіе земной жизни.

Душа, какъ только вылетаетъ изъ своего тѣла, начинаетъ летать около него. Она враждебно относится къ живымъ. Старшій изъ семьи при послѣднемъ дыханіи умирающаго закрываетъ ему глаза. Особое лицо приглашается вымыть тѣло покойника, причесать его. Когда одѣнуть его, вдоволь поплачуть надъ нимъ и выразятъ свое горе, тогда начнутъ хлопотать по устройству похоронъ и поминокъ; а душа покойника, видя это, смягчается. Она въ теченіе всего времени, пока гробъ стоитъ въ дому, остается у своего тѣла. Выѣстъ съ гробомъ она отправляется на могилу, на мѣсто новаго жительства. Послѣ похоронъ она снова приходитъ въ прежній домъ, гдѣ усопшему и душамъ умершихъ его родныхъ и друзей устраиваются поминки. Тѣмъ временемъ въ домъ послѣ похоронъ въ извѣстномъ, строго опредѣленномъ мѣстѣ вѣшаютъ полотенце, которымъ таинственно присутствующій покойникъ вытираетъ свое лицо, послѣ того какъ умоется. Трогать это полотенце считается большимъ преступленіемъ до истеченія точнаго срока въ 40 дней. Иначе усопшій можетъ дерзкаго человѣка наказать смертью. На похороны не всѣ идутъ. Одна изъ родственницъ (обыкновенно сестра) должна остаться дома. Она обязана встрѣтить души усопшихъ, если онѣ придутъ раньше, чѣмъ живые успѣютъ вернуться съ похоронъ. Если никто не встрѣтитъ душъ усопшихъ, то онѣ могутъ обидѣться. Покойникъ, только что умершій, въ теченіе сорока дней живетъ дома, а не уходитъ въ могилу. Души же остальныхъ усопшихъ тотчасъ послѣ поминокъ расходятся по своимъ могиламъ.

На сороковой день устраиваютъ торжественныя поминки и проводятъ покойнику. Въ этотъ день двигается процессія изъ дому къ могилѣ. Священникъ выходитъ изъ дома усопшаго съ пѣніемъ, но не впереди, а женщины вслѣдъ за нимъ начинаютъ жалобно плакать. Онѣ просятъ покойника не гнѣваться. Спрашиваютъ, почему же онъ оставляетъ ихъ домъ? Чѣмъ онѣ не угодили ему? Зла онѣ не хотѣли ему сдѣлать; обидѣть его могли только по невѣжеству и своей глупости; хвалить его за его достоинства;

просятъ покойника навѣщать ихъ домъ ¹⁾. Во время этой процессіи, старшій дома идетъ впереди всѣхъ и несетъ гостинцы: пиво, пироги, „шаньги“, „соченя“,—все это идетъ въ пользу духовенства. Раньше, какъ увѣряютъ старики, эти гостинцы оставались на могилѣ. Были ли довольны усопшіе поминками, можно узнать слѣдующимъ образомъ: остатки поминальнаго обѣда „лы-сем“: (буквально: „кости-чешуи“) отдаютъ собакамъ: если послѣднія охотно ѣдятъ, то это означаетъ, что покойники остались довольны.

Съ этого дня мѣстомъ своего постоянного жительства покойникъ выбираетъ могилу, гробъ. Изрѣдка покойнику на могилу приносятъ угощеніе и просятъ его покушать „ру“ (т.-е. паръ) кушанья. Самыя кушанья не оставляютъ на могилѣ: они поступаютъ или въ пользу духовенства или обратно уносятся домой.

Не такъ давно еще въ городѣ Устьсысольскѣ, какъ увѣряютъ старики, на могилахъ оставляли кушанья для покойниковъ. Только рѣзкіе протесты духовенства и проказы мальчишекъ, которые весьма охотно убирали все то, что оставалось на могилахъ, заставили зырянъ отказаться отъ этого обычая. Теперь чаще всего зырянинъ приглашаетъ покойника къ себѣ въ домъ. Для этого онъ идетъ на могилу и говорить: „Пойдемъ“. Точно такъ же зырянинъ, отправляясь въ баню, обращается лицомъ на кладбище и зоветъ покойника попариться. Если крестьянинъ сѣтъ, онъ проситъ усопшихъ дать хорошій урожай: „Сѣтой бур во“, т.-е. „дайте хорошій годъ“, при этомъ онъ глаза молитвенно обращаетъ туда, гдѣ покоятся кости усопшихъ.

Старики такъ дорожатъ родной могилой, что боятся уходить далеко отъ родины и умереть на чужбинѣ. Душа, по ихъ вѣрованію, не уходитъ далеко отъ своего тѣла: гдѣ тѣло похоронено, тамъ поблизости и душа живетъ. Вслѣдствіе этого душа зырянина, кости котораго далеко покоятся отъ костей родственниковъ, можетъ и не встрѣтиться съ душами послѣднихъ въ загробномъ

¹⁾ Я не привожу текста причитаній. Они довольно разнообразны и зависятъ отъ возраста, положенія и качествъ усопшаго. Причитальщицы хвалятъ его за тѣ или ныя достоинства, въ чемъ и заключается варіація причитаній, канва же ихъ остается вездѣ одна и та же. Мною записано одно причитаніе, которое приводится ниже; у Вихмана записано также одно причитаніе, интересное для вѣрованій зырянъ о загробномъ мірѣ.

міръ и будетъ тосковать. Душа, по вѣрованію зырянъ, живетъ внутри черепа. Это мнѣ извѣстно какъ изъ личныхъ опросовъ зырянъ, такъ и изъ пѣлаго ряда рассказовъ, наблюденій надъ жизнью зырянъ и т. п. Между прочимъ, есть вѣрованіе, что не похороненные черепа останавливаютъ прохожихъ и просятъ погребенія. По другому варианту, непогребенные черепа пробѣгаютъ дорогу, издають своеобразный свистъ „тюргö“, и если кто не похоронитъ такіе черепа, того душа, обитающая въ черепѣ, накажетъ, наславши на него несчастье. Есть и другія данныя, которыя позволяютъ заключить, что душа обитаетъ, по вѣрованію зырянъ, въ черепѣ. Рыбаки, напр., хранятъ черепъ щуки, покровительствомъ которой они пользуются. Они носятъ щучій черепъ съ собой на рыбную ловлю, для того чтобы душа щуки, заключающаяся въ этомъ черепѣ, насылала имъ уловъ, т.-е. другихъ рыбъ. А въ обыкновенное время рыболовы держатъ этотъ черепъ рядомъ съ образами. Знаменитый зырянинъ села Вильгорта Кан Іако, отличавшійся всевозможными знаніями, превосходный рыболовъ, носилъ съ собой черепъ щуки и маленькій искусственный черепъ человѣка, который изображалъ собой черепъ его прародителя: „Адам¹⁾ юр-лы“. Зыряне также вѣшаютъ скелеты горностая и нѣкоторыхъ другихъ животныхъ на дверяхъ избы и хлѣва для охраны. Душа горностая, обитающая въ его скелетѣ, гонитъ злыхъ духовъ, которые хотятъ вселиться въ человѣка или въ животное и сдѣлать ихъ больными.

О первоначальномъ мѣстѣ погребенія покойниковъ извѣстныя мнѣ указанія старожилловъ говорятъ немного. Между прочимъ, есть скудныя указанія на домъ, какъ на мѣсто погребенія. Въ сказкѣ „Дурень“ дурень хоронитъ умершаго отца въ углу печки. Въ глухихъ мѣстностяхъ Устьнемской волости и за Вочью, по увѣренію людей, бывавшихъ тамъ, и теперь еще хоронятъ покойниковъ возлѣ самыхъ домовъ. Нѣкоторые старики говорятъ, что имъ въ дѣтствѣ ихъ старики рассказывали, какъ прежде покойниковъ хоронили въ домахъ—въ подпольѣ. И теперь всякій, отправляющійся въ далекій путь, беретъ съ собой изъ подполья горсть земли. Эта земля избавляетъ его отъ несчастія, спасаетъ

1) „Адам“ означаетъ вообще всякаго прародителя; „юр“—голова; „лы“—кости; „юр-лы“—черепныя кости.

отъ тоски по родинѣ. Въ послѣдніе годы нѣкоторые берутъ землю не изъ подполья, а съ могилы усопшихъ родителей или дѣдовъ. Зыряне забыли теперь совершенно смыслъ и значеніе еще одного обычая, относящагося къ могильной землѣ, а именно: участники похоронъ всѣ обязаны потоптать свѣжую могилку. Дерзкаго нарушителя этого обряда усопшіи наказываютъ смертию.

Зыряне, когда строятъ новый домъ, то стараются построить на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ старый, гдѣ жили дѣды и гдѣ обитаютъ души предковъ. Правда, нѣкоторымъ членамъ полагается переселиться изъ стараго дома, но они могутъ сдѣлать это такъ, чтобы „дѣдовское мѣсто“, т.-е. гдѣ жили и имѣли дѣды домъ, не оставалось ненаселеннымъ частью ихъ же семьи. Нарушеніе этихъ обязанностей влечетъ за собой несчастье, а въ лучшемъ случаѣ предки-покровители лишаютъ дерзкихъ счастья прежняго дома, т.-е. своего покровительства.

Часто души усопшихъ, надолго оставивши гроба, живутъ вдали отъ дома. Нѣкоторыя изъ нихъ живутъ на поляхъ, въ лѣсу, на деревьяхъ. По лѣсамъ усопшіи сопровождаютъ родственника-охотника. Въ полѣ онъ наблюдаетъ, какъ зрѣетъ хлѣбъ. Въ Ильинъ день одинъ изъ живущихъ членовъ семьи мужескаго пола обходить поля, смотреть, какъ зрѣетъ хлѣбъ. Просить усопшихъ о хорошемъ урожаѣ, срываетъ нѣсколько колосьевъ, приходитъ домой и кладетъ ихъ къ образамъ. Тогда женщина-хозяйка разламываетъ горячій пирогъ, просить усопшихъ угощаться „вошьяны“, и тоже молить ихъ о хорошемъ урожаѣ.

У зырянъ былъ обычай: класть послѣ окончанія жатвы ¹⁾ на межу („бор“), которая раздѣляетъ два поля, особое кушанье: „чомор“. „Чомор“ готовится изъ масла и ячменной муки. Теперь зыряне ѣдятъ „чомор“ дома, поминая усопшихъ, а прежде это дѣлалось на пашнѣ. Въ другое время „чомор“ не полагается ѣсть. Изрѣдка готовятъ его только на 14-е ноября, когда происходятъ поминки по усопшимъ; тоже на свадьбахъ родственники жениха дарятъ „чомор“ родственникамъ невѣсты.

Земля, по вѣрованію зырянъ, не является постояннымъ мѣстомъ пребыванія усопшихъ. На землѣ они остаются до тѣхъ поръ,

¹⁾ Жатва считается оконченной, если хлѣбъ сжать только съ „дѣдовскихъ“, „коренныхъ“ полей, хотя бы и вовсе не начиналась она на новыхъ пашняхъ.

пока имъ приносятъ дары, пока имъ доставляетъ удовольствіе наблюдать жизнь близкихъ, дорогихъ имъ лицъ. А потомъ усопшіе переселяются на другую планету, гдѣ ихъ жизнь мало отличается отъ земной. Они имѣютъ тамъ такое же тѣло, какое имѣли при жизни, носятъ ту же одежду, въ которой были похоронены, и т. д. Новая планета даже нѣсколько богаче флорой и фауной, чѣмъ земля: всего тамъ больше и все тамъ достигается легче, въ большемъ количествѣ, чѣмъ на землѣ. Зыряне имѣютъ довольно смутное представленіе о пути, по которому имъ придется идти на эту новую планету. Въ этомъ вопросѣ похоронные обряды не даютъ почти никакого освѣщенія. Еще К. Поповъ обратилъ вниманіе на то, что зыряне оставляютъ сани и оглобли послѣ похоронъ на могилѣ. Онъ приписалъ это боязни и отвращенію, какое внушаетъ зырянину покойникъ. Трудно согласиться съ г. Поповымъ, хотя на первый взглядъ онъ и можетъ показаться правымъ. Дѣйствительно, зыряне, напр., жгутъ стружки и щепки, которыя получаютъ отъ дерева при устройствѣ гроба; зырянинъ боится умыться мыломъ, которымъ мыли покойника, причесать себя гребнемъ, которымъ причесали покойника. Дерзкаго человѣка, осмѣлившася посягнуть на эти вещи, усопшій наказываетъ смертью. Все это можетъ свидѣтельствовать о какомъ-то страхѣ къ покойнику. Но въ то же время есть указаніе, что вышеперечисленные предметы, оставшіеся послѣ покойника, неопасны извѣстной категоріи людей. Эти предметы поступаютъ въ собственность того лица, кто мылъ, кто причесалъ покойника, и они пользуются ими безпрепятственно. У пермяковъ умывальщикъ на поминкахъ даже какъ бы изображаетъ собою усопшаго, и всѣ ему оказываютъ почетъ. У зырянъ тоже на поминкахъ умывальщикъ окруженъ вниманіемъ всѣхъ; всѣ стараются ему угодить во всемъ. Если онъ остался сытымъ, довольнымъ, то отсюда заключаютъ, что живые сумѣли угодить покойнику. Такимъ же вниманіемъ пользуются лица, которыя сдѣлали гробъ, рыли могилу и т. д. Ихъ участіе на поминкахъ обязательно, хотя бы на тѣхъ, которыя устраиваются сразу послѣ похоронъ. За невниманіе къ нимъ усопшій жестоко караетъ своихъ родственниковъ. До сихъ поръ зырянки, угощая умывальщика, могильщиковъ, гробовщиковъ, говорятъ: „Локтѣ, локтѣ пыл’ и (имя усопшаго)“ т.-е. „идите, идите мѣсто (имя усопшаго)“. Зыряне опускаютъ

гробъ въ могилу при помощи холста. Въ прежнее время холстъ оставался на могилѣ. Теперь его раздають нищимъ. Назадъ брать холстъ строго воспрещается. Всѣмъ тѣмъ, что получаетъ нищій въ честь усопшаго, покойникъ будетъ пользоваться за гробомъ. Нищій — обязательный участникъ похоронъ. Если его нѣтъ, то приглашаютъ сироту, который и получаетъ холстъ. Часто нищій просить милостыню со словами: „Удѣлите паекъ усопшаго. За это они вамъ воздадутъ сторицей“. У зырянъ былъ обычай класть мѣдную монету въ гробъ. Монета была необходима усопшему, чтобы онъ могъ выкупить землю: „му вештины“. Если покойника не несутъ на рукахъ на кладбище, то его привозятъ туда даже лѣтомъ на саняхъ. Зырянинъ и павшую лошадь тоже увозитъ на саняхъ. Сани онъ при этомъ опрокидываетъ на трупъ лошади. Это явленіе нельзя объяснить отвращеніемъ, какое могла бы вызывать павшая лошадь у зырянина. Зырянинъ никогда не побрезгуетъ снять шкуру съ павшей лошади, а между тѣмъ шкура стоитъ немного дороже, чѣмъ сани. Сани онъ оставляетъ потому, что онѣ понадобятся за гробомъ его лошади. Всѣ вещи, которыя получаютъ умывальщикъ, нищій и др., будутъ принадлежать усопшему за гробомъ. Мыло, гребень, полотенце составляютъ предметы первой необходимости. И намъ понятно, почему зыряне снабжаютъ усопшихъ (символически, черезъ умывальщика и другихъ) этими вещами. Труднѣе рѣшить вопросъ: зачѣмъ сани, оглобли, деньги нужны усопшему.

Значеніе и смыслъ обычая оставлять сани на могилѣ зыряне совсѣмъ забыли. Деньги, они говорятъ, нужны, чтобы выкупить землю. Это намъ еще ничего не говоритъ. У кого и зачѣмъ выкупать землю? Опросы ничего положительнаго не даютъ. Молодежь смотритъ на это, какъ на пережитокъ старины, — религіи „туновъ“¹⁾. Старики отвѣчаютъ: „это велось издавна; прежде люди были умнѣе и знали все это, не то, что мы теперь“. У зырянъ сохранилось только смутное представленіе о переходѣ усопшихъ на другую планету черезъ смоляное озеро. Усопшій переходитъ черезъ озеро по шатающемуся бревну и опирается при этомъ на длинный шестъ или оглоблю. Весьма

1) „Тунъ“ — предсказывающій судьбу, ворожей, чародѣй.

смутное представленіе зыряне имѣютъ и о перевозѣ черезъ смоляное озеро. За перевозъ необходимо платить.

„Лов“—жизнь, душа человѣка—послѣ смерти тѣла не погибаетъ, а продолжаетъ свое существованіе на землѣ, которое длится очень долго, пока душа не улетитъ на другую планету. За гробомъ жизнь усопшаго мало чѣмъ отличается отъ прежней земной жизни. Онъ сохраняетъ всѣ отличительныя черты своего характера, свои симпатіи, вкусы, любовь къ тому или иному роду занятій. И согласенъ съ его вкусами, наклонностями живые предоставляютъ покойнику тѣ радости, какія ему были милы на землѣ: охотника приглашаютъ на охоту, рыболова на рыбную ловлю, просятъ отвѣдать свѣжей ухи—любимое зырянское кушанье; зовутъ въ баню понаричься мягкимъ вѣшникомъ. Онъ является невидимымъ спутникомъ живыхъ, дорогихъ ему лицъ, но далеко безучастнымъ. Онъ помогаетъ имъ въ ихъ дѣлахъ: охраняетъ скотину отъ нападеній хищныхъ звѣрей, загоняетъ дичь въ ловушки, рыбъ въ сѣти. Малѣйшее невниманіе, оказываемое ему, можетъ вызвать его гнѣвъ.

Тогда умершій насылаетъ на нихъ какое-нибудь несчастіе. Правда, онъ предварительно напоминаетъ живымъ объ ихъ обязанностяхъ довольно невинными средствами. Такъ, напр., въ дер. Сѣд-Яковѣ лѣтомъ съ пастбища пропали коровы. Самый тщательный розыскъ не далъ положительнаго результата. Всѣ единогласно рѣшили, что мертвые загнали ихъ въ чащу лѣсовъ. Дальнѣйшіе поиски считали безплодными; думали, что души усопшихъ сдѣлали коровъ невидимыми. Но въ концѣ-концовъ постановили справить поминки по усопшимъ, чѣмъ и восстановили ихъ благорасположеніе.

Усопшіе сохраняютъ, какъ я уже сказалъ, всѣ отличительныя черты своего характера и довольно тонкія. Это можно заключить изъ наблюденій надъ жизнью зыряне, ихъ опросовъ и многочисленныхъ разказовъ. Позволю привести одинъ случай изъ своихъ наблюденій. Одна изъ моихъ родственницъ, справивши поминки по мужѣ на его могилѣ, возвращалась домой. По пути на мостикѣ черезъ ручей она остановилась вымыть сапожки, но при этомъ упала и сильно ушибла руку. Всѣ были увѣрены, что ее нечаянно толкнулъ покойникъ-мужъ. Обдуманнаго поступка ея стороны мужа не допускали: она всегда жила съ нимъ хорошо,

и послѣ его смерти справляла поминки, поэтому рѣшили, что онъ просто ея не замѣтилъ, такъ какъ очень спѣшилъ съ могилы въ прежній домъ посмотрѣть на своихъ сыновей. „Неудивительно“— замѣчали нѣкоторые, — онъ же при жизни всегда отличался быстротой ногъ“.

Злые люди за гробомъ то и дѣлаютъ, что строятъ козни и и думаютъ, какъ бы повредить живымъ. Зыряне ужасно боятся злыхъ покойниковъ. Если умеръ человѣкъ, который не очень хорошо былъ расположенъ къ какому-нибудь зырянину, то послѣдній запираетъ отъ покойника дверь на запоръ. Особенно сильно боятся усопшихъ женщинъ. По вѣрованію зырянъ, мстительный усопшій часто дѣлаетъ нападенія на живыхъ. Спасаетъ зырянину отъ такой опасности только собака, вѣчная его покровительница, а зырянокъ—скатерть и хлѣбъ. Защищаютъ зырянину отъ подобныхъ нападеній и души предковъ, которыя покровительствуютъ ему. Позволю привести одинъ рассказъ, гдѣ говорится, какъ собака защищаетъ своего хозяина. Умеръ врагъ зырянина-охотника. Послѣдній ничего не зналъ о его смерти. Ночью въ лѣсу, гдѣ охотникъ спалъ, его разбудилъ страшный лай его собаки. Она грызлась съ невидимымъ существомъ, и вся была въ крови. Охотникъ посмотрѣлъ черезъ заднія ноги собаки и увидѣлъ своего врага, который съ оскаленными зубами рвался на живого зырянину, въ то время какъ собака его не пускала. Такова легенда. Вообще же зырянинъ не хочетъ бороться съ усопшими. Онъ прилагаетъ всѣ свои усилія, чтобы помириться съ загробнымъ врагомъ, и приноситъ ему дары, устраиваетъ поминки. Все это, какъ онъ вѣритъ, можетъ сдѣлать сердце врага добрымъ. Зырянинъ боится не только однихъ враждебныхъ, злыхъ покойниковъ, но и всѣхъ вообще усопшихъ. У каждаго покойника онъ проситъ прощенія, умоляетъ его не вредить ему, увѣряетъ, что онъ никогда не хотѣлъ ему зла. Если когда онъ и не угодилъ ему, нанесъ вредъ, то это исходило не отъ желанія повредить ему, а отъ одной лишь его глупости и невѣжества. Въ болѣзни, т.-е. когда грозитъ опасность смерти, зыряне проявляютъ удивительную нѣжность къ больнымъ дѣтямъ. Заболѣвшія, заброшенная дѣти пользуются большимъ вниманіемъ. Злые мачехи и тѣ становятся добрыми, сострадательными. Мигъ не разъ приходилось слышать отчаянный вопль женщины, когда

она, ломая руки, произносила: „О, если бы я знала, что онъ умретъ, такъ ли я поступала бы съ нимъ!? Ходила бы за нимъ, не смѣя глубоко дышать!“ Къ умирающему больному приходятъ родственники, сосѣди, просятъ у него прощенія, утѣшаютъ его. Во всемъ этомъ громадную роль играетъ, безусловно, чувство состраданія къ ближнему. Но, на нашъ взглядъ, здѣсь имѣеть мѣсто и чувство страха. Зыряне боятся, какъ бы покойникъ не оставилъ здѣшняго міра съ ожесточеннымъ сердцемъ. Несчастныя матери, потерявшія ребенка, плачутъ и жалуется, что онъ его во снѣ не видятъ. Часто такая мать, потерявшая ребенка, спитъ на полатахъ свѣсивъ руки, а передъ этимъ умоляла усопшаго ребенка придти во снѣ и дотронуться до ея руки. Если ребенокъ не является во снѣ, то заключаютъ, что онъ сердится. Точно такъ же усопшій, котораго при жизни обижали, не является на поминки, мститъ живымъ, наконецъ, враждебно настраиваетъ къ живымъ всѣхъ своихъ родственниковъ. Тогда послѣдніе лишаютъ живыхъ своего покровительства.

Поэтому зырянинъ всѣми силами ищетъ дружбы съ усопшими людьми, равно какъ и съ мертвыми животными. Когда же дружба приобретена, то друзья не только не вредятъ ему, но и покровительствуютъ. Усопшій помогаетъ живому въ охотѣ, рыбной ловлѣ, даетъ хорошій урожай, охраняетъ скотину отъ хищныхъ звѣрей, защищаетъ родныхъ отъ злыхъ людей, смягчаетъ сердца грозныхъ судей, и судьи выносятъ его родственникамъ оправдательный приговоръ. Онъ—духъ-покровитель. Онъ воленъ въ жизни и смерти своихъ родныхъ. Зырянинъ, приглашая усопшаго на охоту, не только доставляетъ ему удовольствіе охоты, но проситъ также, чтобы послѣдній далъ много дичи. Зырянинъ выпускаетъ скотину и проситъ предковъ стеречь ее. Свѣтъ онъ,—и молитъ предковъ дать хорошій урожай. Въ трудныхъ случаяхъ зырянинъ возлагаетъ всю свою надежду на усопшихъ предковъ. Вообще говоря, рѣдкій зырянинъ не придаетъ такого большого значенія усопшимъ. Ослабленіе вѣрованій въ усопшихъ—явленіе почти не существующее.

Уже изъ раньше сказаннаго видно, что усопшіе, по вѣрованію зырянъ, стоятъ на границѣ къ обожествленію ихъ. И дѣйствительно, усопшій скоро сталъ надѣляться такими чертами, какими при жизни обыкновенный человѣкъ не обладаетъ. Отъ

него зависить дать хорошій или плохой урожай; онъ вліяеть на рѣшеніе суда. Одна женщина страшно убивалась за судьбу своего сына, который тогда находился въ рукахъ сильныхъ людей; но въ день суда она была очень спокойна. Оказывается, она видѣла сонъ: являлся ей покойный мужъ, отецъ сына, и общалъ ей свое заступничество. На этотъ разъ сонъ не обманулъ бѣдной старушки. Заступничество усопшихъ иногда принимаетъ, на нашъ взглядъ, своеобразный характеръ. Умершіе отецъ и мать могутъ пригласить къ себѣ изнывающаго въ нуждѣ ребенка, и ребенокъ умираетъ, чтобы освободиться отъ мукъ. Часто усопшій приглашаетъ къ себѣ любимаго ребенка и по другимъ причинамъ. Онъ за гробомъ скучаетъ; никто его тамъ не грѣетъ лаской, и онъ беретъ любимаго ребенка. Нѣкоторыя старухи увѣряютъ, что, по внѣшнимъ признакамъ дѣтей, можно узнать, кого изъ нихъ усопшій возьметъ къ себѣ. Чаще всего усопшіе берутъ самаго младшаго. Вѣрованіе, что усопшіе могутъ брать дѣтей въ загробный міръ, нашло свое отраженіе и въ притчанияхъ. Я привожу одно изъ нихъ, которое пришлось слышать на похоронахъ маленькой дѣвочки. Оно принадлежитъ одной молодой женщинѣ, которая недавно потеряла мужа, затѣмъ ребенка:

Зачѣмъ, зачѣмъ улетѣла,
Добрая, милая дѣвушка,
Дитя середины моего сердца! (Сѣломъ шѳр)
Зачѣмъ ты оставила свѣтлую, радостную землю?
Моего ли зла испугалась!?

Моей ли сквернотой боялась оскверниться!?
Моей ли жесткой руки испугалась!?
Зачѣмъ же улетѣла?

Милое, красивое лицо спрятала?

Теперь сырой землей раздавить твое милое, красивое лицо!

(Ныр вом, т.-е. пось, ротъ).

Услыхала ли ты голосъ своего отца и улетѣла?

Онъ ли соскучился о тебѣ, мой милый мужъ?

Онъ ли боится моего худого нрава,

И хотѣлъ избавить тебя отъ страданій-мученій,

И взять тебя, милое, дорогое дитя?

Когда я такъ плоха, зла,

Лучше бы мнѣ умереть!

А тебѣ жить, расти, дочери отца!

О зачѣмъ, зачѣмъ разбила мое сердце

И оставили меня одну, несчастную, скитаться по землѣ?
Лучше бы мнѣ умереть!

Здѣсь мы видѣли, что родители могутъ вызывать въ загробный міръ несчастныхъ дѣтей, чтобъ избавить ихъ отъ страданій или доставить себѣ утѣшеніе. Обратнo: могутъ ли дѣти вызвать въ загробный міръ своихъ родителей, на это отвѣтить пока мы не можемъ ¹⁾.

Усопшіи не только вызываютъ въ загробный міръ своего несчастнаго ребенка, изнывающаго въ нуждѣ и нищетѣ, но часто и заступаются за своихъ несчастныхъ родныхъ, при чемъ жестоко мстятъ ихъ обидчикамъ. Малѣйшее невниманіе, оказываемое имъ, можетъ вызвать его гнѣвъ. Послѣ знакомыхъ намъ выше упомянутыхъ похоронъ маленькой дѣвочки несчастная мать приглашала своихъ родственниковъ и знакомыхъ пить чай. Многіе отпѣкивались: время было страдное и дорогое для крестьянства. Но стоило женщицѣ сказать, что, обижая ее, несчастную вдову, своимъ невниманіемъ, отказывающіеся обижаютъ и ея покойнаго мужа,—какъ всѣ, точно одинъ человекъ, вопли въ ея домъ и забыли на время про сѣнокосъ. Въ храмовой праздникъ зырянинъ посѣтитъ вдову и дѣтей своего друга или своего родственника. Здѣсь его не будутъ обильно угощать ни пивомъ, ни водкой. Зато онъ самъ доставляетъ усопшему (другу, родственнику) удовольствіе. Большимъ грѣхомъ считается оскорбить память усопшаго. Неодобрительно отозваться о покойникѣ значить совершить великое преступленіе. Кого зырянинъ хочетъ назвать злодѣемъ, онъ про него скажетъ: „Онъ готовъ ругать усопшихъ“.

Усопшіи является духомъ-покровителемъ своего семейства. Его вліяніе на живыхъ громадно. Однако, не всѣ усопшіе имѣютъ одинаковую силу, а только слѣдующія три категоріи усопшихъ: I. Кто много при жизни сдѣлалъ добра, тотъ и изъ загробнаго міра можетъ дѣлать добро на землѣ. Онъ въ тотъ міръ уноситъ свое доброе сердце. II. Кому много приносятъ даровъ, тотъ можетъ сдѣлать много добра. Дары наполняютъ любовью сердце усопшаго. III. Добрая жизнь живыхъ доставляетъ удовольствіе

¹⁾ Рыбы, какъ увидимъ ниже, могутъ вызывать въ загробный міръ своихъ предковъ.

усопшему. Онъ радуется радостью живыхъ. Радость наполняетъ его сердце любовью, и усопшій можетъ сдѣлать много добра.

Много вниманія всѣхъ, кто занимался изученіемъ зырянъ, обращаетъ на себя „орт“. До сихъ поръ „орт“ точно не изученъ. Разные ученые его не одинаково понимаютъ. Я не намѣренъ дать критическаго очерка по вопросу объ „орт“ѣ. Всякій, кто интересуется этимъ вопросомъ, можетъ безъ особаго труда почерпнуть все необходимое изъ первыхъ источниковъ, литература которыхъ, несмотря на вызванный ортомъ интересъ, все-таки очень бѣдна ¹⁾. Я приведу весь матеріалъ, который собралъ въ послѣднее свое пребываніе на родинѣ.

У каждаго человѣка, по вѣрованію зырянъ, есть духъ-покровитель, который называется „орт“омъ. Онъ невидимо присутствуетъ около того лица, кому онъ покровительствуетъ. „Орт“ имѣетъ тѣло, которое, однако, трудно видѣть. Нѣкоторые, какъ они сами увѣряютъ, видѣли „орт“а. Одинъ юноша рассказывалъ мнѣ, какъ онъ видѣлъ своего „орт“а во время сна, когда онъ былъ еще мальчикомъ:

„Орт“ пришелъ и дотронулся до его бѣлыхъ волосъ. Онъ проснулся и побѣжалъ за „орт“омъ. „Орт“ былъ весьма похожъ на него: такого же роста, какъ и онъ, съ такими же бѣлыми волосами и сѣрыми глазами, какъ у него. „Орт“ при себѣ имѣлъ много денегъ и хотѣлъ, повидимому, дать ихъ ему. Мальчишка не сумѣлъ поймать „орт“а и потому не могъ получить денегъ. Другой случай такой: одна женщина говорила мнѣ, что она видѣла „орт“а своего дѣда. „Орт“ дѣда представлялъ изъ себя сгорбленнаго старика, имѣлъ большую сѣдую бороду; подробности она не могла его разсмотрѣть. Онъ сидѣлъ точно въ сѣромъ туманѣ. „Орт“ предвѣщаетъ смерть того лица, кому онъ покровительствуетъ. Приходить онъ и работаетъ его работу, играетъ въ его игры. Это онъ такъ открыто дѣлаетъ, что всѣ окружающіе и самъ, кому „орт“ покровительствуетъ, все это слышать и часто вѣкторые его видятъ. По вѣрованіямъ нѣкоторыхъ, душа усопшаго переселается въ „орт“а. Усопшій и „орт“ тогда составляютъ одно

¹⁾ Свѣдѣнія объ ортѣ имѣются въ зырянскихъ словаряхъ г. Лыткина и его предшественниковъ; у К. Попова: „Зыряне и зырянскій край“; у барона Штапельберга, Р. Р. „Ирано-финско-лексикальныя отношенія“.

существо. „Орт“ является двойникомъ человѣка. Душа этого двойника иногда переселяется въ птицу.

Смерть тогда предвѣщается такъ: птица стремительно влетаетъ въ комнату, ударяется головой объ стѣну и умираетъ. Скоро за своимъ двойникомъ-птицей умираетъ и человѣкъ. Двойникъ есть и у животныхъ. Двойникъ животнаго также въ видѣ птицы влетаетъ въ комнату, бьется головой объ стѣну и умираетъ. Зыряне внимательно разсматриваютъ эту птицу. По ея внѣшнимъ признакамъ они судятъ, кто долженъ умереть за птицей: человѣкъ или животное и кто именно изъ нихъ.

Нѣкоторые допускаютъ, что усопшій за гробомъ сохраняетъ всѣ физическія особенности своего организма, даже уродство. Одинъ старикъ не рѣшался поминать въ лѣсу умершаго сына, который при жизни съ дѣтства страдалъ параличомъ. Дѣлалъ это старикъ потому, что думалъ, что сыну съ его слабыми ногами трудно будетъ пройти большое разстояніе отъ могилы до лѣса, т.-е. мѣста поминокъ. Зырянинъ меньше всего боится такого умершаго врага, который при жизни страдалъ физическимъ недостаткомъ или отличался слабосиліемъ: такой усопшій не можетъ сдѣлать, по его мнѣнію, большого вреда.

У зырянъ былъ обычай класть остриженные ногти въ гробъ. Этотъ обычай теперь оставленъ зырянами, но нѣкоторое его видоизмѣненіе до сихъ поръ существуетъ. Многие изъ зырянъ пропускаютъ свои остриженные ногти черезъ рубашку: „пищег“ (буквально: „черезъ пазуху“). Ногти, проходя черезъ рубашку, по мнѣнію зырянина, какъ бы снова рождаются и за гробомъ будутъ составлять неотъемлемную часть тѣла. Многие не позволяютъ стричь себѣ волосы и бороду. Керчемскіе зыряне (они старообрядцы) проглатываютъ съ хлѣбомъ случайно выпавшій волосъ.

Ослаблять свой организмъ, „мучить тѣло“ париться въ горячей банѣ ¹⁾, „жечь тѣло“—все это составляетъ великій грѣхъ. Довольно часто можно услышать изъ устъ стараго зырянина, свято чтущаго старыя завѣты, что „тѣло понадобится и въ загробномъ мірѣ“. Обычай класть ногти въ гробъ не всѣ зыряне

¹⁾ Зыряне обыкновенно должны париться въ теплой банѣ, не горячей, но и то должны въ молитвахъ послѣ этого просить прощенія; особенно же это требуется послѣ бани горячей.

объясняютъ одинаково. Нѣкоторые говорятъ, что усопшему придется взбираться по крутой желѣзной горѣ; здѣсь ему ногти окажутъ большую услугу. Другіе думаютъ, что въ природѣ все цѣлесообразно: если здѣсь длинные волосы и ногти не нужны, то они обязательно понадобятся за гробомъ. Однако, никто изъ зырянъ не могъ объяснить, куда и зачѣмъ нужно взбираться по желѣзной горкѣ, зачѣмъ длинные ногти и волосы понадобятся въ загробномъ мірѣ. Нѣкоторые говорятъ, что „Енъ“, творецъ вселенной, требуетъ отъ человѣка, чтобы послѣдній являлся къ нему со всѣмъ тѣмъ тѣломъ, какое у него было на землѣ. Если человѣкъ потерялъ часть волосъ и ногтей, то за это „Енъ“ его накажетъ. Боязнь потерять ногти и волосы можетъ исходить и изъ другого источника. Зыряне вѣрятъ, что если „щикедны“ (т.-е. повредить) остриженные волосы или ногти, или другую какую-нибудь часть тѣла, то весь организмъ человѣка заболѣваетъ. Повредить могутъ особые люди, которые называются по зырянски „щикедысь“ или еще „верысь“, а также и птицы. Это вѣрованіе довольно распространено. Даже тѣ зыряне, которые смотрятъ свысока на всѣ эти вѣрованія, сами жгутъ свои остриженные волосы и ногти. Они боятся, какъ бы птица не утащила выпавшій или остриженный волосъ и какъ бы они сами не заболѣли.

Какое представленіе зыряне имѣютъ о формѣ и составѣ души, трудно сказать. Какъ уже мы видѣли, по вѣрованію однихъ, душа за гробомъ, пока она еще находится на землѣ (т.-е. не на новой планетѣ), облекается въ плоть. Но другіе такъ смѣло и рѣшительно этого не утверждаютъ. Всѣ зыряне признаютъ, что душа на другой планетѣ имѣетъ такое же тѣло, какое имѣлъ усопшій при жизни. По вѣрованію зырянъ, душа представляетъ что-то раздѣльное отъ тѣла. Она нуждается въ пищѣ и жилищѣ: безъ пищи и крова она чувствуетъ холодъ и голодъ. Душа питается „ру“, т.-е. паромъ кушанья, а не самимъ кушаньемъ. Поэтому зырянинъ, большую часть, приглашаетъ души усопшихъ отвѣдать горячія или холодныя кушанья, которыя даютъ паръ ¹⁾. Зырянинъ никогда не позволяетъ приглашать

¹⁾ Здѣсь мы какъ бы наталкиваемся на противорѣчіе, которое оказывается мнимымъ: «ру» т.-е. паръ, по вѣрованію зырянъ, даютъ и такія кушанья, которыя не даютъ замѣтнаго пара на наше зрѣніе и обоняніе.

„вош'ины“ (т.-е. прийти покушать) усопшаго къ тѣмъ блюдамъ, которыя ему не были милы на землѣ, а въ постные дни не предложить скоромныхъ кушаній. Итакъ, зыряне вѣрятъ, что души усопшихъ принимаютъ реальную часть пищи.

За гробомъ душу ждетъ возмездіе, которое значительно зависитъ отъ совершенныхъ на землѣ поминокъ. Поминки устраиваются въ интересахъ какъ живыхъ, такъ и усопшихъ. Живые стараются умиловать сердце усопшаго, особенно врага. Они боятся своимъ невниманіемъ вызвать гнѣвъ усопшаго. Обиженный усопшій насылаетъ на живыхъ несчастія, иногда уходитъ преждевременно на другую планету и тѣмъ лишаетъ живыхъ своего покровительства. Поминки избавляютъ усопшаго отъ голода, холода, даютъ ему бодрость, дѣлаютъ его сердце добрымъ, сострадательнымъ. Тогда онъ, довольный и радостный, разгуливаетъ по полямъ, лѣсамъ, помогая живымъ, радуясь ихъ радостью. Злого человѣка поминки избавляютъ отъ наказаній, какія онъ испытываетъ за гробомъ. Обыкновенно злой человѣкъ вынужденъ блуждать по болотамъ. Его туда загоняютъ другіе усопшіе. Злой человѣкъ и за гробомъ строитъ козни, старается вредить живымъ. Добрые усопшіе заступаются за живыхъ: окружаютъ мстительнаго усопшаго, отрѣзываютъ ему путь къ его жертвѣ и, наконецъ, окончательно загоняютъ его въ болото. Приношеніями, дарами можно умиловать сердце этого человѣка. Тогда онъ дѣлается добрымъ, и его принимаютъ къ себѣ добрые усопшіе. Усопшіе наказываютъ другого усопшаго, если послѣдній обижалъ беззащитныхъ родственниковъ этихъ усопшихъ. Его загоняютъ въ чащу лѣсовъ. Самымъ тяжкимъ преступленіемъ считается украсть „мушудъ“, т.-е. счастье земли. Для этого воръ беретъ горсть земли съ чужой пашни и говоритъ: „Доброе счастье, послѣдуйте ¹⁾ за мной, теперь давайте мнѣ хорошей урожай!“

Такого преступника совѣмъ не принимаютъ въ загробный міръ; онъ является къ живымъ, плачетъ и рассказываетъ о своемъ великомъ грѣхѣ.

Какъ усопшій человѣкъ, такъ и умершее животное изъ загроб-

¹⁾ Я привожу подлинный переводъ: подлежащее—въ единств. числѣ, сказуемое—во множественномъ.

наго міра можетъ отомстить живому человѣку за всѣ обиды, мученія, какія ему нанесъ послѣдній. За гробомъ и умершій зырянинъ не избавленъ отъ мести умершаго животнаго, котораго онъ обижалъ. Это вѣрованіе создало особыя правила, какъ нужно обращаться съ животными, какъ искуплять предъ ними свою вину. Я мелькомъ здѣсь коснусь этого вопроса (подробно ниже). Если зырянинъ ударить прутикомъ корову, то онъ не долженъ ѣсть молоко въ теченіе трехъ лѣтъ. Если онъ не отбудетъ этого наказанія, то корова ему оплатитъ за гробомъ, но какъ? На это уже зырянинъ не можетъ отвѣтить. Онъ не имѣетъ права убить лошадь, какъ она ни дряхла. За нарушеніе этого правила лошадь проклинаетъ своего хозяина, и другія лошади больше не будутъ служить зырянину „вѣрой, правдой“. Онъ будутъ часто болѣть, страдать тѣми или иными пороками; скоро будутъ умирать, чѣмъ и будутъ толкать зырянина на путь нищеты. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока зырянинъ не получитъ прощенія. Самымъ ужаснымъ преступленіемъ по отношенію къ животнымъ считается украсть кормъ у лошади изъ-подъ носа. За такое ужасное преступленіе воръ будетъ вѣчно барахтаться въ смоляномъ озерѣ. Онъ попадаетъ туда слѣдующимъ образомъ. Воръ переправляется на другую планету, какъ указано раньше, черезъ смоляное озеро по шатающемуся бревну. Лошадь, которая пасется на лугахъ подбѣгаетъ, ржетъ и говоритъ: „Переходи, если ты не крадъ корму изъ-подъ моего носа“. Воръ падаетъ прямо въ озеро.

Что касается блаженства усопшихъ, то оно, по вѣрованіямъ зырянъ, ограничивается чувствами добраго сердца, творящаго добро на землѣ. А потому всѣ вышеуказанныя три категоріи усопшихъ, творящихъ добро, испытываютъ за гробомъ и состояніе, близкому къ блаженству.

Человѣкъ, по вѣрованію зырянъ, не занимаетъ исключительнаго положенія въ природѣ. Не онъ одинъ имѣетъ „лов“, жизнь, душу, ее имѣютъ животныя и растенія. Животныя и за гробомъ продолжаютъ свое существованіе. Правда, въ настоящее время не сознается зырянами, что растенія тоже способны продолжать свою жизнь за гробомъ; но возможно, что нѣкогда эти вѣрованія были болѣе сознательны. Но и сейчасъ на сохнувшее дерево смотреть, какъ на умирающее, на живущее, какъ на имѣющее „лов“, жизнь, душу. Зыряне рѣзкой границы не про-

водятъ между животнымъ и растительнымъ царствомъ. Вся природа дѣлится у зырянъ на живую и мертвую.

Въ царствѣ животномъ виднѣйшее мѣсто для зырянина занимаетъ собака. Она у зырянъ пользуется большимъ почетомъ, какъ покровительница зырянъ. Собака стережетъ зырянина, борется съ лѣсными людьми, злыми духами и т. д. Она одна въ состояніи видѣть злыхъ духовъ. Впрочемъ, зыряне находятъ, что не всѣ собаки способны видѣть ихъ, а только тѣ собаки, у которыхъ сильно выражены надбровныя дуги, по формѣ похожія на вторые глаза. Зыряне такихъ собакъ называютъ „четыреглазыми“. Почитаніе собаки обусловлено многими строгими правилами. Охотникамъ предписывается накормить собаку съ котла „рач“, раньше чѣмъ самого себя. И сейчасъ еще охотники передъ ѣдой первую ложку ячменной каши подносятъ собакѣ, давая ей понюхать. Этимъ зырянинъ выражаетъ, что онъ отдастъ предпочтеніе своей собакѣ и какъ бы раньше ее кормитъ, чѣмъ самого себя. Хозяинъ, убивающій свою собаку, вызываетъ изъ загробнаго міра ея гнѣвъ и мечь. Она оттуда „ібрѣ“ (проклинаетъ) его. Проклятіе собаки на зырянинѣ отзывается такъ: три поколѣнія собакъ отказываются служить злодѣю-хозяину. Бываетъ, что хитрый зырянинъ болѣе и не держитъ собакъ. Но онъ въ данномъ случаѣ не избѣгаетъ мести своей собаки. Она натравитъ хищныхъ звѣрей на скоть этого зырянина. За дурное обращеніе при жизни собака тоже мститъ своему хозяину. Она воетъ и этимъ вызываетъ злыхъ духовъ, которыхъ она проситъ повредить ея хозяину.

Не только собаки, но и другія животныя, оскорбленныя зыряниномъ, могутъ вредить ему. Охотникъ напрягаетъ всѣ свои усилія, чтобы не оскорбить души убитаго имъ звѣря. Онъ предъ убитымъ звѣремъ отвѣчаетъ и за тѣ оскорбленія, какія ему нанесутъ постороннія лица. Поэтому всякаго убитаго звѣря, убитую дичь скрываютъ отъ любопытныхъ взглядовъ и взглядовъ дѣтей. Шкуру съ зайца охотникъ снимаетъ ночью, чтобы не могли чужіе видѣть зайца и оскорбить его. Снятіе шкуры съ бѣлки происходитъ еще болѣе чинно: охотникъ тоже прячется, сначала онъ снимаетъ кожу съ черепа, голый черепъ даетъ понюхать собакѣ; затѣмъ снимаетъ кожу съ остальной части тѣла и снова даетъ бѣлку понюхать собакѣ; потомъ подбрасываетъ бѣлку на

воздухъ, на сажень высоты приближительно, а собака должна ловить бѣлку на лету. Если она удачно поймасть, съ аппетитомъ съѣсть, то это указываетъ, что ловъ въ будущемъ будетъ хорошъ. Рыболовъ боится оскорбить пойманную имъ рыбу. Ее тщательно прячутъ отъ любопытныхъ. Не позволяютъ смотрѣть на нее даже любимымъ дѣтямъ, чтобы тѣ, по своей глупости, не пошевелились надъ рыбой и не оскорбили ее. Хорошій рыбакъ пойманную имъ рыбу сначала нѣсколько оглушаетъ обухомъ топора, а не убиваетъ ее окончательно; потомъ ее кладетъ въ лодку и говоритъ: „Бейся, бейся, плещись! Зови отца, мать, дѣда, бабушку, прадѣда, прабабушку, всѣхъ родственниковъ. Не то на томъ свѣтѣ одна безъ родныхъ скучать будешь: не съ кѣмъ будетъ тебѣ рѣзвиться, играть! Зови всѣхъ!“ Обыкновенно, рыба, по вѣрованіямъ зырянъ, послушно зоветъ всѣхъ своихъ родственниковъ въ загробный міръ, и тѣ охотно идутъ въ сѣти рыбака. Но если рыба оскорблена рыболовомъ, то она говоритъ своимъ родственникамъ отъ сѣтей обидчика.

Звѣрь, дичь, рыба тщательно оберегаются отъ постороннихъ взглядовъ только нѣкоторое время. Затѣмъ съ ними обходятся, какъ съ обыкновенными предметами. Зыряне прячутъ пойманныхъ ими звѣрей, дичь, рыбу отъ взглядовъ любопытныхъ и по другимъ причинамъ. Любопытный можетъ высказать удивленіе по случаю хорошаго лова охотника, рыболова, можетъ „горюды“, т.-е. крикнуть удивленно, а это отражается на послѣдникъ. Охотникъ лишается счастья охоты, искусства мѣтвой стрѣльбы, иногда становится на время полоумнымъ, пока не выльчится. Это вѣрованіе очень распространенное, и, при поверхностномъ наблюденіи, можно заключить, что охотники скрываютъ количество своей добычи по этой одной причинѣ. На самомъ же дѣлѣ крикъ удивленія не всегда такъ скверно отражается на охотникѣ. Бѣлокурый зырянинъ страдаетъ только отъ крика зыряннина-брюнета, и встрѣча съ нимъ приноситъ бѣлокурому зырянину неудачу. Это вѣрованіе зыряне объясняютъ слѣдующимъ образомъ: „Крови у насъ не подходятъ, не дружатся“ (по-зырянски: „Вир оз лосязъ“¹⁾).

1) Не только по пѣту кожи или по крови ветрѣча считается удачной или неудачной, но и по семейнымъ родамъ. Если предки А жили хорошо съ предками В, то ихъ ветрѣчи обомъ приносятъ удачу, и обратно.

Крикъ же удивленія бѣлокураго человѣка не вредитъ бѣлокуру, и ихъ взаимная встрѣча обонимъ приноситъ только удачу. Небольшой смѣхъ мальчика оскорбляетъ звѣря, дичь, рыбу, которые могутъ и отомстить охотнику, но крикъ и смѣхъ бѣлокураго мальчика по поводу удачнаго лова, добычи не отнимаютъ счастья охотника; встрѣча съ такимъ мальчикомъ охотнику приноситъ одну удачу. Особенно сильно вредятъ зырянамъ люди съ чернымъ цвѣтомъ кожи или съ большими, неподвижными стоячими глазами.

Собака является покровительницей зырянъ-мужчинъ, но не женщинъ. Женщины не чтятъ собаки. Онѣ находятъ, что собакѣ не слѣдуетъ давать больше хлѣба, чѣмъ у нея свободнаго отъ шерсти мѣста на носу. Нѣкоторыя основанія этого можно видѣть въ слѣдующей легендѣ, не признаваемой, однако, мужчинами.

Енъ (творецъ вселенной) создалъ перваго человѣка безпомощнымъ ребенкомъ. Омель (братъ Ена, родоначальникъ зла) завидовалъ Ену. Омель всѣми силами старался повредить человѣку, такъ какъ человѣкъ является лучшимъ произведеніемъ Ена. Енъ поставилъ собаку караулить человѣка-ребенка. Омель приходитъ, ласкается къ собакѣ, проситъ, умоляетъ ее позволить ему поласкать человѣка. Собака не подпускаетъ Омеля близко къ человѣку. Омель обвиняетъ Ена въ жестокости, несправедливости: „Ты служишь вѣрой, правдой Ену, а онъ тебѣ не далъ шубы, и будешь ты по зимамъ мерзнуть“. Омель снова ласкается къ собакѣ, проситъ, умоляетъ ее позволить ему поласкать человѣка и общается собакѣ подарить шубу. Собака была создана безъ шерсти. Она за шубу позволяетъ Омелю немного поласкать человѣка. Омель мажетъ человѣка своей слюной. Оттого человѣкъ сталъ слюнявымъ и сопливымъ. Приходитъ Енъ, упрекаетъ собаку въ невѣрности и наказываетъ ее: „Человѣкъ ежедневно будетъ давать тебѣ столько хлѣба за твою вѣрность, сколько чистаго мѣста у тебя на носу“. Есть много вариантовъ этой легенды. Въ общемъ по содержанію всѣ они сходны. Эта легенда не отражаетъ въ себѣ древняго вѣрованія зырянъ. Здѣсь ужѣ сказалось вліяніе на зырянахъ другихъ народовъ. Человѣкъ, по вѣрованіямъ зырянъ, не былъ созданъ Еномъ. Онъ самъ произошелъ отъ соединенія дерева и травы. Какъ бы то ни было, до сихъ поръ мужчины и женщины неодинаково смотрятъ на собаку и неодинаково чтятъ ее.

Женщина стоитъ ближе къ царству растительному, чѣмъ

животному. Ее защищаютъ отъ злыхъ духовъ скатерть (по-зырянски „пызан-дѳра“) и ячменный хлѣбъ („иднянь“). Женщина ищетъ спасенія отъ злыхъ духовъ слѣдующимъ образомъ. Она постилаетъ скатерть на столъ, разрѣзываетъ ячменный хлѣбъ (теперь употребляется и ржаной), сама же садится за столъ. Злые духи не могутъ пройти черезъ скатерть и хлѣбъ. Приведу одинъ разсказъ, относящійся къ такимъ случаямъ. Во время цвѣтенія ржи одна женщина изъ деревни Читъ пошла полоскать бѣлье на рѣку. „Полезница“¹⁾, находившаяся въ водѣ, страшно обидѣлась и закричала: „Какъ ты смѣешь своей грязью поганить воду?“ — при этомъ она бросилась на женщину. Женщина—въ бѣгство. Полезница—за ней. Женщина прибѣгаетъ домой, постилаетъ скатерть на столъ, разрѣзываетъ хлѣбъ и проситъ ихъ (скатерть и хлѣбъ) за себя поговорить съ полезницей. Хлѣбъ спрашиваетъ полезницу: „Кто ты?“ и, не дождавшись отвѣта, начинаетъ перечислять свои страданія: „Меня сжали (рѣзали), сушили, молотили, снова сушили, между двумя жерновами растирали, пекли въ печкѣ. Испытала ли ты такія мученія?! Смѣешь ты еще сердиться на нашу хозяйку!“ Скатерть послѣдовала примѣру хлѣба. Полезница ничего не могла отвѣтить; только она сердито крикнула женщинѣ: „Сужѣла ты жить“—и удалилась. Зыряне признаютъ „лов“—жизнь, душу за ячменемъ, льномъ и другими растеніями (какъ сказано выше). Какъ усопшій, сдѣлавшій при жизни много добра, пріобрѣтаетъ большую силу въ загробномъ мірѣ и можетъ помогать живымъ, такъ хлѣбъ и скатерть за свои добровольныя страданія пріобрѣтаютъ силу гнать злыхъ существъ отъ человѣка и избавлять его отъ многихъ несчастій

Черезъ растеніе, рѣже черезъ животныхъ, зыряне избавляются и отъ разныхъ болѣзней. Происхожденіе нѣкоторыхъ болѣзней, какъ оспы, тифа, зыряне приписываютъ злomu существу: это существо въ видѣ женщины является къ кому-либо изъ зырянъ во снѣ и говоритъ: „готовьтесь, я приду“ („витчисой ме тіанѣ локта“). Испуганный зырянинъ ждетъ, что кто-нибудь изъ его семейства заболѣетъ. Пробывъ въ одномъ домѣ, сколько считаетъ это нужнымъ, духъ переходитъ въ слѣдующій домъ. Какъ только

¹⁾ Особое демоническое существо женскаго пола, живущее во ржи во время ея цвѣтенія, а иногда и въ водѣ.

духъ удалится, больному дѣлается лучше. Иногда передъ отходомъ злой духъ благодаритъ хозяевъ, если они ему угодаютъ, и говорить, куда переселается. Бываетъ, что злой духъ говорить, чѣмъ его можно умилостивить; но это очень рѣдко. Такимъ образомъ, угодить злобному существу составляетъ тайну, которая передается изъ поколѣнія въ поколѣніе. Угождать въ большинствѣ случаевъ надо такъ. Когда въ домѣ есть больной, воспрещается стирать бѣлье, производить стукъ, пьянствовать и пѣть пѣсни, въ домѣ должна быть абсолютная чистота. Если злобному духу не сумѣютъ угодить, то, разсердившись, онъ можетъ попортить лицо. Зыряне не только угождаютъ злымъ духамъ, вызвавшимъ болѣзнь, но стараются предупредить приходъ злобнаго духа. Для этого, какъ уже мы сообщали, вѣшаютъ горностаю надъ дверью, предварительно снявъ съ него шкуру; жгутъ вѣтки и ягоды можжевельника; приносятъ изъ лѣсу палки извѣстныхъ деревьевъ, обыкновенно „сосну“, т.-е. ольху. Больного лѣчатъ зыряне не только тѣмъ, что угождаютъ злымъ духамъ, но часто отъ многихъ болѣзней они стараются избавиться тѣмъ, что хотятъ просто прогнать злого духа, вызвавшего болѣзнь. Характерны приемы, которыми зыряне выгоняютъ злобнаго духа. Они это дѣлаютъ такъ: вокругъ комнаты, гдѣ лежитъ больной, родственники ходятъ съ доской или полѣномъ и бьютъ имъ по стѣнамъ, говоря: „чуръ ки буди бурд“ т.-е. „чуръ ки буди ¹⁾ выздоравливай“, или еще такъ: больного слегка похлопываютъ по спинѣ и говорятъ: „чуръ ки буди бурдъ вісемъ вѣтламъ“, т.-е. „чуръ ки буди выздоравливай, гонимъ болѣзнь“. Болѣе радикальнымъ средствомъ считается не бить по стѣнамъ полѣномъ, а палкой, которая только что привезена для этого спеціально изъ лѣсу. Извѣстныя деревья, какъ „сосну“, т.-е. ольха, болѣе способны гнать злыхъ духовъ, другія—менѣе. Можжевельникъ и его ягоды прогнать могутъ злого духа только тогда, если ихъ жечь. Также хорошимъ приемомъ, излѣчивающимъ болѣзнь, считаютъ слѣдующій: просить кого-либо изъ знакомыхъ, прошедшихъ большое разстояніе, а то и странника войти къ больному и, не говоря ни слова, подуть

¹⁾ Чуръ ки буди, непереводаемое устарѣлое слово, непонятное самимъ зырянамъ. Возможно, что слово „чуръ“ имѣетъ то же значеніе, что и съ русскою языкомъ. напр.: „чуръ мое!“—„Ки“ по зырянски значить „руки“.

на него. Или еще такъ: кто-либо изъ родственниковъ, увидѣвъ пришедшаго издалека человѣка, идетъ къ нему навстрѣчу и подаетъ ковшъ воды, странникъ беретъ воды въ ротъ и идетъ къ больному, затѣмъ брызгаетъ на него изо рта струю воды. Все это совершается въ глубокомъ молчаніи или же говорятъ обычное: „чуръ ки буди бурд“. Дуновеніе странника и обрызганіе имъ водой больного приносятъ пользу послѣднему, какъ говорятъ зыряне. Это явленіе они объясняютъ такъ. Человѣкъ, который проходитъ мимо многихъ деревьевъ и ручьевъ, очищается. Свойствомъ очищать обладаютъ и деревья и текучая вода. Очищенный человѣкъ приобретаетъ свойство лѣчить больныхъ, а на языкѣ зырянъ это означаетъ гнать болѣзнь или злыхъ духовъ. Съѣдобные гостинцы, привезенные издалека, приобретаютъ цѣлебныя свойства. Зырянинъ, прежде чѣмъ съѣсть такой гостинецъ, имъ третируетъ губы и говоритъ: „Губы, губы, не надувайте, не обманывайте, не чешитесь напрасно“. Затѣмъ продолжаетъ:

Черезъ сколько деревьевъ прошли,
Черезъ сколько ручьевъ, рѣкъ прошли,
Пусть все худое, гадливое, скверное осталось тамъ.
Дайте же мнѣ доброе счастье и здоровье ¹⁾.

Василій Налимовъ.

¹⁾ Иногда говорятъ: „я долгую жизнь“.

Къ вопросу о методѣ изслѣдованія былинь.

Наука въ своемъ развитіи переживаетъ такіе періоды, когда вновь пересматриваются и отбрасываются положенія, считавшіяся раньше несомнѣнными, когда надъ добытыми отвѣтами вновь ставятся вопросительные знаки. Въ одномъ изъ такихъ періодовъ находится въ настоящее время изслѣдованіе русскихъ былинь. Мифологическая экзегеза рѣшительно устранена; теорія заимствованій не удовлетворяетъ даже самихъ ея провозвѣстниковъ; историческая теорія пока разрѣшила лишь немногіе вопросы, связанные съ изученіемъ былинь, при чемъ многіе изъ этихъ вопросовъ не могутъ считаться рѣшенными съ достаточною основательностью. Итакъ, ни одна теорія пока не выяснила исторію русскаго былевого эпоса, а всѣ вмѣстѣ онѣ породили цѣлый рядъ противорѣчивыхъ толкованій и гипотезъ, часто затемняющихъ для не-специалистовъ многіе вопросы, связанные съ изученіемъ былинь. Возможность нагроможденія цѣлага ряда предположеній, гипотетическихъ толкованій, одного надъ другимъ, указываетъ на то, что эти толкованія производятся недостаточно планомерно и осмотрительно; во многихъ работахъ нѣтъ опредѣленной руководящей идеи, которая должна была бы вести изслѣдователя по разъ намѣченному пути и предостерегать его противъ толкованій, отклоняющихся отъ этого пути.

Въ виду всего вышесказаннаго, имѣетъ значительный интересъ пересмотръ тѣхъ руководящихъ началъ, отъ которыхъ отправляются изслѣдователи русскихъ былинь. Эти руководящія начала опредѣляютъ собою и методы работъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ вопросъ: какъ искать? всецѣло опредѣляется вопросомъ: чего искать? Преобладавшая до послѣдняго времени въ изученіи русскихъ былинь теорія заимствованій ставила на первый планъ сравнительное изученіе русскаго эпоса, какъ международнаго

достоиня, и, естественно, мало обращала вниманія на тѣ стороны его, въ которыхъ выразилась національная переработка «странствующихъ» сказаній. Исслѣдователи противоположнаго направленія искали въ былинахъ отраженія русской исторіи и быта; для нихъ на первомъ планѣ стояли національные элементы эпоса, его жизнь на русской почвѣ. Къ числу послѣднихъ книгъ второго направленія относится диссертация г. Лободы «Русскія былины о сватовствѣ». Кіевъ, 1904.

Г. Лобода примыкаетъ къ школѣ исслѣдователей, толкующихъ былины съ исторической точки зрѣнія. Опредѣляя со словъ проф. Дашкевича основу и исходный пунктъ былевого эпоса какъ отправленіе первоначальныхъ пѣсенъ отъ того или иного историческаго лица или событія, г. Лобода такъ объясняетъ способъ изученія прикрѣпленій какихъ-либо сказаній къ опредѣленному мѣсту и времени: «Коренная связь сказанія съ создавшей его почвой раскрывается лишь съ обнаруженіемъ первоосновы его, когда мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительными корнями сказанія, а не съ случайными позднѣйшими побѣгами... Въ погонѣ за частнымъ, изученіе котораго необходимо и плодотворно, лишь пока оно не приходитъ (переходитъ?) въ крайность, мы теряемъ свою путеводную нить и теряемся въ лабиринтѣ мелочей, утративъ представленіе о томъ, какое отношеніе имѣютъ эти частности къ общему». Авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ не желаетъ игнорировать и «случайные позднѣйшіе побѣги». Народныя сказанія, по его словамъ, представляютъ «выраженіе извѣстныхъ послѣдовательно наслоившихся настроеній, переживаній; пластъ отъ пласта осторожно отдѣляется, съ указаніемъ на тотъ процессъ въ жизни, который сказался въ каждомъ пластѣ; сравненія направлены къ тому, чтобы лучше отгнать свое, національное, и вся исторія народной поэзіи пріобрѣтаетъ характеръ медленнаго, но безостановочнаго развитія стройнаго, цѣльнаго организма, имѣющаго свою опредѣленную роль въ жизни». «За нѣсколько вѣковъ устной передачи и жизни среди неизмѣнно чередовавшейся смѣны внѣшнихъ и внутреннихъ событій нашей исторіи, въ былинахъ набралось не мало разнообразнѣйшихъ историко-бытовыхъ отраженій». Авторъ считаетъ необходимымъ искать такихъ отраженій, но предостерегаетъ отъ слишкомъ спѣшныхъ заключеній: «Не всѣ былинныя отраженія русской природы, быта, историческихъ лицъ

и событіи имѣютъ одинаковое значеніе: нѣкоторыя могутъ только служить указаніемъ на тотъ путь, которымъ шло распространеніе былинъ; основныя же, изначальныя черты этого рода добываются лишь въ связи съ установленіемъ, насколько это возможно, первоначальнаго вида былевыхъ сказаній, т.-е.— тщательной критикой текста былинъ и другихъ подходящихъ матеріаловъ». Исследователь признаетъ методъ работы очень важнымъ, между прочимъ, потому, что онъ можетъ явиться сдерживающимъ началомъ противъ мало-обоснованныхъ соображеній и догадокъ, которыми богаты работы представителей сравнительнаго изученія былинъ. «Обиліе параллелей, говоритъ г. Лобода, не только не гарантируетъ удачнаго разъясненія литературной исторіи сказаній, но подчасъ лишь запутываетъ вопросъ». Эпиграфомъ къ I главѣ своей книги онъ ставитъ слова Кавелина, касающіяся ученія о заимствованіяхъ: «Нѣтъ исторической невозможности, очевидной нелѣпости, черезъ которую храбро не перепрыгивали археологи, только чтобъ вывести нашъ древній обычай за тридевять земель изъ тридесятаго государства, все равно какого: была бы тѣнь сходства, слабѣйшая аналогія». Забывая о томъ, противъ какого рода «археологовъ» возставалъ Кавелинъ, г. Лобода слишкомъ уже прямолинейно ополчается противъ всей школы сравнительнаго изученія былинъ. Правда, авторъ не выдерживаетъ строго своего взгляда: въ началѣ своей книги, напечатанномъ въ 1902 г., онъ болѣе отрицательно относится къ этой школѣ, а въ концѣ, появившемся уже въ 1904 г., видно болѣе положительное отношеніе къ ней. Можно согласиться съ тѣмъ, что изученіе былинъ, какъ общихъ схемъ, эпическихъ формулъ — и только, односторонне; но не видѣть положительныхъ результатовъ даже отъ такого изученія нельзя: такое изученіе представляетъ, если и односторонность, то отнюдь не крайность. «Мы покаместъ видимъ, говоритъ г. Лобода, очень мало результатовъ отъ выдѣленія ихъ и рассмотрѣнія взаимоотношенія ихъ безъ соотвѣтствующаго изученія почвы, которая ихъ воспринимаетъ и видоизмѣняетъ, приравливая ихъ къ новымъ условіямъ... Наконецъ, надо же условиться, продолжаетъ онъ, что собственно насъ интересуютъ: странствованія ли этихъ бродячихъ общихъ формулъ, или народная среда, которая ихъ усваиваетъ. Если первое, то изученіе нар. поэзіи сведется къ констатированію какой-то слѣпой, стпхійной силы, движимый которою, народъ словно безъ

смысла и сознанія повторяетъ то, что слышитъ. Если же выдѣленіе устныхъ и книжныхъ иноземныхъ элементовъ имѣетъ конечною цѣлью выяснитъ культурныя переживанія русскаго народа и раскрыть, какъ слагались его эпическія сказанія, то подборъ параллелей къ былинамъ — лишь то, чѣмъ въ естественнѣйшій является систематика, отрасль науки важная, но не болѣе какъ служебная».

Я не вижу опредѣленной мысли въ словахъ г. Лободы: «культурныя переживанія (?) русскаго народа». Если авторъ разумѣетъ подъ ними стади культурнаго развитія, то какъ же отсюда исключить культурныя, между прочимъ, литературныя вліянія? Изученіе этихъ вліяній необходимо, и его-то преслѣдуетъ школа сравнительнаго изученія литературъ. Повидимому, г. Лобода не усвоилъ себѣ отчетливаго представленія о литературномъ взаимодействіи; иначе, онъ не могъ бы написать слѣдующую фразу: «Хотя бы и всѣ эпическія формулы былинъ про Добрыню оказались общими съ западными или восточными, все-таки еще очень трудно было бы рѣшить, какой герой Добрыня, русскій или занесенный къ намъ извнѣ, ибо рѣшеніе этого вопроса главнѣйшимъ образомъ зависитъ не отъ формы, въ какую вылились сказанія про Добрыню, а отъ происхожденія самого героя и побудительныхъ причинъ къ возникновенію сказаній о немъ и приуроченію къ послѣднимъ различныхъ, своихъ или чужихъ, мотивовъ». «Какой герой Добрыня, русскій или занесенный къ намъ извнѣ» — эти слова показываютъ, что авторъ ищетъ въ былинахъ не поэзіи, а исторіи: онъ отдѣляетъ героя отъ сказаній о немъ и пытается доказать, что Добрыня — русскій. Что имя «Добрыня» — русское, въ этомъ никто никогда не сомнѣвался, и ставить вопросъ объ имени большею частью не представляется никакой надобности. Въ поэзіи важно содержаніе, а не имя. Что же касается «побудительныхъ причинъ къ возникновенію сказаній», то онъ не найдутся потому лишь, что нашлось имя Добрыни въ лѣтописи; онъ лежатъ гораздо глубже. Исслѣдователю рѣшительно не удалось выяснитъ эти «побудительныя причины». Тѣмъ не менѣе интересно, въ чемъ ихъ видитъ самъ исслѣдователь. «Не отрицая вовсе, говоритъ онъ, но лишь ограничивая международное литературное общеніе, въ противовѣсъ ему я стремился больше отгнать литературную эволюцію въ средѣ самыхъ былинъ и взаимодействіе между послѣдними и бытовыми представленіями о бракѣ и брачномъ обрядѣ у рус-

скаго народа». Кромѣ приемовъ эпическаго склада, «въ эпосѣ важны и тѣ патріотическія либо нравственныя идеи, которыя одушевляютъ его и имѣютъ въ немъ иногда первостепенное значеніе. Бродячія сказанія есть въ былинахъ, но все дѣло въ томъ, какъ они примѣнены къ общему содержанию; важны окраска, полученная ими, духовное достоиніе народности, внесенное въ нихъ, и мѣсто, принадлежащее имъ въ общемъ складѣ нашего эпоса... Надо раскрывать внутреннія основанія заимствованій». И здѣсь чувствуется не вполне отчетливый взглядъ на литературное взаимодействіе: почему же нужно опредѣлять лишь внутреннія основанія заимствованій, т.-е. идеи и интересы, руководившіе слагателями? Развѣ внѣшнія условія, поставившія послѣднихъ лицомъ къ лицу съ «бродячими» сказаніями, не играютъ роли? И здѣсь у изслѣдователя замѣтна односторонность, въ которой онъ обвиняетъ школу сравнительнаго изученія. Я указалъ, что въ концѣ работы замѣтно болѣе положительное отношеніе къ этой школѣ. Въ краткой заключительной главѣ, подводя итоги своей работѣ, авторъ говоритъ: «Тѣсная связь былинъ про женитьбу Владимира съ дѣйствительными событіями русской исторіи, не менѣе тѣсная связь всѣхъ вообще разсмотрѣнныхъ былинъ съ русскими свадебными обрядами, представленіями и пережитками старыхъ формъ брака позволяютъ установить, что русскія былины о сватовствѣ — въ основѣ своей историческія какъ въ смыслѣ отправленія первоначальныхъ пѣсенъ отъ того или иного историческаго лица и событія, такъ и въ смыслѣ изображенія бытовой картины, имѣющей связь съ жизнью той среды, въ которой слагается и развивается эпосъ... Не отрицая заимствованія въ видѣ отраженія сюжета въ обработкѣ, должно, однако, считаться съ возможностью усвоенія лишь общихъ приемовъ эпическаго творчества, отдѣльныхъ поэтическихъ образовъ, темъ, наконецъ, — но темъ, какъ бы уже отвлеченныхъ отъ прочно опредѣленнаго содержанія (?). — Тема, заимствованная изъ одного источника, комбинируется съ сходными темами, заимствованными изъ другого источника»; то же происходитъ и съ приемами творчества. На ряду съ заимствованными формами «мы видимъ формы, созданныя на основѣ исконныхъ народныхъ представленій о бракѣ и брачномъ церемональѣ. Былины о сватовствѣ въ весьма значительной степени представляютъ переработку русскихъ свадебныхъ пѣсенъ или отдѣль-

ныхъ ихъ мотивовъ». По мнѣнію автора, это обстоятельство даетъ основаніе и въ другихъ случаяхъ приводить былины въ связь съ бытовыми явленіями. Эта связь много разъ уже указывалась, и работа г. Лободы ничего не прибавитъ новаго къ установившимся взглядамъ. Но никакъ нельзя согласиться съ тѣмъ, что это же обстоятельство «значительно ослабляетъ представление объ эпосѣ, какъ международномъ по своему составу».

Что средне-вѣковой эпосъ былъ эпосомъ международнымъ, т.-е. что эпическія произведенія переходили отъ одного народа къ другому, это прочно установлено въ наукѣ. Конечно, въ нихъ есть и бытовые, мѣстные черты, которыя можно выдѣлать изъ эпическихъ сюжетовъ; конечно, переходъ произведеній совершался въ зависимости отъ историческихъ причинъ, и передѣлка чужого произведенія большею частью обуславливалась мѣстными интересами. Но это — другіе вопросы, пока не окончательно рѣшенные, тѣмъ не менѣе не уничтожающіе основного положенія, установленнаго для русскихъ былинъ акад. Веселовскимъ. Объ условіяхъ и средѣ происхожденія былинъ говоритъ и г. Лобода въ заключеніи. «Первыми создателями нашего былевого эпоса были, скорѣе всего, пѣвцы-дружинники или профессиональные пѣвцы-художники; у нихъ не могли не выработаться свои особые приемы творчества, подобно тому, что имѣло мѣсто на Западѣ, у ихъ западныхъ собратьевъ; и вполнѣ правдоподобно, что эти послѣдніе не остались безъ вліянія на русскихъ пѣвцовъ. Получивъ въ такой средѣ свою обработку, сказаніе о женитьбѣ Владимира должно было получить соответствующій отпечатокъ, откуда, быть можетъ, и нѣкоторая близость его къ западнымъ сказаніямъ. Съ теченіемъ времени кругъ пѣвцовъ постепенно демократизировался и растворялся въ народной массѣ, чѣмъ открывался въ былевою поэзію болѣе широкій доступъ народнаго элемента».

Вотъ — и все, что говоритъ г. Лобода о «средѣ, въ которой слагался и развивался русскій эпосъ». Это краткое замѣчаніе, конечно, не даетъ никакихъ указаній для послѣдующихъ изслѣдователей, которые задались бы цѣлью выяснитъ эволюцію былевого творчества, совершавшуюся подъ вліяніемъ социальныхъ условій. Авторъ обѣщаетъ разсматривать былины въ связи съ «дѣйствительными событіями русской исторіи», «русскими свадебными обрядами», «пережитками старыхъ формъ брака» и «со

средой, въ которой слагается и развивается эпосъ». Но въ дѣйствительности мы не видимъ въ книгѣ ничего подобнаго. Въ самостоятельныхъ частяхъ своей работы (которая, вообще, наполнена изложеніемъ прежнихъ доводовъ и давно указанныхъ фактовъ) г. Лобода ставитъ былины въ связь исключительно со свадебными пѣснями. Такимъ образомъ, осуждая сравнительную школу изслѣдователей, онъ самъ пользуется ея же методомъ: только онъ замѣняетъ широкую область международныхъ эпическихъ вліяній узкой областью русской свадебной лирики.

Книга г. Лободы вызвала подробный разборъ со стороны г. Ник. Трубицына ¹⁾. Работа г. Лободы не удовлетворяетъ критика. Г. Трубицынъ указываетъ на то, что въ диссертациі мало самостоятельной работы, такъ какъ она наполнена изложеніемъ ранѣе высказывавшихся мнѣній о былинахъ; кромѣ того, авторъ не исполняетъ своего обѣщанія рассмотреть комплексъ избранныхъ имъ сюжетовъ съ точки зрѣнія бытовыхъ условий, способствовавшихъ обработкѣ той или другой былинной темы. Критикъ не довольствуется высказанными имъ сужденіями о работѣ г. Лободы и самъ предлагаетъ нѣсколько примѣровъ изученія былинъ съ охарактеризованной имъ точки зрѣнія. По мнѣнію г. Трубицына, при изученіи былинъ удобнѣе выбирать извѣстный комплексъ родственныхъ сюжетовъ и обнаруживать эволюцію одной и той же темы въ различныхъ былинахъ; такими темами могутъ быть: невѣрная жена, несчастная любовь, родственныя отношенія, исторія татарщины, Литвы и т. п. Цѣлью изученія отдѣльныхъ темъ должно быть указаніе условий, среди которыхъ появлялись, жили и измѣнялись различные сюжеты; при этомъ слѣдуетъ различать: эпическую традицію; вліяніе на эпосъ другихъ видовъ народнаго творчества; интересы среды, воспринимающей поэтической матеріалъ; тѣ измѣненія, которыя вносятъ въ заимствованный или традиціонный матеріалъ приспособленіе, и наконецъ, историческія событія и бытовые факты, отражающіеся въ былинахъ.

Таковы идеальныя требованія, предъявляемыя къ изслѣдователю былинъ г. Трубицынымъ. Но если мы обратимся къ образцамъ изслѣдованія, представленнымъ критикомъ, то увидимъ, что

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1905 г.

они не могутъ удовлетворить его собственнымъ требованіямъ. Г. Трубицынъ разбираетъ былину объ увозѣ по морю племянницы князя Владимира. По требованію самого критика, должна быть указана эпическая традиція. Въ былинѣ посланными жениха являются «три мурина» — ясное указаніе на то, что она принадлежитъ къ весьма распространенному въ средніе вѣка типу сказаній о корсарахъ-маврахъ. Если бы г. Трубицынъ сравнилъ былину съ такого рода сказаніями, можно было бы согласиться съ тѣмъ, что онъ опредѣлилъ эпическую традицію; но онъ не только этого не сдѣлалъ, но, что важно, не указалъ и того, что это слѣдуетъ сдѣлать.

Далѣе, должно быть опредѣлено вліяніе на эпосъ другихъ видовъ народнаго творчества. Въ этюдѣ г. Трубицына приведенъ цѣлый рядъ свадебныхъ пѣсенъ и причитаній, но каково ихъ отношеніе къ былинѣ, этого авторъ не выясняетъ. Для него, повидимому, стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія самостоятельность и реальность этого рода произведеній, и авторъ совершенно устраняетъ вопросъ о вліяніи эпоса на лирику, между тѣмъ какъ были указаны случаи такого вліянія, напр., происхожденіе заговора изъ одного сказанія о Соломонѣ ¹⁾. Кромѣ того, всегда нужно различать тотъ лирическій матеріалъ, которымъ могъ пользоваться слагатель былины, отъ того, который могъ быть введенъ однимъ изъ позднѣйшихъ сказителей. На это г. Трубицынъ опять-таки не обращаетъ вниманія.

Объ интересахъ и взглядахъ среды, воспринявшей эпическій матеріалъ, г. Трубицынъ въ своемъ разборѣ былины не обмолвился ни однимъ словомъ. Между тѣмъ, и въ этомъ отношеніи разсматриваемая былина даетъ характерныя указанія — на своеволю бояръ и полное подчиненіе имъ князя. Не выяснивши эпической традиціи, г. Трубицынъ, естественно, не могъ указать и тѣхъ измѣненій, которыя были внесены въ заимствованный матеріалъ вслѣдствіе приспособленія его ко взглядамъ слагателей былины. Не пробовалъ онъ также опредѣлить отразившіяся въ былинѣ черты русскаго быта извѣстной эпохи.

Все сказанное относительно разбора былины объ увозѣ княжеской племянницы, всецѣло примѣнимо и къ разбору былины

¹⁾ Веселовскій, Славянскія сказанія о Соломонѣ и пр., 242—3.

о Соловьѣ Будимировичѣ. И здѣсь г. Трубицынъ даетъ для объясненія былины исключительно пѣсенный матеріалъ; мало того, онъ почти игнорируетъ указанную проф. Халанскимъ старую параллель къ былинѣ — повѣсть о Василии Златовласомъ.

Итакъ, мы видимъ, что ни г. Лобода, ни г. Трубицынъ не могли на конкретномъ матеріалѣ провести свои воззрѣнія на задачи изученія былинь. Какъ же смотрѣть на эти попытки поставить изученіе на новую точку зрѣнія? Можно ли поставить крестъ надъ сравнительнымъ изученіемъ былинь? Должно ли согласиться съ тѣмъ, что изученіе странствованія бродячихъ эпическихъ сюжетовъ не можетъ привести ни къ какимъ прочнымъ научнымъ результатамъ? Наконецъ, достаточно ли сравнить былины съ другими видами русской народной поэзіи, чтобы считать рѣшеннымъ вопросъ о средѣ, сложившей и распространявшей былины?

Чтобы отвѣтить на эти вопросы, надо вспомнить, какими методами изслѣдованія пользовались работники науки, удовлетворительно разрѣшившіе значительное количество вопросовъ, связанныхъ съ изученіемъ былинь.

Акад. Веселовскій примѣнилъ къ русскимъ былинамъ положеніе, воспринятое имъ отъ европейскихъ ученыхъ школы Бенфея, что «народный эпосъ всякаго историческаго народа по необходимости — международный». Значитъ ли это, что изученіе народной поэзіи съ этой точки зрѣнія сводится къ констатированію какой-то слѣпой, стихійной силы, движимый которою, народъ безъ смысла и сознанія повторяетъ то, что слышитъ» (слова г. Лободы)? Отнюдь нѣтъ! По словамъ акад. Веселовскаго ¹⁾, «фактъ вліянія восточныхъ представленій на европейскую мысль... остается все еще вопросомъ, пока не раскрыты точнѣе обстоятельства, при которыхъ совершилось это вліяніе, и не одна только возможность, но и пути перехода». Исходя изъ этой точки зрѣнія, акад. Веселовскій ищетъ въ русскихъ былинахъ отраженія не древне-греческихъ сказаній, но византійскихъ, — не американскихъ, но европейскихъ. Наконецъ, онъ не игнорируетъ и того предположенія, что «позднѣйшія русскія сказанія могли отразить на себѣ слѣды двухъ разновременныхъ вліяній: надъ старой византійской легендой въ нихъ надслоились западные рассказы, юморъ

¹⁾ Славянскія сказанія о Соломонѣ и пр., стр. III.

которыхъ застопили серьезное содержаніе ихъ далекаго отреченнаго подлинника»¹⁾.

В. Θ. Миллеръ, затронувъ въ «Эпиграмахъ въ область русскаго народнаго эпоса» вопросъ объ отношеніи русскихъ былинъ къ персидскому эпосу, почерпнулъ изъ опредѣленныхъ историческихъ фактовъ сношенія южно-русскихъ племенъ съ кочевниками, влияния половецкаго языка на русскій и влияния персидско-арабской культуры на половцевъ.

Вотъ каковъ исходный пунктъ, отъ котораго отправляются представители сравнительно-историческаго метода изученія былинъ. Сравненіе сюжетовъ эпическихъ сказаній покоится на опредѣленныхъ фактахъ исторіи, и указанія сходства между сказаніями сопровождаются объясненіемъ путей, которыми они переходили отъ одного народа къ другому. Мало того, при этомъ выясняются также отношенія двухъ или нѣсколькихъ смежныхъ культуръ, дающія возможность съ увѣренностью сказать, какая изъ этихъ культуръ господствовала и какая подчинялась. При изученіи былинъ съ этихъ точекъ зрѣнія невозможно говорить о странствованіи бродячихъ эпическихъ формулъ; конечно, если бы происходило это случайное странствованіе, то изученіе его было бы безцѣльно, такъ какъ, при такомъ взглядѣ, эпическія формулы какъ бы висятъ въ воздухѣ. Слѣдовательно, можно протестовать лишь противъ такого способа сравненія сказаній, когда не берутся въ расчетъ культурно-историческіе факты и когда забываютъ о выясненіи путей перехода сказаній отъ одного народа къ другому. Такого рода упрекъ можно бы было сдѣлать покойному Стасову и г. Потанину.

Г. Лобода настаиваетъ на изученіи среды, слагавшей и распространявшей былинны. Мы видѣли, что у него изученіе среды свелось въ концѣ концовъ на изученіе лирической поэзіи. Такимъ образомъ, сравненіе русской эпической поэзіи съ иноземной у него замѣнено сравненіемъ ея съ русской народной лирикой. Но въ этомъ отношеніи г. Лобода идетъ по слѣдамъ акад. Веселовскаго, проф. Халанскаго и другихъ исследователей сравнительной школы, никогда не игнорировавшихъ вопроса о соотношеніи между эпосомъ и лирикой.

¹⁾ Тамъ же, стр. VI.

Взаимодѣйствіе между различными видами народной поэзіи въ значительной степени выясняется въ книгѣ Жданова «Русскій былевой эпосъ». По словамъ Жданова, «нужно опредѣлить тотъ отдѣлъ поэтической литературы, подъ вліяніемъ котораго опредѣлился составъ той или другой былины. При такомъ изученіи выяснится живая связь, соединяющая былевой эпосъ съ другими, параллельными ему теченіями (видами?) народнаго творчества; исторія былины не останется уединенной, а войдетъ въ общую картину движенія старо-русской поэзіи» (стр. VII). Литературная исторія былинь невозможна безъ сравненія ихъ со сказками и бытовыми пѣснями, съ одной стороны, и съ произведеніями старо-русской письменности — легендами, притчами, апокрифами, — съ другой.

Кромѣ того, Ждановъ выясняетъ отношеніе между заносными, ходячими сюжетами и родными преданіями. Здѣсь онъ различаетъ случаи «литературнаго замѣщенія» и «бытового приуроченія». Литературнымъ замѣщеніемъ онъ называетъ такого рода явленія, когда въ старое историческое сказаніе или лирическую пѣсню проникаетъ эпическій матеріалъ, осложняющій и измѣняющій историческое воспоминаніе. Бытовое приуроченіе есть явленіе обратное: рассказъ, лишенный историческаго характера, прикрѣпляется къ опредѣленной почвѣ въ томъ случаѣ, если этотъ заходящій матеріалъ «оказывается удобной формой, въ которую влагается мѣстное, своеземное содержаніе» (стр. X). При такомъ взглядѣ задача изученія былинь сводится къ опредѣленію напластованій литературныхъ и историческо-бытовыхъ. «По различію литературныхъ основъ удастся, быть можетъ, распределить наши старины на нѣсколько группъ, установить нѣсколько типовъ былевой пѣсни. Сравненіе же этихъ типовъ можетъ указать на ихъ взаимное отношеніе, на послѣдовательность, съ которой выступали въ нашей эпикѣ былевья пѣсни того или другаго состава» (стр. V—VI). Такимъ образомъ, Ждановъ признаетъ эволюцію былинныхъ сюжетовъ въ отношеніи ихъ литературнаго состава.

На новую почву переходить изученіе былинь въ книгѣ В. Э. Миллера: «Очерки русской народной словесности». Признавая «сравнительный методъ въ высшей степени плодотворнымъ для уясненія той общей сказочной пищи, которою питалось въ теченіе многихъ столѣтій воображеніе и западнаго европейца, и русскаго,

и нашихъ инородцевъ, и жителей азіатскаго востока» (стр. IV), проф. В. Э. Миллеръ скептически относится къ попыткамъ уловить пути распространенія устнаго эпоса, когда мы не имѣемъ письменныхъ литературныхъ источниковъ, и прибѣгаетъ къ другому методу изученія. Онъ обращаетъ главное вниманіе на исторію былинъ, т. е. на опредѣленіе наиболѣе архаической былинной версии путемъ сличенія вариантовъ, и на отраженіе исторіи въ былинахъ въ видѣ какихъ-либо данныхъ быта или историческихъ событій. Въ книгѣ впервые широко поставлены вопросы о средѣ слагателей и распространителей былинъ, о районѣ ихъ бытованія и о дѣленіи ихъ по характеру на два отдѣла: эпосъ городской и эпосъ богатырскій. Дѣленіемъ былинъ на городскія и богатырскія проф. Миллеръ намѣтилъ вопросъ о социальномъ положеніи слагателей былинъ, но въ очеркѣ «Русская былина, ея слагатели и исполнители», специально посвященномъ авторамъ былинъ, онъ обращаетъ вниманіе не столько на социальную среду, выдвигавшую пѣвцовъ, сколько на ихъ профессиональную окраску. Положеніе, что былины слагались и исполнялись скоморохами или вообще профессиональными пѣвцами, еще не рѣшаетъ вопроса о средѣ. Этотъ вопросъ лучше поставленъ и рѣшенъ въ очеркахъ, посвященныхъ нѣкоторымъ отдѣльнымъ былинамъ. Такъ, въ былинахъ о Чурилѣ, о Соловьѣ Будимировичѣ, о Хотѣнѣ Блудовичѣ проф. Миллеръ находитъ отраженіе взглядовъ городского, новгородскаго общества опредѣленной эпохи. Эти взгляды видны, напримѣръ, въ изображеніи князя Владимира въ былинѣ о Чурилѣ. По словамъ проф. Миллера, «это — князь, лишенный всякаго значенія, какъ бы взятый напрокатъ, чтобъ быть свидѣтелемъ богатства и могущества частнаго лица. Въ созданіи такого князя сказывается не южно-русскій взглядъ на князя-дружинника, не суздальско-московскій на князя-вотчинника и деспота, а всего скорѣе новгородское представленіе о княжескомъ достоинствѣ, — о князѣ, который княжить, но не управляетъ» (стр. 191—192). Разбирая былинку о Соловьѣ Будимировичѣ, проф. Миллеръ обращаетъ вниманіе на интересъ слагателей къ торговлѣ, такъ характерный для жителей сѣвернаго стариннаго торговаго города. Въ былинахъ о Чурилѣ и Хотѣнѣ проф. Миллеръ также находитъ «яркія черты городской жизни Великаго Новгорода въ періодѣ, предшествовавшемъ его политическому паденію» (стр. 227). Со-

гласно съ условіями новгородской жизни, въ былинѣ о Хотѣнѣ Часова вдова имѣеть въ своемъ распоряженіи наемное войско; у нея — масса должниковъ. Характеръ былинны «опредѣлялся вкусами слагателя и городской публики, падкой до скандаловъ» (стр. 232). Отраженіе нравственной распущенности, которая развилась въ XV вѣкѣ среди богатаго новгородскаго боярства и купечества, проф. Миллеръ находитъ въ былинахъ о Чурилѣ и гостѣ Терентьищѣ: «Сильно притушено должно было быть понятіе о правѣ и законности у того слагателя былинны, который, описавъ неистовство Чуриловой дружины, съ большимъ интересомъ останавливается на изображеніи пышности, красоты и богатства своего «героя, отмѣчаетъ его «догадливость», когда онъ пошелъ въ погребъ за подарками для князя, и находитъ совершенно естественнымъ и зауряднымъ, что князь, получивъ дары, не даетъ на Чурилу суда, а, напротивъ, заявляетъ, что ему подобаешь жить при княжескомъ дворѣ» (стр. 200).

Эти указанія проф. Миллера на взгляды и интересы слагателей былинъ я считаю очень важными. Изученіе былинъ съ этой точки зрѣнія только начато и уже дало существенные результаты. Только съ этой точки зрѣнія можетъ быть рѣшенъ вопросъ о мѣстѣ и времени происхожденія былинъ. Конечно, изученіе былинъ съ внѣшне-бытовой стороны даетъ важныя данныя для рѣшенія этого вопроса, но окончательно онъ можетъ быть рѣшенъ лишь тогда, когда выяснятся взгляды, интересы и стремленія среды, создавшей былинны.

Въ своихъ «Очеркахъ» проф. Миллеръ, отвергнувъ старое дѣленіе былинъ на былинны о старшихъ и младшихъ богатыряхъ и подраздѣленіе послѣднихъ на былинны кievскія и новгородскія, предложилъ различать былинны по характеру ихъ содержанія и съ этой точки зрѣнія намѣтилъ два крупныя отдѣла: былинны богатырскаго характера и былинны не-воинскаго характера, напоминающія новеллы или фавлю. Такое дѣленіе до нѣкоторой степени отвѣчаетъ разницѣ между былинами, обуславливающейся мѣстомъ и социальной средой ихъ происхожденія. Но мнѣ представляется болѣе точнымъ дѣленіе, въ основу котораго были бы положены тѣ черты характера былинъ, которыя указываютъ на классовыя взгляды и интересы.

Въ моихъ «Бытовыхъ чертахъ русскихъ былинъ» я подраз-

дѣлилъ былинны воинскаго характера на два отдѣла: въ однихъ героями являются князья, въ другихъ — болше и богатыри, окружающіе бесстрашнаго князя Владимира. Различая эти два отдѣла, я писалъ (стр. 42) слѣдующее: «Главная, бросающаяся въ глаза разница между былинами, повѣстующими о князьяхъ не-кіевскихъ, и былинами Владимірова цикла — въ типахъ этихъ князей: въ первыхъ рисуются герой, своими подвигами затмѣвающіе доблесть дружины, бесстрашные и сильные, непобѣдимые и энергичные...; во вторыхъ князь Владиміръ — типъ скорѣе отрицательный, соединяющій въ себѣ черты деспота и труса, допускающаго невозможныя промахи, ошибки и несправедливости, часто играющаго жалкую роль (иногда повара!) и умѣющаго только пировать. Такая разница не можетъ основываться на хронологіи, такъ какъ и тѣ и другія былины возникли приблизительно въ одну эпоху. Слѣдовательно, причина этой разницы лежитъ въ средѣ слагателей эпоса богатырскаго и княжескаго... Если богатырскій эпосъ возникъ въ кругу княжескихъ дружинъ, то княжескій — долженъ вести свое начало изъ среды ближайшихъ къ князьямъ лицъ».

«Въ княжескихъ былинахъ», какъ замѣчаю я далѣе (стр. 51—52), отношенія между княземъ и дружиной выставляются въ идеальномъ свѣтѣ: они всегда единодушны; ихъ отрешенія обращены къ одному и тому же предпріятію. Зависитъ это, конечно, отъ того, что въ тѣхъ былинахъ дружина остается на второмъ планѣ; княжескому придворному пѣвцу нечего заботиться о настроеніи ея, когда онъ прославляетъ своего патрона, и ея интересы не могутъ возбудить къ себѣ въ немъ сочувствія и расположенія. Другое мы видимъ въ дружинномъ эпосѣ, гдѣ богатыри стоятъ на первомъ планѣ. Здѣсь то и дѣло подчеркиваются дружинные интересы, требующіе неотложнаго удовлетворенія. Здѣсь отношенія дружинниковъ къ князю нѣсколько иныя, и нерѣдко указывается на конфликты между ними».

Въ той же моей работѣ я отмѣчаю отдѣлъ эпоса, сложившійся среди городскихъ кушцовъ и «посадскихъ мужиковъ» (стр. 66—71), а также былины, носящія слѣды своего происхожденія изъ среды людей, близкихъ къ церкви: «яркіе образы каликъ въ былинахъ и роль, которую они играютъ въ жизни героевъ русскаго эпоса, неволью вызываютъ предположеніе, что калики

перехожіе сами участвовавшіе въ сложеніи и распространеніи былинъ серьезнаго содержанія; ихъ идеализація (образы святыхъ), а особенно яркая картина всей организаціи паломничества въ былинѣ о сорока каликахъ со каликою свидѣтельствуютъ о томъ, что, по крайней мѣрѣ, эта послѣдняя былина возникла въ средѣ, которую она описываетъ» (стр. 95).

Въ настоящее время я придаю еще большее значеніе роли людей, близкихъ къ церкви, въ особенности паломниковъ-каликъ, въ дѣлѣ сложенія былинъ. Въ своей статьѣ, посвященной былинѣ о Добрынѣ-змѣборцѣ¹⁾, я пытаюсь доказать, что она возникла именно въ этой средѣ.

Вопросу о средѣ я придаю большое значеніе потому, что выясненіе его необходимо для правильнаго взгляда на идейную сторону нашего эпоса. Для меня несомнѣнно, что онъ отражаетъ классовые взгляды, понятія, симпатіи и антипатіи, безъ опредѣленія которыхъ исторія его будетъ неполной и неясной. Съ точки зрѣнія соціальной психологіи, быть можетъ, удастся разрѣшить такіе вопросы, которые были камнемъ преткновенія для многихъ изслѣдователей. Укажу хотя бы на Жидовина, Идолище Жидовское, противника Ильи Муромца. Если признать, что авторы былинъ объ Ильѣ Муромцѣ стояли близко къ церкви и старались высказать въ нихъ свои вѣроисповѣдныя антипатіи, то въ образѣ Жидовина слѣдуетъ видѣть чистый вымыселъ на почвѣ вѣроисповѣдной, а не національной.

Я думаю, что на первой очереди стоитъ теперь изслѣдованіе идейной стороны былинъ съ точки зрѣнія классовой психологіи.

А. Марковъ.

¹⁾ Этнографич. Обзор., кн. LXX—LXXI, стр. 48—49. (Изъ исторія русскаго былогого эпоса, вып. II, стр. 86—87).

Изъ иностранной литературы ¹⁾).

Къ вопросу о возникновеніи и сложеніи сказки.

Обиліе сырого сказочнаго матеріала дѣлаетъ, съ одной стороны, затруднительнымъ полную разработку вопроса о сказкѣ, съ другой — даетъ въ руки изслѣдователя богатые средства для построенія разнообразныхъ заключеній относительно законовъ ея возникновенія, развитія и продолжающейся ея жизни. Современное изслѣдованіе сказокъ становится частичнымъ, что значительно облегчаетъ подведеніе итоговъ и установленіе общихъ законовъ; осложненіемъ при изслѣдованіи сказки является то обстоятельство, что она сливается съ миеомъ и сагою и, кромѣ того, спускается на ступень анекдота (*conte plaisant*, *Schwank*). Поставленная совершенно отдѣльно, сказка представляетъ собою такое произведеніе творческой фантазіи, которое обусловлено извѣстными психологическими законами и которое облечено въ устойчивыя внѣшнія формы. Къ разсмотрѣнію и выясненію какъ тѣхъ, такъ и другихъ и обращаются современные изслѣдователи сказки.

1) *Wundt W.*: *Völkerpsychologie. Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte. Zweiter Band: Mythos und Religion. Erster Teil.* Leipzig 1905. Страницы 326—362: 3. Erzählende Dichtung.

Friedrich v. der Leyen: *Zur Entstehung des Märchens.* Въ *Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen*, Band 13, 14, 15, 16 (годы 1904, 1905, 1906).

Weber, Ludwig Felix: *Märchen u. Schwank. Eine stilkritische Studie zur Volksdichtung.* Kiel 1904.

Gunkel, Hermann: *Handkommentar zum Alten Testament. Genesis übers. u. erklärt von H. Gunkel. Einleitung.* Göttingen 1901.

Petsch, Robert: *Formelhafte Schlüsse im Volksmärchen.* Berlin. 1900.

Meyer, Richard M. *Kriterien der Aneignung.* Leipzig 1906, Verlag V. Teubner.

Meyer, Richard M. *Mythologische Fragen.* Въ *Archiv für Religionswissenschaft*, Zehnter Band, erstes Heft. 1907. Leipzig.

Что же такое сказка? Яковъ Гриммъ называлъ всякій рассказъ сказкою (Märchen), нерѣдко, вмѣсто этого слова, употреблялъ и другія: Erzählung, Schwank, Sage (рассказъ, шванкъ (анекдотич. рассказ.), saga), въ виду того, что границы между разнообразными повѣствованіями иногда совершенно стираются. Подобное отождествленіе однако не всегда возможно²⁾, такъ какъ и мифъ, и saga, и сказка имѣютъ свои отличительныя черты, свои спеціальныя цѣли. Главная цѣль сказки, какъ единогласно заявляютъ изслѣдователи, развлекать (unterhalten) слушателей (Бенфей, Вундтъ, Гункель), ею и обусловливаются отличительныя качества сказки, о которыхъ придется говорить ниже.

Въ настоящее время въ рукахъ изслѣдователей находятся самыя разнообразныя формы сказокъ, начиная съ несложнаго, краткаго, какъ бы отрывочнаго рассказа некультурныхъ туземцевъ Америки, Австраліи и Африки, кончая европейскими и индійскими сказками, прошедшими не одинъ культурный періодъ и породившими значительное количество разнообразно обработанныхъ вариантовъ. — Сличеніе вариантовъ, расчлененіе сказки, отбрасываніе украшающихъ, случайныхъ или связующихъ подробностей оставляютъ въ концѣ концовъ въ рукахъ изслѣдователя основное ядро сказки — иначе сказать — сказочный мотивъ (сказочная формула Nahn'a). Выдѣленные сказочные мотивы по заключающимся въ нихъ представленіямъ оказываются весьма близкими къ рассказамъ современныхъ некультурныхъ племенъ. Эта близость, подчеркиваемая во многихъ случаяхъ нѣкоторыми сказочными подробностями³⁾, даетъ возможность предположить, что возникновеніе этихъ мотивовъ имѣло мѣсто въ обществѣ людей, стоявшихъ на ступени развитія, подобной той, на которой находятся современные австралійскія, негрскія и сѣв.-американскія туземныя племена; иначе, что сказка въ своей основѣ принадлежитъ примитивному обществу. Она, какъ устанавливаетъ Вундтъ, есть примитивная форма повѣствовательнаго искусства⁴⁾. Какъ таковая, она (сказка) облекала собою тѣ разъясняющіе отвѣты, которые прими-

²⁾ Что и было въ свое время также отмѣчено Гриммомъ.

³⁾ См. „Этн. Об.“ LXVIII—LXIX. Нѣкоторыя замѣчанія о пережиткахъ первобытной культуры въ ... сказкахъ.

⁴⁾ ... primitive Form erzählender Kunst. 339. ... primitive Form der Erzählung... ist... Märchendichtung 328.

тивный человѣкъ (Naturmensch Вундта) пытался давать на постоянно возникавшіе у него вопросы о видимомъ мірѣ, природѣ, ея явленіяхъ, о своемъ происхожденіи, о животныхъ, о той связи, которую онъ инстинктивно чувствовалъ между собою и всѣмъ окружающимъ. Разнообразны были вопросы, разнообразны были и отвѣты примитивнаго человѣка, даваемые при отсутствіи объективнаго наблюденія, подъ вліяніемъ субъективныхъ ощущеній и яркаго представленія всего сущаго съ такими же качествами, потребностями и стремленіями, которыя онъ находилъ у самого себя, — отсюда разнообразны и сказочные мотивы, знаменательны ихъ сочетанія и подробности, какъ отраженія психики примитивнаго человѣка. Руководясь характеромъ примитивныхъ сказокъ (отвѣтовъ), можно приблизительно классифицировать ихъ, что и дѣлаетъ Вундтъ, отмѣчая сказки миеологическія, въ которыхъ дѣйствующими лицами являются свѣтила небесныя, стихіи, явленія природы, надѣленные человѣческими чертами и качествами; басни-сказки (Fabelmärchen), изображающія совместную дѣятельность животныхъ и людей; басни о животныхъ (Tierfabel), касающіяся исключительно животныхъ; сказки біологическія, объясняющія происхождение своеобразныхъ особенностей (внѣшнихъ и внутреннихъ) животныхъ⁵⁾; наконецъ, шуточные сказки и басни. — Классифицированныя такимъ образомъ сказки сплетаются другъ съ другомъ и образуютъ новыя, сложныя: миеологическія басни-сказки, въ которыхъ дѣйствуютъ свѣтила, стихіи, явленія природы совместно съ людьми и животными, соперничая другъ съ другомъ, защищая или губя другъ друга; миеологическо-біологическія, въ которыхъ, между прочимъ, имѣютъ свое мѣсто повѣствованія о происхожденіи разноцвѣтныхъ расъ. Сказки одной категоріи могутъ переходить въ другія, вслѣдствіе преобладанія тѣхъ или другихъ отличительныхъ чертъ.

Кромѣ тѣхъ сказокъ, которыя Вундтъ подвелъ подъ категорію, руководясь ихъ основными мотивами, могли существовать и такія, мотивы которыхъ возникали изъ личныхъ переживаній примитивнаго человѣка: отчетливаго, взволновавшаго сновидѣнія, картины

⁵⁾ ... sein Wesen besteht darin, dass sie sich als die frei erfundene Entstehungsgeschichte der Eigenschaften eines Tieres darstellt 352.

бреда, поразившаго кошмарнаго видѣнія — переживаній, приводимыхъ въ связь съ дѣйствительностью повседневной жизни и не отличаеваемыхъ отъ нея. V. d. Leyen считаетъ возможнымъ то обстоятельство, что пересказанное нѣсколько разъ особенно яркое сновидѣніе одного лица утрачивало характеръ грезы и передавалось уже, какъ событіе дѣйствительности; и это было тѣмъ болѣе возможнымъ, что примитивный человѣкъ одинаково считался какъ со своими снами, такъ и со своею дѣйствительностью ⁶⁾). Все чудовищное, гиперболическое, невозможное, абсурдное могло явиться въ той или другой сказкѣ подъ впечатлѣніемъ испытаннаго кошмара, впечатлѣніемъ, прихотливо разросшимся въ устной передачѣ. Подробное изслѣдованіе сказочныхъ чертъ въ концѣ концовъ будетъ способно выяснитъ и этотъ источникъ возникновенія сказочныхъ мотивовъ, такъ какъ, если сказка и забыла свое происхожденіе, она все же хранитъ въ себѣ слѣды и знаки этого происхожденія ⁷⁾).

Непонятное явленіе смерти и представленія, съ нею связаннаго, убѣжденіе въ невидимомъ, порою и въ видимомъ пребываніи умершаго среди покинутаго имъ человѣческаго общества, гаданія о будущей судьбѣ покойнаго, представленіе о его душѣ, предположенія о мѣстѣ ея нахожденія, зависимость души отъ тѣла, значеніе крови, смутныя представленія о силѣ, стоящей выше человѣка, объ исключительныхъ лицахъ, владѣющихъ частью такой силы, о способахъ ея приобрѣтенія, храненія и проявленія — все это, конечно, являлось матеріаломъ для обсужденія, выясненія, для повѣствованія наконецъ, т.-е. создавало такъ или иначе многіе мотивы сказокъ, разнообразило ихъ подробности. Сказки съ означенными мотивами могутъ частью размѣститься по категориямъ, намѣченнымъ Вундтомъ, но многія изъ нихъ образуютъ своеобразныя, отдѣльныя группы; впоследствии онѣ становятся чистыми волшебными сказками. Таковыми (Zaubermärchen), по замѣчанію Вундта, дѣлаются сказки миеологическія въ дальнѣйшемъ ходѣ своего развитія, когда въ нихъ начинается утрачиваться ихъ первоначальный характеръ, т.-е. когда дѣйствующія

⁶⁾ По словамъ v. d. Leyen'a вѣроятно... dass den Naturvölkern die Erlebnisse des Traumes ebenso wirklich sind wie die des wachen Tages. Bd. 13. 254.

⁷⁾ Das Märchen selbst hat seine Herkunft vergessen, und es trägt deren Merkmale wie fremde und bunte Zutaten L. 269.

въ сказкѣ явленія природы, свѣтила, стихіи продолжаютъ оставаться въ сказкѣ, какъ существа, одаренныя особою силою, но уже не ихъ соотношенія и участь, а измѣнчивыя судьбы человѣка выдвигаются на первый планъ. Въ такой измѣнившейся сказкѣ не изсякаетъ волшебный элементъ, такъ какъ вѣра въ волшебство и его силу не перестаетъ жить, если не въ сознаниі, то въ фантазіи человѣка на различныхъ ступеняхъ его культурнаго развитія, а въ примитивномъ человѣкѣ вѣра эта естественна и преобладаетъ надъ другими представленіями и вѣрованіями. Присутствіе волшебнаго, чудеснаго элемента замѣчается въ сказкѣ и въ послѣдующихъ періодахъ; здѣсь онъ уже поддерживается фантазіей, сознательно комбинируется, вводится и перестаетъ быть, какъ въ примитивномъ повѣствованіи, необходимымъ условіемъ міровоззрѣнія. Сказка некультурнаго человѣка лишена нравственнаго колорита ⁸⁾ («нравственнаго», какъ это понимается въ культурномъ, а тѣмъ болѣе въ христіанскомъ обществѣ); эта ея особенность улавливается и въ сказкахъ, прошедшихъ сквозь различныя эпохи человѣческаго существованія, несмотря на то, что вліяніе новыхъ культурныхъ условій наполнило въ сказкѣ этотъ пробѣлъ ⁹⁾, соединивъ морально-тенденціозныя черты съ мотивами шуточныхъ, біологическихъ басенъ и сказокъ. Элементъ чудеснаго и отсутствіе нравственныхъ тенденцій, до сихъ поръ свойственныя сказкѣ, несмотря на водвореніе въ ней новыхъ воззрѣній, служатъ, по замѣчанію Вундта, лучшимъ доказательствомъ того, что сказка вышла изъ примитивнаго общества, прочно запечатлѣвъ въ себѣ основныя черты его міровоззрѣнія (сліяніе человѣка съ видимымъ міромъ во всѣхъ его проявленіяхъ и подробностяхъ, вѣра въ колдовство, отсутствіе нравственныхъ принциповъ), которыя она удержала при многочисленныхъ своихъ измѣненіяхъ подъ вліяніемъ творческой фантазіи послѣдующихъ эпохъ (особенно переработка классической древности, воздѣйствіе христіанства ¹⁰⁾).

⁸⁾ Wundt: ... Grundeigenschaft des Märchens... die Abwesenheit moralischer Motive.

⁹⁾ Die moralische Wendung der Fabel und des Märchens vollzieht sich freilich allem Anscheine nach überall erst unter dem Einfluss einer höheren Kultur und Sitte. Wundt 362.

¹⁰⁾ Wir haben... bei der Betrachtung der Märchen der antiken Völker...

Уже въ примитивныхъ сказкахъ замѣчается тотъ процессъ, который не прекращается на всемъ протяжении ихъ развитія, — это соединеніе сказочныхъ мотивовъ. Одинъ мотивъ притягиваетъ другой, нѣсколько мотивовъ прочно соединяются; это дѣлалось тѣмъ болѣе легко, что сказочная традиція еще не приобрѣла устойчивости, каждый сказочный мотивъ еще не былъ разработанъ и существовать лишь въ основныхъ чертахъ. Расширенія мотива, снабженіе его подробностями — есть дѣло времени и результатъ многихъ пересказываній. При соединеніи примитивныхъ сказочныхъ мотивовъ нерѣдко бывали случаи сліянія противорѣчивыхъ мотивовъ, что объясняется присутствіемъ въ томъ и другомъ мотивѣ одинаковыхъ, хотя и второстепенныхъ чертъ; подобныя соединенія порождали въ сказкѣ уже на первой ступени ея существованія многія неясности ¹¹⁾.

Соединенная зачастую изъ нѣсколькихъ мотивовъ, мифологическая (*naturmythologische*) сказка при переходѣ своемъ въ сказку волшебную (*Zaubermärchen*) выдвигала человѣка главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Внѣшній и внутренний обликъ народившагося героя (два основные типа) образовывался подъ вліяніемъ того же примитивнаго міровоззрѣнія некультурнаго человѣка, которое и создавало сказку. Основные черты характера героя остались неизмѣнными и въ современной сказкѣ, дополненныя, обработанныя, украшенныя, утонченныя культурнымъ сознаніемъ. Разновидности сказочныхъ героевъ у различныхъ народовъ въ концѣ концовъ сводятся къ двумъ основнымъ типамъ, намѣченными уже примитивною сказкою при ея первомъ и главномъ измѣненіи (изъ мифол. въ волшебн.). Первый типъ — это одинокій, простоватый, не сознающій своей силы, презираемый ближними человѣкъ, который, сознавъ свою силу и воспользовавшись ею, свершаетъ рядъ подвиговъ и, возвысившись надъ другими, достигаетъ всякихъ земныхъ благополучій. Второй — это также въ большинствѣ случаевъ нечѣлимый нигѣмъ мудрый, который не физ-

gefunden, dass viele Märchenmotive aufs engste mit dem Leben und dem Wähnen primitiver Völker zusammenhängen.—Die Odyssee, Eros u. Psyche... v. d. Leyen. B. 115—16—21.

¹¹⁾ Durch diese Vermischung der Motive wird die primitive Märhendichtung... zu einem wirren Gemenge ineinander verschlungener Erzählungen. Wandt 338.

челюкою силою, а силою своего ума (разгадываніе загадокъ, исполненіе необычайныхъ задачъ и т. д.) беретъ верхъ надъ другими людьми и достигаетъ достойнаго себя положенія. — Сильный и умный—вотъ герои сказки; возникновенія такихъ типовъ, по утвержденію Вундта, не нужно искать въ высяхъ забытой небесной мифологіи ¹²⁾; основаніемъ этого возникновенія служить, съ одной стороны, неодолима вѣра въ высшую, таинственную силу, которой нѣкоторые избранные могутъ обладать и которую они способны проявлять; съ другой — мечтаніе, украшающее и преувеличивающее дѣйствительность, присущее вообще природѣ человѣческой; умъ и сила воегда возвышаютъ человѣка надъ другими; естественно, что какъ то, такъ и другое являются предметомъ желанія людей, на какой бы ступени развитія и культурности они ни стояли.

Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ заключеній Вундта и v. d. Leuven'a можно видѣть, что происхожденіе сказки относится ими къ такому періоду существованія человѣка, когда онъ стоялъ на первыхъ ступеняхъ своего развитія, когда природа во всей своей совокупности была близка ему, когда этическихъ идеи едва начинали зарождаться въ его душѣ, когда непонятное являлось ему таинственнымъ и могущественнымъ, когда самъ человѣкъ представлялся человѣческому сознанію въ рѣзкихъ, героическихъ, необычныхъ очертаніяхъ. Начинающееся непосредственно по возникновеніи развитіе сказки характеризуется прежде всего соединеніемъ отдѣльныхъ сказочныхъ мотивовъ и перенесеніемъ главнаго интереса на человѣка и его судьбу.

Какъ было замѣчено выше, сказка иногда очень близко соприкасается съ сагою, которой изслѣдователями дается довольно точное опредѣленіе. Сага — это повѣствованіе, приуроченное къ опредѣленному мѣсту и лицу ¹³⁾; она — начало исторіи; но, такъ какъ она, по заключенію Гункеля, имѣетъ свой корень въ той эпохѣ, когда вымыселъ и дѣйствительность различались слабо и даже не различались ¹⁴⁾, то она естественно должна обладать чертами этого періода, и, дѣйствительно, она нерѣдко передаетъ

¹²⁾ ... Sie brauchen durchaus nicht in den Höhen einer verschollenen Himmelsmythologie gesucht zu werden... Wundt 351.

¹³⁾ Bethe: Mythos, Sage, Märchen. Lpz. 1905.

¹⁴⁾ ... stammt aus Zeiten und Kreisen, die noch nicht die geistige Kraft haben Dichtung und Wirklichkeit deutlich zu unterscheiden... Gunkel XVIII.

такія вещи, которыя намъ кажутся невозможными ¹⁵⁾. Этотъ отличительный признакъ саги (Kennzeichen) ставить ее на одну линію со сказкою и заставляетъ искать и предполагать въ этомъ «невозможномъ» ¹⁶⁾ саги мотивы, опредѣляемые уже какъ сказочные, т.-е. такіе, которые являлись облеченными въ примитивную форму повѣствованія — сказку. Эти поиски и предположенія оправдываются, благодаря заключеніямъ Гункеля о сагѣ, который, равобравъ ея отличительныя черты, отмѣтилъ, что она въ большинствѣ случаевъ имѣетъ характеръ какъ бы отвѣта на заинтересовавшій вопросъ, какъ бы объясненія извѣстнаго факта, состоянія, почему онъ и попыткамъ размѣстить саги по категоріямъ: саги этиологическія (die etwas erklären wollen, G. XI), этнологическія (выясняющія отношенія племенъ, народовъ), этнографическія (объясняющія состоянія народовъ), этимологическія (касающіяся собственныхъ именъ горъ, источниковъ, городовъ) и т. п. Такое подраздѣленіе сближаетъ ихъ со сказками мифологическими и биологическими Вундта (особенно съ послѣдними), въ которыхъ также заключались отвѣты на различные вопросы о природѣ, ея явленіяхъ, о животныхъ, о происхожденіи человека. Въ сагахъ такъ же, какъ и въ сказкахъ, наблюдаются мотивы, которые не подходятъ подъ означенныя категоріи и въ которыхъ замѣчается сосредоточиваніе вниманія, интереса на человѣкѣ, выдвиганіе героя. Мотивы сагъ нерѣдко соединяются, сливаются, каждый отдѣльный мотивъ обыкновенно отличается краткостью и краткостью, что, по мнѣнію Гункеля, свидѣтельствуетъ о его древности ¹⁷⁾.

Наконецъ, въ сагахъ замѣчаются слѣды работы фантазіи ¹⁸⁾. Приведенныя вкратцѣ замѣчанія Гункеля о сагахъ свидѣтельствуютъ о томъ, что онѣ, обладая очень близкимъ сходствомъ со сказками, представляютъ собою иную форму повѣствовательнаго искусства лишь вслѣдствіе иной цѣли, имъ поставленной: если сказка развлекаетъ, то сага поучаетъ ¹⁹⁾. Новая цѣль при-

¹⁵⁾ ... berichtet Dinge, die uns unglaubwürdig sind. G. IV.

¹⁶⁾ ... unglaubwürdige Dinge.

¹⁷⁾ Je knapper eine Sage ist, um so wahrscheinlicher ist es, dass sie in alter Gestalt erhalten ist.

¹⁸⁾ ... Tätigkeit der Phantasie an der Sage.

¹⁹⁾ Die Sage will belehren... Benfey, Gunkel.

даетъ и новый обликъ повѣствованію, которое въ существѣ тождественно съ тѣмъ, цѣль котораго развлекать; отсюда понятно, почему сказка и сага въ иныхъ случаяхъ могутъ сливаться, граница между ними теряетъ свою рельефность, когда цѣли того и другого повѣствованія недостаточно ясно выражены. Сравненіе подробностей саги со сказочными, а также сравненіе и стилистическихъ особенностей той и другой еще болѣе утверждаетъ въ мысли, что какъ сага, такъ и сказка представляютъ собою (по существу) однородное повѣствованіе, коренятся въ одномъ и томъ же періодѣ человѣческой жизни, получили свои характерныя особенности подъ вліяніемъ одного и того же міровоззрѣнія. Цѣль, поставленная сагѣ (поучать), приближаетъ ее къ дѣйствительной жизни, создаетъ ей болѣшую опредѣленность въ очертаніяхъ; какъ бы для болѣшей убѣдительности, вводятся имена мѣстностей и лицъ, но это лишь внѣшнія подробности, не вліяющія на сущность повѣствованія: отпадаютъ онѣ, и сага начинаетъ жить внѣ времени и пространства, въ той самой формѣ, которая присуща сказкѣ, и, наоборотъ, сказка, овладѣвъ какимъ-нибудь лицомъ или фактомъ дѣйствительности, становится сагою, — такъ близки между собою эти двѣ формы повѣствовательнаго искусства, направляемая къ различнымъ цѣлямъ, такъ легка смѣна одной другою ²⁰⁾. Несмотря на свою близость, больше — тождественность по существу, сказка и сага отодвигаются другъ отъ друга на весьма большое разстояніе благодаря тому обстоятельству, что сага, по опредѣленію изслѣдователей, есть начало исторіи ²¹⁾ и принятіе сказкою формы саги предполагаетъ за собою долгій путь ея уже въ культурныхъ условіяхъ и значительную литературную обработку. Что же послужило поводомъ для храненія сказки и содѣйствовало ея процвѣтанію? Вѣроятно всего, это была потребность развлекаться, присущая человѣку, на какой бы ступени развитія онъ ни находился ²²⁾. Устойчивость же сохранившихся доселѣ сказочныхъ мотивовъ (можно сказать съ значительною долею вѣроятности) должна быть приписана тому, что центромъ

²⁰⁾ In Wechselbeziehung stehen Sage und Märchen. *Bethe*, 13.

²¹⁾ Sage ist Anfang der Geschichte — *Bethe*, 13. Die Sage hat eine halbhistorische Beglaubigung. *Weber*.

²²⁾ Das Unterhaltungsbedürfnis ist vielleicht der stärkste Antrieb zur Entstehung und Erhaltung dieser Literatur. *Bethe*, 9.

ихъ сдѣлался человѣкъ, его судьба (см. «волшебная сказка» Вундта), и они (эти мотивы) пытались выразить человѣческія мечтанія, стремленія ²³). Каждая эпоха человѣческаго существованія, находя въ нихъ удобную форму для выраженія своихъ идеаловъ, пользовалась ими.

Цѣлью сказки (развлекать) обусловился и стиль ея, который, съ своей стороны, имѣлъ большое значеніе для устной передачи сказокъ. Къ выясненію его особенностей и перейдемъ.

Сказка стремится произвести впечатлѣніе (сага желаетъ растрогать ²⁴). Чтобы достигнуть этого, она вырабатываетъ извѣстные приемы. Прежде всего вниманіе слушателей не должно утомляться; ему необходимо удерживаться непрестанно и неослабно на предметъ повѣствованія. Отсюда послѣднее не должно быть расплывчатымъ и подробнымъ; нужна суть передаваемого, ея наиболѣе рельефныя черты. Если разсматривать каждый сказочный мотивъ въ отдѣльности, то можно замѣтить въ немъ стремленіе къ соблюденію этого условія; подробностей бываетъ немного, и число ихъ увеличивается лишь при соединеніи мотивовъ. Передача главныхъ чертъ событія и опущеніе подробностей наблюдается въ сказкахъ современныхъ некультурныхъ племенъ; это же явленіе отмѣчаетъ Гункель въ древней сагѣ, прибавляя, что краткость и сжатость изложенія, сосредоточивая нераздѣльно вниманіе на главномъ пунктѣ повѣствованія, производятъ тѣмъ особенно сильное впечатлѣніе ²⁵).

Это условіе краткости и сжатости соблюдается болѣе или менѣе сказкою и на послѣдующихъ ступеняхъ ея развитія ²⁶), несмотря на увеличеніе числа подробностей и соединеніе многихъ сюжетовъ; отсюда — неопредѣленность времени и мѣста дѣйствія; опущеніе связующихъ и мотивирующихъ указаній ²⁷), отсутствіе

²³) ... alle wollen sich freuen am Spiegelbild des Lebens und im Gaukelbilde der Phantasie erfüllt sehen all die unerfüllten Wünsche des Herzens. Bethe, 9.

²⁴) Die Sage will rühren. Gunk. V.

²⁵) Diese Kürze... hat ihre besondere Vorzüge so klein also auch diese Schöpfungen sind, so concentrirt sind sie, und so stark ist ihre Wirkung. Gunk. XXII.

²⁶) Исключаются индійскія и арабскія сказки.

²⁷) ... mit einfachen Übergänge kommt das Märchen aus... Weber 16.

собственныхъ именъ (а если таковыя и даются въ сказкѣ, они заключаютъ въ себѣ характерную черту героя, указываютъ на его главное занятіе: Горыня, Золушка и т. д.), упоминаніе вскользь чертъ внѣшней жизни (описанія пейзажа, жилища, индивидуальной красоты и т. д. блѣдны и односложны), отсутствіе подробныхъ характеристикъ дѣйствующихъ лицъ (они характеризуются дѣйствіемъ, при чемъ подчеркиваются лишь тѣ черты героя, которыя имѣютъ значеніе для дѣйствія и его развитія ²⁶⁾); мысли и настроенія героевъ едва отмѣчаются и выясняются опять-таки ходомъ дѣйствія, соблюденіе условія краткости и сжатости ведетъ за собою изыскиваніе особенно рельефныхъ эпитетовъ, особенно ясныхъ и точныхъ выраженій при передачѣ рѣчей героевъ. Приведенныя особенности сложенія сказки, поддерживая въ нѣкоторой мѣрѣ сжатость ея изложенія, способствуютъ ея стремленію произвести впечатлѣніе, такъ какъ дѣйствительно вниманіе слушателей обращается главнымъ образомъ на развитіе дѣйствія, въ центрѣ котораго сказка помѣщаетъ одно лицо; правда, вокругъ него группируются и другія лица, но ихъ роль заключается въ томъ, чтобы отгнать героя; параллельнаго развитія типовъ сказка не допускаетъ; отсюда — сказки съ мужскими и женскими типами развиваются отдѣльно другъ отъ друга (Wb.). Герой сказки, какъ было замѣчено выше, характеризуется ходомъ дѣйствія, поэтому дѣйствіе располагается такимъ образомъ, чтобы въ своемъ развитіи представить въ то же время ростъ героя. Этому требованію отвѣчаетъ приемъ повышенія: герой совершаетъ извѣстный подвигъ, исполняетъ заданную неисполнимую задачу, употребляетъ хитрость и т. д., и каждое изъ его дѣйствій производится трижды, при чемъ послѣдующій разъ представляетъ больше трудностей; герой испытываетъ удачу не сразу, а постепенно, и каждая степень превосходнѣе предыдущей. Все, что относится къ герою (описанія одежды, коня, его вопросы или отвѣты...), повторяется сказкою по нѣскольку разъ въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, съ намѣреніемъ возобновить впечатлѣніе и подчеркнуть значеніе главнаго дѣйствующаго лица: такъ образуются типич-

²⁶⁾ ... die Charakteristik ist meist völlig der Handlung untergeordnet. Es wird diejenige... Eigenschaft der Personen hervorgehoben, die für den Fortgang der Handlung notwendig ist... *Gunkel XXVII*.

ческія мѣста и сказочныя формулы ²⁹⁾); благодаря ихъ присутствію, въ сказкѣ совершается стилизація содержанія, индивидуальныя черты повѣствованія — отсутствуютъ, а существующія соединяють въ себѣ неопредѣленность съ рельефностью. Дѣйствіе — главное содержаніе сказки — развивается быстро и, доведенное до высшей точки, обрывается, заключается короткой фразой, оставляющей слушателю широкое поле для всякихъ предположеній и мечтаній. Такъ какъ дѣйствіе включаетъ въ себя и развитіе героя, то, съ его прекращеніемъ, послѣдній сходитъ со сцены какъ разъ въ наиболѣе яркій моментъ своей жизни. Такимъ образомъ, важнѣйшая часть сказки (по своему интересу) лежитъ непосредственно передъ заключеніемъ ³⁰⁾; передавъ ее, рассказчикъ по внутреннему чутью не продолжаетъ разсказа, въ виду необходимаго ослабленія вниманія слушателей, наступающаго непосредственно за напряженіемъ интереса. — Дѣйствіе въ сказкѣ оканчивается (герой исчезаетъ) въ большинствѣ случаевъ по выполненіи антитезы, т.-е. смѣны несчастныхъ обстоятельствъ, неудачъ полнымъ благополучіемъ. Собственно говоря, разрѣшеніе антитезъ — главное условіе живого развитія сказки; она и въ подробностяхъ своихъ пользуется противопоставленіями; ими точно такъ же, какъ и гиперболами, она достигаетъ силы впечатлѣнія; ими сказка старается замѣнить субъективныя разсужденія, побочныя замѣчанія, которыя, употребленныя, не усиливаютъ, а, напротивъ, ослабляютъ дѣйствіе разсказа, вызывая разсужденія со стороны слушателей.

Антитеза и гипербола нерѣдко являются средствомъ выразить сужденіе рассказчика. Употребляя ихъ въ приложеніи къ герою и событіямъ сказки, онъ какъ бы изрекаетъ свой приговоръ и производитъ впечатлѣніе на слушателя, не отвлекая его вниманія отъ хода повѣствованія. Кромѣ приведенныхъ, такъ сказать, основныхъ приемовъ сказки (сжатость изложенія, стилизація, типическія мѣста, противоположенія и т. д.), выработавшихся въ цѣляхъ поднятія и возбужденія интереса, существуютъ еще многіе способы, если и менѣе яркіе, то не менѣе значительные для сказки. Рядъ выработанныхъ приемовъ образуетъ опредѣленные

²⁹⁾ *Weber*.

³⁰⁾ ... das unmittelbar vor dem Schlusse stehende ist der vom Erzähler gewollte Höhepunkt. *Guntel XXXII*.

повѣствовательныя схемы, въ которыя и укладываются иногда совершенно разнородные мотивы; послѣднее обстоятельство зачастую служитъ поводомъ къ сближенію этихъ разныхъ между собою сюжетовъ, — такъ внѣшняя форма заслоняетъ внутреннюю. Несмотря на то, что сказка стремится развлекать слушателей, она серьезна, а отсутствіе личной преднамѣренности создаетъ въ ней тонъ, не допускающій сомнѣній, — сказка убѣждаетъ своими опредѣленными чертами, ясно выраженными положеніями героевъ.

Устойчивость внѣшнихъ формъ сказки соединяется въ то же время съ ея гибкостью и способностью приспособляться ³¹⁾. Послѣднія качества особенно рѣзко выступаютъ при сличеніи обработокъ одного и того же сказочнаго мотива у народовъ (племенъ) различныхъ культурныхъ возрѣній; они — эти качества — развились благодаря схематичности сказочныхъ сюжетовъ и стоятъ въ непосредственной связи съ выше-перечисленными особенностями сказочнаго стиля. О значеніи обработокъ сказочныхъ мотивовъ и о ихъ вліяніи другъ на друга подробно говорится у v. d. Leyen'a, при разборѣ индійскихъ сказокъ, но этотъ вопросъ относится къ дальнѣйшей литературной исторіи сказокъ и требуетъ новаго матеріала. Приведенныя въ главныхъ своихъ чертахъ мнѣнія Вундта, v. d. Leyen'a, Гункеля и Вебера о возникновеніи сказки и ея сложеніи только отчасти могутъ дать представленіе о современномъ положеніи вопроса о сказкѣ въ нѣмецкой научной литературѣ, такъ какъ частичныя изслѣдованія этого вопроса очень многочисленны и о нихъ предстоитъ еще говорить.

По мѣрѣ того какъ сказка развивалась внутренне, мѣняя свой характеръ (переходъ мифологической въ волшебную, этіологической въ дидактическую), сливая мотивы или обрабатывая каждый отдѣльно, она становилась все болѣе и болѣе опредѣленной въ своемъ внѣшнемъ видѣ, приобретала характерныя особенности и вырабатывала техническіе приемы, которые значительно способствовали запоминанію сказки, облегчали устную передачу и затѣмъ неизбѣжно употреблялись въ повѣствовательномъ искусствѣ ³²⁾.

³¹⁾ Schmiegsamkeit und Anpassungsfähigkeit—опредѣляетъ Bethe.

³²⁾ Meyer R. стр. 88. Band 10. Gewisse Mittel der Erzählungskunst stellen sich... unvermeidlich bei jedem besseren Erzähler...

Техническіе приемы вырабатывались сказкою такіе, которые должны были способствовать повышенію вниманія слушателей и такимъ образомъ вести къ достиженію главной цѣли сказки (развлекать). Таковыми нужно прежде всего считать: 1) сгущеніе красокъ какого-нибудь факта сказки и усиленіе его значенія (трижды повторяющаяся борьба, многократныя усложняющіяся задачи), 2) противоположенія (добродѣтельная красавица плачетъ цвѣтами, злая безобразная — гадами), 3) заключительные эффекты.

Заключительный эффектъ завершаетъ въ сказкѣ возрастающее напряженіе дѣйствія, имъ оканчивается сказка ³³⁾, эти окончанія сказки отлились въ очень опредѣленныя формулы, которыя и сдѣлались необходимою, неотъемлемою принадлежностью сказки. Заключительныя формулы обладаютъ различными оттѣнками, которые и позволяютъ раздѣлить ихъ на нѣсколько группъ, какъ это дѣлаетъ Petsch. Сказка преимущественно заканчивается торжествомъ, побѣдою, удачею героя, наказаніемъ, гибелью противниковъ, какимъ-либо измѣненіемъ въ судьбѣ второстепенныхъ лицъ. Это — простое заключеніе; иногда оно усложняется краткимъ указаніемъ на будущность дѣйствующихъ лицъ или (въ довольно рѣдкихъ случаяхъ) сжатымъ повтореніемъ рассказаннаго съ добавленіемъ нѣкотораго наставленія. Такія заключенія могутъ назваться внутренними, они неразрывно связаны со сказкою и непосредственно вытекаютъ изъ хода ея дѣйствія, отсутствіе ихъ въ сказкѣ свидѣтельствуетъ о плохомъ пересказѣ, о потерѣ цѣльности сказочнаго содержанія ³⁴⁾. Внутреннія заключенія изображаютъ обыкновенно свадьбу, которая является счастливымъ разрѣшеніемъ всевозможныхъ событій сказки ³⁵⁾; свадьба ставится сказкою въ связь съ безбѣднымъ существованіемъ: «и стали они жить-поживать, да добра наживать... лиха избывать».

³³⁾ Petsch. 6. Die eigene Komposition des Volksmärchens bringt es mit sich, dass der Höhepunkt der Handlung nicht in der Mitte des Märchens liegt, sondern am Ende.

³⁴⁾ Petsch 6. Einen... inneren Abschluss muss jedes Märchen haben, sofern nur gut erzählt und treu aufgezeichnet ist...

³⁵⁾ Вотъ веселымъ паркомъ, да и за свадебку: Иванъ-дуракъ женился на царевнѣ... Аванасьевъ II т. 132... Елену Прекрасную разстрѣлялъ, а на ея слуганкѣ женился... Ае. II. 120. Потомъ Иванъ-царевичъ похажъ съ своей невѣстой въ ея царство и обвѣнчались... Ае. II. 119... царь ваялъ повѣнчалъ его на своей дочери... 131 Ае. II... и поженились нынъ съ Марьей царевной..

Полученіе богатства, на ряду съ бракомъ, выставляется сказкою, какъ достойное завершеніе приключеній героя ³⁶⁾. Если по ходу дѣйствія сказка уже ранѣ воспользовалась фактомъ брака, то въ заключеніи своемъ она изображаетъ счастливое соединеніе всѣхъ членовъ семьи и ихъ совмѣстную жизнь ³⁷⁾. Рѣдко, но встрѣчаются заключенія, указывающія на печальную судьбу героя; такихъ окончаній сказка не любитъ и обыкновенно трагическій конецъ относитъ не къ герою, а къ второстепеннымъ лицамъ сказки, имѣвшимъ отношеніе къ главному лицу ³⁸⁾. Награждая счастьемъ героя, сказка сохраняетъ поэтическую справедливость, которая отъ нея безусловно требуется, въ виду этого она караетъ его противниковъ. Нравственныя воззрѣнія культурной среды не остались безъ вліянія на сказочныя заключенія: вмѣсто наказанія виновныхъ встрѣчается прощеніе ихъ ³⁹⁾. Зачастую заключенія

Романовъ вып. 3. 17. царь... дурака жапнѣ на мѣньшой дѣлѣ Ром. В. 3. 12. Nicht lange nachher gab's eine fröliche Hochzeit in der Mühle... Meyer: V Mär. aus Schwaben 100... alors ils se sont mariés à la mode du pays, au civil et à l'église 14. Gittée-Lemoine, contes du pays wallon... et le jeune homme épousa la princesse... Cosquin II. 133... So machten sie sich alle bereit, mit dem nächsten Morgen die Hochzeit zu halten... 68 Sutermeister... Märchen aus Schweiz. Подобныя же заключенія встрѣчаются и въ сказкахъ Аѳрики. Petsch 8.

³⁶⁾ ... потомъ яны пожалились и богата жили... Аѳ. I. 82... всѣ они обвѣчались на прекрасныхъ царицахъ и стали жить богато... Аѳ. I. 79. Der Vater übergab ihm das ganze Gut, und Hans war glücklich und reich... Märch. aus Tirol. René se trouva le plus riche du village... Cosq. I.

³⁷⁾ Съ того времени жили царевичъ, его жена и купецъ вмѣстѣ долго и счастливо Аѳ. 2. 121. Съ тѣхъ поръ стали они жить вмѣстѣ во всякомъ добрѣ и счастіи... Аѳ. II. 125. Послѣ того царь и царица съ царевичами и царевною жили долго и счастливо... Аѳ. II. 160. ... il s'en retourna chez lui et vécut heureux avec sa femme et ses enfants. Cosq. I. IV. Da küsste der König seine Kinder und ließ auch seine Frau aus dem Hühnerssall holen und zu ihren Kindern führen. Hahn. 69.

³⁸⁾ Иванъ царевичъ велѣлъ Елену Прекрасную привязать къ хвосту богатырскаго коня и размыкать по чистому полю. Аѳ. II. 118. Дубинка бросилась, разъ другой ударила и убила злого короля до смерти. Аѳ. II. 123. Голубки вепорхнули кинулись на мачехиныхъ дочерей и выклевали у нихъ по глазу Аѳ. II. 163. Der Hebamme aber wurde der Kopf abgeschlagen und die Königmutter aus dem Pallaste verbannt... Hahn II. 69. Quand le roi eut appris ce qui s'était passé, il fit brûler le bossu... Cosq. I. 3.

³⁹⁾ Иванъ царевичъ простилъ сестру и взялъ ее къ себѣ... Аѳ. II, 118... Все забыто, говорить красавица, сестры любезныя... а кто старое зло помнить,

сказки вмѣщаютъ въ себѣ всѣ условія, считающіяся счастливыми, при чемъ свадьба ставится на первомъ планѣ (и «пиръ на весь міръ»), отсутствіе этого условія можетъ служить, по мнѣнію Вебера, признакомъ плохо сохранившейся, неоконченной, неполной сказки ⁴⁰). Наиболѣ развитыя сказки даютъ въ своихъ заключительныхъ словахъ набросокъ будущей жизни героя ⁴¹). Для большаго впечатлѣнія сказка заключаетъ длинный рядъ своихъ событій прямою рѣчью — собственными словами героя ⁴²). Такое окончаніе можетъ служить переходомъ къ заключительнымъ формуламъ «внѣшнимъ», по опредѣленію Petsch'a ⁴³), т.-е. такимъ, въ которыхъ рассказчикъ отъ своего лица заявляетъ объ окончаніи сказки, выражаетъ свое мнѣніе, приводитъ свое размышленіе, свой выводъ, выноситъ поучительный приговоръ, иногда даже въ формѣ пословицы. Такія заключенія не могутъ считаться неорганически связанными со сказкою и обязаны своимъ происхожденіемъ остроумію рассказчика, старающагося оживить слушателей шуткой ⁴⁴);

тому глазъ вонъ... Ае. II. 137... der Prinz sagte: die Brüder sollten begnadigt sein und im Reiche bleiben... Lemke Volkstümliches in Ostpreussen III. 157... und ebenso vergiebt der junge König auch seinen Brüdern... Knoop: Volkssagen aus dem öst. Hinterpommern 202.

⁴⁰) Wo ein Märchen nicht auf eine Verheiratung hinausläuft ist es entweder fragmentarisch überliefert oder es ist nicht der Vertreter eines Märchentypus, sondern besteht nur aus einer Märchenformel... 38.

⁴¹) ... da beeilte der Vater für seinen Sohn eine schöne Frau auszusuchen und als er starb da stand eine Schaar von lieblichen Enkeln um ihn her... Hahn II. 114.

⁴²) ... тутъ оба упокойника упали на полъ замертво и солдатъ ушелъ домой: „Слава тебѣ Господи, спасся отъ колдуновъ“. Ае. II. 209... Пришелъ Лутоношка домой и говорятъ: „Здорова матушка, воротился съ тобой жить; сколько ни ходилъ по бѣлу свѣту, а умѣе тебя не нашелъ“ Ае. II. 228... „Eh bien! maman, me voila revenu“. Cosq. II. 149... Nun, dies eine Mal verzeih'ich's euch; aber wenn ihr reich geworden seid, vergesst den Armen nicht. Geh! heim in Frieden... 106. Gaal, Ungarische V. Märchen.

⁴³) P. 6. „äussere Schlüsse“.

⁴⁴) Свадьбу сыграли, долго пировали... на окошкѣ оставилъ я ложку; кто лёгкоъ на ножку, тотъ сбѣгай по ложку! Ае. II. 118. „Вотъ и сказка вся, больше сказывать нельзя“ Ае. II. 122. ... Da kommt die Katz mit der Maus und die Geschichte ist aus... Die Katz läuft nach Haus, mein Märchen ist aus... Grimm I. 82. Drin, dron, moun counte es pas pus louong... Lambert Contesp. du Languedoc 32.

вызвать ихъ на разсужденіе ⁴⁵); на отвѣтный разсказъ ⁴⁶); убѣдить ихъ въ дѣйствительности разсказаннаго ⁴⁷); обратить ихъ вниманіе на себя своей просьбой ⁴⁸); своимъ благопожеланіемъ ⁴⁹); иногда въ заключительной формулѣ звучитъ какъ бы сомнѣніе въ разсказанномъ, признаніе невѣроятности переданнаго ⁵⁰). Однимъ словомъ, заключительныя формулы сказокъ представляютъ собою весьма разнообразныя отгѣнки настроенія какъ разсказчика, такъ и слушателей и являются результатомъ требованій, предъявляемыхъ сказкѣ человѣческими воззрѣніями, воображеніемъ, желаніемъ. Онѣ заключаютъ въ себѣ опредѣленные мотивы (брака, соединенія семьи, возвращенія героя и т. д.), которые свободно соединяють, принимаютъ то шуточный, то нравоучительный тонъ и чутко отражаютъ на себѣ особенности національнаго духа. Внутреннее заключеніе, органически связанное со сказкою имѣетъ больше значенія, нежели внѣшнее, возникшее лишь подъ вліяніемъ или балагурства разсказчика, или его личнаго отношенія къ сказкѣ; первое и должно быть отнесено къ важнѣйшимъ техническимъ приѣмамъ сказки, къ необходимымъ вспомогательнымъ средствамъ повѣствовательнаго искусства. Не менѣе важное значеніе, какъ техническій приѣмъ, имѣють, по указанію Meuser'a, сказочныя схемы, иначе сказать, планы, по которымъ могутъ располагаться разнородныя по внутреннему зна-

⁴⁵) Такъ и выходитъ, что правдою-то жить лучше, чѣмъ кривдою Ае. II. 66. Ein richtiger Spitzbube wird es immer zum Herrn bringen, nicht aber ein Pfuscher... il avait raison de dire „un bienfait n'est jamais perdu“ Petsch 53.

⁴⁶) Damit ist meine Geschichte aus; jetzt erzählt die eurige. Stretta la foglia, larga la via, Dite la vostra, ch'io ho detto la mia, Petsch. 63.

⁴⁷) И я тамъ былъ медъ, пиво пилъ... Я нарочно туда за тысячу верстъ пришла. Ае. I. 84. Я у гостяхъ у ихъ бывъ. Ае. I. 95. Moi, j'étais de faction à la parte de la princesse; je m'y suis ennuyé, et je suis parti Cosq. I. 3. Ich schwang mich in den Sattel dana, damit ich's euch erzählen kann... Krennitz, Rumän. Mar. 96.

⁴⁸) Вотъ вамъ сказка, а мнѣ бубликовъ связка. Ае. I. 107. ... Doch brenn'im Kopfe eine Bohn' dem, der nicht zahlt Erzählerlohn Petsch. 82.

⁴⁹) So erreichte der Geistliche das Ziel seiner Wünsche. Möge es dir ebenso gehen. And they lived very happy ever after, and so may you be happy too. Pet. 81.

⁵⁰) Möchte wohl wissen ob's war ist... Pet. 66. Es ist nicht ganz wahr, es ist aber auch nicht ganz erlogen P. 67. Говорятъ, въ старину все такіе-то удалцы рожались, а намъ отъ нихъ только сказочки остались. Ае. II. 118.

чаію повѣствованія, въ цѣляхъ достиженія извѣстныхъ эффектовъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи сказокъ можно открыть значительное количество такихъ схемъ, изъ которыхъ слѣдующія особенно употребительны въ повѣствовательномъ искусствѣ разныхъ народовъ. Меуег опредѣляетъ ихъ такъ: схема «сверхмѣрнаго», схема «всѣ кромѣ»⁵¹⁾ и схема «похищеніе отличительнаго признака»⁵²⁾; психологическимъ основаніемъ этихъ схемъ служитъ повышение напряженія⁵³⁾; расположеніе повѣствованія по указаннымъ схемамъ обусловливаетъ возбужденіе интереса. Въ «сверхмѣрномъ» сказка помѣщаетъ главный пунктъ завязки, «сверхмѣрное» имѣетъ особое значеніе, отъ него зависитъ ходъ дѣйствія сказки (король приглашаетъ 12 фей на крестины дочери... 13-я—злая—не приглашена: нѣтъ 13-го блюда, отъ нея сказка получаетъ завязку. Герой набираетъ дружину въ четномъ числѣ самъ остается «сверхмѣрнымъ» — на немъ сосредоточивается дѣйствіе, отсюда: тысяча и одна ночь, сто лѣтъ и одинъ день, «лишній», «сверхмѣрный» день (или ночь) имѣютъ особое рѣшающее значеніе⁵⁴⁾). Вторая схема «всѣ кромѣ»... близко примыкаетъ къ первой. Въ томъ, что не стоитъ въ общемъ ряду, заключается главный смыслъ, отъ этого зависитъ направленіе сказочнаго развитія (всѣ члены Ахиллеса: тѣла неуязвимы, кромѣ... пятки... ея пораненіе становится главнымъ центромъ вниманія, къ этому ведется дѣйствіе. Въ сказкѣ Гримма «Семь вороновъ» всѣ братья обращены сестрою изъ птицъ въ людей кромѣ одного, у котораго осталось крыло, вмѣсто руки⁵⁵⁾). «Ай какъ всѣ жеребья какъ топерь да гоголемъ пловать, А Садковъ какъ жеребей да топерь ключомъ на дно... Въ «жеребѣхъ» Садка лежитъ центръ тяжести повѣствованія), къ нему сводится вниманіе и интересъ, оно опредѣляетъ расположеніе послѣдующихъ обстоятельствъ. Указанныя двѣ схемы встрѣчаются въ самыхъ разнообразныхъ варіаціяхъ и проникаютъ собою различные образцы

⁵¹⁾ М. В. 10. 89. Ich bezeichne hier das erste Schema mit dem Schlagwort „der Überschüssige“, das zweite mit der Überschrift „alle ausser“.

⁵²⁾ „Raub des Rangzeichens“.

⁵³⁾ Die psychologische Wurzel der Formel ist leicht zu erraten: es ist die Spannung. М. В. 10. 95.

⁵⁴⁾ Meyer В. 10. 90. 92.

⁵⁵⁾ Meyer В. 10. 94. 96.

повѣствовательнаго искусства, иногда почти совершенно утеривая ясность своихъ очертаній. Третья схема распространена не менѣе первыхъ двухъ; пользуясь ею, сказка становится способною особенно поднимать вниманіе. Исходя изъ примитивныхъ воззрѣній, сказка надѣляетъ своихъ героевъ (даже второстепенныхъ лицъ) признаками, «аттрибутами», имѣющими для нихъ важное значеніе; иногда этотъ признакъ помѣщается въ какой-нибудь части тѣла (сила—въ волосахъ, способность удерживать воду въ разбитомъ сосудѣ—въ чистомъ зорѣ) или въ предметъ, принадлежащемъ лицу (въ кольцѣ, мечѣ, молоткѣ, коровѣ...). Какъ въ первомъ, такъ и въ послѣднемъ случаѣ отличительный признакъ нужно тщательно хранить, скрывать, чтобы не лишиться силы, могущества, помощи... Похищеніе или потеря этого предмета и составляетъ главную двигательную завязку сказки. Эта схема облекаетъ, по замѣчанію Меуег'а, огромное количество сказокъ, мѣтовъ и легендъ какъ у современныхъ некультурныхъ племенъ, такъ и у народовъ, стоящихъ на высокой степени развитія⁶⁶⁾. Указанные техническіе приемы (заключительные эффекты, сказоч-

⁶⁶⁾ Меуегъ приводитъ японскую сказку, которая расположена по третьей схемѣ, по которой расположенъ эпизодъ въ сказкѣ о Ерус. Лаа. о птицахъ-хохотуняхъ, по которой располагаются повѣствованія о Валькирияхъ, похищающихъ свои крылья; содержаніе ея таково: Маленькое озеро Икаго въ Гау Юго въ дистриктѣ Икаго въ странѣ Аэуми расположено на югѣ Гау. Восемь небесныхъ дѣвушекъ, обратившись въ лебедей, слетали съ неба и купались въ южной части озера. Тогда нѣкто Икатоми, находившійся на горѣ на востокъ отъ озера, замѣтилъ издали нѣчто необычное въ этихъ лебедяхъ и, думая про себя, что это вѣроятно должны быть богини, пошелъ туда и увидалъ, что это действительно были богини. Икатоми влюбился въ нихъ и не былъ въ состояніи сдвинуться съ мѣста и уйти. Тайно послалъ онъ свою бѣлую собаку украсть небесное крылатое платье младшей изъ сестеръ и спряталъ его. Небесныя дѣвушки все замѣтили и семь старшихъ улетѣли на небо. Младшая одна могла летать и всѣ небесныя дороги сдѣлались ей навсегда недоступными и она осталась обитательницею земли. Та бухта, гдѣ купались небесныя дѣвушки называется въ настоящее время Конни-ура, т.-е. божественная бухта. Икатоми женился на младшей сестрѣ небесныхъ дѣвушекъ и жилъ здѣсь съ нею. У нихъ были сыновья и дочери, два сына и девъ дочери. Старшій изъ сыновей назывался Омиширу, младшій Нашитоми; старшая изъ дочерей звалась Изерихиме, а слѣдующая Назерихиме. Они были предками Мурази изъ Икаго. Потомъ отыскала мать свое небесное платье, надѣла его и улетѣла на небо. Икатоми лежалъ одиноко на оставленномъ ложѣ и тосковалъ (вздыхалъ не переставая) В. 10. 99, 100.

ныя схемы, помѣщеніе высшей точки напряженія передъ заключеніемъ), вытекающіе изъ психологіи повѣствовательнаго искусства, имѣютъ большое значеніе при сравнительномъ разборѣ сказокъ различныхъ народовъ и эпохъ, при разрѣшеніи вопроса о совпаденіяхъ. Вопросъ о совпаденіяхъ — вопросъ сложный и наводя-выяснить то или другое совпаденіе. Первымъ основаніемъ совпа-установить четыре основанія, изъ которыхъ каждое можетъ отчасти щій на разнородныя рѣшенія. По утверженію R. Meyer'a, можно деній (фактовъ, темъ) онъ считаетъ прародство; вторымъ — тоже-ственность жизненныхъ условій; третьимъ — перенесеніе (заимство-ваніе), четвертымъ — случай ⁵⁷⁾.

О прародствѣ можно говорить лишь тогда, когда дѣло идетъ о развѣтвленіяхъ единичнаго случая; одинаковыя условія жизни, положенія, состоянія естественно вызываютъ во многихъ случаяхъ одинаковыя результаты ⁵⁸⁾. Чтобы положительно утверждать, что то или другое совпаденіе зиждется на возвратившихся одинако-выхъ условіяхъ, необходимо разсматривать сравниваемые случаи въ ихъ исходной причинной точкѣ ⁵⁹⁾, кромѣ того, необходимо указать на совпаденіе предшествующихъ и послѣдующихъ обстоя-тельствъ ⁶⁰⁾.

Перенесеніе извѣстнаго факта или мотива—наиболѣе частое основаніе совпаденій; заимствованное характеризуется главнымъ образомъ тѣмъ, что оно не стоитъ въ такой прочной связи съ рядомъ извѣстныхъ явленій, какъ то, что органически возникло въ связи съ этими явленіями ⁶¹⁾, все заимствованное можетъ

⁵⁷⁾ Meyer Kriterien... 18. ... die Uebereinstimmung kann beruhen 1. Auf Urverwandtschaft 2. Auf Wiederkehr der gleichen Bedingungen 3. Auf Übertragung 4. Auf Zufall.

⁵⁸⁾ R. Meyer Kriterien... 26. Wenn gewisse überall vorhandene Erscheinungen wie der Traum, das Alpdrücken, der plötzliche Tod auf das empfängliche Gemüt naiver Völker Eindruck machen, entstehen fast mit Notwendigkeit die gleichen Deutungen.

⁵⁹⁾ die beiden verglichenen Fälle müssen in bezug auf deren Ursache gleich sein. Meyer Krit. 27.

⁶⁰⁾ Wo Wiederkehr des gleichen Zustände als Ursache der Uebereinstimmung angenommen werden soll, muss auch vor und nach dem verglichenen Phänomen selbst... eine gewisse Uebereinstimmung nachgewiesen werden.

⁶¹⁾ R. Meyer Kriterien... 32. Das Übertragene steht innerhalb des Zusammenhangs nicht so organisch wie das dort Gewachsene.

быть выдѣлено изъ этого ряда явленій безъ нарушенія ихъ связи ⁶²).

Наконецъ, случайность должна считаться причиною совпаденій лишь тогда, когда отсутствуютъ выше изложенныя причины; иногда случайностью объясняются единичныя примѣры поразительнаго сходства ⁶³).

Приведенныя основанія совпаденій намѣчены схематично, они, конечно, не всегда бываютъ въ состоянїи выяснитъ то или другое совпаденіе, тѣмъ болѣе что, по мнѣнію англійскихъ фольклористовъ, одинаковость человѣческой природы во многихъ случаяхъ можетъ послужить причиною того или другого совпаденія, но во всякомъ случаѣ, руководясь ими, можно отчасти избѣжать увлеченія находить совпаденія тамъ, гдѣ приведенныя основанія отсутствуютъ, а вводить въ заблужденіе внѣшнее сходство, основанное на изложенныхъ выше техническихъ приемахъ ⁶⁴).

Елена Елеонская.

Москва, 18 мая 1907 г.

⁶²) Idem. Übertragung liegt vor, wo die Einzelercheinung sich aus dem Zusammenhang lösen lässt, ohne ihn wesentlich zu schädigen 32.

⁶³) Der Zufall ist der Täterschaft dringend verdächtig, wo die Übereinstimmung eine auffallend grosse ist. 44.

⁶⁴) Meyer B. 10. 88. Übereinstimmungen, die sich einfach aus der Benutzung analoger Schemata ergeben, werden als Beweise für innere Abhängigkeit missbraucht.

О преданіяхъ про животныхъ, жительствовающихъ при храмахъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось слышать слѣдующее. Около ограды Симонова монастыря (въ Москвѣ) лежитъ сѣрый большой булыжникъ. Если присмотрѣться къ нему, увидишь, что онъ по формѣ своей нѣсколько напоминаетъ лягушку. На этомъ мѣстѣ когда-то жила лягушка. Она была величиной съ простую лягушку, но когда шелъ кто-нибудь въ монастырь, она надувалась, пугала людей и не пускала въ монастырь. За это она была обращена въ камень въ томъ видѣ, какъ она надувалась. Передававшій мнѣ этотъ рассказъ слышалъ его отъ садовника при Симоновомъ монастырѣ, а этотъ послѣдній зналъ о камнѣ-лягушкѣ отъ монаховъ. Если вѣрить автору недавно вышедшаго романа: «Прудъ» (А. Ремизова), повидимому хорошо освѣдомленнаго о быломъ населеніи Таганки и прилегающихъ къ ней мѣстностей Москвы, подобное же преданіе рассказывается монахами Андрониковскаго монастыря про камень, лежащій у ограды ихъ монастыря. Преданія о животныхъ, часто зловѣщихъ, или о дэмонахъ, принимающихъ видъ животныхъ, живущихъ при храмахъ, извѣстны и западно-европейской этнографіи. На это указываетъ, напр. Meyer, E. H. *Deutsche Mythologie*. Berlin. 1891, s. 94. Иногда преданіе гласитъ, что на мѣстѣ построенія данной церкви раньше жительствовало животное-чудовище (часто драконъ), сраженное какимъ-нибудь героемъ побѣдителемъ или святымъ, въ воспоминаніе чего изображеніе животного находится на стѣнахъ храма (см., напр., у Bechstein, *Thüringer Sagenbuch*,

3 Aufl. v. Verbig. Dresd. u. Lpz. 1898. в. 256). Следующее предание, относящееся къ старинной готической церкви св. Вульфрана въ Аббевилѣ (Пикардія), кажется намъ, можетъ быть ближею до известной степени съ преданіемъ Симонова монастыря. Въ давнія времена подъ однимъ изъ склеповъ церкви св. Вульфрана жили огромныя лягушка и ящерица. По вечерамъ лягушка надувалась такъ сильно, что приподнимала собой плиту въ склепѣ; ящерица же тащила покойника оставленнаго въ склепѣ, и онѣ потомъ съѣдали трупъ. Случилось, что довольно долгое время никого не хоронили въ церкви. Голодъ заставилъ ящерицу выйти изъ своего жилища. Она стала таскать мясо у сосѣдняго мясника. Тотъ выслѣдилъ похитительницу и увидаль, какъ она скрылась подъ плитой склепа, которую приподвѣяла огромная лягушка. Собрался народъ, подняли плиту и убили обоихъ гадовъ. Этимъ преданіемъ объясняютъ находеніе въ церкви св. Вульфрана большого чучела ящерицы, повѣшеннаго на стѣнѣ (Tradition, 1892. Mai, p. 149 — 150). Видѣло ли народное воображеніе въ животныхъ, жительствовавшихъ при храмахъ и носящихъ характеръ зловѣщаго, страшнаго, сверхестественнаго, лишь воплощеніе нечистой силы, помѣстившейся около церкви ради смущенія богомольцевъ и вѣрующихъ, или сохранило въ подобныхъ разсказахъ воспоминаніе о прежнемъ локальномъ божествѣ, геніи-хранителѣ даннаго урочища — эти преданія одинаково интересны. Что въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣло шло дѣйствительно о прежнихъ объектахъ почитанія — на это какъ будто указываетъ сохраненіе ихъ изображеній. Мы знаемъ, что почитаніе вѣрующихъ, отвращаясь отъ прежняго объекта къ новому, нерѣдко вступаетъ въ компромиссъ съ совѣстью, заставляя довольствоваться устарѣвшее божество лишь незначительной долей прежняго благоговѣнія — но боится выкинуть его совершенно. Яркій примѣръ этому можно видѣть въ другомъ преданіи о томъ же храмѣ св. Вульфрана. Церковь была раньше посвящена св. Фирмину. Впослѣдствіи, когда ее начали перестраивать уже въ честь св. Вульфрана, св. Фирминъ не давалъ ее строить. Его умиротворили, наконецъ, посвятивъ ему одну изъ башенъ церкви. (Tradition, 1892. Mai). Возможно, что народное творчество, воспользовавшись древнимъ сюжетомъ о прежнихъ покровителяхъ мѣстности, вытѣсненныхъ новымъ культомъ, перенесло его на злую

силу, нечисть, принимающую звѣриный образъ въ цѣляхъ творить дьявольскія козни добрымъ христіанамъ, и сдѣлало его благочестивой поучительной легендой. Во всякомъ случаѣ, желательно было бы выяснить, часто ли встрѣчаются подобныя легенды, къ какимъ мѣстностямъ онѣ приурочиваются, какими подробностями онѣ обставлены.

В. Харузина.

С М Ъ С Ъ.

Четыре духовныхъ стиха, записанныхъ отъ каликъ Нижегородской и Костромской губ.

Минувшее лѣто мнѣ пришлось провести въ селѣ Семеновскомъ Ярославской губерніи, на правомъ берегу Волги, въ 5-ти верстахъ отъ Рыбинска. Какъ то разъ въ августѣ черезъ село проходили нищіе: молодой парень-слѣпой и женщина, которая его вела. Оставливаясь передъ каждой дачей, они что-то пѣли и, получивъ милостыню, шли дальше. Меня заинтересовало пѣніе. Тотъ стихъ, который они повторяли, напѣвами своими напоминали церковную молитву и начинался словами: «Днесъ свѣтло красуется домъ сей, яко заря солнечная...» Я спросилъ слѣпого, не знаетъ ли онъ что-нибудь «небожественное». Тогда онъ (уже одинъ — женщина теперь не подтягивала ему) спѣлъ три духовныхъ стиха, которые и были записаны мною и которымъ самъ пѣвецъ далъ такія названія: 1) Гробы; 2) О матерномъ словѣ; 3) О покаяніи души. На мои просьбы спѣть еще что-нибудь слѣпой отвѣчалъ, что больше ничего не знаетъ, но что раньше съ нимъ ходилъ товарищъ, который зналъ много, и вотъ вмѣстѣ съ нимъ они могли бы спѣть «сказочку о птицахъ». Эта «сказочка» длинная, товарищъ не разъ пѣвалъ ее «господамъ», которые просили. «Гдѣ же теперь этотъ товарищъ?» — «Онъ тоже ходитъ. Если увижу его, пришло сюда». Къ сожалѣнію, интересный пѣвецъ не проходилъ черезъ Семеновское.

Слѣпой, пѣвшій духовные стихи въ этотъ разъ, назвалъ себя крестьяниномъ села Глухова, Макарьевского уѣзда Нижегородской губ. Егоромъ Козловымъ. Ему 25-ый годъ. Зимой живетъ у себя на родинѣ, начиная съ весны, ходитъ по селамъ и деревнямъ вдоль берега Волги; къ концу осени возвращается домой.

Въ другой разъ, спустя нѣсколько дней, черезъ Семеновское проходили еще два слѣпые-пѣвца, которыхъ велъ мальчикъ. Это были крестьяне Костромской губ., Макарьевского уѣзда; одинъ — Дмитрій Лукичевъ изъ села Троица-Крупницы, 26 лѣтъ; другой Абрамъ Прокофѣичъ, 30 лѣтъ — изъ села Мамонтова. Оба спѣли вариантъ къ стиху «Гробы» и новый стихъ: «Тужить, плачетъ душа наша»... Больше ничего не знаютъ. Съ проходившимъ ранѣе пѣвцомъ знакомы.

Тексты этихъ духовныхъ стиховъ въ моей записи таковы:

I. Гробы.

Господи, Господи,	Я гроба не миную.
Покажи день-числа кончины моей.	Камени сусѣди мои,
Взошелъ бы я на гору высокую,	Песокъ источникъ, постеля моя,
Погляжу во тьму глубокую,—	Черви друзья мои,
Вижу я тамъ гробы, свои гробы,	Мати сыра-земля,
Привѣчные наши дома;	Прими на вѣчную жизнь мою,
Сколь я въ мірѣ не ликую,	Господи, слава Тебѣ.

(Запис. отъ Егора Козлова).

II. Гробы (вариантъ).

Господи, Господи,
 Покажи день-числа кончины моей.
 Господи, взойду я на гору Сионскую,
 Господи, погляжу во тьму глубокую,
 Господи, вижу я тамъ гробы,
 Гробы — вѣчные наши дома;
 Господи, сколь я въ мірѣ не ликую,
 Господи, тебя гроба не миную.
 Господи, каменья сусѣди мои,
 Господи, черви друзья мои,
 Господи, песокъ желтый-источникъ, постеля моя.
 Господи, мати сыра-земля,
 Прими на вѣчную жизнь меня. Аминь.

(Записано отъ Лукачева и Прокофѣева).

III. Тужить, плачетъ душа.

Тужить-плачетъ душа наша
 Передъ Спасовымъ, передъ образомъ,
 Съ чѣмъ притти намъ, подъявится
 На страшной судъ намъ на праведной,
 На второе на судное пришествіе.
 Не поможетъ душамъ нашимъ
 Ни злато, ни серебро,
 Ни имѣнье, ни богатство,
 Ни цвѣтное наше платіе,
 Ни прелесть намъ лицемѣрная,
 Ни скупость намъ лукавая,
 Ни гордость безумная.
 Толико помогутъ душамъ нашимъ
 Все дѣла, дѣла наши добрыя,
 Смиреніе, большое наше терпѣніе,
 Слезы съ плачемъ съ покаяніемъ;
 Есть поклоны наши полуночные,
 Тихо мирно тайная милостыня.
 Славенъ Господь Богъ прославился
 За великое имя Господне. Аминь.

(Записано отъ Лукачева).

IV. О покаяніи души.

Покайся, целовѣце, во младости своей,
 Старости не ожидайте,
 Невзаву вѣдь смерть тебѣ
 Придетъ, потѣшаючись.
 Ой же вы, целовѣци,
 Какъ придетъ смертной часъ съ кончиной,
 Никто отъ смерти-то намъ не поможетъ,
 Только помогаютъ душамъ нашимъ
 Плачемъ и слезы съ покаяніемъ
 И любовь ваша и смиреніе.

(Записано отъ Козлова).

V. О матерномъ словѣ.

Вы, народъ Божій-православный,
 Мы за матерное слово всё пропали,
 Мать Пресвятую Богородицу прогнѣвили,
 Мать мы сыру-землю осквернили;
 А сыра-земля матушка всколебается,
 Завѣсы церковныя разрушаются,
 Продеть рѣка къ намъ огненная,
 Соидеть судія къ намъ праведная.

(Записано отъ Козлова).

Всѣ четыре стиха («Гробы» въ двухъ вариантахъ), повидимому, принадлежать къ одному и тому же типу. Каждый изъ нихъ представляетъ собою отдѣльную самостоятельную обработку мотивовъ, входившихъ ранѣе въ составъ болѣе обширныхъ духовныхъ стиховъ, повѣствовательно-нравоучительнаго характера. Процессы выдѣленія мотива и дальнѣйшаго обособленнаго развитія всего лучше можно прослѣдить по отношенію къ стиху «Тужить, плачетъ душа наша» передъ Спасовымъ «передъ образомъ». Еще въ стихѣ «о Гадамѣ»¹⁾ находящемся въ рукописи конца XV и начала XVI вѣка, въ связи съ его содержаніемъ говорится, что послѣ смерти

Намъ ничто не поможетъ;	Или намъ пособить
«Ничто намъ не пособить:	Позднее моленіе,
И ни злато, и ни серебро	Поклоны полунощныя.
И ни богатства наши.	Милостыня наша святая,
Развѣ намъ поможетъ	

Этотъ мотивъ позднѣе выдѣлился и сталъ развиваться самостоятельно. Когда произошло выдѣленіе — рѣшить трудно, можно сказать только, что въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка оно уже совершилось. Къ этому времени относятся двѣ записи отдѣльной обработки указаннаго мотива. Въ сборникѣ Варенцова есть два стиха: одинъ подъ названіемъ «Плачь души», другой, сходный съ нимъ, озаглавленъ: «Что нужно для души». Оба стиха,

¹⁾ Варенцовъ. Сборникъ русск. духовн. стиховъ 43 стр.

изобразивъ сначала плачь души передъ Спасовымъ образомъ, говорятъ о томъ, что не поможетъ и что поможетъ душѣ на второмъ пришествіи, при чемъ первоначальный отвѣтъ на этотъ вопросъ, данный древнимъ стихомъ о «Гадамѣ», здѣсь восполняется. Не поможетъ душѣ не только золото, серебро и богатства, но:

Не помогутъ душѣ моей
 Ни отецъ, ни мать и ни сродники,
 Ни друзья-братья сердешные.

Или какъ говоритъ другой стихъ:

Не поможетъ душѣ моей
 Ни дружіе, ни братіе,
 Не поможетъ души моей
 Ни гордость высокоуміе.

Оба стиха видятъ спасеніе въ «поклонахъ полунощныхъ» и «тихомирной святой милостынѣ», т. е. сходятся въ данномъ отношеніи со стихами о «Гадамѣ».

Вотъ содержаніе стиха: «Плачь души»:

Да восплачется душа моя грѣшная,
 Да воступится тѣло грѣшное
 Передъ Спасовымъ образомъ,
 Передъ Матушкой Владычицей,
 Ай, увы — горе душѣ моей!
 Еще какъ мнѣ на тотъ свѣтъ притти,
 На второе на Христовое пришествіе?
 Не помогутъ душѣ моей
 Ни отецъ, ни мать и ни сродники,
 Ни друзья-братья сердешные,
 И ни золото, ни серебро;
 Помогутъ душѣ моей
 Поклоны полунощные,
 Тихомирная святая милостыня:
 Тамъ наследуетъ душа грѣшная
 Себѣ царствіе небесное.

Моя запись стиха «Тужить, плачетъ душа наша» представляетъ, очевидно, дальнѣйшее развитіе того мотива, который обработанъ

въ «Плачѣ души». Представленіе о томъ, что не поможетъ намъ на страшномъ судѣ, нѣсколько измѣняется въ записанномъ стихѣ. Кромѣ «злата», серебра, имѣнья и богатства здѣсь упоминаются «цвѣтное платіе», «прелесть лицемѣрная», «скупость лукавая», «гордость безумная». Поляне изображается и то, въ чемъ слѣдуетъ искать спасенія. Стихъ говоритъ не только о «поклонахъ полунощныхъ» и милостынѣ, но и утверждаетъ, что душамъ нашимъ помогутъ.

Всѣ дѣла, дѣла наши добрыя,
Смиреніе, большое наше терпѣніе,
Слезы плачемъ съ покаяніемъ.

Стихъ «Гробы» заключаетъ въ себѣ также отголоски мотивовъ, входящихъ въ составъ другихъ извѣстныхъ стиховъ.

Слова:

Погляжу во тьму глубокую,
Вижу я тамъ гробы, свои гробы.
Привѣчные наши дома.

Напоминаютъ уже названный стихъ о Гадамѣ, гдѣ говорится:

Да воззримъ мы, братья, Вы гробы ли, гробы
На дубовы гробы: Привѣчные намъ дома.

Остальная часть стиха сходна со слѣдующей записью, сдѣланной въ Могилевской губерніи и вошедшей въ сборникъ Безсонова ¹⁾:

О възду я, възду	А что бѣлый камень
На круту гору,	То зголове мое;
Да гляну я, гляну	Что желтый песокъ—
На сыру-землю:	То тѣло мое;
А сыра-земля	Что дробные черви—
Постеля моя,	То кости мои.

Аналогичное явленіе отдѣльной обработки мотивовъ, взятыхъ изъ другихъ духовныхъ стиховъ, представляютъ и остальные два записанные стиха: о Покаяніи души и о Матерномъ словѣ.

¹⁾ Безсоновъ. Катехки переходіе. Вып. V, стр. 165.

Стихъ «О покаяніи души» по содержанію второй половины близокъ къ стиху «Тужить, плачетъ душа наша», ибо подобно ему говоритъ: что въ часъ кончины

Никто отъ смерти-то намъ не поможетъ;
Только немогаютъ душамъ нашимъ
Плачемъ и слезы съ покаяніемъ
И любовь ваша и смиреніе.

Эти стихи присоединены къ первой половинѣ, которая содержитъ въ себѣ призывъ къ покаянію:

Покайся, целовѣце, во младости своей и т. д.

Призывъ этотъ не находитъ себѣ ближайшаго соотвѣтствія въ другихъ записанныхъ духовныхъ стихахъ, и благодаря этому стихъ «О покаяніи души» заслуживаетъ вниманія.

Стихъ о «Матерномъ словѣ» хотя и состоитъ изъ частей, которыя легко могутъ быть поставлены въ связь съ другими духовными стихами, однако мотивъ его въ отдѣльной обработкѣ, если не ошибаюсь, записывается впервые. Первая половина напоминаетъ часть духовнаго стиха, извѣстнаго подъ названіемъ Василій Великій или «О пьяницѣ», въ которомъ также говорится о матерномъ словѣ:

«Не велѣно матернымъ словомъ избраняться,
Ни мужеску полу, ни женскому;
Бранимъ мы, сквернимъ и поносимъ
Пресвятую Богородицу;
Который человекъ матернымъ словомъ избранится,
У того человека уста кровью запекутся.
Сама Пресвятая Богородица на престолѣ стрепенется;
Не велѣно тому человеку въ церковь Божию превосходить,
Не велѣно тому человеку Даровъ Христовыхъ принять,
Не велѣно съ тѣмъ человекомъ ни пити, ни ѣсти,
Ни вкупѣ Богу молитися»¹⁾.

Мотивъ этотъ въ записанномъ мною стихѣ выраженъ первыми четырьмя стихами:

Вы народъ Божій-православный и т. д.

¹⁾ Бессоновъ. Калѣки переходіе. Вып. VI; стр. 97, 98. [Зап. въ Серпуховскомъ уѣздѣ].

Остальная часть стиха представляет отголосокъ «Страшнаго суда». Въ «Страшномъ судѣ» мы встрѣчаемся, между прочимъ, съ такой картиной:

Какъ придетъ послѣднее время,
Тогда земля и небо потрясется,
Солнце и мѣсяцъ померкнутъ,
Звѣзды на землю распадутся,
Завѣсы всѣ, престолы порушатся,
Пройдетъ рѣка огенная
Пожретъ она тварь всею земную
Михаилъ архангелъ съ небесъ сойдетъ¹⁾.

Въ моей записи это сохранено во второй половинѣ стиха о матерномъ словѣ:

А съра-земля матушка всколеблется и т. д.

Представляя самостоятельное развитіе мотивовъ изъ другихъ духовныхъ стиховъ, записанные стихи получаютъ вслѣдствіе этого особый характеръ. Въ то время какъ въ другихъ случаяхъ дается одинаковый просторъ, какъ повѣствовательнымъ, такъ и нравоучительнымъ элементамъ, здѣсь явно преобладаетъ нравоучительная тенденція. Самое выдѣленіе мотива и отдѣльная обработка совершается, повидимому, съ цѣлью подчеркнуть этотъ мотивъ, обратить на него вниманіе и использовать исключительно въ цѣляхъ поученія.

В. Ржига.

Свадебныя пѣсни Казанской губерніи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Свадебныя пѣсни, выклички дружки и причитанія Казанской губерніи записаны съ голоса дѣвицъ крестьянскаго, мѣщанскаго, духовнаго и чиновнаго сословія лично мною въ уѣздахъ Казанскомъ и Чистопольскомъ (24 пѣсни), Ал. Г. Ласточкинымъ въ

¹⁾ Безсоновъ. Калѣки переходіе. Вып. V, стр. 75.

Свяжскомъ уѣздѣ (50), Н. Θ. Левицкой въ Лаишевскомъ уѣздѣ (21) и О. Θ. Можаровской (8) также въ Свяжскомъ уѣздѣ. При разсмотрѣніи тетрадей съ пѣснями оказалось, что во всѣхъ означенныхъ уѣздахъ многія пѣсни поются однѣ и тѣ же лишь съ незначительными варіаціями, а потому изъ всѣхъ 103 №№ пѣсенъ, за исключеніемъ одинаковыхъ и сходныхъ, осталось только 84 №№. Изъ двухъ сходныхъ пѣсенъ разныхъ уѣздовъ для своего настоящаго сборника я выбиралъ тотъ, который выдѣлялся болѣею противъ другого полнотою, дублиеты же съ небольшими варіаціями печатать не считалъ нужнымъ.

Настоящее собраніе явилось вслѣдствіе трехъ причинъ, а именно: 1) доселѣ свадебныя пѣсни, употребительныя въ выше-названныхъ уѣздахъ, никѣмъ собраны еще не были; свадебныя пѣсни по Казанской губерніи собраны только въ Царевкокшайскомъ уѣздѣ г. Пупаревымъ (Каз. Губ. Вѣд. 1857 г. № 32—48, всего 24 пѣсни) и въ Чебоксарскомъ уѣздѣ извѣстнымъ изслѣдователемъ Чувашскаго быта В. К. Магницкимъ (37 пѣсенъ, 5 припѣвокъ и 14 причитаній дружекъ) ¹⁾. 2) Въ свадебныхъ пѣсняхъ, собранныхъ г.г. Сахаровымъ и др. многихъ пѣсенъ изъ поющихся въ мѣстахъ распространенія мною собранныхъ пѣсенъ совсѣмъ нѣтъ, а которыя есть, тѣ значительно не сходны съ моими; въ этомъ каждый можетъ убѣдиться самъ изъ сличенія ихъ по приложенному мною сравнительному указателю. 3) Третья и, можно сказать, главная причина, побудившая меня собрать свадебныя пѣсни та, что въ послѣднее время, по освобожденіи крестьянъ, развитіи народнаго образованія и увеличеніи сѣти желѣзныхъ дорогъ, пѣсни, какъ достоиніе главнымъ образомъ темныхъ людей, находящихся въ духовномъ младенчествѣ, волей-неволей, мало-по-малу будутъ видоизмѣняться, блѣднѣть содержаніемъ и на конецъ совершенно забываться и поростать былью.

Мы знаемъ, что свадебныя пѣсни прошли чрезъ нѣсколько столѣтій и поколѣній и нѣсколько вѣковъ сряду пѣлись во всей Россіи, но при нынѣшнемъ обновленіи народной жизни не пройдетъ, быть можетъ, и полвѣка, какъ свадебныя пѣсни канутъ въ Лету, оставя о себѣ одни воспоминанія по книгамъ.

¹⁾ Собраніе Магницкаго мнѣ было еще извѣстно въ рукоп., такъ какъ въ 1869 г. мы съ нимъ служили въ одномъ селѣ. Теперь его трудъ напечатанъ подъ заглавіемъ: „Пѣсни крестьянъ села Бѣловолжскаго Чебокс. уѣзда“. Казань. 1877 года.

Да! въ недалекомъ будущемъ, вѣроятно, невозможно уже будетъ записать отъ молодежи ни одной изъ современныхъ пѣсенъ; по всей вѣроятности всѣ свадебные порядки, обряды, обычаи и самыя пѣсни — величательныя, смотринныя, сговорныя, пѣсни дѣвичника и молодецкаго вечера, пѣсни при поднесеніи даровъ и причитанія дружекъ — словомъ все замѣнится церемонными зваными вечерами съ дребезжащей музыкой и модными танцами.

Всѣмъ своимъ сотрудникамъ и сотрудницамъ, которые устно или письменно сообщали мнѣ свадебныя пѣсни, а въ особенности Александру Гурьевичу Ласточкину и своимъ сестрамъ Ольгѣ Ѳедоровнѣ и Неонилѣ Ѳедоровнѣ приношу мою глубокую благодарность.

Казань. 22 октября 1874 г. 1).

І. Выборъ невѣсты.

Передъ свадебнымъ сезономъ послѣ страдной поры въ крестьянскомъ быту нерѣдко, особенно въ урожайные годы для сближенія молодежи и взаимнаго ознакомленія молодцовъ съ дѣвицами устраиваются вечеринки. Онѣ устраиваются по случаю заготовки на зиму капусты, для рубки которой приглашаются хозяевами знакомыя дѣвицы съ своими тятками, а разудалые, добрые молодцы (парни-женихи), какъ только заслышатъ, что гдѣ-нибудь на селѣ раздастся дробный стукотокъ тяткокъ, такъ и тутъ какъ тутъ. Ихъ капусту рубить никто не зоветъ, но они сами слетаются, какъ мухи на сахаръ, забавлять красныхъ дѣвушекъ шуточками-прибауточками и игрой на гармоникѣ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ полакомиться кочнями сочной капусты изъ рукъ правящейся дѣвушки. Когда прозаическое дѣло съ капустой, ея рубка и квашенье будетъ обыкновенно къ вечеру окончено, тогда вся молодежь со двора добрыми хозяевами приглашается въ избу, гдѣ для капустницъ собирается ужинъ. Послѣ ужина съ угощеніемъ пивомъ молодежь начинаетъ веселиться: молодцы заводятъ разныя игры, а дѣвицы пѣть пѣсни. На капустныхъ вечеркахъ

1) Редакція воспользовалась этимъ старымъ собраніемъ свадебныхъ пѣсенъ съ разрѣшенія самого ихъ собирателя, нигдѣ ихъ не напечатаннаго, за исключеніемъ нѣкоторыхъ стиховъ, вошедшихъ въ его газетный очеркъ, ниже указываемый.

поются обыкновенно игровыя пѣсни съ содержаніемъ о капустѣ, напр.: «Ты, капуста ли, росада моя, ужъ ты дѣвичья (или молодечья) досада моя!» «Я поѣю лебеду на берегу, свою крупную росадушку». Во всѣхъ таковыхъ пѣсняхъ будто ненарокомъ, вѣдь по пословицѣ изъ пѣсни слова не выкинешь, дѣвицами даются добрымъ молодцамъ намеки на любовь и женитьбу: «Ужъ ты, Ванюшка, горюнь, горюнь, горюнь! Что ты, Ванюшка, не женишься, на кого ты, другъ, надѣешься?» Изъ другой пѣсни: «Полно, Ванюшка, тужить! Тебя всякъ готовъ любить» и т. п. ¹⁾ Наигравшись досыта играми съ хожденіями, тѣлодвиженіями и пляской, дѣвицы усаживаются чинно въ рядъ и начинаютъ присутствующимъ добрымъ молодцамъ пѣть, такъ называемыя, величальныя пѣсни, восхваляя въ нихъ дѣйствительныя и мнимыя качества слушающихъ. Эти величальныя пѣсни на капустныя вечеринки перекочевали изъ цикла свадебныхъ увеселеній, но тѣмъ не менѣе сохраняютъ за собой мѣсто и на свадебныхъ вечерахъ до сего времени въ честь холостыхъ деверьевъ и шурьевъ.

Кромѣ «Капустокъ» такія же веселыя вечеринки въ селеніяхъ устраиваются въ дѣвичьи праздники Покрова, Кузьминки, въ день Празговья-Пятницы-Льняницы и на всѣхъ «Супрядкахъ» или посидѣлкахъ. Такъ называются тѣ вечера, на которые дѣвицы сходятся для совмѣстной работы, обыкновенно пряжи льна, у одной изъ подругъ по очереди, или у какой-либо безхозяйственной бобылки-вдовушки или солдатки, у которой изба просторна и свободна какъ отъ малыхъ ребятшекъ, такъ и отъ прихлода домашней живности: телятъ, ягнятъ и т. д., въ холодное время по обычаю живущихъ въ избѣ.

Супрядки и посидѣлки въ послѣднемъ случаѣ сопряжены съ маленькими расходами за свѣтъ и помѣщеніе хозяйкѣ, и потому между молодежью устраивается складчина. Въ нанятомъ помѣщеніи супрядки бывають много оживленнѣе, чѣмъ въ родительскихъ домахъ при старшихъ, но, къ огорченію дѣвицъ, далеко не всѣ родители отпускаютъ своихъ дочерей въ такой деревенскій клубъ, въ домъ какой-либо солдатки — «мірскаго человѣка» и

¹⁾ Игровыя пѣсни. См. въ моей книгѣ: „Святочные пѣсни, игры и гаданія“. Казань 1873 года.

ищутъ для своихъ красавицъ иныхъ развлеченій, болѣ тихихъ и полезныхъ.

Когда я занималъ мѣсто сельскаго учителя въ пяти верстахъ отъ Казани въ селѣ Царицынѣ (это было въ 1868 г.) и въ осенніе скучные вечера не зналъ куда дѣваться отъ тоски, расхаживая изъ угла въ уголъ въ пустомъ училищномъ домѣ, то сама судьба сжалилась надо мной и доставила мнѣ не только развлеченіе, но и полезное занятіе. — Четыре матери дѣвицъ, живущія близко къ училищу, обратились ко мнѣ съ доукой — пускать ихъ дѣвченокъ по вечерамъ въ «училищу» порукодѣльничать за керосиновой лампой и послушать отъ меня чтеніе хорошенькихъ книжекъ въ пустомъ просторномъ классѣ, такъ какъ «дѣвченкамъ» дома рукодѣльничать за свѣтомъ копящей лучины темно.

Я было старался просьбу отклонить тѣмъ, что училище не для посидѣлокъ, но матери увѣрили меня, что такъ у нихъ дѣлалось всегда при моемъ предшественникѣ. Тогда съ моей стороны отказа не послѣдовало.

За работой крестьянскія дѣвушки или слушали отъ меня чтеніе какой-либо книжки, или треньканье мое на гитарѣ, либо сами подъ конецъ въ знакъ благодарности дѣли мнѣ свадебныя величальныя пѣсни, а я ихъ пѣсни мимо ушей не пропускалъ: моталъ себѣ на усъ да всѣ и записалъ потихоньку. Вотъ эти

Свадебныя пѣсни:

А) *величальныя*, которыми крестьянскія дѣвицы с. Царицына, между прочимъ, величали разудалаго добра молодца, а нынѣ старика, съ трудомъ пишущаго настоящія строки.

№ 1.

А кто у насъ холостъ, а кто неженатый?
 Розанъ ты мой, розанъ виноградъ зеленый! ¹⁾
 А кто не женатый, самъ бѣлъ кудреватый?..
 А кто у насъ нѣженъ, а кто деликатенъ?..
 По горницѣ ходить, манежно ступаетъ...
 Чулокъ не мараетъ, сапогъ не ломаетъ...

¹⁾ Припѣвъ послѣ каждаго стиха.

По горницѣ ходить, къ зеркалу подходить...
 Въ зеркало глядится, самъ себѣ дивится:
 Какой я хорошій, какой я пригожій!..
 Косынка съ духами, манишка съ брызжками...
 На крылецъ выходитъ, конь къ нему подходитъ...
 На коня садится,—конь-то веселится...
 Лугами-то ѣдетъ: луги зеленѣютъ...
 Садами-то ѣдетъ: цвѣты распцвѣтаютъ...
 Цвѣты распцвѣтаютъ, птички распѣвають...
 Къ терему подъѣзжаетъ: дѣвицы встрѣчаютъ,
 За бѣлы руки принимаютъ, за кедровъ столъ сажаютъ...
 Сладкій пирогъ ставятъ, вина наливають.
 — Дѣвицы-голубки! не пью такогого...
 Не пью такогого, вина зеленого...
 Налейте мнѣ чаю, чаю дорогого!..

№ 2.

Брошу-ль я колечко, брошу-ль золотое
 Во быструю рѣчку, въ глубокую воду!
 Пусть мое колечко не плыветъ: потонетъ,
 Мое золотое на дно камнемъ сядетъ!
 Вотъ мое колечко плыветъ и не тонетъ
 Мое золотое къ берегу приплываетъ.
 Вотъ мое колечко водой заливаєтъ,
 Мое золотое пескомъ засыпаетъ.
 А кто у насъ холостъ, а кто неженатый?
 Свѣтъ Александръ-то холостъ Федорычъ неженатый.
 Федорычъ неженатый, самъ бѣлъ кудреватый...

№ 3.

Во полѣ березынька
 Стояла да стояла
 Во полѣ кудрявая
 Стояла да стояла
 Чемерицынъ мой цвѣтокъ,
 Чемерицынъ голубой! ¹⁾

1) Припѣвъ послѣ каждаго четырехстишія.

Всякими цвѣтами
 Разцвѣтала разцвѣтала:
 Альми и голубыми,
 Лазоревыми дорогами...
 Какъ на этой на березѣ
 Соловей-птица сидѣла...
 На березѣ соловейка
 Шибко громко воспѣвала...
 Шибко громко воспѣвала:
 Холостому голосъ подавала...
 Холостому неженатому,
 Бѣлому, кудреватому...
 Равудалу добру молодцу
 Свѣтъ Лександру Ѳедорычу:...
 «Время молодець жениться,
 На добра коня садиться!..
 Чѣмъ тебя Богъ подаруетъ?
 Горькою-ль вдовою, сиротою,..
 Красной ли дѣвицей душею?»
 — Не пошто въ люди по веселье!..
 Дома весельица довольно:
 Добрый-то молодець за гусли,
 Красныя дѣвицы за танцы...
 Чемерицынъ мой цвѣтокъ,
 Черемицынъ голубой!

№ 4.

Домина, доминушка,
 Раздолье широкое!
 Ай люли, ай люли,
 Раздолье широкое! ¹⁾
 Во тѣмъ во раздоліи
 Лежала тропинушка...
 По этой тропинушкѣ
 Гуляетъ дѣтинушка.

1) Припѣвъ: Ай люли съ повтореніемъ предыдущаго стиха послѣ каждаго двухстишія.

Гуляетъ дѣтдушка
 Свѣтъ Александръ, Федорычъ...
 Гуляетъ невесель:
 Годовку повѣсидь...
 Повѣсилъ годовушку
 На праву сторонушку...
 Шляпой принакрыта,
 Слезами задита...
 Увидала матушка
 Изъ висока терема...
 Изъ висока, терема
 Изъ косяца-та окна...
 «Дитя мое, дитятко,
 Дитя мое милое!..
 Что ходишь невесело,
 Гуляешь нерадостно?»...
 — «Родимая матушка!
 Къ чему веселитися?..
 Всѣ товарищи мои
 Давно поженилися...
 А я бѣлый кудреватъ
 Хожу холостъ неженатъ!»...
 — Женись, женись, дитятко,
 Женись, чадо милое!..
 Бери, бери, дитятко,
 Богатова отца дочь...
 Лицомъ бѣлою
 Да румяною...
 Еще умную
 Да разумную!
 Ай люли, ай люли
 Да разумную!

№ 5.

Что не хмѣль вьется,
 Да возвивается
 Вотъ люли, разлюли

Да возвивается! ¹⁾

У удалаго-го
 Добра молодца...
 У Александра-го
 Да свѣтъ Ѳедорыча...
 Завились кудри
 Ровно въ три ряда...
 Какъ во первый рядъ
 Алой ленточкой...
 Во второй-то рядъ
 Крупнымъ жемчугомъ...
 Какъ во третій рядъ
 Словно жаръ горять...
 Развиться хотятъ,
 Жениться велятъ...
 Ты женись, женись,
 Добрый молодецъ!..
 Ты возьми, возьми
 Дочь отецкую!..
 Дочь отецкую
 Да молодецкую!..

Вотъ люли, разлюли!

Да молодецкую!

№ 6.

Вдоль да по рѣчкѣ, вдоль по Казанкѣ
 Сизый селезень плыветъ;
 Вдоль да по бережку, вдоль по крутому
 Добрый молодецъ идетъ
 По имени по отечеству
 Свѣтъ Александра Ѳедорычъ.
 Чешетъ свои кудри, чешетъ свои русы
 Частымъ новымъ гребешкомъ.
 Самъ со кудрями, самъ со русыми.
 Разговариваетъ:

¹⁾ Припѣвъ: Вотъ люли съ повтореніемъ предыдущаго стиха послѣ каждаго двухстишія.

«Кому мои кудри, кому мои русы
 Вы достанетесь чесать?
 Доставались кудри, доставались русы
 Старой бабушкѣ чесать.
 Какъ она ни чешеть, какъ она ни гладить
 Только волосы дереть,
 А мнѣ то ни радость,
 Мнѣ то ни веселье
 Удатому молодцу.

(Пѣсня повторяется и измѣняется такъ):

Доставались кудри, доставались русы
 Красной дѣвицѣ чесать.
 Она ихъ и чешеть, она ихъ и гладить:
 Волосъ къ волосу кладеть;
 То-то мнѣ и радость,
 То-то мнѣ веселье
 Удатому молодцу!

№ 7.

Какъ во нынѣшнемъ во славномъ году
 Уродилось много розановъ въ саду.
 Тутъ ходилъ, гулялъ удалый молодець,
 Молодецъ Александра Федорычъ,
 Подходилъ онъ свѣтъ ко розову кусту,
 Сорывалъ съ куста онъ розовый цвѣтокъ.
 Онъ тому цвѣтку дивуется,
 Красотой его любуется:
 Мой цвѣточекъ бѣлорозовый хорошъ,..
 Какъ я молодець удалый и холостъ.
 Былъ я, былъ я въ Петербурхѣ и Москвѣ,
 Не нашель я тамъ невѣсты по себѣ,
 Я теперя во Казани городу
 Я теперя помиднѣ наряжусь,
 Пойду, пойду въ соборъ Богу помолось,
 На всѣ стороны четыре поклонюсь:
 Создай, Боже, мнѣ невѣсту хорошу,
 Мнѣ невѣсту-то барышню,
 Ажуратненькую модницу,

Еще нѣжную манежную
Въ обращенія политичную.

(Если пѣсня поется деревенскому молодцу, то конецъ ея поется иначе):

Деревенскую модницу
Со великими приданными
Со штофными сарафанами.

№ 8.

Нельзя голубю, нельзя сизому
Летать по полю,
Нельзя молодцу разудалому
Гулять по саду.
Господа въ саду, господа въ саду
Разгулялися,
Со удалымъ-то, со удалымъ-то
Добрымъ молодцомъ,
Со Лександромъ-то, со Лександромъ-то
Свѣтъ Федорычемъ.
Надъ его кудрямъ, надъ его кудрямъ
Дивовалися.
Не дивуйтесь, не дивуйтесь,
Люди добрые!
Не заря меня, не заря меня
Воспородила,
Не свѣтель мѣсяцъ, не свѣтель мѣсяцъ
Воспоилъ-вскормилъ,
Не часты звѣзды, не часты звѣзды
Возлелѣяли.
Воспородила, воспородила
Родна матушка,
Воспоилъ-вскормилъ, воспойлъ-вскормилъ
Родной батюшка;
Возлелѣяли, возлелѣяли
Няньки, матушки,
Завили кудри, завили кудри
Красны дѣвушки.

Завивали же, завивали же
 Приговаривали:
 Прилегайте вы, прилегайте вы,
 Кудри русые!
 Ко его лицу, ко его лицу,
 Лицу бѣлому,
 Ко его щекамъ, ко его щекамъ,
 Ко щекамъ альнымъ,
 Ко его бровямъ, ко его бровямъ,
 Бровямъ чернымъ,
 Ко его очамъ, ко его очамъ
 Развеселимъ!

№ 9.

При долинушкѣ калинушка стоитъ,
 На калинѣ соловей птица сидеть ¹⁾,
 Горьку ягоду калинушку клюетъ,
 Холодну воду ключевую онъ пьетъ...
 Прилетѣли соколы къ соловью,
 Еще взяли соловья съ собою...
 Посадили его въ клѣточку
 На серебряную шесточку...
 На серебряную шесточку,
 За жемчужную за сѣточку...
 Заставляли соловья пѣсни пѣть:
 Воспѣвай, воспѣвай, соловей!..
 Утѣшай ты при кручинѣ молодца,
 При печали красну дѣвицу душу!..
 Молодецъ то во всю ночь не сыпаль:
 Въ золотые онъ цимбалы проигралъ...
 Онъ во золоты цимбалы проигралъ,
 Душу красную дѣвицу утѣшалъ...
 Шла дѣвица восхваляла молодца:
 Еще нѣтъ нигдѣ такова удалца...
 Ни въ Казани, ни въ Самарѣ,
 Ни во Нижнемъ городу...

¹⁾ После каждого двухстишія припѣвается: „И-хи-хи, хи-хи“!

Проявился таковой молодець
 Во Свіяжскѣ, славномъ городѣ...
 Какъ по имени зовуть молодца,
 По отечеству величаютъ удалца?..
 Зовуть молодца Александромъ соколомъ,
 Величаютъ добра Федорычемъ...
 Онъ со гривенки на гривенку ступать,
 Онъ полтиною по городу бросать, ...
 Онъ рублемъ своя ворота запираетъ
 Двумя рублями ворота отпиратъ: ...
 Изъ тюрьмы народъ несчастный выручатъ.
 Еще много богомольцевъ у него...
 Вдвое больше богомольщицъ у него...
 Еще дай Богъ долго здравствовать,
 Многи лѣты многолѣтствовать...
 Разудалу добру молодцу.
 Свѣтъ Александру-то Федорычу!..
 И-хи-хи, хи-хи!

№ 10.

(Поется съ ироніей разборчивымъ женихамъ и стар.
холостякамъ).

Пора молодцу жениться,
 На добра коня садиться.
 Ахъ люли, палюли
 На добра коня садиться ¹⁾.
 Ко дѣвицѣ во теремъ ѣхать,
 Соѣзжали со двора...
 Ко тестеву ко двору
 Къ невѣстину терему...
 Ты, дѣвица, отопрись,
 Красавица отложись!..
 — Я бы рада отперлась:
 Мой батюшка не велить, ...
 Буень вѣтеръ въ лицо бьетъ,

¹⁾ Припѣвъ послѣ каждого двухстишія съ повтореніемъ, какъ здѣсь, послѣд-
няго изъ онаго стиха.

Съ головушки цвѣты рветь...
 Съ бѣлой груди янтари,
 Леваггиновый платокъ...
 Молодчикъ-то осердился:
 Назадъ домой воротился...
 А дѣвица выходила
 Во слѣдъ ему говорила: ...
 Ты, молодчикъ, обернись,
 Разудалый, воротись!..
 — Я бы радъ былъ воротиться:
 Добрый конь мой не стоитъ,
 Красно солнце лицо жжетъ,
 Меня маги дома ждетъ...
 Сударыня поджидаетъ,
 Новы сѣни отпираетъ...
 По имени называетъ,
 Сына милаго встрѣчаетъ...
 — Гдѣ ты былъ, гдѣ побывалъ,
 Гдѣ поѣздилъ, погулялъ?..
 — Я по селамъ, городамъ
 Себѣ суженой искалъ...
 Много птицъ, много лицъ,
 Много красныхъ дѣвицъ...
 А по мысли не нашель,
 Къ милой маменькѣ пришелъ.

Записалъ А. М. Можаровскій. Село Царицыно Каз. уѣзда. Ноября 24 дни 1868 года.

II. Смотрѣнье 1-е ¹⁾.

Свадьбы крестьяне играютъ преимущественно осенью отъ Покрова до Филиппова поста и зимой отъ Рождества до масляницы, о дѣвицахъ же, которыя выходятъ замужъ лѣтомъ или весной, передъ страдой, досужія кумушки говорятъ, что они торопятся замужъ не отъ добра: раньше съякшались и т. д. Осень и зима считаются лучшимъ временемъ для свадебъ главнымъ обра-

¹⁾ „Свадебный порядокъ“ мною былъ напечатанъ въ Волжско-Камской газетѣ 1882 года безъ пѣсень.

зомъ потому, что тогда хлѣба бываетъ еще обильно и свадьбу можно сыграть на славу.

Родители, желающіе женить сына, приглашаютъ къ себѣ пожилую женщину, родственницу или знакомую, высказываютъ ей свое намѣреніе и просятъ найти имъ хорошую невѣстку, или, если имѣютъ на примѣтѣ — просятъ женщину принять на себя роль свахи. Быть свахой пріятно: тутъ и почетъ, и угощеніе, и подарки, а потому въ этомъ случаѣ отказа никогда не бываетъ.

Отправляясь къ родителямъ невѣсты, сваха наряжается въ бористукъ шубу, покрывается большой шалью, подпоясывается краснымъ кушакомъ и обувается въ валенки. Одѣвшись, она кладетъ въ пазуху рыбачью сѣть и судомойку или кулечекъ. Это дѣлается для того, чтобы невѣста была поймана, какъ рыба, которую ловятъ сѣтью и кладутъ въ кулечъ. Въ сѣняхъ дома невѣсты сваха отыскиваетъ ступу, въ которой толчетъ дѣвица ленъ, и три раза ступу обвертываетъ вокругъ себя. Это дѣлается для того, чтобы и хозяйка ея — невѣста, также трижды была обведена вокругъ аналоя, т. е. чтобы состоялась свадьба. При верченіи ступы сваха шепчетъ какіе-то наговоры. Войдя въ избу, сваха прежде всего, будто бы озябла, подходитъ къ печному челу и приставляетъ къ нему руки. При этомъ она замѣчаетъ: если печка горяча, то и суженые полюбятъ другъ друга горячо и дѣло состоится, если же печка холодна, то наоборотъ. Затѣмъ сваха молится святымъ образамъ, кланяется хозяевамъ и садится на лавку подъ самую матицу (средній брусъ, на которомъ укрѣпляется потолокъ). Здѣсь съ обычными метафорическими выраженіями, у насъ купецъ, у васъ товаръ и т. п., сваха высказываетъ цѣль своего прихода и начинаетъ хвалить жениха и всю его родню, причѣмъ безъ милости вретъ не то какъ календарь, не то какъ крыловскій лжець.

Родители невѣсты сваху, чѣмъ случится, угостятъ и при уходѣ ея сообщаютъ, что въ такой-то день они съ своими родственниками пріѣдутъ къ жениху двора смотрѣть. Въ назначенный день родители невѣсты дѣйствительно отправляются въ домъ жениха и осматриваютъ тамъ все его хозяйство: строенія, свотину, гумно, хлѣбный амбаръ и проч. При этомъ не упускаютъ изъ виду и мелочей; такъ, одинъ крестьянинъ, съѣздившій двора смотрѣть, передавалъ объ этомъ такъ: «у нихъ все благо-

родно: метлы, лопаты въ одномъ углу стоятъ». Гостей жениховы родители угощаютъ на славу, словомъ—напиваютъ до пьяна, чтобы пьяные они менѣе замѣтили въ ихъ хозяйствѣ недостатковъ. Если двора погляднута, то гости при прощаніи хозяевъ съ сыномъ-женихомъ и съ родственниками приглашаютъ къ себѣ на смотрѣнье.

На смотрѣнье женихъ съ родителями и родными приѣзжаетъ къ невѣстѣ съ угощеніемъ: водкой, пивомъ, коровайцемъ (пирогъ со свиной, подсыпанный крупой) и съдобной лепешкой. Если женихъ изъ другой деревни, то приѣзжіе останавливаются у шабровъ — сосѣдей, и женихъ посылаетъ свою сваху въ домъ невѣсты доложить о своемъ приѣздѣ. Въ домѣ невѣсты начинается приготовленіе къ приему почетныхъ гостей. Невѣста посылаетъ за своими подругами, тѣ немедленно являются и приступаютъ къ одѣванію невѣсты на смотрѣнье въ самый лучший нарядъ. Когда невѣста нарядится, дается знать жениху, что все готово, можно пожаловать. Женихъ и родные его входятъ въ домъ невѣсты (невѣста сидитъ въ чуланѣ или за занавѣской), молятся Богу, кланяются на всѣ четыре стороны и садятся: женихъ за столъ въ передній уголъ, родители жениха противъ родителей невѣсты. Спустя нѣсколько минутъ ведутъ на смотрѣнье невѣсту. Выводитъ ее изъ чулана всегда какая-нибудь некрасивая старушка, чтобы контрастомъ увеличить красоту и стройность невѣсты. Въ это время другая старуха держитъ передъ невѣстой большой пучекъ пылающей лучины. Минута рѣшительная — взоры и вниманіе всѣхъ сосредоточены на невѣстѣ, но сильный блескъ отъ пылающаго пучка ослѣпляетъ, невѣста же, помолясь Богу, поклонится мужчинамъ, женщинъ поцѣлуетъ да и маршь назадъ.

Послѣ этого женихъ съ родителями и свахой удаляются въ сѣни и тамъ дѣлятся своими впечатлѣніями. Жениха спрашиваютъ, понравилась ли ему невѣста. Тоже происходитъ и въ невѣстиномъ чуланѣ. Родители спрашиваютъ дочь, понравился ли ей женихъ. Если женихъ отвѣтитъ отрицательно, то приѣзжіе изъ сѣней, не входя въ избу, прямо отправляются домой, если же невѣста однимъ понравится, другимъ нѣтъ, то сваха идетъ въ избу и говоритъ, что имъ хочется чего-нибудь выпить. Хозяйка проситъ войти, и тогда невѣста въ новомъ нарядѣ жениху и прочимъ начинаетъ разносить пиво. Гости пиво пьютъ медленно,

говорять, оно холодное, бояться простуды, прихлебываютъ по глоточку и межъ тѣмъ высматриваютъ угощающую ихъ невѣсту.

Утоливъ мнимую жажду, гости снова выходятъ въ сѣни и въ этомъ случаѣ результатъ ихъ совѣщаній всегда бываетъ благоприятный, иначе бы они и пить не пошли. Женихова сваха входитъ въ избу и торжественно объявляетъ: «Ваша нашимъ показалась, (понравилась), чтобы-ди нашъ вашимъ». Ей отвѣчаютъ: «и вашъ нашимъ». Если же невѣстѣ и ея родителямъ женихъ не понравится, то невѣста послѣ перваго выхода сбрасываетъ съ себя весь нарядъ и больше уже не показывается, а родители ея отвѣчаютъ сватамъ неопредѣленно; «Вотъ подумаемъ, да посоветуемся, годъ нынѣ неурожайный, не отложить ли до будущаго?» и т. д. Чаще всего въ такомъ случаѣ родители невѣсты запрашиваютъ съ жениха такіе дары и деньги, какіе дать онъ положительно не можетъ. И дѣло расходитъ само собою всегда мирно. Принудительныхъ мѣръ къ выходу замужъ со стороны родителей я не замѣчалъ; свою дочь родители не стѣсняютъ и даютъ ей право свободнаго выбора. Невѣста испрашиваетъ у нихъ только совѣта и благословенія. Давать совѣты невѣстѣ также большія охотницы ея подружки. Совѣты подружекъ весьма характерны, а потому я два изъ нихъ хорошо запомнилъ и приведу ихъ здѣсь буквально.

Къ Марьѣ Кульковой сватался женихъ низкаго роста и некрасивый. Невѣста, вернувшись съ смотрѣнья въ чуланъ, объявила подругамъ, что женихъ — пузырь, рябой и стала раздѣваться. Подруги ее уговаривали: «Полно, Марья, иди! онъ еще вырастетъ: Иди, Марюша, иди, што што рябой, раи лизать рожу-то!» Марья вышла. Къ другой дѣвицѣ сватался такой же женихъ, но невѣстѣ понравился и она хотѣла выйти, подружки заахались: «Полно, Дуня, не ходи. Какъ ты съ нимъ гулять станешь? Дурацкій да не хорошій! Ба, обстыдишься глядя-то!» И жениху было отказано.

Б) Пѣсни на смотрѣньи:

Пѣсни на «смотринахъ или взглядышкахъ» иногда поются, иногда же ихъ совсѣмъ не бываетъ, смотря по степени увѣренности обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ въ томъ, что свадьба состоится, а «не разохнется». Пѣсни на смотринахъ и послѣ

ихъ до рѣшительнаго рукобитья на сговорѣ носятъ на себѣ характеръ осторожности въ отношеніяхъ суженыхъ и даже въ нѣкоторыхъ изъ нихъ какъ бы уклончивости.

№ 11.

Ужъ что вы, кони, невеселы,
 Буйны головы повѣсили?
 Али вы далеко переѣхали,
 Ключевой воды не пили,
 Шелковой травушки не ѣли?
 — Возмутили воду утицы,
 Притоптала траву дѣвица,
 Свѣтъ Марья Михайловна
 Ходила на корабль смотрѣть
 Разудала добра молодца
 Свѣтъ Митрія Иваныча.

№ 12.

Прилетѣлъ соколъ изъ зеленыхъ луговъ,
 Сѣлъ же соколъ во передъ за столъ.
 Свѣтъ Марья Михайловна!
 Примѣчай сокола, примѣчай яснаго!
 Ясный соколъ — свѣтъ Митрій господинъ,
 Свѣтъ Иванычъ дворянинъ.
 — Ужъ я рада бы примѣчать сокола:
 Мое сердце не воротится,
 Рѣзвы ноженъки подгибаются,
 Бѣлы рученьки опускаются,
 Съ плечъ головушка долой катится...

№ 13.

Перепелочка, рябы перышки!
 Ахъ люли, люли рябы перышки!
 Рябы перышки, златы крылышки!
 Не перепархивай изо ржи въ овесь,
 Не приманивай ясна сокола!
 — Ахъ, не я его приманила,

Приманиваетъ красота моя:
 Рябы перышки, златы крылышки.
 Ужъ ты свѣтъ Марья
 Свѣтъ Михайловна!
 Не ходи-ка ты изъ саду въ садъ!
 Не приманивай добра молодца
 Свѣтъ Митрія Иваныча!
 — Ахъ не я его приманиваю:
 Приманиваетъ красота моя:
 Лицо бѣлое и румяное.

№ 14.

Не разливайся, широкій Дунай!
 Не потопляй зеленые луга!
 Какъ во этихъ зеленыхъ лугахъ
 Тутъ ходилъ, гулялъ бѣлый олень:
 Бѣлый олень — золоты рога;
 А напротивъ оленя молодець
 Свѣтъ Митрій Ивановичъ.
 Онъ хотѣлъ оленя застрѣлить,
 А олень ему возговорилъ:
 — Ты не бей, не бей, молодець, меня,
 Ты не бей, не бей, удалый меня!
 Я тебѣ, сударь, самъ пригожусь:
 Будешь жениться, на свадьбу приду,
 Твой широкій дворъ коврами устелю,
 А высокъ теремъ рогами освѣчу,
 Всѣхъ гостей твоихъ собой возвеселю,
 А всѣхъ больше-то невѣсту твою,
 Свѣтъ Марью Михайловну душу,
 Чтобы шла замужъ, не плакала,
 Бѣло личико не портила,
 Очей ясныхъ не печалила.

№ 15.

Тонкое деревцо свирѣльчатое,
 Нѣтъ его тоньше изъ всей рощи:
 Умна, разумна красна дѣвица

Свѣтъ Марья Михайловна:
 Нѣтъ ея умнѣе изо всей родни,
 Нѣтъ ея скромнѣе изо всѣхъ подругъ
 Гуляла въ саду со подружками,
 Гуляла въ саду со любезными.
 Мимо-то ѣхаль добрый молодець
 Свѣтъ Митрій Ивановичъ:
 У воротъ сада останавливался,
 Къ красотѣ ея присматривался.
 Къ умнымъ рѣчамъ прислушивался.
 Приѣхаль домой, сталъ рассказывать:
 Батюшка свѣтъ! видѣлъ суженую,
 Матушка-свѣтъ! видѣлъ ряженую.
 Сужена моя красна дѣвица,
 Душа ряжена раскрасавица.

№ 16.

Ты камка ли моя, камочка,
 Ты камка ли мелкотравчатая!
 Мелкотравчатая, узорчатая!
 Не давайся ты развертываться
 Ни по плису, ни по бархату,
 Ни тому плетню на золотѣ!
 Плетень волю взялъ:
 Камочку развернулъ,
 Всѣ узоры повысмотрѣлъ,
 Всѣ узоры узорчатые.
 Во высокомъ новомъ теремѣ
 Раздуша ли красна дѣвица
 Свѣтъ Марья Михайловна!
 Не давайся насматриваться
 Ни князю, ни барину,
 Ни тому сыну дворянскому.
 Дворянскій сынъ волю взялъ:
 Онъ взошелъ во высокъ теремъ,
 Занавѣсочку распахнулъ,
 Всѣхъ дѣвушекъ повысмотрѣлъ.

Одна-то ему показалась
 Свѣтъ Марья Михайловна.
 Взялъ ее за праву руку,
 Повелъ ее за дубовый столъ
 Къ родимому батюшкѣ,
 Къ государынѣ матушкѣ.
 Государь родной батюшка,
 Свѣтъ Иванъ Захаровичъ,
 Государыня родна матушка,
 Свѣтъ Пракосья Павловна!
 Хороша ль будетъ невѣстушка,
 Хороша ль будетъ голубушка?
 — Она намъ давно хороша,
 Только бы тебѣ была мила,
 Какъ наливчатое яблочко,
 Что по блюдечку катается,
 Ровно сахаръ разсыпается,
 Виноградомъ отзывается.

№ 17.

Еще что это за молодець такой,
 Свѣтъ Митрій Иванычъ удалой.
 Ходилъ, ѣздилъ по столичнымъ городамъ,
 Въ Кавань, Питеръ, во прекрасную Москву,
 Все искалъ себѣ невѣсту хорошу.
 Восхвалили во Свѣжскомъ ¹⁾ городу
 У Михайлы Николаича дочь.
 Еще что это за дѣвица така,
 Свѣтъ Марья Михайловна душа?
 Сама собой аккуратненькая,
 Во походочкѣ статненькая,
 Пройдетъ мимо, точно пава проплыветъ,
 Слово скажетъ, точно лебедь прокричитъ...
 Вижу возлѣ меня молодець сидитъ
 Свѣтъ Митрій Ивановичъ удалой!

¹⁾ Всегда называются тотъ городъ или село, гдѣ происходитъ смотрѣнье невѣсты.

Я такую досаду не стерплю:
 Подъ златымъ вѣнцомъ священнику скажу:
 «Меня, батюшка, неволей отдаютъ.

№ 18.

Во Свіяжскѣ славномъ городѣ,
 Во палатѣ бѣлой каменной,
 У стола, стола дубоваго,
 Противъ зеркала нѣмецкаго
 Стоялъ молодець кудри чесалъ,
 Чесалъ кудри, пріучесывалъ,
 Со дѣвицей разговаривалъ:
 Ты, душечка, перевей кудри,
 Ты, красавица, перевей русы!
 — «Захочу я, перевью кудри,
 Захочу, не перевью русы:
 Я теперя не въ твоей волѣ,
 Не въ твоей волѣ, твоей большинѣ:
 Я теперя въ волѣ батюшкиной,
 Я теперя въ волѣ матушкиной,
 Не твое теперь пью, кушаю,
 Я тебя, сударь, не слушаю!

№ 19.

Изъ Покровской изъ улицы
 Тутъ идетъ, идетъ удалый молодець
 За собой ведетъ дѣвицу,
 За собой ведетъ красавицу,
 Часто къ дѣвицѣ припадываетъ,
 Изъ ума ее вывѣдываетъ,
 Изъ рѣчей ее выспрашиваетъ:
 Ты скажи, скажи, дѣвица,
 Ты скажи, скажи, красавица!
 Неужели ты теперь моя?
 Неужели ты, душа, суженая?
 — Я теперь, я теперь не твоя:
 Я теперя, сударь, батюшкина,

Я теперича у батюшки живу,
Я его теперь пью, кушаю,
Я тебя, сударь, не слушаю.

.
Ты скажи, скажи, дѣвица,
Ты скажи, скажи, красавица!
Неужели ты теперь моя?
Неужель, душа, ты суженая?
— Я теперь, я теперь не твоя,
Я теперя, сударь, матушкина,
Я теперича у матушки живу,
Я ея теперь пью, кушаю,
Я тебя, сударь, не слушаю!

(Если эта же пѣсня поется на сговорѣ, послѣ домашняго обрученія, то за вопросомъ: неужель, ты, душа суженая? дѣвицы отъ имени невѣсты поють):

Вотъ теперь, вотъ теперь я твоя
Вотъ теперь я твоя суженая.

№ 20.

Ты заѣзжій молодець,
Ты залетный мой соколъ!
Не садись возлѣ меня,
Не бери правую руку,
Не ломай златые перстни.
Не ты перстень купилъ
Не ты, радость, золотилъ:
Купилъ перстень батюшка,
Золотила матушка.

III. С г о в о р ь .

Когда женихъ съ невѣстой обоудно понравятся, тогда дѣлается сговоръ, т.е. условіе о невѣстиномъ приданомъ и жениховыхъ дарахъ. Сговоръ у бѣдныхъ бываетъ тотчасъ послѣ смотра, у богатыхъ же онъ устраивается особо, дня черезъ три или четыре, и продолжается дня два, сопровождаясь весельемъ. Сговоръ устраивается въ домѣ невѣсты. На немъ родители — сваты

условливаются о приданомъ, дарахъ и днѣ свадьбы. Родители невѣсты просятъ съ жениха для дочери баранью шубу, крытую сукномъ или другой матеріей, смотря по достатку жениха, кофетки (вязаные изъ цвѣтныхъ шерстей ботинки), шаль или полушалку и денегъ отъ 1 р. до 10 рублей. Жениховы родители въ свою очередь просятъ за невѣстой постель, богатые перину и двѣ подушки, а бѣдные войлокъ и изголовье, жениху александрійскую рубашку и плисовые шаравары. Тутъ же уговариваются о взаимныхъ дарахъ для своихъ родственниковъ.

Когда обѣ стороны окончательно договорятся, жениха и невѣсту благословляютъ и обручаютъ. Одна изъ свахъ проговорить: «пожалуйте теплеца!», т. е. огня, зажечь предъ иконами лампадку. Родители обѣихъ сторонъ благословляютъ суженыхъ невѣстными иконами: жениха мѣднымъ распятіемъ, невѣсту Богородицей. За благословеніемъ слѣдуетъ домашнее обрученіе, совершается оно безъ священника, такимъ образомъ: жениху и невѣстѣ подаютъ два стакана пива; принявъ стаканы, и женихъ и невѣста берутъ кольца, которыми они будутъ обручаться въ церкви, и опускаютъ ихъ каждый въ свой стаканъ пива. Затѣмъ женихъ съ невѣстой трижды стаканами обмѣниваются, выпиваютъ до дна пиво, берутъ кольца и надѣваетъ женихъ невѣстину, а невѣста женихово. Послѣ этого обрученныхъ и всю родню хозяевъ сажаетъ за столъ, покрытый браной скатертью. Сидѣнье для жениха и невѣсты покрывается войлочкомъ.

За столомъ обрученнымъ подается большой изъ кислаго или прѣснаго тѣста пряникъ, а когда его нѣтъ, ломоть калабашки или сдобной лепешки. Женихъ съ невѣстой пряникъ разламываютъ надвое, и невѣста свою часть отдаетъ подругамъ. За пряникомъ подается короваецъ со свиной, подсыпанной кашей, жаркое и неспремѣнно цѣльный вилокъ капусты. У богатыхъ кромѣ того подаются моченныя яблоки, грузди, яичница, сухарникъ и проч. Все время стола отецъ жениха своей водкой угощаетъ родителей невѣсты, за тѣмъ всю ея родню и наконецъ свою родню. Когда родители невѣсты принимаютъ водку, тогда дѣвицы поютъ извѣстныя пѣсни, начинающіяся словами: «ужъ ты, батюшка, пей, да не пропей; ужъ ты, матушка, пей, да не пропей!».

Вмѣстѣ съ водкой невѣстинымъ родителямъ и роднымъ раздаются жениховы дары, — мужчинамъ дарятся пряники, кому

большіе съ кирпичъ, кому маленькіе: женщинамъ дарится мыло, кому фунтъ, кому меньше. При поднесеніи даровъ дѣвицами также поются пѣсни, онѣ начинаются: «ужь вы дары-то примайте, на сыры-то давайте; ужь ты, батюшка, не скудайся: за шелковъ кошелекъ хватайся: Дари ярочку съ ножками, барашка-то съ рожами, курочку съ хохолкомъ, пѣтушка съ гребешкомъ!» Когда жениховы дары всѣмъ будутъ разнесены, тогда начинаетъ дарить невѣста. Она съ матерью уходитъ въ чуланъ, мать ставитъ на тарелку водку или вино, а невѣста на другую тарелку кладетъ подарокъ, — французскій или шелковый платокъ. Съ водкой и платкомъ онѣ прежде всѣхъ подходятъ къ жениху. Женихъ выпиваетъ водку, платкомъ утирается вмѣсто салфетки, затѣмъ прячетъ его въ пазуху халата и на тарелку кладетъ деньги. Послѣ выпивки женихъ съ невѣстой въ первый разъ молодятся, т. е. цѣлуются. Такимъ образомъ невѣста съ матерью даритъ нарѣченныхъ свекра, свекровь, деверьевъ, замужнихъ золовокъ, дядевъ и тетокъ. Свекра невѣста даритъ лучшимъ своей работы полотенцемъ, свекровь — тонкимъ холстомъ аршина въ 3 — 4, другихъ женщинъ — также холстомъ, но въ меньшемъ количествѣ и добротой похуже. Мужчины обдариваются бумажными платками. Всѣ, получающіе подарки, также молодятся — цѣлуютъ невѣсту и кладутъ на тарелку по нѣсколько копѣекъ.

По окончаніи ужина и подарковъ, такъ какъ невѣста занята была поднесеніемъ даровъ и не ужинала, а женихъ не ужиналъ, потому что не было съ нимъ невѣсты, то суженые приглашаются въ чуланъ, гдѣ для нихъ накрывается особый столъ. Во время стола суженымъ дѣвицы поютъ величальныя пѣсни. Послѣ величальныхъ пѣсенъ жениху съ невѣстой, дѣвицы величаютъ ихъ родителей и всю родню. Когда суженые поужинаютъ, начинается шумное веселье: пѣсни, музыка, пляска, игры, смѣхъ и шутки; вино и пиво льется рѣкой, только женихъ съ невѣстой не принимаютъ въ этомъ весельи никакого участія: они одни остаются въ чуланѣ и ведутъ пріятныя разговоры. Дѣвицы въ это время за ними зорко слѣдятъ, и какъ только замѣтятъ, что женихъ выйдетъ изъ комнаты, тотчасъ прячутъ отъ него невѣсту. Женихъ возвращается къ своему мѣсту, но невѣсты уже нѣтъ; онъ глазами ищетъ невѣсту, а дѣвицы надъ нимъ шутятъ и смѣются: «Ты что, N. N., смотришь, али невѣсту потерялъ?»

Ну женихъ, неча сказать! Ты экъ-то пожалуй и жену-то потеряшь, ну ищи, чево главьтъ-то!» Жениху стыдно: онъ начинаетъ, искать, а дѣвицы еще болѣе смѣются: «ты ково ищешь»? Женихъ непремѣнно при этомъ свою невѣсту долженъ взвеличать по имени — по отчеству. Наконецъ женихъ невѣсту находить, но подруги ее все-таки не отпускаютъ отъ себя и просятъ съ жениха за невѣсту выкупъ. Женихъ дѣвушекъ цѣлуетъ и даетъ имъ денегъ, послѣ чего дѣвицы невѣсту отпускаютъ и женихъ уводитъ ее опять въ чуланъ. Веселье на сговорѣ продолжается до разсвѣта, за тѣмъ гости расходятся по домамъ. Жениха съ родителями дѣвицы провожаютъ до квартиры сговоренными пѣснями.

В) Сговорныя пѣсни :

№ 21.

(Послѣ благословенія при обмѣнѣ кольцами).

Гуляла въ лѣсу Машенька душа,
 Во зеленомъ Михайловна краса.
 Крыла лѣса плисомъ-бархатомъ,
 Листья низала скатнымъ жемчугомъ,
 Въ путь катила золото кольцо,
 Золото кольцо бриллиантовое.
 Прикатилось кольцо, прикатилось золото
 Ко синю морю, ко Хвалынскому.
 Закричала душа Машенька,
 Закричала же Ивановна
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 — Есть ли на морѣ перевозчики,
 Есть ли на синемъ молоденькіе?
 Перевезите меня на чужую сторону! —
 Душу Машеньку никто не видалъ,
 Голосу ея никто не слыхалъ,
 Только услышалъ Митрій Ивановичъ:
 «Я за тобой, Машенька душа,
 Я за тобой, Михайловна краса,
 Корабль пришлю со боярами».
 — Не присылай, Митрій господинъ,

Не присылай, Иванычъ дворянинъ,
 Со боярами корабль!
 Твой-то корабль прекачливый,
 А я дѣвица препугливая;
 Бояре твои пренасмѣшливые,
 А я дѣвица пресыдливая.—
 «Я за тобой, Машенька душа,
 Я за тобой, Михайловна краса,
 Самъ прилечу, подъ крыломъ унесу,
 Полегишь со мной бѣлой лебедью».
 — Мнѣ та сторона давно мила,
 Давно мила: кольцо принесла.

№ 22.

(При поднесеніи жениховыхъ даровъ родителямъ невѣсты поется):

Недолго цвѣточку во садикѣ цвѣсти,
 Недолго вѣночку на столикѣ лежать;
 Недолго дѣвицѣ въ дѣвушкахъ сидѣть,
 Недолго красавицѣ красоватися,
 Свѣтъ Марьѣ Михайловнѣ!
 Ты гордись, гордись, родной батюшка,
 Свѣтъ Михайло Николаевичъ!
 Ты не отдавай родимой дочери,
 Пока, батюшка, тебя зять не дарилъ
 Тѣми же сукнами аглицкими!
 Ты гордись, гордись, родна матушка,
 Свѣтъ Дарьѣ Пахомовна!
 Ты не отдавай родимой доченьки,
 Пока, матушка, тебя зять не дарилъ
 Тою же парчею на золотѣ.

№ 23.

(При поднесеніи невѣстныхъ даровъ жениху, поется):

Какъ сказали про молодца,
 Свѣтъ Митрія Иваныча
 Онъ и грозенъ и не милостивъ:
 Часто ѣздитъ мимо тестева двора,

Не заѣдетъ къ тестю въ гости никогда.
 Вотъ случилось заѣхати,
 Вотъ ударилъ конь копытомъ въ ворота:
 Веревочки запаталися,
 Воротички растворилися,
 Онъ въѣзжаетъ на широкій дворъ,
 Подъѣзжаетъ ко высокому крыльцу
 Какъ встрѣчаетъ его тестюшка,
 Какъ встрѣчаетъ его ласковый,
 Свѣтъ Михайла Николаевичъ,
 Онъ вводитъ его во высокъ теремъ.
 Услыхала душа дѣвица,
 Услыхала же красавица,
 Свѣтъ Марья Михайловна,—
 Закидалась, заметалась:
 Вы, подруженьки, голубушки мои!
 Вы берите золоты мои ключи,
 Отпирайте кедровые сундуки,
 Вынимайте сукна аглицкія,
 Кройте-ка вы молодцу сертукъ,
 Чтобъ ни дологъ, ни коротокъ былъ,
 Во подолъ-то располнистый,
 Къ ретиву сердцу прижимистый,
 Можно-бъ было на добръ конъ сидѣть,
 Рѣзвы ноги въ стремяна становить,
 Бѣлы руки во карманы опустить,
 Красныхъ дѣвушекъ червонцами дарить.

№ 24.

(Послѣ обмѣна дарами и рукобитья дѣвицы отъ имени невѣсты поютъ):

Раскачалася грушица
 Передъ яблонкой стоячи.
 Ахъ ты, яблонка, яблонка,
 Ахъ ты, яблонка кудрявая!
 Ты закрой меня, яблонка!
 Ты закрой меня, кудрявая,

Отъ дождя, дождя осеняго,
 Отъ морозу-то холоднаго!
 Какъ расплакалась Машенька,
 Какъ расплакалась Михайловна
 Передъ батюшкой стоячи,
 Передъ родимымъ воючи
 Свѣтъ Михайломъ Николаичемъ:
 — Охъ ты, батюшка свѣтъ родной!
 Ты на что, на что пиво варишь,
 Зелена вина накуриваешь?
 Или братца ты женить хочешь,
 Невѣстуску въ домъ берешь? —
 «Ты, дите ли, мое дитятко,
 Ты дитя ли мое милое!
 То не братца я женить хочу,
 Не невѣстуску я въ домъ беру,
 Я тебя хочу замужъ отдать!»
 — Охъ, ты батюшка, батюшка,
 Охъ ты, свѣтъ родной!
 Нельзя-ль думы передумать:
 Меня замужъ не выдати! —
 «Ты, дите ли, мое дитятко,
 Ты, дите ли, мое милое!
 Нельзя думу передумать:
 Тебя замужъ не выдати:
 По рукамъ у насъ ударено,
 На словахъ условлено,
 Чтобы быть тебѣ замужемъ
 За удалымъ добрымъ молодцомъ,
 Свѣтъ Митриемъ Иванычемъ».

№ 25.

Ходила свѣтъ Машенька
 По бережку, по крутому.
 Сломилъ Михайловна
 Верхъ съ березы съ кудрявой,
 Бросила верхъ Машенька
 Конямъ подъ ноги:

Стой моя, березышка
 Безъ верху кудряваго!
 Живи, родной батюшка,
 Вѣкъ безъ меня!
 При мнѣ тебѣ, батюшка,
 Тѣсно, видно было?
 Безъ меня, родимый,
 Не скучно ли будетъ?..
 Что ни свѣтъ селезенъ
 Тутъ выплываетъ:
 Свѣтъ Митрій Ивановичъ
 Машеньку вывѣдываетъ:
 — Скажи, скажи, Машенька,
 Кто воѣхъ милѣй тебѣ,
 Кого любишь больше всѣхъ? —
 — «Мила мнѣ милешенька
 Родимая матушка,
 Свѣтъ Дарья Пахомовна».
 — Неправда, неправда
 Неистинная, неистинная!

№ 26.

(По окончаніи стоворныхъ церемоній и общаго стола стоворенные женихъ съ невѣстой отдѣльно садятся за столъ обѣдать съ пряниками. Дѣвицы имъ поютъ):

Гдѣ лебедь былъ? Гдѣ лебедка была?
 Лебедь былъ на синемъ морѣ,
 Лебедка была на зеленомъ лугу.
 Богъ ихъ свесъ на единый лугъ.
 Теперь они на одномъ лугу,
 Теперь они одну травку клюютъ,
 Да травку-то все шелковую,
 Теперь они одну воду пьютъ
 Да водицу-то все ключевую:
 Гдѣ молодецъ былъ, гдѣ дѣвица была?
 Митрій Иванычъ былъ въ Свіяжскомъ городу,
 Марья Михайловна была въ высокомъ терему.

Богъ ихъ снесъ во одинъ теремъ,
 Во высокъ теремъ за единый столъ.
 Теперь они за единымъ столомъ,
 За единымъ столомъ за кедровымъ,
 Теперь они одни кушанья ѣдятъ
 Да все сахарныя,
 Теперь они одни питья пьютъ
 Да все сыченныя.
 Теперь они одну думу думаютъ,
 Думу крышкую, думу новую.

№ 27.

Виноградъ во саду растеть,
 Виноградъ во зеленомъ цвѣтеть,
 А ягода, а ягода поспѣлая,
 А ягода, а ягода созрѣлая.
 Виноградъ добрый молодецъ
 Свѣтъ Митрій Ивановичъ,
 А ягода красна дѣвица
 Свѣтъ Марья Михайловна.
 Рыбушка-стерлядушка
 По водѣ плыветь возмывается,
 А дѣвушкѣ мало можется
 Красавицѣ нездоровится:
 Ей батюшкинъ хлѣбъ ѣсть не хочется:
 Батюшкинъ хлѣбъ польнью пахнетъ,
 Онъ и горькою горчицею отзывается,
 А молодецъ хлѣбъ на сытѣ творень,
 Разудалова на сахарѣ мѣшень,
 Сладкимъ медомъ отзывается.

№ 28.

(Послѣ столованія сговоренныхъ, дѣвицы поютъ величальныя пѣсни ихъ родителямъ и женамъ родственниковъ):

а) родителямъ невѣсты:

Какъ у чарочки серебряной
 Золотой вѣночекъ,

Какъ у нашего хозяина,
 Свѣтъ Михайлы Николаича,
 Дорогой обычай:
 Гдѣ ни ходить, ни гуляеть,
 Ночевать приходитъ,
 Стучить, брячить за колечко,
 Кольцо золотое,
 Золотое, первитое
 И то именное:
 Выйди, выйди, хозяйюшка,
 Выйди меня встрѣтить;
 Выдь, Дарья Пахомовна,
 Стопри ворота!
 — Нейду, нейду, не встрѣчаю:
 Я дочь качаю,
 Ужъ я дочь-то качаю,
 Перемѣны чаю:
 Перемѣны себѣ чаю:
 Зятя молодова.
 Я куда-либо поѣду,
 Все къ зятю заѣду.

б) Родителямъ жениха:

Какъ у чароки серебряной
 Золотой вѣночекъ,
 Какъ у Ивана-то Захарыча
 Дорогой обычай:
 Гдѣ ни ходить, ни гуляеть
 Ночевать приходитъ,
 Стучить, брячить за колечко,
 Кольцо золотое,
 Золотое, первитое
 И то именное
 Выйди, выйди, душенька,
 Выйди меня встрѣтить,
 Выдь, Прасковья Павловна,
 Стопри ворота!
 — Нейду, нейду, не встрѣчаю:

Я сына качаю,
 Ужь я сына-то качаю,
 Перемяны чаю,
 Перемяны себѣ чаю:
 Сноху молодую.

№ 29.

Какъ по сѣнямъ было, сѣничкамъ,
 По частымъ переходичкамъ,
 Тутъ ходила, погуливала
 Благородная боярыня,
 Свѣтъ Прасковья-то Павловна.
 Она будила, побуживала
 Своего ли друга милаго,
 Свѣтъ Ивана-то Захарыча:
 Ужь ты встань, проснися, милый другъ,
 Пробудись, душа — отецкій сынъ!
 Случилась у насъ великая бѣда:
 Отвязался нашъ добрый конь
 Отъ столба, столба дубоваго,
 Отъ колечушка серебрянаго,
 Отъ другого позолоченаго;
 Онъ ворвался во зеленый садъ,
 Во калину со малиною.
 — Ты не плачь, моя умная,
 Не тужи, моя разумная!
 Наживемъ съ тобой зеленый садъ
 Со калиной, со малиною,
 Еще съ красною смородиной:
 Съ молодницею невѣстушкой.

№ 30.

в) Женатымъ роднымъ:

- 1) Во горенѣ во новой
 Стояль столикъ кедровый,
 Убить парчей голубой,
 Съ серебряной бахромой.

На столикъ набрано,
 Графинъ водки ставлено.
 N. N. дворянинъ
 По горенѣ проходилъ,
 Ко столику подходилъ,
 Графинъ водки сонималъ,
 Во рюмочку наливалъ
 Хозяюшкѣ подносилъ:
 (Имя) душењка,
 (Отечество) лапушка!
 Выпей рюмку для меня,
 Ради сына сокола!
 Лицомъ бѣла во себя,
 А разумомъ во меня!
 Роди дочку ласточку
 Лицомъ бѣлу во себя,
 А разумомъ во меня!
 За услугу такую
 Куплю шаль я дорогу,
 Носи шаль ты не жалѣй,
 Рости дѣтей да лелѣй!

№ 31.

- 2) Какъ по снѣжкѣ было, снѣжкамъ,
 По частымъ переходичкамъ,
 Тутъ ходила, погуливала
 Молода душа боярыня,
 Свѣтъ (имя и отчество),
 Во рукахъ у ней тарелочка,
 На тарелочкѣ камушки,
 Дорогие брилліантовые:
 Ужъ вы, камушки, камушки мои,
 Дорогие брилліантовые,
 Полежите вы малехонько,
 Я покуда молодешенька.
 Ужъ я выйду на красенъ крылецъ,
 Посмотрю младая на небо:
 Не свѣтло ли мѣсяць свѣтится,

Не чисты ли звѣзды на небѣ?
 Ужъ такъ весель, такъ весель мой мужъ,
 Свѣтъ (имя и отчество),
 Во чужимъ пиру сядючи,
 На чужихъ женъ косо глядючи,
 Свою жену восхваляючи:
 У меня жена умная,
 У меня жена разумная,
 Своему дому хозяйошка,
 Малымъ дѣтушкамъ матушка,
 Прислужающимъ нарядчица,
 Сиротамъ она призорщица.

IV. Время отъ сговора до дѣвичника.

На другой день сговора женихъ опять приходитъ въ домъ невѣсты, гдѣ ея подруги просятъ жениха покатать ихъ по селу: «прокати насъ, N. N! Посмотрѣть надо, какія у тея лошади-то, не хромы ли, не клячи ли». Женихъ выражаетъ согласіе; молодые парни запрягаютъ жениховыхъ лошадей въ большія, хорошія сани, подъ дугу подвязываютъ колокольчики, бубенчики и лошадей украшаютъ лентами и дареными платками. Въ сани помѣщаются дѣвицы, съ ними же садится женихъ и съ пѣснями катаются по всѣмъ улицамъ.

Невѣста кататься не ѣздитъ. Въ это время она остается въ домѣ только съ родителями и воетъ, съ плачемъ поетъ причитанія. Катанье продолжается до обѣда и постѣ обѣда, а вечеромъ въ домѣ опять начинается веселье: парни играютъ на гармоникахъ, дѣвицы поютъ и пляшутъ. Послѣ ужина женихъ и всѣ гости расходятся и отправляются въ свои деревни. Дѣвицы всѣхъ гостей провожаютъ до околицы съ пѣсней: «Воротися».

Послѣ сговора въ домахъ жениха и невѣсты начинается приготовленіе къ свадебному пиру: варятъ пиво, колютъ домашнихъ животныхъ, дѣвицы сушатъ и крошатъ лапшу и шьютъ невѣстѣ приданое. Главное приготовленіе идетъ въ домѣ жениха, потому что послѣ вѣнчанія вся родня — горные гости пируютъ у него дня два, три и болѣе, у невѣсты же бываетъ угощеніе только до вѣнчанія въ день брака, въ храбрый поѣздъ. Отъ сговора

до дѣвичника женихъ два или три раза пріѣзжаетъ съ своей сестрой или братомъ навѣстить невесту и всегда привозитъ гостинцы: пряники, орѣхи, рожки, конфеты, сдобную лепешку и короваецъ. Въ каждое посѣщеніе дѣвицы жениха съ невестой величаютъ пѣснями, а женихъ за это ихъ катаетъ по селу, даритъ имъ гостинцы и угощаетъ пивомъ и виномъ. Дѣвицы, выпивъ вино или пиво, посуду ставятъ на высокую полку, откуда женихъ долженъ взять ее самъ съ полу, не вставая на лавку и не привставая на цыпочки. Если женихъ малъ ростомъ и такъ достать не можетъ, то дѣвицы его конфузятъ и смѣются: Ай женихъ! не выросъ, да жениться захотѣлъ!

Въ этотъ же промежутокъ времени въ домъ невесты пріѣзжаетъ жениховъ отецъ условливаться о днѣ свадьбы и разныхъ разностяхъ. Онъ, между прочимъ, если другого прихода, привозитъ къ священнику свѣдѣнія изъ метрики о своемъ сынѣ, а отъ него беретъ свѣдѣнія о невестѣ для своего приходскаго священника. Отъ сговора до дѣвичника невеста ежедневно по вечерамъ и по утрамъ воетъ. Впрочемъ, безъ постороннихъ она что-нибудь работаетъ, шьетъ или вяжетъ; а какъ только услышитъ, что скрипнуть ворота или хлопнетъ калитка, такъ сейчасъ же бросаетъ работу и съ причитаіями бросается на встрѣчу идущаго. Подруги каждое утро сходятся къ невестѣ заплетать ей косу и пѣть пѣсни.

Г) Пѣсни и причитанія (вой) въ ожиданіи и пріѣзды жениха :

№ 32.

Зеленая роца, алыи цвѣты!
 А что къ намъ долго гостя нѣтъ,
 Свѣтъ Митрія Иваныча?
 Послала бы — послать некого,
 Написала бы — писать не умѣю,
 Сама бы пошла — не смѣю.
 Пойду, пойду къ батюшкѣ спрошуся,
 Родимой матушкѣ доложуся:
 Позволь, батюшка, въ садъ погулять:
 Землянички-ягодки собирать.
 — Гуляй, гуляй, дитятко, недолго,

Сбирай ягодокъ немножко:
 Тамъ есть поляночка дремлива,
 Тамъ есть ягодка сонлива.
 Брала, брала ягодки, устала,
 Легла подъ кусточекъ и уснула.
 Тутъ случилось мимо ѣхати
 Разудалому добру молодцу,
 Свѣтъ Митрію Иванычу.
 Онъ коня вернулъ — не свернулъ,
 Плеточкой махнулъ — не досталъ,
 Сошедши съ коня приласкалъ:
 Спи умная, разумная,
 Свѣтъ Марья Михайловна!
 Не ко сну идешь — ко дреманью,
 Не къ отцу идешь — ко свекру,
 Не къ мапушкѣ идешь — ко свекрови,
 Не къ братьямъ идешь — къ деверьямъ,
 Не къ сестрамъ идешь — къ золовкамъ.
 Только я тебѣ добрый молодець
 Утѣшеніе и защитушка!

№ 33.

Раздуша ли, красна дѣвица,
 Свѣтъ Марья Михайловна!
 Не хотѣла ты замужъ идти,
 Ты хотѣла въ монастырь идти,
 Ты хотѣла строить келейку,
 Что окошками на улицу,
 А дверями во зеленый садъ!
 Во саду было, во садикѣ,
 Во саду было во зеленымъ
 Тутъ гулялъ удалый молодець,
 Свѣтъ Митрій Ивановичъ,
 Чесалъ кудри свои русые,
 Онъ чесалъ ихъ пріучесывалъ,
 Самъ съ кудрями разговаривалъ:
 Прилегайте, кудри русые

Ко моей буйной головушкѣ,
 Къ моему лицу бѣлому,
 Лицу бѣлому, румяному!
 Привыкай ты, красна дѣвица,
 Привыкай-ка, дочь отецкая,
 Свѣтъ Марья Михайловна!
 Къ моему ли уму-разуму,
 Ко обычаю молодецкому,
 Что ко праву княжецецкому!
 Мнѣ хотѣлось жить у батюшки,
 У родимой своей матушки,
 Привыкать мнѣ не хотѣлося,
 Но тѣ рѣчи мнѣ понравились,
 Привыкать меня заставили
 Ко обычаю молодецкому,
 Что ко праву княжецецкому.

№ 34.

(Поется въ исключительныхъ случаяхъ при неблагопріятныхъ,
но неизбѣжныхъ условіяхъ):

Отдаютъ молоду за Волгу рѣку,
 Въ большую деревню, въ несогласну семью.
 Свекоръ говоритъ: вонъ медвѣдицу вѣдутъ,
 А свекровь говоритъ: надоѣдницу вѣдутъ,
 А деверья говорятъ: вотъ непряху вѣдутъ,
 А золовки говорятъ: вотъ неткаху вѣдутъ,
 А у печки-то три тетушки стоятъ,
 Въ одинъ голосъ всѣ про то же говорятъ.
 Позволь, позволь, свекоръ батюшка,
 Мнѣ по горенкѣ пройти, слово молвити:
 Что медвѣдица-то во сыромъ бору,
 Надоѣдница-то — лютая свекровь,
 Вы деверья соколы — у васъ жены таковы,
 Вамъ, золовки-колотовки, самимъ замужь ийти.
 А васъ, тетки-лебедки, поставить на порогъ
 Да втри-шеи всѣхъ тычками до воротъ!

№ 35.

(При встрѣчѣ жениха съ гостинцами):
 Долгимъ-долго со вечера,
 Близко-то, близко ко полуночи,
 Долгимъ-долго соколъ не летитъ,
 Долгимъ-то-долго ясенъ не летитъ.
 Знать-то соколъ далеко залетѣлъ,
 За тѣ города за столичные.
 Долгимъ-то-долго суженый не ѣдетъ,
 Долгимъ-то-долго ряженый не ѣдетъ.
 Глядь въ окно — молодецъ у воротъ,
 Глядь въ друго удалой у воротъ!..
 — Дома-ль, не дома-ль, душечка моя?
 Если дары шьеть, не мѣшайте вы ей!
 Если спать, то не будите вы ее!
 Во пиру сидитъ, не тревожьте ее!
 Услыхала же красна дѣвица,
 Свѣтъ Марья Михайловна.
 Побѣжала раскорехонько:
 Я, молодчикъ, во всю ночьку не спала,
 Вашему коню коверъ вышила,
 Ужъ я золотомъ и серебромъ
 Крупнымъ жемчугомъ вынизала.
 Ужъ вы нянюшки, мамушки мои,
 Вы сѣнныя красны дѣвушки!
 Удружите мнѣ въ пріятный часъ!
 Сослужите-ка въ послѣдній разъ!
 Не будетъ у васъ гостейки,
 Дорогой гостейки Машеньки,
 Принесите вышивной коверъ
 Свѣтъ Митрію Ивановичу!

№ 36.

Свѣтитъ мѣсяцъ во новомъ городу,
 Ясное солнце середъ Москвы.
 Въ афтомъ городу новъ теремъ стоитъ,
 Въ афтомъ терему душа дѣвица сидитъ,

Свѣтъ Марья Михайловна,
 Ждетъ-поджидаетъ гостя къ себѣ,
 Свѣтъ Митрія Иваныча,
 Часъ пожда, другой повременя
 Въ третьемъ часу соколомъ летить:
 Слышу, вижу, ѣдетъ молодець,
 Свѣтъ Митрій Ивановичъ.
 Сидитъ на конѣ, какъ соколъ на рукѣ,
 У коня хвостъ разстиляется,
 Грива прядями разсыпается.
 Подъѣзжаетъ онъ ко тестеву двору,
 Ко тестеву ко двору, невѣстину терему,
 Самъ разспрашиваетъ тестева слугу:
 — Дома ль тесть, дома ль теща моя,
 Еще дома ли невѣста моя,
 Машенька красавица душа?
 Если дома, шли бы встрѣтить меня,
 Дары шьеть, такъ не мѣшайте вы ей,
 Если спать, такъ не будите вы ее,
 Во саду сидитъ, такъ не зовите ее!
 Лучше самъ пойду, ужъ я самъ призову,
 Самъ призову и утѣшу ее.

№ 37.

(Поется во время катаній):

По дороженькѣ колясочка бѣжитъ,
 По широкой раскрашенная,
 Во колясочкѣ молодець сидитъ,
 Свѣтъ Митрій Ивановичъ,
 Не одинъ онъ, со товарищами,
 Со своими со любезными.
 Какъ по морю корабликъ плыветь,
 Какъ по синему изукрашенный,
 Не простой корабль — нагруженный,
 Красныхъ дѣвушекъ насаженный,
 Все-то подружекъ любезныхъ
 Свѣтъ Марьи Михайловны.

А она-то во теремѣ сидитъ
 На корабль дѣвичій глядитъ,
 Сама плачетъ возрыдаючи,
 Житѣ дѣвичье вспоминаючи:
 Ахъ, ты, житѣ, житѣ дѣвичье!
 Не нажить-то мнѣ такова житья
 Противъ батюшки родимова.
 Охъ, ты, нѣга, нѣга матушкина!
 Не нажить-то такой нѣги
 Противъ матушки родимья.

№ 38.

Какъ во нынѣшнемъ свѣтѣ
 А люшеньки-люли!
 Всѣ дѣвушки смѣлы...
 А одна-то всѣхъ смѣлѣй,
 Свѣтъ Марья Михайловна.
 Она къ Митрію подходила,
 Иванычу говорила:
 Свѣтъ Митрій Иванычъ!
 Пріѣзжай къ намъ на дѣвичникъ,
 Что на дѣвичій праздникъ.
 Привози съ собой шкатулку,
 Что шкатулку дорогую,
 Дорогую непростую:
 Пятьдесятъ аршинъ ленты,
 Всѣмъ дѣвушкамъ по лентѣ,
 Красавицамъ по перчаткамъ,
 И духовъ, и помадки,
 И гребенки, и булавки,
 И башмачки, и чулочки,
 На головушки вѣночки,
 На бѣлую грудь цвѣточки!
 Запишите на записку
 И башмачки, и чулочки,
 У васъ память-то плохая:
 Чрезъ порогъ переступили, —

Всѣ наказы позабыли:
 А наказы-то дѣвичьи
 Про наряды подвѣчные.
 А люшечки-люли!

№ 39.

(Если женихъ скупъ, дѣвицы ему поютъ):

- 1) Мы пѣсенъ много перепѣли,
 У насъ въ горлышкахъ пересохло.
 Мы невѣстино пиво пивали,
 Отъ жениха угощенья не видали.
 Мы пойдёмъ-те, дѣвицы, на рѣчку,
 Испьемъ-те на рѣчкѣ водицы,
 Со ледкомъ холоденькой.
- 2) Митрія мать провожала,
 Въ платокъ гривну завязала:
 Велѣла ему дѣвицъ подарити
 Не рублемъ, не полтиною:
 Одной золотой гривною.
- 3) Митрій, сударь, догадайся!
 За шелковъ кошелекъ хватайся,
 Серебро въ кошелекъ шевелится,
 На ребрышко становится,
 Подари дѣвицъ полтиной,
 Подари золотой гривной!

№ 40.

(Провожая жениха поютъ):

Митрій, сударь, не сердися!
 Ко Машенькѣ воротися!
 Ой люли, ой люли!
 А Машенька выходила,
 Во слѣдъ ему говорила:
 Митрій, сударь, воротись,
 Свѣтъ Иванычъ воротись!

Ужъ я радъ бы воротился:
 Добрый конь мой не стоять,
 Добрый конь мой не стоять,
 Въ путь-дороженьку спѣшить,
 Красно солнце лицо жжетъ,
 Меня мати дома ждетъ...

№ 41.

(Причитанія или вытѣ невѣсты. Причитанія невѣсты весьма разнообразны: ихъ каждая экспромтомъ сочиняетъ по своему, но есть и шаблонныя, напримѣръ):

- 1) Ой ты, батюшка родимый!
 Ты за что прогнѣвался
 На свою дочь родимую?
 Отдаешь меня во чужи люди,
 На чужую дальнюю сторону.
- 2) Родимая моя матушка!
 Мое сердечушко надрывается,
 Уста кровью запекаются,
 Какъ мнѣ жить во чужихъ людяхъ,
 У чужого отца матери?
- 3) Братецъ, постарайся,
 Братецъ, поломайся!
 Не продавай сестру
 Ни за рубль, ни за золото!
- 4) Сестрица, голубушка!
 Не отпирай воротъ гостямъ,
 Не пускай гостей незнаемыхъ
 На широкій дворъ!
- 5) Ахъ, дѣвушки, подруженьки,
 Придумайте, пригадайте,
 Какъ мнѣ свекра звать,
 Какъ свекровь величать?
- 6) Свѣтъ ты, моя волюшка,
 Свѣтъ ты, моя нѣгушка!

Куда-то свою волюшку
 Мнѣ пустить будетъ?
 Пущу свою волюшку
 Во чистое поле.

- 7) Ты, коса ли моя,
 Руса коса!
 Руса коса — дѣвья красота!
 Мнѣ не долго тобой красоваться
 Одну ноченьку любоваться!

V. ДѢВИЧНИКЪ.

Наканунѣ свадьбы, въ дѣвичникѣ, дѣвицы топятъ для невѣсты баню. Въ банѣ моютъ невѣсту съ пѣснями и угощаются тамъ пирогами и гостинцами. Каменку для пара поливаютъ виномъ и моются всѣ жениховымъ мыломъ. Когда придетъ невѣста изъ бани, то родителямъ кланяется въ знакъ благодарности въ ноги и причитаетъ благодарности.

Затѣмъ любимыя подруги или сестры мелко-на-мелко плетутъ невѣстѣ косу. Дѣвицы поютъ на этотъ случай пѣсню, невѣста плачетъ. Послѣ уборки головы невѣсту покрываютъ шелковой фатой и сажаютъ за столъ, она продолжаетъ плакать, а дѣвицы пѣть. Нѣкоторыя невѣсты плачутъ дѣйствительно, а нѣкоторыя притворно, лишь бы не оправдать на себѣ старую пословицу: не наплачешься за столомъ, такъ наплачешься за столбомъ. На дѣвичникѣ подруги невѣсты, кромѣ пѣнія, занимаются украшеніемъ брачной постели, огороднаго репья, свиной головы и коровайца. Все это украшается разноцвѣтными лоскуточками матерій, конфетными облатками и другими бумажками. Махровыя бумажки наворачиваются на лучинки, отчего получается видъ сосенокъ, эти сосенки втыкаются въ уши, ноздри, ротъ и глаза свиной головы и въ короваецъ. Кромѣ этого, голова и короваецъ украшаются ростками свеклы; они у крестьянъ замѣняютъ живые цвѣты — мирточки. Украшенный репей подвѣшивается къ потолку надъ столомъ, какъ лампа, и во время прибытія храбраго поѣзда спускается по шнурку до самаго стола. Послѣ трудовъ дѣвицы угощаются ужиномъ и расходятся по домамъ.

Д) Пѣсни въ день дѣвичника :

№ 42.

(Невѣста послѣднее время естественно находится въ возбужденномъ состояніи, ей не спится, и вотъ въ день дѣвичника, какъ только придуть къ ней подруги, она обращается къ нимъ: Спалась ли вамъ, подруженьки, темная ночь? Подруги ей подпѣваютъ):

Спалась ли вамъ, подруженьки,
Темная ночь?
А мнѣ, горькой, не спалось,
Много видѣлось.
Нехорошій сонъ привидѣлся:
У пустой хоромины
Углы отвалилися,
По бревну раскатилися,
По двору-то ходить сѣрый гусь,
По сѣнямъ-то сѣра гусыня,
А во горницѣ голуби,
А по окошкамъ-то ласточки,
Передъ печкой лебедушки,
На зеркалѣ младъ-ясенъ-соколъ.
Разсудите-ка, подруженьки,
Разсудите-ка, голубушки,
Мой нехорошій сонъ!
— Пустая-то хоромина —
Чужа дальна сторонушка,
По бревну-то раскатилась —
Всѣ родные отступились,
По двору-то сѣрый гусь —
Это свежоръ батюшка,
Сѣрая-то гусыня —
Это свекровь матушка,
Во горницѣ-то голуби —
То твои деверья,
На окошкахъ ласточки —

Милыя золовущи,
 Передъ печкой лебедушки —
 То твои невѣстущи,
 На зеркалѣ ясея соколъ —
 Разудалый добрый молодець,
 Свѣтъ Митрій Ивановичъ.

№ 43.

(Дѣвицы, истопивъ баню, ведутъ въ нее невѣсту. Невѣста, проходя дворомъ и садомъ, прощается со своимъ роднымъ гнѣздышемъ, между прочимъ съ конями, рѣчкой и садомъ. Въ это время подруги поютъ):

Ранымъ-рано на зарѣ
 Стояли кони на дворѣ.
 Никто коней не любилъ,
 Никто за ними не ходилъ,
 Возлюбила дѣвица,
 Возлюбила красавица,
 Свѣтъ Марья Михайловна.
 Она шла-прошла
 Широкимъ дворомъ,
 Зашла къ воронымъ конямъ,
 Сыпала сахару вмѣсто овса,
 Лила сыты вмѣсто воды,
 Лила сыту — говорила:
 Пейте вы, кони, кушайте,
 А вы, слуги, слушайте!
 Будьте къ завтраму готовы
 Къ обѣднѣ мнѣ ѣхати,
 Подъ златъ вѣнецъ стати —
 Къ суженому ѣхати,
 Свѣтъ Митрію Иванычу
 Далъ-подалъ отъ батюшки,
 Далъ-подалъ отъ родимова,
 Ближе-поближе ко свекру въ домъ,
 Ближе-поближе къ ласковому въ домъ.

№ 44.

На морѣ лебедушки плавали,
 На синемъ лебедь бѣлая плавала,
 Мылася, купалася,
 Мывшись, купавшись
 Лебедь встрепенулася,
 Жалобу творила на лебедя:
 Богъ судья тебѣ, лебедь бѣлый,
 Не даешь мнѣ на морѣ плавати.
 Во высокомъ Михайловна
 Во теремѣ свѣтъ Машенька
 Плакала жалобнехонько,
 Жалобу на батюшку творила:
 Богъ судья тебѣ, батюшка родной!
 Не даешь мнѣ въ дѣвицахъ посидѣть,
 Не даешь покрасоватися.
 Молоду во чужи люди отдаешь,
 Зелену въ незнакомы снаряжаешь!
 Миленькій остается зеленый садъ,
 Во садикѣ остаются три цвѣтка:
 Бѣлый ландышъ, голубой василекъ,
 Роза — мой миленькій цвѣтокъ.
 Первый цвѣтъ — воля батюшкина,
 Второй цвѣтъ — нѣга матушкина,
 Третій цвѣтъ — житье дѣвичье.
 Сестрица! вставай рано безъ меня,
 Поливай мои три цвѣтка:
 Бѣлый, голубенькій, розовый,
 По утру утренней росю,
 Еще вечеромъ горячею слезю!

№ 45.

(Въ банѣ дѣвицы выпытываютъ у новѣсты):

Не тошно ли тебѣ, рѣченька,
 По лугамъ разливатися?
 По лугамъ, лугамъ зеленымъ,
 По кусточкамъ, по ракитовымъ,

По цвѣточкамъ по лазоревымъ?
Кабы мнѣ да не тошно было,
Текла бы я не колыхалася,
Изъ -края въ край не плескалася,
Круты бережки не портила,
Съ горь желты пески не сыпала.
Не тошно ли тебѣ, дѣвица,
Не тошно ли тебѣ, красавица,
Свѣтъ Марья Михайловна,
Въ чужи люди замужь идучи,
За удала добра молодца,
Свѣтъ Митрія Иваныча,
Ко чужому отцу-матери,
Ко чужому роду-племени?
— Кабы мнѣ да не тошно было,
Шла бы замужь я, не плакала,
Бѣла личика не портила,
Очи-бъ ясны не туманила,
Горючи слезы не ронила
Батистова платка не мочила.
Ахъ вы, милья подруженьки!
Еще какъ мнѣ не плакати?
Отдають меня горькую,
Отдають горемычную
На чужую дальню сторону,
Если-бъ не былъ тамъ зазнобушка,
Свѣтъ Митрій Ивановичъ,
Съ свѣтомъ вольнымъ я-бъ разсталася.

№ 46.

На морѣ лебедушка мылася,
На синемъ лебедь бѣлая купалася.
Жалобу творила на сокола,
Жалобу творила на яснаго:
Богъ судья тебѣ, соколъ мой,
Богъ судья тебѣ, ясный мой!
Разорилъ ты теплое гнѣздышко

Распугаль ты малыхъ дѣтушекъ! —
 Въ банькѣ дѣвица мылася,
 Въ мыленкѣ красавица купалася.
 Жалобу творила на свахоньку:
 Богъ судья тебѣ, свахонька!
 Богъ судья тороватенька!
 Молодешеньку засватала,
 Молодохоньку, зеленешеньку
 На чужую дальню сторону
 Ко чужому отцу-матери,
 Ко чужому роду-племени!

№ 47.

(По выходѣ изъ бани подруги въ чуланѣ въ послѣдній разъ
 невѣстѣ мелко-на-мелко плетутъ одну дѣвичью косу и наряжаютъ
 суженую на дѣвичій праздникъ, при этомъ поютъ пѣсни):

- 1) Цвѣли, цвѣли цвѣтики
 Утренней зарею
 Люли, люли, люшеньки
 Утренней зарею ¹⁾.
 Цвѣли цвѣты въ садикѣ
 Алыми цвѣтами,
 А все на дѣвичью
 На буйную голову...
 А все на красавицыню
 На русую косу...
 Отпадали цвѣтики
 Машенькѣ на головку,
 Отпадали алые
 Михайловнѣ на косу.
 Не мы ль тебѣ, дѣвица,
 Давно говорили?
 Мы тебя, красавица,
 Не худу учили.

¹⁾ Припѣвъ Люли... поется послѣ каждого двухстишія съ повтореніемъ
 послѣдняго стиха.

Жила бы у батюшки
 Тихо да скромно...
 Ходила-бы по сѣничкамъ
 Дверьми не стучала,
 Брала бы ты ключики
 Ключьми не брячала,
 Родимаго батюшку
 Ты бы не будила,
 Родимую матушку
 Ты бы не гнѣвила,
 За новы воротички
 Ты бы не ходила,
 Митрія Иваныча
 Въ гости не просила, ...
 Чаемъ бы да кофіемъ
 Его не поила, ...
 Сладкими конфѣтами
 Его не кормила,
 Рѣчей бы ласковыхъ
 Съ нимъ не говорила,
 Золотымъ колечушкомъ
 Его не дарила!
 Люли, люли, люшеньки
 Его не дарила.

№ 48.

- 2) На морѣ утушка купалася,
 На синимъ полоскалася.
 Еще какъ-то мнѣ, утушкѣ,
 Еще какъ-то мнѣ, сѣрой,
 Съ нимъ, моремъ, разстатися,
 Со синимъ моремъ Хвалынскимъ,
 Со желтымъ пескомъ со сыпучимъ,
 Со бѣлымъ камнемъ со горячимъ?
 Не разставшись я разстанусь,
 Не подъявшись поднимусь,
 Съ синяго моря Хвалынскаго,

Со желта песка сыпучаго,
 Со бѣла камня горючаго.
 Пристаю я, сѣра утушка,
 Ко водѣ, ко болотинѣ,
 Ко травѣ ко осочинѣ.
 Во високомъ новомъ теремѣ
 Раздуша ли красна дѣвица,
 Свѣтъ Марья Михайловна,
 Хорошехонько наряжается,
 Въ цвѣтно платьице одѣвается.
 Всѣ дѣвушки любятъся,
 Красавицы дивуются.
 Не любуйтесь, подруженьки,
 Не дивуйтесь, голубушки!
 Отстаю я, красна дѣвица,
 Отъ своо отца-матери,
 Отъ своо роду-племени:
 Пристаю я, красна дѣвица,
 Ко чужому отцу-матери,
 Ко чужому роду-племени.
 Къ разудалу добру молодцу,
 Свѣтъ Митрію Иванычу.

№ 49.

(Послѣ убора головы, нарядившись по праздничному, невѣста съ подругами выходитъ изъ чулана, покрытая шелковой фатой, и садится съ ними за столъ. Она плачетъ. Дѣвицы поютъ):

- 1) Ахъ, вы, сборы, сборы дѣвичьи!
 Сбирала Машенька всѣхъ подругъ,
 Сбирала Михайловна всѣхъ дѣвицъ,
 Сажала она всѣхъ за столъ,
 Сама-то садилась выше всѣхъ.
 Задумала думушку крѣпче всѣхъ.
 Подружки, голубушки вы мои,
 Придумайте мнѣ, пригадайте!
 Еще какъ мнѣ будетъ свекра звать?
 Свекромъ назвать — осердится,

Батюшкой назвать — не хочется.
 Убавлю я спеси — гордости,
 Прибавлю смиренства — кротости:
 Назову я свекра батюшкой,
 А свекровушку матушкой.

№ 50.

- 2) На горѣ стоитъ зеленъ садъ,
 Во садикѣ канареечка сидитъ,
 Во зеленомъ молоденька сидитъ.
 Слетались къ ней мелки пташечки,
 Мелки пташечки канареечки.
 Ахъ, ты, свѣтъ наша канареечка,
 Ахъ, ты, свѣтъ наша молоденька!
 Знать намъ къ тебѣ не летовати,
 Пшена съ просомъ не клевывати,
 Улетишь, наша канареечка,
 Улетишь, наша размолоденька,
 За тѣ лѣса за дремучіе,
 За тѣ моря за глубокія,
 За тѣ бережка за крутенькіе!
 Во высокомъ новомъ теремѣ
 Душа красна дѣвица сидитъ.
 Къ ней подружки соходилися,
 Къ ней любезныя собиралися.
 Охъ, ты, свѣтъ наша подруженька,
 Охъ, ты, свѣтъ наша любезная,
 Свѣтъ Марья Михайловна!
 Знать-то намъ къ тебѣ не хаживати,
 Тайныхъ рѣчей не говаривати!
 Увезуть тебя, подруженьку,
 Увезуть тебя, любезную
 За тѣ лѣса за дремучіе,
 За тѣ моря за глубокія,
 За тѣ бережка за крутенькіе,
 Къ Митрію въ нову горницу,
 Къ Ивану въ высокъ теремъ!..

№ 51.

(Дѣвичникъ продолжается до глубокой полночи. Кромѣ приведенныхъ здѣсь пѣсенъ, поются и другія, и когда отецъ съ матерью, не принимающіе въ дѣвичьемъ праздникѣ активнаго участія, утомившись приготовленіями къ свадьбѣ, заснутъ, невѣста еще болѣе затоскуеть, въ это время подруги ея запѣваютъ прощальную лебединую пѣсню):

Не низко, не высоко соловей гнѣздо совиваетъ,
 Не близко, не далеко отецъ дочь выдаетъ.
 Какъ ни павынька по двору ходила,
 Ни павлинья сизы перышки ронела:
 Красна дѣвица по широкому двору ходила,
 Машенька къ высокому терему подходила,
 Тиху, умну рѣчь говорила:
 Ты, хитроумный замокъ, отоприся,
 Полуженная цѣпь съ пробоя сломися,
 Кипарисная дверь съ порога отворися,
 Шитый брадный пологъ распахнися,
 Родной батюшка пробудися,
 На родимую дочку наглядися:
 Мнѣ не годъ здѣсь годовати,
 Мнѣ не зимушку зимовати,
 Мнѣ не красно лѣто лѣтовати,
 Одну темную ночь ночевати,
 И ту ноченьку всю не спати!
 Не знаю съ батюшкой прощаться,
 Не знаю съ матушкой думу думать,
 Не знаю съ подружками разставаться?
 Вы разстанныя мои разстани,
 Вы разстани мои слезовыя!..

VI. Молодецкій вечеръ и утро у жениха.

Женихъ на дѣвичникѣ не бываетъ, въ это время въ своемъ домѣ онъ устраиваетъ молодецкій вечеръ. Къ жениху сходятся всѣ товарищи и родные. На этомъ вечерѣ бываетъ выборъ въ свадебныя роли. Въ дружки выбирается одинъ изъ женатыхъ

родственниковъ, ловкій, расторопный и голосистый. Обязанность дружки распорядиться всѣмъ пиромъ. На пиру все дѣлается по его приказанію, по его выключкамъ — онъ командиръ князя и княгини, т. е. жениха и невѣсты. Выключки дружки — кому, когда и что сдѣлать — всѣ рюмованныя.

Дружкѣ выбирается помощникъ, подружье, ловкій парень. Крестный отецъ жениха назначается тысяцкимъ, крестная мать — коренной свахой, деверья жениха выбираются въ большіе баре, другіе родные въ средніе баре и малы баре, сосѣди въ послане, товарищи и братья жениха въ повозники. Тетки и снохи выбираются въ поварихи, дальнія родственницы въ гвоздарихи. Первыя готовятъ и разносятъ яства, а вторыя питья. Тысяцкой съ коренной свахой благословляютъ жениха съ невѣстой, подружье помогаетъ дружить, повозники замѣняютъ кучеровъ, послане въ родѣ прислужниковъ, а баре — чистые баре, они только угощаются и чванятся. Послѣ выбора всѣхъ чиновъ бываетъ веселье, угощеніе и ужинъ, а поварушки затопляютъ печку и начинаютъ съ вечера готовить кушанья къ завтрашнему горному или сырному столу.

Утромъ въ день брака въ домѣ невѣсты идетъ приготовленіе къ вѣнцу и принятію храбраго поѣзда. Невѣста какъ встанетъ, причитаетъ: «Спалась ли вамъ, подруженьки, темная ноченька?» и пр. Косу невѣстѣ въ это утро плететъ сама мать, обѣ горько причитаютъ и плачутъ; подруги межъ тѣмъ укладываютъ въ коробъю невѣстино приданое, причемъ кладутъ ей въ коробку свои гостинцы, какіе-нибудь подарочки и сдобныя лепешечки. Къ невѣстѣ собираются всѣ родные и несутъ съ собой хлѣбъ-соль — пирогъ или коровай хлѣба. Коровай разставляютъ по столамъ, кромѣ того на каждый столъ ставится ведро пива и ковшикъ.

Въ домѣ жениха съ утра собирается храбрый поѣздъ за невѣстой. Когда соберутся всѣ поѣзжане, бываетъ столованіе, но женихъ, по правиламъ церкви, не обѣдаетъ. Послѣ обѣда родители и крестовые отецъ съ матерью жениха благословляютъ къ вѣнцу, послѣ благословенія выходятъ и садятся на подводы. На первую тройку или пару садятся дружка съ подружьемъ, на вторую большіе баре, на третью женихъ съ тысяцкимъ, на четвертую коренная сваха, подсвашье и повозникъ, на слѣдующія подводы садятся меньшіе баре, на послѣднія сосѣди — послане. На

всѣхъ подводахъ привязаны колокольчики и дуги украшены платками и ленточками. Посляне берутъ съ собой боченокъ пива и допій съ говядиной пирогъ, а дружка свою ногайку (символь его власти и средство къ водворенію порядка) и пистолеть или ружье. Свахи берутъ узель съ жениховыми дарами, шубой и проч. Когда всѣ усядутся на подводы, родитель жениха, съ иконой Спасителя или Николая Угодника, обходить трижды кругомъ поѣзда, всѣ крестятся и цѣлуютъ икону, затѣмъ икона отдается тысяцкому; родители поцѣлуютъ сына, и поѣздъ трогается.

Е) Пѣсни въ домъ жениха и выклички дружки при снаряженіи утромъ храбраго поѣзда за невестой.

№ 52.

У сахарнаго деревца
 Золотыя были отрасли,
 Золотыя были отрасли,
 Что отросточки серебряные:
 У отца было у матери
 Разъедино было дѣтище,
 Его матушка нѣжила,
 Нѣжила, лелѣяла,
 По головушкѣ гладила,
 Сама приговаривала:
 Ты расти, мой сыночекъ,
 Умный да разумный,
 Будь, сынокъ талантливый,
 Къ невестамъ будь счастливый,
 Къ боярамъ уклончивый,
 Добрымъ людямъ услужливый!
 Вздумаешь, другъ, жениться,
 Поѣдешь къ тестю въ гости
 И ко ласковой тещенькѣ;
 Ужъ ты въѣдешь на широкій дворъ,
 Не пускай коня по двору,
 Ты отдай коня конюхамъ,
 Чтобы взяли на конюшій дворъ,

Накормили бы его пшеницею,
Напоили бы его сытницею;
Ты взойдешь на красенъ крылецъ,
Обтирай ноги рѣзвья
Объ ковры, ковры шелковые,
Что объ скобы серебряныя,
Объ круга-то позолоченыя;
Ты взойдешь во новы сѣни,
Скидай шляпу пуховую;
Взойдешь во высокъ теремъ,
Ты не много Богу молись,
Ты не низко тестю кланяйся,
Ты не ниже того тещенькѣ,
Узнавай свою сужену-ряжену,
Свѣтъ Марью Михайловну.
Твоя суженая сваряжена,
Впереди сидитъ княгиню,
Роста она середняго,
На ней платице матерево,
На ней шаль левантинова,
На головушкѣ убрано,
Въ ушахъ серьги жемчужныя,
На рукахъ кольца золоченыя,
Во перстняхъ камни алмазные.
Ты бери ее за праву руку,
За праву руку, золотъ перстень,
Ты веди ее въ церковь Божію,
Ко злату вѣнцу, ко коронѣ.
На коронѣ написана: разлука:
Разлучить душу дѣвицу
Со батюшкой и со матушкой.
Отъ злата вѣнца домой къ себѣ веди,
Отца съ матерью о суженой спроси:
Родимый батюшка и матушка!
Мила ли вамъ невѣстущка?
— Охъ, ты, дитятко милое,
Разудалый добрый молодець!
Лишь бы тебѣ была мила,

Намъ давно она показалась
 Милѣ свѣту вольнаго,
 Бѣлѣ снѣгу бѣлаго:
 Какъ наливное яблочко,
 Что по блюдечку катается,
 Ровно сахаръ разсыпается,
 Виноградомъ отзывается!

№ 53.

Ужъ ты поле, полечко!
 Убита дорожка ковричкомъ.
 Убиваль дорожку молодець,
 Свѣтъ Митрій Ивановичъ,
 Часто къ дѣвицѣ ходючи,
 Дорогіе подарки носючи:
 Первый подарокъ чай, кофей,
 Второй подарокъ медъ, сахаръ,
 А третій подарокъ весь приборъ,
 Со приборомъ-то самъ на дворъ.
 На дворѣ-то стоитъ новъ теремъ,
 Не низокъ теремъ, не высокъ,
 Хорошо теремъ изукрашенъ
 Всякими разными красками,
 По стѣнамъ-то черный соболь бьетъ.
 Невесель, невесель молодець,
 Хорошо только снаряженъ,
 Снарядила его матушка
 Подъ златымъ вѣнцомъ стояти,
 Законъ Божій приняти
 Съ душой красной дѣвицей,
 Свѣтъ Марьей Михайловной.

№ 54.

На горѣ-горѣ на высокой, на крутой
 Стоитъ городокъ, городъ каменный.
 Въ этомъ городу сила войска стоять.
 Силою силенъ, воеводою воленъ.

При полку майёръ-добрый молодець,
Дворянинъ Митрій Ивановичъ.
Хочеть городъ взять, всѣхъ въ полонъ побрать
Съ красной дѣвицей душой, красавицей госпожей,
Свѣтъ Марьей Михайловной.
А дѣвушка затужилася,
Красавица загорюнилася,
Стала говорить, плакать и тужить:
Ахъ, гы, батюшка родной,
Поди выкупи меня,
Поди выручи меня,
Ты отдай за меня
Либо сто, либо двѣсти,
Либо тысячу рублей!
Они люди не такіе,
Неразсудливы они:
Они денегъ не берутъ,
Ни на откупъ не даютъ:
Просятъ, другъ, тебя
Изъ высока терема!

№ 55.

(Распорядительныя выкличьи (команда) дружки передъ напутнымъ завтракомъ, во время и послѣ него; предъ благословеніемъ жениха и передъ выѣздомъ храбраго поѣзда за невѣстой):

- 1) Благослови, батюшка,
Князя молодого!
Столики раздвинуть,
Скатерти накинуть,
Добрыхъ гостей попотчевать!
Не были-бъ гости безчестны,
Были бы честны,
Хвальны и радостны:
Отъ сахару сыты,
Отъ винограду пьяны,
Отъ добра слова употчеваны!

- 2) Поварь-поварушка,
 Добрая старушка!
 Дай-ка намъ попить, поѣсть,
 Добрыхъ гостей попотчевать!
 Поварь-поварушка,
 Добрая старушка!
 Пожалуй-ка мастерочка,
 Вострого ножочка,
 Курій пирогъ рушать,
 Лебеда кушать!
 Поварь-поварушка,
 Добрая старушка!
 Пожалуйте-ка весельца,

(ложки)

Было бы намъ чѣмъ
 Черезъ Волгу переѣхать!
 Поварь-поварушка,
 Добрая старушка!
 Подай для яства сахарныя,
 Ни шитова, ни бранова, —
 Чѣмъ сѣно метають,
 Въ уста яству таскають

(вилки).

- 3) Гости званы, гости браны!
 Просимъ покорно,
 Мѣсто просторно
 Изъ куту по лавкѣ,
 Впередъ по скамейкѣ
 За столы дубовые,
 За скатерти браныя,
 За яства сахарныя,
 За питья медвяныя,
 Хлѣба-соли покушать,
 Умныхъ рѣчей послушать!
 Садитесь!
- 4) Есть ли батюшка и матушка
 У нашего князя молодого?
 Извольте до стола достигнуть,

Яству начало сотворить,
 Добрыхъ гостей попотчевать
 Хлѣбомъ солюю!

- 5) Гости званы, гости браны!
 Полюбите хлѣба-соли!
 Не будьте безчестны,
 Будьте честны,
 Хвальны и радостны,
 Отъ сахару сыты,
 Отъ винограду пьяны,
 Отъ ласкова слова употчеваны!
 Не всякому на имя,
 Всѣмъ низко кланяемся!
 По хозяйской по милости
 Кушайте!

- 6) Поваръ-поварушка,
 Добрая старушка!
 Перемѣняй сахарно яство!
 Перемѣнь челомъ бьетъ,
 Слаще этого ждетъ!
 Поваръ-поварушка,
 Добрая старушка!
 Пожалуй-ка подливочекъ,
 Сметанки да сливочекъ!
 Холодненькихъ!

- 7) Гвоздари — бочкари,
 Скоропоспѣшнички!
 Дружка пить хочеть,
 Говорить не можеть.
 Подайте ковшомъ, ведромъ,
 Не то несите ушатомъ!

- 8) Поваръ-поварушка,
 Добрая старушка!
 Встань на куньи лапки,
 Побѣгай по посудной лавкѣ!
 Загляни-ка въ чело,
 Не осталось ли чего?
 Что есть въ печи,

Все на столь мечи,
А что въ подполѣ,
Неси въ подолѣ!

№ 56.

- 9) Есть ли у нашего князя
Батюшка родимый?
Есть ли у нашего князя
Матушка родима?
Благословите чадо мило,
Дѣтище любимо
Во путь во дорогу
Съѣздить по сужену-ряжену;
Сужену-ряжену взять
Подъ златъ вѣнецъ стать,
Законъ Божій принять,
Воску ярова свѣчу подержать,
Церковнаго пѣтя послушать!
- 10) Гости званы, гости браны!
Дружка изъясняетъ,
Какъ чинъ полагаетъ:
Напередъ идетъ дружка,
За дружкой подружье,
За подружьемъ тысяцкій,
За тысяцкимъ самъ князь молодой,
За княземъ-то свахонька,
За свахонькой идетъ весь поѣздъ.
- 11) Гости званы, гости браны!
Баре! садитесь по мѣстамъ,
Какъ ясны соколы по гнѣздамъ!
Баре по лавкамъ размѣстидись,
Стали, Богу помолились,
За хлѣбъ-соль поблагодарили,
Дары съ собой захватили,
Теперь на коней, съ Богѣмъ!
Кони на дворѣ готовы!

VII. Отъ пріѣзда поѣзда къ селу до входа въ домъ невѣсты жениха.

Въ полѣ поѣздъ мчится, колокольчики бреччатъ, повозники гикаютъ, всѣ встрѣчные — пѣшіе и конные — еще издали сворачиваютъ съ дороги и крестятся на икону; ихъ дружка всѣхъ приглашаетъ хлѣба-соли кушать, лебеда рушать, кто же не окажетъ поѣзду уваженія, того дружка отдуетъ нагайкой. У околицы жительства невѣсты поѣздъ останавливается, и въ домъ невѣсты ѣдетъ только дружка съ подружьемъ справиться о здоровьѣ невѣсты и доложить о пріѣздѣ князя съ храбрымъ поѣздомъ. Справившись о здоровьѣ, дружки ворочаются къ поѣзду за дарами отъ жениха къ невѣстѣ, т.-е. шубой, карпетками, шалью и чулками. Когда дружка привезетъ подарки, родители невѣсты просятъ молодого князя пожаловать со всѣмъ храбрымъ поѣздомъ. Дружка скачетъ къ поѣзду, передаетъ приглашеніе и самъ впередъ всѣхъ опять возвращается къ невѣстѣ. Невѣсту между тѣмъ, покрытую фатой, выводятъ съ пѣсней: «Шло солнышко позади облачка» изъ чулана и сажаютъ впереди за столъ. Рядомъ съ ней садится братъ, онъ въ рукахъ держитъ украшенную мутовку.

Невѣста воетъ, ее окружаютъ и утѣшаютъ подруги. Входитъ дружка и докладываетъ о пріѣздѣ поѣзда, невѣстина сваха бросается встрѣчать, дѣвѣцы запѣваютъ пѣсню: «Не было вѣтру, да вдругъ навянуло; не было гостей, да вдругъ наѣхало».

Ж) Пѣсни и выклички дружки у невѣсты до прибытія въ домъ жениха съ поѣздомъ.

№ 57.

(На пробужденіе):

По сѣнямъ-сѣнямъ, сѣнямъ новымъ
Тутъ ходила, тутъ гуляла
Свѣтъ Машеньки матушка родимая,
Будила она свою доченьку,
Свою милую Машеньку.
Ты вставай-ка, другъ, ранехонько;
Умывайся-ка бѣлехонько,
Утирайся полотенцемъ полотнянымъ,

Чеши голову ты частымъ гребешкомъ,
 Черпай-ка медъ золотымъ ковшомъ,
 Потчевай гостей ты Митревыхъ,
 Потчевай гостей Иванычевыхъ,
 Чтобы съ собой тебя они не взяли!
 — Ахъ, матушка, ты родимая,
 Не до меду мнѣ не до сладкаго:
 Рѣзвы ноженьки подгибаются,
 Бѣлы рученьки опускаются,
 Съ плечъ головушка долой катится.
 Чу! кучера свистятъ по дорожному,
 Чу! трубы трубятъ по свадебному,
 Знать меня съ собой взять хотятъ
 На чужу дальню на сторонушку,
 Ко чужому отцу-матери,
 Ко удалу добру молодцу,
 Свѣтъ Митрію Иванычу.

№ 58.

Садовая яблонка, садила я тебя,
 Поливала для себя, для себя,
 Не видала отъ тебя ни цвѣтовъ, ни плодовъ,
 Ни цвѣтовъ, ни плодовъ, яблочковъ садовыхъ!
 По сѣнямъ, сѣнямъ, сѣнямъ новымъ
 Тутъ ходила Машенькина матушка,
 Что будила она дочку милую свою,
 Свѣтъ Марью Михайловну:
 Ничего ты, дочка, не знаешь, не вѣдаешь,
 Я хочу тебя въ чужи люди отдать,
 Въ чужи люди отдать, незнакомые,
 А отдавши тебя, я наказывать буду:
 Вы повѣжьте ее, какъ я нѣжила,
 Полелѣйте ее, какъ я лелѣяла:
 Не давала же я вѣтру вѣтру вѣнути,
 Вѣтру вѣнути, дождю капнути.
 — Родимая матушка, черезъ годъ черезъ два,
 Черезъ годъ черезъ два побывай у меня!
 Побывай у меня, посмотри на меня!

На мое житье на богатство зятнино:
 Я по бархату хожу, по атласу гуляю,
 А на штофъ, на парчу и смотрѣть не хочу,
 Но чрезъ золото, родна, часто слезы текутъ,
 Черезъ крупный жемчугъ ручьемъ катятся.

№ 59.

(При плетеніи матерью косы у дочки):

Что не стукъ стучить во теремъ,
 Что не громъ гремитъ во высокомъ,
 Впереди-то подъ окошечкомъ
 Стоитъ дочка передъ баюшкой,
 Передъ родимой своей матушкой,
 Свѣтъ Марья Михайловна.
 Ужъ вы, баюшка и матушка!
 Вамъ спалась ли темна ноченька?
 А мнѣ совсѣмъ мало спалося
 Привидѣній много видѣлося:
 Я ходила по крутой горѣ,
 Расплетала косу русую,
 Потеряла ленту алую,
 Ленту алую, золото кольцо.
 Ужъ ты, братецъ, родимый ты мой
 Свѣтъ Павелъ Михайловичъ!
 Ты возьми-ка косу вострую,
 Подкоси траву зеленую,
 Разыщи ты ленту алую,
 Ленту алую съ золотымъ кольцомъ!
 — Ты, сестрица, родимая моя,
 Свѣтъ Марья Михайловна!
 Лента алая у свахоньки,
 Золото кольцо у молодца,
 Свѣтъ Митрія Иваныча.

№ 60.

Что ты, сердце мое, ноешь,
 Ретивое, занываешь?

Ничего, сердце, не скажешь
 Ни радости, ни печали!
 Или слышишь разставанье,
 Съ отцемъ съ матерью прощанье?
 Какъ-то перво разставанье
 Во каретушку садиться,
 Какъ второ-то разставанье
 Во корабличекъ садиться,
 Какъ третье-то разставанье —
 По синему морю плыти.
 Я пловцамъ-то говорила:
 Вы плывите потихоньку!
 Дайте мнѣ младой послушать,
 Какъ кукушечка кукуетъ,
 По мнѣ батюшка тоскуетъ,
 По мнѣ матушка горюетъ.
 — Ты, дитя ли мое, милое,
 Свѣтъ Марья Михайловна!
 Я тебя нѣжила, лелѣяла,
 Перемѣны себѣ чаяла,
 А моя-то перемѣна
 Чужимъ людямъ замѣна:
 Чужому отцу-матери.

№ 61.

(Когда невѣсту наряжать къ вѣнцу въ цвѣты):

Въ огородѣ зеленый садъ,
 Во саду-то стоять елочка,
 Подъ елочкой маковка
 Хорошо изукрашена:
 Чистымъ золотомъ увивана,
 Крупнымъ жемчугомъ унизана.
 Проходилъ тутъ добрый молодецъ,
 Свѣтъ Павелъ Михайловичъ,
 Приходилъ домой рассказывать:
 Государь родимый батюшка,
 Государыня матушка!

Еще гдѣ-то я не хаживалъ,
 Такова дива не видывалъ:
 Проходилъ я мимо садика,
 Проходилъ мимо зелена,
 Во саду-то стоитъ маковка,
 Хорошо изукрашена:
 Чистымъ золотомъ увивана,
 Крупнымъ жемчугомъ унизана.
 — Ты, дитя мое, милое,
 Разудалый добрый молодецъ!
 Еще это не маковка,
 А душа красна дѣвица,
 Твоя родная сестрица.
 Мы ее замужъ отдаемъ
 Ни за князя ни за барина —
 За удала добра молодца,
 Свѣтъ Митрія Иваныча.

№ 62.

(Три визита дружки: 1-й съ поклономъ, 2-й съ дарами, 3-й со всѣмъ храбрымъ поѣздомъ и его при посѣщеняхъ выклички):

- 11) Есть ли у нашей княгини молодой
 Батюшка съ матушкой?!
 Къ вамъ свать со свахой
 Прислалъ дружку съ подруженьемъ,
 Приказано къ вамъ сходить
 Обѣимъ честь приложить,
 Челомъ ударить, челобитье справить,
 Про свое рассказать, про ваше разспросить.
 Все ли у васъ подобра,
 Все ли по доброму здоровью?
 Какъ наша княгиня возрадствуется?
 А мы всѣ слава Богу.
 Свахонька со свахонькой!
 Приказалъ князь молодой
 Вамъ низко кланяться.
 А всѣмъ вообще не низкому поклону!

- 12) Гости званы, люди собраны!
 Прислалъ свать со свахой
 Про ваше разспросить, про свое рассказать.
 Какъ васъ Богъ миловать
 На всякъ день, на всякъ часъ,
 А мы остаемся слава Богу.
- 13) Дѣвицы — пѣвицы,
 Пирожны мастерицы,
 Дочери отецки,
 Жены молодецки,
 Шиты лобочки,
 Браны вороточки,
 Тоненьки губки,
 Высоконьки груди!
 Приказалъ вашъ князь молодой
 Низко кланяться.
- 14) Есть ли у княгини молодой
 Есть ли батюшка съ матушкой?
 Прислалъ князь молодой
 Княгинѣ молодой цвѣтно платье
 На бѣлыя плечи вдѣтъ,
 Подъ златъ вѣнецъ встать,
 Законъ Божій принять.
 Малы-те дары примайте,
 Большимъ-та срокъ давайте!
 Вамъ, сватушка, пить,
 Намъ челомъ бить!
 Ваши бы уста пили,
 Наши бы очи видѣли!
- Кушайте!
- 15) Есть ли у княгини молодой
 Есть ли матушка?
 Дайте свои очи видѣтъ!
 Прислалъ нашъ князь молодой
 Княгинѣ молодой обувь да шубку,
 Для головы закутку,
 Малы-то дары принимайте,

- Большимъ-то сроку давайте!
 Вамъ, свахонька, пить... и т. д.
- 16) Дѣвицы — пѣвицы,
 Пирожны мастерицы!
 Дайте свои очи видѣть!
 Васъ князь молодой
 Жаловалъ дарами:
 Шильцемъ да мыльцемъ
 Да бѣлымъ бѣлильцемъ.
 Малы-то дары примаите,
 Большимъ-то сроку давайте!
 Вамъ, сударыни, пить, и т. д.
- 17) Гости званы, гости собраны!
 Дайте свои очи видѣть!
 Васъ князь молодой потчевать
 Ковшомъ да медомъ,
 Низкимъ поклономъ.
 Ковшикъ красный,
 А медъ сладкій:
 Извольте всѣ кушать
 На доброе здорovie!

№ 63.

(Послѣ поднесенія даровъ съ угощеніемъ, дружка, получивъ приглашеніе прибыть со всѣмъ храбрымъ поѣздомъ, отправляется за нимъ. Въ его отсутствіи, невѣсту, покрытую фатой, выводятъ за столъ и сажаютъ рядомъ съ защитникомъ братомъ. Вывода невѣсту, подруги поютъ):

Шло солнышко позади облачка,
 Солнышко — звѣзда перекатная,
 Въ облака ушло, закатилося
 Прочь отъ свѣтлаго мѣсяца.
 Перешла наша красавица,
 Свѣтъ Марья Михайловна,
 Изъ горницы въ горницу,
 Изъ чулана въ просторную,

Прочь отъ батюшки съ матушкой.
 Подошла къ столу, задумалась,
 А задумавшись всплакнула,
 Во слезахъ слово молвила:
 Родимый мой батюшка,
 Родимая матушка!
 Нельзя ль того сдѣлать,
 Меня замужь не выдать!

(Усадивъ невѣсту съ братомъ, дѣвицы вторично поютъ ему пѣсню:
 «Во городѣ зеленый садъ» № 61, а затѣмъ «На горѣ, горѣ на
 высокой № 54; невѣста плачетъ, подруги тоже...)

№ 64.

(Между тѣмъ звукъ дужныхъ колокольчиковъ возвѣщаетъ о при-
 бытии на широкій дворъ храбраго поѣзда; дружка входитъ въ
 домъ и выкликаетъ):

18) Есть ли у нашей княгини
 Батюшка съ матушкой?
 Встрѣчайте нашего князя молодого!
 Нашъ князь пріѣхалъ
 Изъ дальней пути-дороги,
 Подъ бѣлымъ шатромъ стоячи,
 Со всѣмъ храбрымъ поѣздомъ.

№ 65.

(Крестная мать невѣсты съ кувшиномъ пива выходитъ на крыльцо
 встрѣчать жениха-князя съ его поѣздомъ, а дѣвицы въ это
 время поютъ):

Не было вѣтру да вдругъ навянуло,
 Не было гостей да вдругъ наѣхало,
 Грянули весельца вдоль по морю,
 Вдоль да по морю по синему,
 Топнули кони въ широки ворота,
 Топнули князя во новыя.
 Вянули цвѣтики во полѣ,

Вянули лазоревы во чистымъ:
 Дрогнуло сердце дѣвицыно,
 Дрогнуло сердце красавицыно:
 Съ жѣмь-то мнѣ думушку думати,
 Съ жѣмь-то мнѣ крѣпку совѣтовати?
 Думати думу съ новымъ батюшкой,
 Думати крѣпку съ новой матушкой,
 Совѣтоваться съ добрымъ молодцомъ.

№ 66.

Дорогая наша гостейка,
 Свѣтъ Марья Михайловна!
 Погости у насъ малехонько!
 На дворѣ у насъ тихохонько:
 Нѣтъ ни вѣтру, ни вихоря,
 Ни пороши — снѣгу бѣлаго,
 Ни часта дожда осеняго.
 Не успѣла слова молвити,
 Увидала душа дѣвица, —
 Веревочки пошатилися,
 Воротички отворилися:
 Закидалась, заметалася
 Къ родимому своему батюшкѣ,
 Къ государынѣ матушкѣ,
 Къ одноутробному братушкѣ:
 — Родимые мои, не выдайте!
 А вонъ идетъ разлучитель мой,
 А вонъ идетъ разоритель мой!

(Князь, входя, отвѣчаетъ):

Не я, не я разлучитель твой,
 Не я, не я разоритель твой!
 Разлучительница малушка,
 Разоритель-то родной батюшка,
 Мое дѣло постороннее,
 Постороннее и любовное!

VIII. Храбрый поѣздъ беретъ въ плѣнъ невѣсту.

Когда войдетъ князь съ храбрымъ поѣздомъ, то начинается шумъ и баталія: невѣстинъ братъ съ длинной мutowкой въ рукахъ и всѣ дѣвицы не дають гостямъ ни мѣста, ни невѣсты. «Извольте прежде выкупить, кричить братъ, пожалуйста триста за мѣсто, пятьсотъ за невѣсту»; и стучитъ объ столъ, что есть мочи, мutowкой. Дружка храбрится, стучитъ своей нагайкой, хочетъ полонить невѣсту съ бою, но не удается. Наконецъ онъ соглашается на выкупъ и даетъ брату и дѣвицамъ денегъ; тѣ, найдя сумму достаточной, съ невѣстой прощаются и удаляются. Ихъ мѣста занимаетъ молодой князь съ своимъ храбрымъ поѣздомъ, и дружка въ знакъ побѣды стрѣляетъ холостымъ зарядомъ изъ своего ружья или пистолета.

Когда гости сядутъ за столъ, подается обѣдъ, состоящій изъ нѣсколькихъ блюдъ горячихъ (щи, лапша, ушное), изъ нѣсколькихъ холодныхъ (ботвинья, студень), изъ нѣсколькихъ жареныхъ (баранина, сальникъ, жареная птица) и изъ нѣсколькихъ пирожныхъ (нѣженка, сухарникъ, ячница, короаецъ и проч.) Обѣдъ идетъ очень весело: дѣвицы поютъ поѣзжанамъ величальныя пѣсни; не ѣдятъ только женихъ съ невѣстой — они оба сидятъ подъ фатой, не обѣдаетъ также дружка: ему некогда, онъ распоряжается и кричитъ во все горло часто до хрипоты свои причитанія. На столъ кушанья подаются не разрѣзанными: ихъ разрѣзываетъ своимъ ножомъ подружье и раздаетъ обѣдающимъ. Родители невѣсты, какъ хозяева, тоже не обѣдаютъ — они въ чуланѣ дають распоряженіе поварушкамъ и гвоздарихѣ, что когда подавать, кого чѣмъ угощать и проч. Но отца невѣсты постоянно призываютъ къ столу отвѣдывать каждое кушанье, безъ того же никто не начинаетъ ни ѣсть, ни пить. За варенымъ кушаньемъ спускается по шнуру надъ столомъ импровизированная лампа — репей, и женихова сваха начинаетъ расплетать невѣстѣ косу; женихъ и подсвашье въ это время держать фату и закрываютъ ею невѣстинъ уборъ ото всѣхъ обѣдающихъ. Косоплетку — ленту изъ невѣстиной косы сваха подаетъ на тарелкѣ въ чуланъ и отдаетъ невѣстиной сестрѣ или ея подругамъ. Сестры и подруги невѣсты въ это время плачутъ. Во время стола невѣстина мать съ водкой разноситъ гостямъ вторичные дары: платки, холсты

и мыло. На подарки дружка причитають, дѣвушки поють. Последнимъ кушаньемъ бываетъ короваецъ, затѣмъ подается изукрашенный короваецъ и такая же свиная голова. Изукрашенные кушанья остаются цѣлыми, и изъ-за нихъ гости выходятъ, молятся и благодарятъ за хлѣбъ-за соль хозяевъ.

Послѣ обѣда невѣстины родители жениха и дочь благословляютъ къ вѣнцу, затѣмъ невѣсту одѣваютъ къ отъѣзду въ жениховы чулки, карпетки, шаль и шубу; шубу предварительно, по какому-то замѣчанію, надѣваетъ мать и затѣмъ невѣста. Въ щепеть невѣстина сарафана, чтобы предотвратить порчу, втыкаются крестообразно двѣ иголки, въ карманъ кладется корочка хлѣба и мыло, чтобы замужемъ быть сытой и бѣлой. Одѣвшись, невѣста опять садится за столъ, наплачется до-сыта и выходитъ, потянувъ рукою за собою скатерть со стола. Это дѣлается для того, что она тянетъ за собою замужь своихъ подругъ. Когда невѣста этого не сдѣлаетъ, подруги засидятся въ дѣвкахъ. Невѣсту на сани сажаетъ братъ, съ нею садятся по обѣ стороны свахи. Къ невѣстиной подводѣ колокольчиковъ не подвязываютъ. Тысяцкій беретъ въ церковь икону, а баре (бояре) везутъ къ духовенству стойку пива, полотенца и деньги за вѣнчаніе, для брачующихся берется подножникъ, лоскутъ холста или ситцевый платокъ. Брачныя свѣчи покупаются въ церкви въ 5 — 10 к. У церковныхъ воротъ поѣздъ останавливается, невѣсту съ саней снимаетъ самъ женихъ, свахи вводятъ ее въ церковь подъ фатой, церковь уже полна народомъ, желающимъ посмотреть свадьбу. Во время вѣнчанія глазѣющіе ведутъ пересуды на счетъ жениха и невѣсты и дѣлають замѣчанія: у кого изъ брачующихся больше сгоритъ свѣчи, тотъ скорѣе помретъ; кто первый изъ нихъ вступитъ на подножникъ, тотъ будетъ имѣть верхъ, большинство и т. д.

3) *Выключки дружки и пѣсни отъ взятія въ «полонъ» невѣсты до вѣнчанія.*

(Когда князь съ храбрымъ поѣздомъ займетъ мѣсто рядомъ съ невѣстой, дружка командуетъ на счетъ обѣда: выключки его тѣ же самыя, что были въ домѣ жениха, когда завтракали (см. выше № 55 пункты 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8). Когда за обѣдомъ женихова сваха станетъ расплетать къ вѣнчанью невѣстѣ косу, подруги

ея жалобно повторяютъ пѣсню: «Что не стукъ стучитъ во тарелѣ»
(см. № 59), а по окончаніи обѣда прощаются такою пѣсней):

№ 67.

Дорогая наша гостейка,
Свѣтъ Марья Михайловна!
Погости у насъ малехонько:
Ты не годъ, не недѣлюшку,
Не бѣлый день, хоть одинъ часокъ!
Наживешься, мое дитяtko,
Наживешься, мое милое,
На чужой дальней сторонушкѣ,
У чужова отца-матери,
Со удалымъ добрымъ молодцомъ,
Свѣтъ Митриемъ Иванычемъ!
Не при насъ ты будешь слезы лить,
Не при батюшкѣ, не при матушкѣ, —
А при свекрѣ, при свекровушкѣ,
При деверьяхъ, при золовушкахъ.

№ 68.

(Чтобы прекратить поскорѣе слезовыя прощанья, дружка призываетъ къ благословенію):

- 19) Есть ли батюшка и матушка,
Есть ли коренные свать со свахой!
Благословляйте князя молодого
Съ молодой княгиней
Съ мѣста встать, Богу помолиться,
Добрымъ людямъ поклониться,
У родителейъ благословиться
Изъ-за столовъ идти изъ-за дубовыхъ,
Изъ-за скатертей изъ-за браныхъ,
Изъ-за яствъ медвяныхъ —
Ѣхать къ вѣнчанью,
Подъ вѣнцомъ стоять, законъ принять,
Суженую-ряженую взять
По Божьему повелѣнью,

По царскому уложению.

Благословляйте!..

- 20) Гости званы, гости браны,
 Храбры поѣзжане!
 По горенкѣ идти по новой,
 Черезъ порогъ переступить!
 По мосту по калиновому,
 По лѣсенкѣ по брусчатой,
 Широкиѣмъ дворомъ идти,
 Къ добрымъ конямъ придти,
 На добрыхъ коней садиться,
 Съ широка двора съѣзжать,
 Гладкой улицей проѣзжать,
 Ѣхать по чистымъ полямъ,
 По зеленымъ лугамъ,
 По лазоревымъ цвѣтамъ!
 Выходите!

№ 69.

(Когда невѣсту поведутъ изъ дома, поютъ):

Отлила и отлила Волга матушка,
 Отлила отъ крутыхъ бережковъ:
 Отжила и отнѣжилась
 Свѣтъ Марья Михайловна
 Отъ родного батюшки съ матушкой;
 Отживши съ терема вонъ пошла
 Со краснаго крылечка.
 Какъ за нею идетъ батюшка,
 Родной батюшка и матушка,
 Стали унимать, уговаривать:
 Воротись, наше дитятко,
 Воротись, наше милое!
 Позабыла ты золоты ключи
 Во столовой новой горницѣ,
 Что на убранномъ столикѣ,
 На серебряной тарелочкѣ,
 Да на розовой на ленточкѣ!

Государь ты, родной батюшка,
 Государыня матушка!
 Позабыла я не одни ключи:
 Позабыла я волю батюшкину,
 Позабыла нѣгу матушкину,
 Разговоры-то братцевы
 И наказы-то сестрицны.
 Мнѣ сестрица наказывала:
 Не ходи ты по новымъ сѣнямъ,
 Ты не слушай звончатыхъ гуслей!
 Звончатя гусли обманчивыя,
 Обманчивыя, переманчивыя:
 Переманять тебя, дѣвицу,
 На чужую дальню сторону
 Ко удалу добру-молодцу.

№ 70.

(На дворѣ при усаживаніи).

Какъ у батюшки на дворикѣ,
 У родного на широкимъ
 Тутъ стояли вороные кони,
 Вороны кони вознуданные,
 Во каретушку заложенные.
 Только сѣсть да поѣхать
 Со душою красной дѣвицей,
 Свѣтъ Марьей Михайловной.
 Выводилъ ее любезный братъ,
 Свѣтъ Павелъ Михайловичъ.
 Отдавалъ сестрицу на руки,
 Одному-то гостю на вѣки,
 Свѣтъ Митрію Иванычу:
 Еще вотъ тебѣ подарочекъ —
 Раздуша ли красна дѣвица,
 Свѣтъ Марья Михайловна!
 Не давай ее въ обидушку
 Ни свекру, ни свекровушкѣ,

Ни деверьямъ, ни золовущкамъ!
 Вотъ наказъ тебѣ, добрый молодець,
 Свѣтъ Митрій Ивановичъ!

(Дружка командуетъ):

- 21) Люди добрые, полюбовные,
 Званные и незванные,
 Усатые и бородатые,
 Холостые неженатые!
 У воротъ приворотнички,
 У дверей притворнички!
 Собрался нашъ молодой князь
 Съ своею молодою княгиней
 По Божьему велѣнію,
 По царскому уложенію,
 (До воли) Господскому приказу,
 По мірскому приговору...
 Подъ златъ вѣнецъ стать,
 Законъ Божій принять!
 Отворяйте ворота!

№ 71.

(Дорогою свахи поють):

Изъ улицы, изъ улицы не соколъ ли летитъ,
 Изъ другой-то, изъ другой-то не соколица ли?
 Изъ улицы, изъ улицы свѣтъ Машеньку везуть.
 Подемъ везуть и другимъ везуть
 На третьемъ полѣ расплакалася,
 На широкомъ раскручинилася:
 Какъ со батюшкой, какъ со матушкой
 Мнѣ разстаться привелось.
 Не разстаться бы да разстанешься:
 Разлучиль-то меня чужь-чуженинъ
 Митрій господинъ, Ивановичъ дворянинъ.
 Заставитъ меня предъ свекромъ стоять,

Заставить меня въ ноги кланяться,
 Во правую ножку, во сафьяный сапожекъ.
 Я-де кланялся, я-де кланялся
 Твоему батюшкѣ, твоему родному,
 Лисью шубоньку по полу разстилавъ,
 Пухову шляпу въ рукахъ всее измялъ.

№ 72.

Отставала лебедушка,
 Отставала лебедь бѣлая, Эхе-хи-хи!
 Лебедь бѣлая отъ стаи лебединыя. Эхе-хи-хи!
 Приставала лебедушка,
 Приставала лебедь бѣлая, Эхе-хи-хи!
 Къ сѣрымъ гусямъ незнаемымъ,
 Ко чернымъ, голландскимъ. Эхе-хи-хи!
 Начали гуси щипать, клевать,
 А лебедушки кликати: Эхе-хи-хи!
 Не щиплите вы, гуси сѣрые,
 Вы черные, голландскіе! Эхе-хи-хи!
 Не сама я къ вамъ залетѣла:
 Занесли вѣтры буйныя, Эхе-хи-хи!
 Буйныя вѣтры со вихоремъ,
 Со частымъ дождемъ осеннимъ. Эхе-хи-хи!
 Отставала свѣтъ Машенька,
 Отставала Михайловна, Эхе-хи-хи!
 Отъ красныхъ отъ дѣвушекъ,
 Отъ подружекъ любезныхъ. Эхе-хи-хи!
 Приставала свѣтъ Машенька
 Къ молодымъ молодушкамъ. Эхе-хи-хи!
 Стали ее молодушки,
 Стали журить, бранить. Эхе-хи-хи!
 Не журите меня, молодушки,
 На чужой дальной сторонукѣ. Эхе-хи-хи!
 Не сама я къ вамъ пристала,
 Не своею охотою: Эхе-хи-хи!
 Завезли меня кони добрые
 Свѣтъ Митрія Иваныча. Эхе-хи-хи!

№ 73.

(Плачь матери послѣ проводовъ):

Во саду во садикѣ,
 Во саду было во зеленымъ,
 Ходила, гуляла красна дѣвица,
 Дочка Марья Михайловна.
 Не одна она, со подружками,
 Не одна она, со любезными.
 Ъхаль мимо садику зеленаго,
 Ъхаль добрый молодець,
 Молодецъ Митрій Ивановичъ.
 Онъ увезъ, увезъ дочку тилую,
 Онъ увезъ, увезъ мою Машеньку!
 Плачь по ней, родна матушка!
 Плачь теперь безъ помощницы!
 Некому стало рано утромъ вставать,
 Некому стало нянекъ будить,
 Некому стало чай разливать,
 Некому дорогихъ гостей потчевать!..

№ 74.

Откатилось яблочко,
 Откатилось наливчатое, Э-и-эхе!
 Прочь отъ яблонки отъ кудрявыя. Э-и-эхе!
 Прикатилось яблочко,
 Прикатилось наливчатое Э-и-эхе!
 Къ осинушкѣ горькой. Э-и-эхе!
 Стала осина листомъ закрывать,
 Стала горькая отъ солнца скрывать. Э-и-эхе!
 Стало яблочко вянути,
 Стало наливчатое сохнути. Э-и-эхе!
 Отошла моя доченька,
 Отошла моя красавица Э-и-эхе!
 Отъ батюшки и отъ матушки,
 И отъ подругъ любезныхъ. Э-и-эхе!
 Какъ пришла красна дѣвица,

Моя доченька Машенька Э-и-эхе!
 Ко чужому отцу-матери
 Ко свекру, ко свекровушкѣ. Э-и-эхе!

№ 75.

(При отправленіи приданого):

По лугамъ по зеленымъ,
 По травамъ по шелковымъ
 Разливалась вода полая,
 Вода полая, весенняя.
 Какъ по той водѣ полой
 Отплывали три корабля:
 Первый корабль съ красной дѣвицей,
 Второй съ постелью съ убранною,
 А третій корабль съ сундуками.
 Оставались отецъ съ матушкой
 На пустомъ берегу одинокими.

IX. Вѣнчаніе и свадебная пирушка.

Пока идетъ вѣнчаніе, дружка съ подружьемъ, проводивъ поѣздъ до околицы, возвращаются къ родителямъ невѣсты, какъ говорится, доѣдать короваецъ, иначе обѣдать, такъ какъ во время общаго стола они распоряжались и угощали, а сами не ѣли. Вмѣстѣ съ дружками обѣдаетъ вся невѣстина родня, а мать невѣсты, какъ проводитъ дочь въ церковь, садится на ея мѣсто и горюетъ, плачетъ и причитаетъ. Пообѣдавъ, дружки приглашаютъ невѣстиныхъ родителей и родныхъ пожаловать на горный столъ къ молодому князю съ княгиней и ѣдутъ въ домъ жениха. Вслѣдъ за ними въ домъ жениха ѣдутъ постельники, большею частью братья невѣсты, они везутъ коробы съ приданнымъ и постелю. Смотрѣть на приданое невѣсты сбѣгается чуть не вся деревня. Постельниковъ встрѣчаютъ съ водкой и пивомъ. За ними уѣзжаютъ родители.

По окончаніи вѣнчанія молодые садятся на одну подводу и ѣдутъ въ сопровожденіи храбраго поѣзда въ домъ жениха. Обвѣнчанныхъ въ дверяхъ обсыпаютъ хлѣбными зернами и хмѣлемъ.

Затѣмъ родители обѣихъ сторонъ благословляютъ ихъ иконами и хлѣбомъ - солью, сажаютъ за столъ на войлочки и поздравляютъ. Послѣ поздравленія съ законнымъ бракомъ молодые уходятъ въ чуланъ. Тамъ обѣ свахи, невѣстина и женихова, плетутъ молодой княгинѣ въ первый разъ двѣ косы. Обѣ свахи торопятся заплести свою косу, какъ говорится, вперегонышки. Чья сваха заплететъ косу раньше, та сторона будетъ имѣть большую въ супружеской жизни. Уборка головы кончается тѣмъ, что молодую покрываютъ чехломъ и повязываютъ платкомъ по-бабьи, назадъ кончики. Затѣмъ новобрачныхъ въ чуланѣ же, постившихся цѣлый день, угощаютъ ужиномъ, коровайцемъ, яйцами, медомъ и другими вкусными кушаньями. Молодые мало разговариваютъ и усердно другъ друга потчуютъ.

Межъ тѣмъ накрывается горный столъ. За горный столъ хозяева просятъ садиться батюшку съ приятомъ и горныхъ гостей, т.-е. всю невѣстину родню. Во время горнаго стола идетъ пиръ горой, дружка только успѣвая выкрикивать то поварухъ, то гвоздарихъ, ему хлопотъ полонъ ротъ. Хозяинъ чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ: все на столѣ: тутъ баранина, тутъ телятина, тутъ курникъ, тутъ и украшенная свиная голова, есть и питья медвяныя, есть и яства сахарныя. За горнымъ столомъ невѣстины родители обдариваютъ жениховыхъ родныхъ. Молодая княгиня даритъ золовокъ ленточками. Послѣ стола гости расходятся, новобрачныхъ свахи отводятъ въ клѣтъ.

На другой день свадьбы для новобрачныхъ подружье топить баню. Молодыхъ ведутъ въ баню съ пѣснями, съ водкой и пивомъ. Впереди идетъ подружье и вѣнникомъ, украшеннымъ въ ленточки и платокъ, мететъ тропочку въ баню. Изъ бани молодыхъ ведутъ съ такой же церемоніей. Придя изъ бани, молодая съ мужемъ свекру и свекрови кланяется въ ноги и благодаритъ на парубанькѣ. Послѣ бани молодые одѣваются въ лучшую одежду, садятся за столъ и накрывается обѣдъ. Этотъ обѣдъ въ отличіе отъ горнаго стола носить названіе сырнаго стола. Во время этого стола разносятся всѣмъ обѣдающимъ сыры — сдобные пряники. Гости, принимая сыры, кладутъ на сыры молодымъ деньги и дѣлаютъ на обзаведеніе разные подарки. Родители дарятъ молодымъ скотину, кто жеребенка, кто телочку, кто овечку. Каждый небольшой подарокъ вручаетъ молодымъ дружка и молодые

съ ними, т.-е. цѣлуются. Молодые, въ знакъ благодарности за подарки, за столомъ все время сидятъ наклонивъ головы. Во время обѣда все дѣлается по выличкамъ дружки, а послѣ обѣда начинается всеобщее безцеремонное и безпардонное веселье, продолжающееся дня 2 — 3 и болѣе. Всѣ пьютъ, всѣ поютъ, всѣ пляшутъ, словомъ, кто во что гораздъ. Молодые съ пѣснями катаются по улицамъ и наряжаются, какъ на святкахъ. Баре пьютъ водку и причудничаютъ: говорятъ «горько»—это значить, молодые должны при нихъ поцѣловаться и поцѣловать угощающихся.

Послѣ пирушки зять съ женой ѣздятъ къ тестю съ тещенькой на блины и погребень и, проводя масляницу, молодые принимаются за обычныя хозяйственныя работы: мужъ за молотьбу, а княгиня за пряжу.

И) Вылички и пѣсни послѣ вѣнца.

№ 76.

(Возвратясь изъ церкви, дружка выкликаеть):

22) Есть ли батюшка,
 Есть ли матушка?
 Встрѣчайте князя молодого
 Съ княгиней молодой!
 Нашъ князь молодой
 Ёздилъ по сужену по ряжену.
 Сужену-ряжену взялъ,
 Законъ Божій принялъ
 И Божьяго пѣтя слышалъ
 Со всѣмъ храбрымъ поѣздомъ.
 Ёдутъ!

(Послѣ благословенія новобрачныхъ для гостей, по командѣ дружки, накрывается, такъ называемый, горный столъ: ужинъ съ горами кушаній и пиръ идетъ горой. Все къ столу подается такъ же, какъ раньше по выличкамъ дружки. Невѣстина мать и невѣста дарятъ новую родню также при выличкахъ (см. ихъ выше подъ 62 №, пункты 14, 15 и 16). За горнымъ столомъ, между прочимъ, дарятъ крестнаго отца (тысяцкаго). Дружка выкликаеть):

- 23) Есть ли у нашего князя
 Новобрачнаго тысяцкій?
 Жаловать васъ новобрачная,
 Молодая княгиня дарами.
 Извольте дары принять!
 Малы-те дары примайте,
 Большимъ-то сроку давайте! и т. д.

(По окончаніи горнаго стола):

- 24) Есть сватушка коренной
 И свахонька коренная?
 Благословите своихъ дѣтей
 На подклѣть идти,
 Подъ шубой спать,
 Подъ куньей спать,
 Здоровенько спать,
 Веселенько встать!

№ 77.

(Пѣсни постельныхъ свахъ а), б), с).):

- а) Какъ во зеленомъ саду, Люши,
 Стояла кровать, Люши,
 Точеная, позолоченая. Люши,
 На кроваткѣ постлана, Люши,
 Перинушка пухова, Люши,
 Батистова простыня, Люши,
 Изголовьице положено, Люши,
 Одѣяльце соболиное. Люши,
 Подъ нимъ молодець лежитъ, Люши,
 Свѣтъ Митрій Иванычъ. Люши,
 Тутъ приказчики стоятъ, Люши,
 Не смѣютъ подойти, Люши,
 Его милость разбудить. Люши,
 Первый часъ ночи прошелъ, Люши,
 Тутъ приказчикъ подошелъ, Люши,

Пора, сударь, вставать, Люши,
 Вотъ и на морѣ волна, Люши,
 Съ крутымъ бережкомъ ровна, Люши,
 Разбиваетъ вашъ корабль, Люши,
 Со душенькой вашей, Люши,
 Свѣтъ Марьей Михайловной. Люши,
 Самъ пойдешь иль насъ пошлешь? Люши,
 Я и самъ иду и васъ беру. Люши,
 Переймите мой корабль, Люши,
 Не погибла-бъ душенька моя, Люши,
 Свѣтъ Марья Михайловна!

№ 78.

в) Какъ на горѣ-горѣ
 Стояло кипарисно деревцо,
 На тѣмъ кипарисъ-деревцѣ
 Виситъ колыбель золота,
 Кольчики, пробойчики серебряные,
 Обшивочки бархатныя,
 Подцѣпочки шелковыя;
 Въ той колыбели золотой
 Лежитъ добрый молодецъ,
 Свѣтъ Митрій Ивановичъ.
 Онъ приказывать нянюшкамъ,
 Молодушкамъ и мамушкамъ:
 Ужъ вы, нянюшки, мамушки,
 И сѣнныя вы дѣвушки!
 Качайте меня высоко,
 Возметайте повыше того,
 Увидѣть бы мнѣ душеньку,
 Душеньку-лапушку свою,
 Свѣтъ Марью Михайловну.
 Роди-ка мнѣ, душенька,
 Роди-ка мнѣ, лапушка,
 Сына ясна сокола,
 Умомъ-разумомъ, какъ я,
 Лицомъ бѣла, какъ сама!

№ 79.

с) При полѣ бѣлъ шатеръ,
 При улицѣ высокъ теремъ.
 Во бѣломъ шатрѣ молодецъ,
 Во высокомъ новомъ теремѣ
 Раздуша красна дѣвица.
 Сошла съ висока терема,
 Подошла ко бѣлу шатру:
 Отопри шатеръ, молодецъ,
 Отопри душа, отецкій сынъ!
 Я не пить, не ѣсть пришла,
 Я пришла позабавиться,
 Пришла въ карточки поиграть,
 Я во новыя поиграть.
 Я ихъ съ роду не видывала,
 Какъ родилась не игрывала.
 Обыграла красна дѣвица
 Разудала добра молодца.
 Обыгравши засмѣялася:
 Не въ досаду тебѣ, молодецъ,
 Не въ досаду не въ досадушку,
 Но въ великую забавушку!

№ 80.

(На другой день брака послѣ бани бываетъ свадебный обѣдъ, такъ называемый, сырный столъ. За сырнымъ столомъ всѣ дарятъ молодыхъ на новоселье, кто чѣмъ можетъ, «кладутъ на сыры» и послѣ стола съ подарками по обычнымъ выличкамъ дружки въ честь новобрачныхъ поется):

Во шандаликахъ свѣчи ясно горять,
 Ясно горять, отсвѣчиваютъ,
 Бѣлаго воска отаиваютъ,
 Бумажны свѣтильни угарываютъ.
 Молодушка по сѣничкамъ похаживаетъ,
 Марья Михайловна погуливаетъ,

Нянюшекъ, мамушекъ спать укладываетъ:
 Мамушки, нянюшки! ложитесь спать,
 Ложитесь спать, вамъ некого ждать,
 А мнѣ молодешенькѣ всю ночьку не спать,
 Всю ночьку не спать, мила мужа ждать.
 Первый сонъ соснула — темная ночь,
 Второй сонъ соснула — глухая полночь,
 Третій сонъ соснула — у воротъ соколъ,
 У воротъ соколъ — милый мой на дворъ.
 Дворомъ-то онъ ѣдетъ — всѣхъ веселить,
 Во горницу входитъ — лакеи стоять,
 Лакеи стоять, тихо говорятъ:
 Гдѣ вы, сударь, были, гдѣ вы побывали?
 — Былъ я и побылъ у тестя въ гостяхъ.
 Во теремъ-то входитъ, душенька встрѣчаетъ,
 Душенька встрѣчаетъ, сама вопрошаетъ:
 Чѣмъ тебя тесть дарилъ, жаловалъ?
 Тестюшка жаловалъ воронымъ конемъ,
 Сударыня теща черкесскимъ сѣдломъ,
 Большая своячена шитымъ ковромъ,
 Меньшая своячена вышитымъ платкомъ,
 Шуринъ подарилъ золоты часы.

№ 81.

Летѣли соловушки,
 Летѣли молоденькіе
 Чернобровая моя,
 Ты хорошая моя! ¹⁾
 Какъ они летѣли,
 Всѣ люди глядѣли,
 Какъ они садились,
 Всѣ люди дивились.
 Молодушку Митрій
 На ручкахъ качаетъ,
 Машенькѣ Иваннычъ

¹⁾ Припѣвъ послѣ каждаго двухстишія.

Наказы даетъ :
 Роди ка мнѣ сына,
 Какъ бѣлаго сыра.
 Отдадимъ мы сына
 Въ Москву грамоту учить, ...
 Въ Москву грамоту учить,
 Въ Петербургъ рисовать,
 Мы не ради учьбы,
 Ради чести, хвальбы.
 Чернобровая моя,
 Ты хорошая моя!

№ 82.

Леталь голубь ворковаль, ворковаль,
 Ко терему припадалъ, припадалъ,
 Къ высокоу припадалъ, припадалъ,
 Что въ теремѣ говорятъ, говорятъ,
 Во высокомъ говорятъ, говорятъ?
 Говорить сударь: ты, душка моя, ты моя,
 Роди сына сокола мнѣ, сокола!
 Умомъ, ростомъ каковъ я, каковъ я,
 Лицомъ бѣлымъ, какъ сама, какъ сама.
 За услугу за твою, за твою
 Куплю нитку жемчугу, жемчугу.
 Носи жемчугъ не жалѣй, не жалѣй,
 Рости сына да лелѣй, да лелѣй!
 (Или) Роди дочку ласточку, ласточку... и т. д.

№ 83.

Во саду трава, во зеленомъ трава
 Зеленымъ-зелена, зеленешенька.
 Мы такой зеленой мало видывали,
 Мало видывали, рѣдко слыхивали:
 У Митрія жена, у Иваныча жена
 Молодымъ-молода, молодешенька.
 Мы такой молодой мало видывали,
 Мало видывали, рѣдко слыхивали.

Молодушечкѣ, милой душечкѣ
 Митрій Ивановичъ наговариваль:
 Ужъ ты, душка моя Марья Михайловна!
 Ты роди мнѣ сына, какъ бѣлаго сыра,
 Отдадимъ мы сына въ Москву грамотѣ учить,
 Въ Москву грамотѣ учить, въ Петербургъ рисовать,
 (Или) Роди ка мнѣ дочку, какъ бѣлу лебедку,
 Отдадимъ мы дочку въ Москву грамотѣ учить,
 Въ Москву грамотѣ учить, въ Петербургъ вышивать.
 За услугу за твою, за твою
 Куплю нитку жемчугу, жемчугу.
 Носи жемчугъ не жалѣй, не жалѣй,
 Рости дитя да лелѣй, да лелѣй!

№ 84.

(Черезъ девять мѣсяцевъ послѣ свадьбы на крестинахъ поютъ):

Не разбушуй холодный вѣтеръ!
 Не раскачай звонкій колоколъ!
 Не разбуди лапушку!
 Вчера она сына (или дочь) родила;
 Кумомъ-то былъ винокуръ,
 Кумой-то генеральска жена,
 Крестили во царевомъ кабакѣ,
 Купали въ зеленомъ винѣ.

Сравнительный указатель

свадебныхъ пѣсенъ, имѣющихся въ собраніяхъ Сахарова (Сказанія Русскаго народа, Т. I, ч. II 1841 г.), Магницкаго (Пѣсни крестьянъ села Бѣловолжскаго, Чебокс. у., Каз. г., Казань 1877 г.), и Пупарева («Каз. Губ. Вѣд.» 1857 г. №№ 32—48).

Начало пѣсни:

Ахъ, вы, сборы, сборы. Мж. 49 ¹⁾; С. 140, 123; Мг. 132, 8.
 А кто у насъ холостъ. Мж. 1; С. 175, 14; Мг. 147, 32.

¹⁾ Мж.—Можаровскій (и № пѣсни), С.—Сахаровъ (и стр.), Мг.—Магницкій (и стр. пѣсенъ), П.—Пупыревъ (и № пѣсни).

Брошу ль я колечко. Мж. 2.
 Вдоль да по рѣчкѣ. Мж. 6; Мг. 146, 31.
 Во шандаликахъ свѣчи. Мж. 80.
 Во саду было, во садкѣ. Мж. 73.
 Во городѣ зеленый садъ. Мж. 61.
 Во Свіяжскѣ славномъ гор. Мж. 18; С. 108, 6 и др.
 Виноградъ во саду растеть. Мж. 27; С. 171, 2.
 Во саду трава. Мж. 83.
 Во полѣ березынька стояла. Мж. 3.
 Во горенкѣ во новой. Мж. 30; Мг. 142, 25.

Выклички дружки:

- а) Застольныя. Мж. 55; Мг. съ 155 стр. по 160 стр. № 1—14.
 б) Предъ выѣздомъ за невѣстой. Мж. 56.
 в) Привѣтственныя въ 1-й визитъ. Мж. 62.
 г) При поднесеніи даровъ въ 2-й визитъ. Мж. 62.
 д) О приѣздѣ жениха въ 3-й визитъ. Мж. 64.
 е) О благословеніи и выѣздѣ. Мж. 68.
 ж) Послѣ вѣнчанія. Мж. 76.
 Гуляла въ лѣсу Машенька. Мж. 21; С. 119, 46.
 Гдѣ лебедь былъ. Мж. 26; С. 131, 91.
 Долина долинушка. Мж. 4; С. 121, 52 и др.; Мг. 146, 30.
 Долгимъ-долго со вечера. Мж. 35; С. 135, 104.
 а) Дорогая наша гостейка. Мж. 66; С. 152, 177.
 б) Дорогая наша гостейка. Мж. 67.
 Еще что это за молод. Мж. 17.
 Зеленая роща, алыи. Мж. 32.
 Изъ улицы, изъ улицы. Мж. 71.
 Изъ Покровской изъ улицы. Мж. 19.
 Какъ у батюшкѣ на дворикѣ. Мж. 70.
 Какъ во нынѣшнемъ свѣтѣ. Мж. 38; С. 138, 115.
 а) Какъ по снѣжмъ было снѣжкамъ. Мж. 29; С. 121, 51;
 Мг. 143, 26.
 б) Какъ по снѣжмъ было снѣжкамъ. Мж. 31; С. 175, 16.
 Какъ у чарочки у серебряной. Мж. 28; С. 177, 21; Мг. 142, 24.
 Какъ на горѣ, горѣ стояло. Мж. 78.
 Какъ во зеленомъ саду. Мж. 77; С. 134, 100.

Какъ сказали про молодца. Мж. 23; С. 127, 73; Мг. 129, 2; П. 10.

Какъ во нынѣшнемъ во славномъ. Мж. 7.

Летѣли соловушки. Мж. 81; Мг. 144, 28.

Леталь голубь ворковаль. Мж. 82; С. 133, 97.

Мы пѣсенъ много перепѣли. Мж. 39; Мг. 154.

Митрій, сударь, воротися. Мж. 40.

Не разливайся широкой Дунай. Мж. 14.

Не было вѣтру да вдругъ навянуло. Мж. 65; С. 119, 45.

На горѣ стоитъ зеленый садъ. Мж. 50; С. 140, 126.

Не разбушуй холодный вѣтеръ. Мж. 84.

Не низко, не высоко. Мж. 51; С. 140, 124; П. 48.

На горѣ, горѣ на высокой. Мж. 54.

Не тошно ли тебѣ, рѣченька. Мж. 45.

Не долго цвѣточку во садикѣ. Мж. 22; С. 124, 61 и др.

На морѣ лебедь плавала. Мж. 44.

На морѣ лебедь мылася. Мж. 46.

На морѣ утушка купалася. Мж. 48; С. 161, 216 и др.

Нельзя голубю. Мж. 8.

Ой, ты, батюшка и др. Мж. 41.

Откатилось яблочко. Мж. 74.

Отлила и отлила Волга. Мж. 69; С. 142, 132; П. 21.

Отставала лебедушка. Мж. 72; С. 139, 122.

Отдають молоду за Волгу. Мж. 34.

Прилетѣлъ соколь. Мж. 12; Мг. 134, 11.

Перепелочки рябы перышки. Мж. 13.

По дороженькѣ колясочка. Мж. 37; П. 19.

По сѣнямъ, сѣнямъ. Мж. 57; П. 7.

При долинушкѣ калинушка. Мж. 9.

По лугамъ по зеленымъ. Мж. 75; С. 161, 215.

При полѣ бѣлъ шатеръ. Мж. 79; С. 113, 24.

Пора молодцу жениться. Мж. 10; С. 121, 49; Мг. 150, 33

Раскачалася грушица. Мж. 24; С. 143, 138.

Ранымъ-рано на зарѣ. Мж. 43; С. 111, 15; Мг. 139, 19.

Раздуша ли красна дѣвица. Мж. 33; С. 144, 140; Мг. 131, 5.

Свѣтитъ мѣсяць во новомъ. Мж. 36.

Садовая яблонка. Мж. 58.

Спалась ли вамъ, подруженьки. Мж. 42; С. 174, 12.

- Тонкое деревцо свирѣльчато. Мж. 15; С. 107, 2.
 Ты забъжай молодець. Мж. 20.
 Ты камка ли моя, камочка. Мж. 16; С. 107, 1, 159.
 У сахарнаго деревца. Мж. 52; С. 208; П. 16.
 Ужъ ты, поле полечко. Мж. 53; Мг. 131, 4.
 Ужъ что вы кони не веселы. Мж. 11.
 Ходила свѣтъ Машенька. Мж. 25; Мг. 134, 10.
 Цвѣли, цвѣли цвѣтики. Мж. 47.
 Что не стукъ стучить. Мж. 59.
 Что ты сердце мое поешь. Мж. 60.
 Что не хмѣль вьется. Мж. 5; Мг. 176, 17.
 Шло солнышко позади. Мж. 63; С. 139, 117.

Александръ Можаровскій.

Нѣкоторые данныя по изученію быта русскихъ на Колымѣ.

Собранный мною матеріалъ народнаго творчества русскихъ колымчанъ не отличается богатствомъ и разнообразіемъ. Занятый множествомъ другихъ неотложныхъ дѣлъ и обязанностей, я не успѣлъ выполнить намѣченную мной по этому вопросу программу. Обстоятельства сложились такъ, что въ началѣ текущаго года я могъ оставить Средне-Колымскъ, не окончивши начатаго дѣла по собранію матеріала. Поэтому, въ силу необходимости, собранныя данныя носятъ отрывочный и случайный характеръ.

Послѣднее обстоятельство, однако, не мѣшаетъ познакомиться интересующихся русскими аборигенами Колымы съ добытыми мною данными, до нѣкоторой степени характеризующими современное состояніе ихъ творчества. Разумѣется, десятка полтора представленныхъ мною образцовъ еще не позволяютъ сдѣлать какихъ-либо обоснованныхъ выводовъ, но въ рядѣ другихъ изслѣдованій и эти отрывочныя данныя могутъ имѣть нѣкоторое значеніе въ смыслѣ пополненія имѣющагося въ литературѣ матеріала. Помимо того, по изученію быта русскихъ колымчанъ сдѣлано еще такъ мало, что всякій новый матеріалъ представляетъ нѣкоторую цѣнность.

Для этнографа колымчане представляют большой интерес во многих отношеніяхъ. Въ то время, какъ по всей Европейской Россіи русскій языкъ, подъ вліяніемъ различныхъ историческихъ обстоятельствъ, претерпѣлъ болѣе или менѣе глубокія измѣненія, здѣсь, въ особенности въ сѣверной части округа, успѣли въ полной неприкосновенности сохраниться формы, обороты и даже фонетика древне-русскаго нарѣчія, сохранились въ изустной передачѣ съ XVI столѣтія (а можетъ быть и раньше) былины, историческія пѣсни, мотивы ихъ и т. д.¹⁾ Кромѣ того, было бы въ высшей степени интересно прослѣдить, какимъ обр. русскіе колымчане, сотни лѣтъ живущіе въ непосредственномъ общеніи съ бродячимъ племенемъ чукчей и усвоившіе себѣ нѣкоторые приемы послѣднихъ, въ отношеніи родного языка, оказались настолько стойкими, что даже совершенно руссифицировали обитающихъ вмѣстѣ съ ними другихъ инородцевъ, якутовъ 1-го Мятужскаго наслега. Послѣднее обстоятельство тѣмъ болѣе удивительно, что въ остальной части округа якуты нисколько не поддаются вліянію русскіихъ. Мало того, наблюдается обратный процессъ «объякучиванія» казаковъ и мѣщанъ, живущихъ по Колымѣ выше, т. наз., заимки Крестовъ.

Побѣдители различныхъ племенъ крайняго сѣверо-востока Сибири переняли и усвоили не только многіе привычки и обычаи побѣжденныхъ, но даже ихъ языкъ. При этомъ надо замѣтить, что нѣкоторые русскіе колымчане якутскимъ языкомъ владѣютъ гораздо лучше, чѣмъ своимъ роднымъ, тогда какъ якутовъ, знающихъ офиціальнѣйшій русскій языкъ, можно найти сравнительно мало. Въ указанномъ районѣ всѣ русскіе говорятъ по-якутски, и въ ихъ русской рѣчи встрѣчается немало получившихъ права гражданства «якутизмовъ». Есть нѣкоторыя словечки, безъ которыхъ колымчанинъ совершенно не можетъ обойтись, такъ напр.: «харенъ» (жалъ), «ичска» (холодно), «тойонъ» (господинъ) и др. Интересно было бы прослѣдить всѣ стадіи вліянія русскіихъ на различныя племена инородцевъ и наоборотъ послѣднихъ на первыхъ, выяснить процессъ вымиранія племенъ, изъ которыхъ коряки и чуванцы сѣвера Колымы уже совершенно исчезли, хотя еще

¹⁾ Къ сожалѣнію, собиратель не далъ фонетической записи образцовъ колымскаго творчества. *Ред.*

значатся въ нѣкоторыхъ энциклопедическихъ словаряхъ. Вообще, въ научномъ отношеніи сѣверо-востокъ Сибири представляетъ почти непечатый уголь для серьезныхъ изслѣдователей. Въ этомъ отношеніи, кромѣ трудовъ Тана (Богораза), Юхельсона, Строщевскаго и покойнаго Черскаго ²⁾, мы еще ничего не имѣемъ.

Собранный мною матеріалъ можно систематизировать по тремъ отдѣламъ: 1) старинныя пѣсни, 2) мѣстныя любовныя пѣсни и 3) сатирическія пѣсни.

Въ отношеніи стилистичности и выдержанности настроенія нѣкоторые образцы второго отдѣла положительно недурны. Такъ, пѣсня «Куда идти тоску нести?» дышитъ непосредственностью и цѣльностью чисто народнаго произведенія. Также хороша другая пѣсня «Летай голубь, летай сизый...» Надо полагать, эти пѣсни, какъ и другія («Съю, съю подушечку», «Какъ у широкихъ, у воротъ») были занесены изъ Россіи, потому что въ нихъ встрѣчаются такія слова и понятія, о которыхъ коренной колымчанинъ не имѣетъ никакого представленія, т., напр.: «садъ», «каретка», «огородъ» и пр., къ тому же варианты этихъ пѣсней встрѣчаются въ Европейской Россіи. Остальные образцы второго отдѣла также лирическаго содержанія и трактуютъ на одну и ту же любовную тему объ измѣнѣ милаго дружка, воспѣваніе возлюбленной и т. д. Нѣкоторыя темы разрабатываются съ неприкрытой откровенностью, которую отнюдь нельзя назвать грубымъ цинизмомъ. Вѣрнѣе, это—наивный и оригинальный способъ выраженія чувствъ нетронутаго еще культурой челоуѣка, у котораго съ давнихъ временъ сохранились бытovyя переживанія, кажущіяся для поверхностнаго наблюдателя просто легкостью нравовъ и потому квалифицируемыя, какъ поголовный развратъ. Между тѣмъ, наличность взаимныхъ чувствъ и отсутствіе корыстныхъ цѣлей въ свободныхъ отношеніяхъ между мужчинами и женщинами, въ особенности въ Нижне-Колымскѣ, скорѣе говорятъ въ пользу высказаннаго мною предположенія о пережиткахъ культуры.

Я не могу налѣпить на нравы колымчанъ ярлыкъ «свальнаго грѣха» и на томъ успокоиться. Особенности ихъ быта, въ силу оторванности края отъ остальной территоріи русскаго государства, еще далеко не изучены и ждутъ вдумчиваго изслѣдователя. Крайняя

²⁾ Къ этому перечню можно еще добавить бар. Майделъ.

отдаленность Колымскаго округа и сопряженное со многими неудобствами и трудностями путешествіе туда являются главными причинами игнорированія его научными силами. Все, что имѣется въ литературѣ по описанію Колымскаго края, было сдѣлано временными «невольными» обитателями его, безъ которыхъ нашъ крайній сѣверо-востокъ Сибири и до сихъ поръ представлялъ бы *terra incognita*.

Отдѣлъ (1-й) сохранившихся старинныхъ пѣсенъ представленъ у меня только двумя отрывочными образцами: вариантомъ известной пѣсни «про Ваньку-Ключника» и отрывкомъ изъ пѣсни «о Скопинѣ-Шуйскомъ». Почему-то въ первой пѣснѣ фигурируетъ не бояринъ или помѣщикъ, а самъ король, съ представленіемъ о которомъ у колымчанъ ничего не ассоціируется. Также не знали они помѣщиковъ, потому что у нихъ не было совѣтъ института крѣпостного права. Пѣсня про Скопина-Шуйскаго меньше пострадала отъ мѣстной передѣлки: въ ней хорошо сохранился и размѣръ, и общее настроеніе древне-русскихъ историческихъ пѣсенъ.

Образцы сатирическаго творчества Нижне-Колымской народной музы особеннаго интереса не представляютъ. Они касаются, главнымъ образомъ, текущихъ злобъ мѣстной жизни. Въ нѣкоторыхъ стихахъ мѣстный поэтъ старается реагировать на беззастѣнчивую эксплуатацію мѣстнаго кулака-купца (Михаила Березнова), напр. въ стихотвореніи «Верхова быстеръ пришла... Любопытны также въ этихъ стихахъ чисто мѣстные словечки, выраженія и формы колымскаго языка (текотъ, пекотъ и пр.). Приведенная здѣсь «сказка объ Иванѣ Царевичѣ и Идолѣ Поганомъ» была мною записана со словъ уроженки Нижне-Колымска, Маріи Татаряновой. Сказка изобилуетъ своеобразными мѣстными выраженіями.

Вотъ и все, что мною сдѣлано въ бытность мою на Колымѣ; крайне сожалью, что не имѣлъ возможности сдѣлать большаго.

Въ заключеніе позволю себѣ выразить глубокую увѣренность, что въ недалекомъ будущемъ, когда у насъ произойдетъ окончательная переоцѣнка цѣнностей, когда всѣ стороны русской жизни освободятся отъ опутывающей ее мертвящей паутины стараго приказнаго строя, на забытый Богомъ и людьми Колымскій край будетъ обращено вниманіе не случайными невольниками, а учеными изслѣдователями.

I. Старинныя вѣсни.

1) Пѣсня про Ваньку ключника.

Младый ключничекъ тамъ жилъ,
 Съ королевною жилъ
 Ровно три годочка.
 На четвертый-отъ годочекъ
 Самъ король довѣдался.
 — Вы пойдите, приведите
 Млада ключника!
 Еще правда ли, что живешь
 Ты со княгинею?
 Завтра поутру тебя пожалую —
 Еще поставлю столбики сосновые,
 Перекладинка будетъ березовая,
 А петелки будутъ шелъовенькія.
 Младого ключника сердце не ужахнулось:
 Ея сахарны уста исцѣлованы,
 Ея бѣлы груди поистрепаны
 На румяномъ красномъ солнышкѣ.
 Не ведите меня, ключника, заулками,
 А поведите по большой улицѣ.
 Младой ключничекъ на петелкѣ качается,
 А королевна на двухъ булатныхъ ножахъ кончается.

Н. Колымскъ, 1905 г.

2) Отрывокъ изъ пѣсни о Скопинѣ-Шуйскомъ.

Собирается Скопинъ во каменну Москву,
 Скопину родная матушка наказывала,
 Еще сударыня-боярыня заказывала:
 — Ты не ѣзди, Скопинъ, во каменну Москву!
 Не послушался Скопинъ родной матушки,
 Выходилъ Скопинъ на прекрасное крыльцо,
 Онъ хваталъ-ималъ ворона коня,
 Онъ подтягивалъ подпруги шелковы,

Онъ клалъ коврички, на ~~коврички~~ сѣдло черканское,
 Онъ на стремячко ноги позакладывая,
 На добра коня заметаючи,
 Онъ пути держалъ во каменну Москву.
 Ему мати поговаривала:
 — Не дружись ты, Скопино, съ казаками Запорхца ³⁾
 Не кумись ты съ дочерью Малютою,
 Не крести ты сына Скурлатова!
 Не послушался Скопинъ родной матушки,
 Подружился съ казаками-запорожцами,
 Покумился съ дочерью Малюты,
 Окрестилъ онъ сына Скурлатовича,
 Выносилъ Малюта чашу зелена вина,
 По бокамъ этой чары змѣи вьются,
 Посреди этой чары ключи кипятъ,
 Принималъ эту чару Скопинъ единой рукой,
 Выпивалъ-то Скопинъ на единый духъ.
 Его буйна голова съ плечъ катилася,
 Его бѣлы ручки опустилися,
 Его рѣзвыя ножки подломилися,
 Изъ-за дубоваго стола онъ колесомъ пошелъ.
 Выходилъ-то Скопинъ на красно крыльцо,
 На добра коня садился со трудомъ.
 Пріѣзжалъ Скопинъ къ родной матушкѣ.
 Родна мати брала его за бѣлы ручки и рѣзвы ножки
 И вносила его себѣ въ домъ.

Ср. Колымскъ, 10/х 1905 г.

II. Мѣстныя любовныя пѣсни.

1.

Куда итти	Въ сады итти?
Тоску нести?	Сады пусты.
Въ лѣса итти? —	Тамъ цвѣтуть
Въ лѣсахъ темно.	Цвѣты алые.

³⁾ Запорожцами.

Сорву цвѣтокъ,
Совью вѣнокъ
Дружку милому
На головушку.

Носи, мой другъ,
Не сранивай!
Ты люби меня,
Не обманывай!

10 марта 1905 г. Н.-Колымскъ.

2.

Кровать-новая, тесова,
Перинушка — пухова.
На перинѣ — Катерина,
Душа-Катенька.
Сердцу сердце покорилось,
Сердце розовымъ покрылось...
Дѣвченокъ маленька,
На ней шубка аленька,
Выпушка боброва,
Сама — черноброва.

7 авг. 1905 г. Средне-Колымскъ.

3.

Со высокимъ я хожу
Съ животомъ гуляю.
Куда вьюна положить —
Сама я не знаю.
Еще Павла — на подушечку,
Катерину — на наволочку,
Добра молодца — на правое крыло.
Ужъ я дамъ да не дамъ за него
Три гривны серебряныя,
Три — четыре подзолоченныя,
Молодца кудреватаго,
Сокола сизокрылаго.
Я за дѣвицу иду, иду, иду,
За молодушкой бѣгу, бѣгу, бѣгу,
Перемѣны жду да жду,
Поцѣлую да уйду, уйду, уйду.

Н.-Колымскъ, 1905 г.

4.

Летай голубъ, летай сизый
 Со голубушкой!
 Удалой молодець — съ красной
 Дѣвицей.
 Я бы зимнею порою на каретѣ
 Прокатила.
 Полетай-ди, голубь мой!
 Прогуляемся съ тобой!

Н. Колымскъ, 1905 г.

5.

Показалась мнѣ темна ночка
 За минуточку.
 Будто мы съ тобой Степашечка, по зеленой дубравѣ
 Не хаживали?
 Будто мы съ тобой, Мателянка, зелены сады
 Не топтали?
 Часто пташка-говоряшка мнѣ
 Говаривала.
 Будто мы съ тобой, Мателянка, по свѣту
 Не ходили?
 Будто мы съ тобой, Степашечка, по широкой Колымѣ
 Не гуливали?
 У сѣраго, у бѣлаго каменка протопталъ я
 Трое сарь ⁴⁾.
 Будто мы съ тобой, экономушкой, на кровати
 Не лёживали?
 Отъ души, отъ сердешной грѣхъ
 Не сотворяли?
 Будто я на груди твоей бѣлой
 Не утѣшивался?

 Будемъ же съ тобой, Мателяшка, темну ночку

⁴⁾ Сары — колымская обувь изъ выдѣланной конской кожи.

Раздѣлять!
 Будемъ мы съ тобой вмѣстѣ одну ложку
 Раздѣлять!
 И пойдемъ, Мателюшка, по дуброву
 Погуляемъ.
 По бережку погуляемъ, по морскому
 По синему.
 Подстрѣлю тебѣ, Мателюшка, одну бѣлу
 Лебедушку,
 Или подарю тебѣ, Мателюшка, сѣрой
 Утицей,
 Или накормлю тебя я, мамка,
 Свѣжей рыбой,
 Или поѣду я, Мателюшка, по верховой,
 По быстеру,
 Привезу тебѣ, Мателюшка, гостинцевъ
 Дорогихъ;
 Хоть не сто рублей приплю, хоть
 Не двѣсти,
 Привезу тебѣ я, Мателюшка, алый ситецъ
 На платье,
 Привезу тебѣ я, Мателюшка, бѣлый платокъ
 Да косынку.

Н.Колымскъ, 1905 г.

6.

Заря утренняя въ окошечко зашла.
 Знать, мой милый, со мной, со подругой.
 Я жила со дружкой, съ покатою. (?)
 Я знаю, что на свѣтѣ за любовь,
 Всѣ пристяжки руками оборву;
 Всѣ подушечки слезами оболью;
 Войду я во спаленку свою
 Шелкову занавѣсочку зубами изорву.
 Знать, мой милый со мной, подруженьки,
 Не живеть.

Н.Колымскъ, 1905 г.

7.

Сѣю, сѣю подушечку,
 Сѣю пуховую,
 Сѣю, сѣю зеленушку
 Сѣю зеленую.
 Кого люблю, кого люблю,
 Того подарю ю ⁵⁾.
 (По улицѣ мостовой,
 По широкой столбовой) ⁶⁾
 Шла дѣвица за водой,
 За холодной ключевой,
 За ней парень молодой
 Кричить дѣвица: «постой!»
 — Ахъ ты, парень-паренёкъ,
 Разглупенькій твой умокъ!
 Не кричи во весь ротокъ:
 Мой батюшка у воротъ
 Зоветъ меня въ огородъ...
 Свѣтель Аннушкинъ дружекъ,
 Онъ садился на лужекъ,
 Подошелъ, къ ручкѣ прилегъ —
 У Ванюши сердце ёкъ.

Н.Колымскъ, 1905 г.

8.

Какъ у нашихъ у воротъ,
 Какъ у нашего, у прекраснаго крыльца
 Собрались красны дѣвушки во кружекъ.
 Они думали, каку ягру играть.
 Тутъ одна изъ нихъ прослезилась во кругу:
 «Мнѣ гульба-игра на умъ нейдетъ:
 «Милъ сердешный въ душѣ моей живетъ.
 «Какъ клялся и божился вѣрнымъ быть,

⁵⁾ Ю — её на нижне-колымскомъ нарѣчій.

⁶⁾ Эти двѣ строфы добавлены мною.

Барабашчикъ пригорѣлъ;
 Вася словно одурѣлъ,
 Въ Черноусово ⁹⁾ улетѣлъ
 Ты зачѣмъ тажъ пѣсни пѣлъ?
 Селивановъ — старичекъ,
 Самъ присяжный казачекъ.
 Хоть шаленка на плечѣ,
 Все убранство впередѣ,
 Всѣхъ встрѣчаетъ-провожаетъ,
 Всѣхъ до-сыта угощаетъ.
 Вася вѣсть гнѣздо пониже (sic!),
 Отъ Наумихи поближе.
 Ужъ Наумиха вдова,
 У ней дочи-то — змѣя.
 Накидочку-то брала,
 Обманула, провела.
 Васька вѣтся и несется,
 На Чурилова дерется.
 Чакучанъ — рыба съ перомъ.
 Селивановъ съ пестеремъ ¹⁰⁾.
 Еще нарта ¹¹⁾ на столбахъ,
 Экономка въ шаткаряхъ ¹²⁾
 Шелконѣнка ¹³⁾ не кину:
 Четвертной деньгой дарю
 Потягъ ¹⁴⁾ — камбалка ¹⁵⁾ толста.
 Абаумка былъ мечта (?)
 Указаль Бая ¹⁶⁾ перстомъ
 И заткнулъ трубу шестомъ.

Н.Колымскъ, 1905 г.

⁹⁾ Займка на Колымѣ, недалеко отъ Н.Колымска.

¹⁰⁾ Пестерь — корзина для рыбы, сплетенная изъ ивовыхъ вѣтокъ.

¹¹⁾ Собачьи или оленьи сани.

¹²⁾ Чукотская обувь изъ оленьяго мѣха.

¹³⁾ Прозвище одного купца съ р. Индигирки.

¹⁴⁾ Потягъ — ремень отъ собачьей нарты, за который привязываются или пристѣгиваются собаки.

¹⁵⁾ Камбалка — веревка.

¹⁶⁾ Имя ламута.

3.

На горѣ стоитъ изба
Сокорнинова ¹⁷⁾ труба.
Посередкѣ три столба.
Тутъ живетъ Егоръ Нужда;
По прозванью Кочерга.
У Соболюкова въ избѣ духъ,
У него сестра безъ ухъ.
Передъ нимъ стоитъ свѣча,
Тутъ стоитъ Егоръ Нужда
Три дни уксусомъ питался,
На канатѣ удавлялся.

Н. Колымскъ, 1905 г.

4.

Тутъ и рѣчка,
Тутъ и мость,
Черезъ рѣчку перевозъ,
Жена мужу баила: ¹⁸⁾
«Завтра буду барыня.»

Н. Колымскъ, 1905 г.

5.

Верхова быстеръ ¹⁹⁾ пришла
Михаила ²⁰⁾ принесла,
Михаиль наторговаль,
Худы ровдуги ²¹⁾ бросаль,
На Шкулёва-то кричалъ.
Кто съ юкалой ²²⁾ придетъ,

¹⁷⁾ Труба изъ коры.

¹⁸⁾ Говорила.

¹⁹⁾ Верховая вода.

²⁰⁾ Мѣстный купецъ Бережновъ.

²¹⁾ Родъ замши, выдѣланной изъ оленьей шкуры.

²²⁾ Сушеная рыба, приготовляемая копченьемъ въ прокъ особымъ способомъ.

Тотъ со спичками уйдегъ.
 Когда съ юкалой придешь,
 Тогда спичечку возьмешь.
 Онъ товары продавалъ,
 Всяку рыбу собиралъ,
 Худу рыбу браковалъ,
 Жиръ онъ пудомъ покупалъ,
 А по фунту продавалъ.

Н.Колымскъ, 16 окт. 1905 г.

6.

Еще поплыли быки,
 Погонили старики.
 Еще Васька на отъѣмъ ²³⁾,
 Заколотъ старикъ одинъ.
 Они на берегъ пристали,
 Третьяго быка пластали,
 Спинной жиръ-то отнимали,
 Богорасову давали.
 Богорасовъ три дни жилъ
 Съ аппетитомъ закусилъ.
 Самойловскій долгоносъ
 Чашки водки не поднесъ.

Н.Колымскъ, 1905 г.

IV. Разказы и сказки.

1) *Разказъ объ охотникѣ лѣшемъ, бѣгломъ и медвѣ-
 дицѣ-женщинѣ.*

Одинъ мужикъ ѣдетъ по настнику (мѣсто, гдѣ стоятъ насти на звѣрей), по морю и вдругъ останавливается въ одномъ мѣстѣ, кладетъ огонь, смотритъ — у него на нартѣ лежатъ 6 лисицъ, 10 песцовъ, которые добыты изъ насти. Изъ нихъ одна лисица —

²³⁾ Т.е. сталъ отчаливать отъ берега.

сиводушка, а онъ не думаетъ, что сиводушка, а — подобіе черной.

Тутъ видить вдругъ откуда прїѣзжаетъ ему человѣкъ — 3 аршина въ вышину, въ большихъ «сутурахъ» (мѣхвые наколѣнники), въ черныхъ «камусныхъ» (шкура съ оленьихъ ногъ) обутокъ, въ черномъ пальтѣ и бобровой шапкѣ, кушакомъ подпоясанный. И видить мужикъ у него 14 собакъ въ нартѣ. Присмотрѣлся, это — запряжено 12 лисицъ, а въ корню два волка.

Онъ спрашиваетъ этого человѣка:

— Куда ѣдете?

Онъ говоритъ:

— Ъду, тебѣ ѣду. Ты знаешь, какъ промышляешь? Какъ думаешь?

— Думаю — мнѣ Богъ даетъ.

— А ты меня знаешь, кто я?

— Нѣтъ, не знаю.

— Я — лѣшій. И вотъ ты мнѣ должонъ дать плату за то, что я тебѣ пушнину далъ.

— А какую же плату?

— А плату именно такую: колоду картъ, три рюмки водки и всѣ три разныя: красную, черную и бѣлую, три сорта табаку разнаго и одного человѣка.

Онъ на это отвѣчаетъ:

— На будущій разъ, когда прїѣду, это тебѣ привезу.

— Хорошо, сказалъ лѣшій.

Двѣ мѣтки записали для примѣты, чтобы знать, въ какомъ мѣстѣ съѣхаться.

Уѣзжаетъ этотъ мужичекъ домой. Когда онъ прїѣхалъ, потерялась у него изъ дому дочь.

Онъ нѣсколько мѣсяцевъ дома пробылъ, потомъ отправляется вторично по настнику. Вотъ онъ поѣхалъ, остановился дорогой, стоитъ и думаетъ: «Какъ же я поѣхалъ? я слово далъ человѣку плату привезти-ужо, я увижусь, опорочусь отъ него». И когда онъ поѣхалъ по первому настнику, добылъ онъ соболя, рысь, росомаху, волка и медвѣдя. Медвѣдь былъ серьезный: кожа его мѣстами была черная, а въ другомъ мѣстѣ — бѣлая.

И онъ дальше поѣхалъ и остановился, гдѣ они тесали двѣ тесинки.

Черезъ нѣсколько времени пріѣзжаетъ этотъ его самый господинъ и спрашиваетъ отъ него, гдѣ гостинцы?

Онъ тогда отвѣчаетъ: «Потерялась у меня дочь».

А лѣшій отвѣчаетъ: «Дочь я у тебя взялъ, которую ты мнѣ обѣщаль». Тогда онъ ударилъ его въ щеку и сказалъ: «Ты обманываешь!»

Лицо у мужика скривилось на одну сторону, и онъ полсотокъ лежалъ безъ чувствъ и безъ дыханія. Когда же онъ очуствовался, смотреть на небо. Что сдѣлалось — самъ надъ собой удивляется.

Тутъ приходитъ одинъ къ ему ламуть и говорить: «Ты неладно попустому съ нимъ повязался, понапрасну съ нимъ познакомился: лучше бы познакомился со мной».

Онъ видитъ — подобіе ламута, опять смотреть и думаетъ, что не ламуть: одна нога босая, а другая одѣтая, половина руки нагая, половина одѣтая, половина туши нагая, половина — одѣтая.

А этотъ человѣкъ ему и говорить: «Я не ламуть и не бродяга, а я подъ названіемъ бѣглый бѣглець. И вотъ я буду тебѣ доставать всяку-разну пушнину, а ты мнѣ доставай пороху и свинцу; и вотъ я тебѣ покажу свое удалство».

На 150 сажень бѣжалъ дикій олень. Онъ его стрѣлялъ и въ самое сердце попалъ одной пулей.

Потомъ этотъ человѣкъ, который ѣздилъ по настнику, поѣхалъ дальше: у него еще были насти.

И когда онъ пріѣхалъ край моря, видитъ — два медвѣдя плывутъ къ ему. И вдругъ онъ останавливается и караулитъ этихъ медвѣдей. И вотъ медвѣди пристали къ берегу. Одинъ медвѣдь тащить свою жонку (?) и просить этого человѣка намекомъ (т.-е. мимикой) землю копать и въ землю хоронить. Этому человѣку страннымъ показалось. Вытащили они пропавшую медвѣдицу и пошли съ этимъ медвѣдемъ землю рыть. И вотъ, когда вырыли землю, этотъ медвѣдь просить съ медвѣдицы шкуру снять. Этотъ человѣкъ сталъ съ нее шкуру снимать.

И онъ остановился, когда опустить (содралъ) до половины, онъ вдругъ вздрогнулъ, потому вздрогнулъ, что увидѣлъ въ одеждѣ женщину, и когда онъ шкуру снялъ, то на рукѣ у ей были два серебряныхъ кольца. И этотъ медвѣдь когтями написалъ

на доскѣ и велѣлъ везти это показать людямъ. И онъ, когда похоронилъ, пѣхалъ.

Довъзжаетъ до дому и показываетъ людямъ — вотъ, молъ, какое диво — вещь. Тогда прочитали и сказали: какой-то тамъ былъ купеческій сынъ, и вотъ его волшебникъ обернулъ, когда онъ вѣнчался, изъ-за одной завидости.

Н. Колымскъ, 1905 г.

2) *Сказка объ Иванѣ Царевичѣ и Идолѣ Поганомъ.*

Жилъ-былъ царь. У этого царя есть сынъ наследникъ. Жилъ, жилъ царь, и зачалъ помирать, зачалъ помирать и сыну своему заказывать: «Дитя! я скоро помру. Есть у меня семь лавокъ. Такъ ей, матери-царицѣ, этихъ лавокъ на недѣлю не хватитъ. Есть еще семь конюшенъ; въ этихъ конюшняхъ есть много коней. Ты схватись—двѣ недѣли пройдутъ—все кони кончатся: всехъ ихъ мать твоя по вѣтру развѣтъ. Вотъ будетъ самая концевая конюшня, вся въ землю вошла, старенькая такая. Въ эту конюшню войдешь, тамъ все найдешь. На твой вѣкъ будетъ, что тамъ найдешь».

Наказалъ это царь сыну и, въ который часъ ему назначено, померъ. Сколько они кручинились, dospѣли ему царскія похороны.

Живутъ они день, живутъ два. Приходитъ сынъ къ матери, каждое утро поздравляетъ.

Царица взяла себѣ экономомъ Идола Поганого и стала съ имъ жить. А сынъ ея, царевичъ, и не знаетъ Идола Поганый и говоритъ царицѣ: «Изведи этого Ивана Царевича! А не изведешь его, намъ житья съ тобой не будетъ».

Стала мать царевича изводить: сострапали хлѣбъ съ ядомъ. Иванъ Царевичъ всталъ утромъ, вымылся бѣленько, вытерся сухенько и пошелъ къ матушкѣ на поклонъ. Вотъ его матушка встрѣчаетъ, какъ будто вѣкъ не видала дитятку:

— Сынъ мой возлюбленный! долго спалъ, можетъ быть, ѣсть захотѣлъ?»

— Матушка! не то что ѣсть захотѣлъ, а нитъ захотѣлъ. Подай мнѣ холоднаго квасу.

Она постарила ему хлѣбъ и побѣжала за квасомъ. Онъ взялъ этотъ хлѣбъ и бросилъ за окно. Двѣ собаки меддлянскія прибѣжали съ цѣпями, схватили этотъ хлѣбъ, и отъ нихъ осталась лишь пустая шерсть да костки. Отъ этой досады сынъ ушелъ домой и поклона не далъ матери.

Потомъ пошелъ онъ въ конюшню и смотритъ—конюшня простая, такая темнота въ этой конюшнѣ—ничего не видно. Сталъ посерединѣ смотрѣть и видѣть—въ углу лежитъ чудной жеребенокъ: пустая короста на емъ. Смотритъ на него, страшится и дивуется на него: «Батюшка! неужели ты мнѣ этакій страмъ оставилъ?» Шелудивый жеребенокъ отвѣчаетъ: «Хозяинъ мой ласковый! не говори, что это шелуди!» Подвинулся на него Царевичъ, постоялъ, пострастился.

Ушелъ Иванъ Царевичъ, легъ на избу и думаетъ: «Ахъ, Боже мой! Какъ буду на емъ ѣздить—эдакій страмъ». Вечеромъ, поужинавши, легъ спать. Утромъ всталъ и повелѣлъ въ конюшню, тутъ-же сталъ его (жеребенка) наблюдать, сталъ медовою водой поить и пшеномъ бѣло-ярью кормить. По утру пошелъ онъ къ своему шелудивому жеребенку, а къ матери не идетъ. А шелудивый жеребенокъ говоритъ: «Выводи меня изъ этой конюшенки!»

Вывелъ его изъ этой конюшенки и привязалъ его къ столбу, а столбъ стоитъ около золотой конюшни, печатная (?) вышитая.

И зачалъ этотъ жеребенокъ ходить и въ самый верхъ копытами бить: такой хорошій выходитъ.

— Иванъ Царевичъ! говоритъ, садись на меня, поѣзжай мимо матушкиныхъ окошекъ.

Поѣхалъ мимо матушкиныхъ окошекъ и увидалъ: мать сидитъ съ Идоломъ Поганымъ и въ золотыя пѣшки играетъ.

Жеребенокъ говоритъ: «Бей окно! не жалѣй стекло! въ эти окошки тебѣ не смотрѣть, въ этихъ покояхъ тебѣ не жить. Матушка раньше тебя изводила, не могла извести, нонче ужъ не изведетъ».

Идолъ Поганный разсердился на царицу, что не могла Царевича извести, ударилъ ее по щекъ—только пустые женскіе волосы нашли.

Иванъ Царевичъ на шелудивомъ жеребенкѣ мигомъ улетѣлъ—Идолъ Поганный и въ глаза его не видалъ.

Летѣли, летѣли они и долетѣли до другого царства. До царства долетѣли, остановились у царя за залетомъ, тамъ онъ и привязалъ своего шелудиваго жеребенка. Шелудивый жеребенокъ правой ноздрей фыркнулъ—листъ бумаги вылетѣлъ, змѣиное мыло вылетѣло; лѣвой ноздрей фыркнулъ—арабское мыло вылетѣло.

Вотъ тебѣ охота хорошимъ быть; змѣинымъ мыломъ вымойся, а листъ бумаги расчитай. У этого царя есть дочь Эмпирея, прекрасная царевна. Худымъ хочешь быть—арабскимъ мыломъ вымойся и зайди въ самую заднюю кухню и тамъ у послѣднихъ царскихъ слугъ живи.

Онъ вымылся арабскимъ мыломъ и сталъ арабомъ—пустые только зубы бѣленьки. Тамъ царю доложили, что какой-то чудной бѣдный человекъ на квартиру попросился. Царь позволилъ чтобы его принять, чтобы его напоить и накормить, какъ слѣдуетъ.

Живетъ онъ день, живетъ другой, и недѣля прошла. Вдругъ прилетаетъ царю въ окошко балена стрѣла, Идолъ Поганый проситъ царя на поединокъ.

— Не дашь поединка, твой народъ пожгу и повытопчу. Пожгу, повытопчу и тебя, царь, головней покачу, а Эмпирею, прекрасную царевну, за себя возьму.

У этого царя нѣтъ такого богатыря, есть только два обегателя, а настоящихъ богатырей нѣту. А Эмпирея, прекрасная царевна, испужалась, въ самую заднюю комнату прибѣжала къ этому арабу, стала ему кланяться: «Имя твоего не знаю, Незнай ты Незнаюшка, заступи ты за вѣру христіанскую и за мою, за дѣвичью красоту; чѣмъ мнѣ за Идола Поганаго идти, лучше мнѣ за тебя, Незнаюшка, пойти».

Сколько она лестила, увѣщевала, въ послѣдніе нахаркала, наплевала на него и убѣжала. Послѣ нея онъ змѣинымъ мыломъ вымылся и на проходъ пошелъ къ своему шелудивому жеребенку, сѣлъ на него и полетѣлъ.

Идолъ Поганый ѣдетъ въ чистомъ полѣ. Царевичъ разѣхался и напроходъ голову съ плечъ ударилъ и выбилъ. Потомъ его взялъ изрубилъ-изрубилъ и въ море бросилъ и назадъ обратился. Приѣзжаетъ къ этому двору, гдѣ шелудивый жеребенокъ былъ, и тутъ его поставилъ, а самъ вымылся арабскимъ мыломъ и такой черный сталъ, только зубы бѣленьки.

Живутъ день, живутъ другой, недѣля прошла.

Опять царю въ окошко прилетѣла каленая стрѣла. Просить опять Идолъ Поганый и т. д.

Опять прибѣжала Эмпирея, прекрасная царевна, стала его обнимать, цѣловать: «Заступись за мою, за дѣвью красоту. Чѣмъ мнѣ за Идола Поганого идти, лучше за тебя, Незнаюшка, пойти».

— Не знаю, такъ ей и отвѣчаетъ, не знаю, не знаю!»

Опять она нахаркала, наплевала на него и убѣжала къ себѣ. Какъ она убѣжала, онъ послѣ нея вымылся змѣинымъ мыломъ, сталъ такой молодець, что завидно посмотришь, сѣлъ на шелудиваго жеребца и поѣхалъ.

Идолъ Поганый двухголовый ѣдетъ въ чистомъ полѣ. Саблей размахнулся Царевичъ, и эти головы отлетѣли и тутъ же упали на землю. Потомъ взялъ его изрубилъ на мелкіе кусочки и бросилъ въ море. Поѣхалъ назадъ домой, и тутъ же жеребенка завязалъ; самъ вымылся арабскимъ мыломъ и черный сталъ, только зубы бѣленьки. Лежитъ себѣ дома, будто не его дѣло: самъ царь не знаетъ, ѣздилъ онъ или не ѣздилъ.

Жили день, жили другой. Опять прилетаетъ каленая стрѣла въ окошко. «Дай поединокъ!» кричить Идолъ Поганый. Опять Эмпирея прибѣжала на кухню.

— «Эй, заступись за мою, за дѣвью красоту!» Одно зарубилъ Незнаюшка: «не знаю да не знаю!» Убѣжала къ себѣ прекрасная царевна. Онъ послѣ нея вымылся змѣинымъ мыломъ, такой красивый сталъ, мольчъ, какъ солнце, и пошелъ къ своему шелудивому жеребенку. Шелудивый жеребенокъ сунулъ носъ по глаза въ землю. Пнулъ его Иванъ Царевичъ:

— Что ты, шелудивый жеребенокъ, смерть мою ищешь? что упираешь носъ въ землю.

— Хозяинъ мой ясный! Ты наряжаешься, а самъ не знаешь на кого. Это—твой недругъ, Идолъ Поганый, который мать твою убилъ!

Взялъ онъ его обуздалъ, осѣдлалъ и поѣхалъ. И увидаль Царевичъ тамъ, въ полѣ ѣздить Идолъ Поганый; у этого Идола ужъ двѣнадцать головъ, двѣнадцать головъ отрастилъ: голова пищить, голова визжитъ и голова ѣсть просить. Шелудивый жеребенокъ ему и наказываетъ: «Станешь съѣзжаться, прямымъ трактомъ не съѣзжайся, а съѣзжайся эдакъ на бокъ,

на нѣсколько версть, а его лошадь будетъ неповоротъ (?), а я буду словно рыба».

И стали они сѣзжаться. Что Иванъ Царевичъ не отсѣчетъ, на мѣсто того одна голова крылатая по солнцу облетитъ и снова оядетъ на то же мѣсто. Сколько онъ бился съ ними и сталъ обезсилivatъ. Идолъ Поганый сталъ его пересилivatъ. Ивана Царевича вeдeтъ съ поля шелудивый жеребенокъ. Близъ города стали сѣзжаться, и отъ этого сѣзда солнца краснаго не видать, всѣ покон царскіе трясутся отъ одной силы богатырской. Бились-бились они, и какъ-то Идолъ Поганый Царевичу правую руку отсѣкъ.

И всѣ они вышли, стоятъ на крыльцѣ и Богу молятся и страшатся: «Какой это, однако, святой за нихъ заступился, съ адакой силой дерется».

Подлетѣлъ это шелудивый жеребенокъ къ Эмпиреѣ, царевнѣ прекрасной, и говоритъ: «Дай мнѣ что-нибудь руку бѣлымъ перевязать. А увидитъ Идолъ Поганый православную кровь, не остервенился бы пуще на насъ». Она не успѣла побѣжать къ себѣ въ спаленку, сдернула шелковую накидочку съ себя и связала Царевичу руку.

А въ межуткѣ такъ они сѣзжаются и бьются.

Какъ руку связали, такъ всѣ сразу головы отрубилъ и шелудивый жеребенокъ всѣ крылатыя головы приступилъ и тутъ они упали за землю; и солнце они прикрыли, и земля вся затряслась.

Иванъ Царевичъ взялъ одну голову и сталъ подкидывать и бросать черезъ себя, и огненный столбъ загорѣлся отъ силы дьявольской.

Потомъ взяли Ивана Царевича, привели его къ царю; взялъ снѣ его за руку, посадилъ въ горницу и сталъ чаемъ поить. А бился Иванъ Царевичъ двѣнадцать сутокъ. Царь приказалъ эти головы всѣмъ бросить, чтобы Царевича не занимать. Изрубили все, кончили, и отправился Иванъ Царевичъ назадъ, а они кормятъ его и не знаютъ, что за человекъ онъ, изъ какого роду. Поутру Незнаюшка проѣхалъ окольными путями и снова арабскимъ мыломъ умылся.

А поутру царь сталъ со всѣхъ городовъ и иностранныхъ земель собирать народъ, и стали эту шелковую накидочку искать. И вотъ сама прекрасная царевна подноситъ чай и водку и сама смо-

трить каждаго, ищеть свою накидочку и нигдѣ она ее не находитъ и цѣлую недѣлю не можетъ она найти.

Сколько народу было, всѣхъ обыскали, и ни у кого ея нѣтъ. Стали собирать мелочь, какихъ бѣдныхъ и богатыхъ—нигдѣ не могутъ найти. Царь и говорить: «У насъ есть Незнаюшка—нужно его привести: кова (какъ) онъ станетъ съ Идоломъ Поганымъ драться? Видно это святой былъ». Царь имъ говорить: «Даромъ—приведите его! у него нѣтъ-ли?» Они его привели, проводятъ его впередъ—онъ не идетъ, за печку встаетъ. Она ему поднесла самому послѣднему, онъ руку хочеть хватить, она видитъ свою накидочку, а онъ взявъ руку отдернулъ. Она въ третій разъ какъ ударить по рукѣ: «Какой же ты путаный! почто рюмку не берешь?» Въ четвертый разъ онъ растянулъ руку, тутъ она увидѣла накидочку, взяла его за руку и говорить: «Батюшка! вотъ мой суженый!» Царь на радостяхъ говорить: «Поутру возьми мою дочь замужъ за твою услугу! Ты меня снасъ отъ трехъ Идоловъ Поганыхъ».

Поутру встали, доспѣли и обвинчали ихъ. Мѣсяць гуляли, мѣсяць отдыхали. Потомъ они жили, жили. Пошелъ онъ къ своему шелудивому жеребенку, и сталъ ему шелудивый жеребенокъ своимъ языкомъ говорить: «Иванъ Царевичъ! твой отецъ былъ царь, и я не меньше его. Я былъ волшебникъ, а онъ былъ превыше меня волшебникъ. Мы отымали города и дрались, а онъ меня завоевалъ; и вотъ за мою прогрѣшность шелуди на меня напустилъ; и то была у него заповѣдь, что у царя родится дочь и, пока ты ее замужъ не возьмешь, потуль и меня не развернуть. Нонче ты женился на ней: пора время меня развернуть».

Итакъ, Ивану Царевичу неохота его развернуть—жалко. Иванъ Царевичъ и отвѣчаетъ: «Какъ я буду тебя разворачивать? Никакъ не могу я тебя развернуть». Шелудивый жеребенокъ говорить: «Вотъ поѣдь въ свой городъ, гдѣ я въ конюшенкѣ стоялъ; возьми коня мнѣ и себѣ и поѣдь въ свой городъ и за тотъ столбъ, что вязалъ меня, привяжи. Войди въ конюшенку, подъ потолкомъ будетъ висѣть плеточка шелковая. Возьми по солнцу эту конюшенку объѣдь и меня оплети этой плетью трижды».

Объѣхалъ тутъ Иванъ Царевичъ и трижды плеткой обернулъ, и передъ нимъ сталъ царь и въ той коронѣ, какой сидѣлъ на престолѣ.

Сколько они тутъ плакали, прощались—цѣлый день прошелъ. Поѣхалъ царь въ свою сторону, а Иванъ Царевичъ—къ своей женѣ.

Какъ пріѣхалъ Иванъ Царевичъ, царь смѣнился, посадилъ Ивана Царевича на царство, а сами стали жить-поживать да и до теперя живутъ.

(Нижне-Колымскъ, 10 марта 1905 г.)

Евг. Поповъ.

Современныя народныя собранія, игры, танцы и пѣсни (частушки и другія) въ деревнѣ.

Въ губерніяхъ: Московской, Тверской и Ярославской мы встрѣчаемъ большую своеобразность въ гуляньяхъ молодежи по сравненію съ сосѣдними губерніями¹⁾. Частушку здѣсь поютъ вперемѣшку съ множествомъ извѣстныхъ романсовъ и модныхъ пѣсенъ. Каждый годъ, какъ и въ городѣ, здѣсь появляется что-нибудь новое, модное и заучивается молодежью на каждомъ шагѣ. Появлялись, напримѣръ, лѣтъ 15—20 тому назадъ въ городахъ и въ особенности въ Петербургѣ «Стрѣлокъ» и «Конфетка моя леденистая», которыя охватывали все населеніе города отъ интеллигенціи и до извозчика, равно и отъ военнаго оркестра и до уличной шарманки. Затѣмъ, на смѣну «Стрѣлку» и «Конфеткѣ» выступили «Перстенежъ», «Разлука», «Чудный мѣсяцъ», «Мой костеръ», а позднѣе «Накинувъ плащъ», «Стенька Разинъ», «Тройка почтовая», «Ой, полна, полна коробочка»—и все это громкимъ и сильнымъ эхомъ отдавалось въ деревняхъ Московской, Ярославской и отчасти Тверской губерній. Молодежь выигрывала эти пѣсни на гармоникахъ, распѣвала на вечеринкахъ, и, кажется, не было въ деревнѣ подростка, который не

¹⁾ Смотрите „Этнографическое Обзорѣніе“ 1903 года книга IV: Деревенскія посѣдвки и современныя народныя пѣсни частушки. *Лот.*

зналъ бы «Чуднаго мѣсяца» или позднѣе «Тройки почтовой» и «Коробочки». Такъ уже скоро воспринимаютъ здѣсь модные пѣсни и романсы.

Но и «Тройкѣ почтовой» и некрасовскимъ Коробейникамъ долженъ былъ наступить конецъ. Война Россіи съ Японіей, а затѣмъ наступившая революція вытѣснили ихъ. Появились новыя пѣсни и новые мотивы. Между прочимъ, среди народа стали раздаваться «Солнце всходитъ и заходитъ» М. Горькаго и

«Много я въ жизни страдала,
Много я слезъ пролила».—

Но особенно излюбленной явилась пѣсня о калѣкѣ солдатѣ, возвращающемся изъ Манчжуріи:

Отъ павшихъ твердыни Артура,
Съ кровавыхъ манчжурскихъ полей
Калѣка солдатъ истомленный
Къ семьѣ возвращался своей.
Спѣшилъ онъ жену молодую
И малова сына обнять,
Увидѣть родимаго брата,
Утѣшить родимую мать.
Пришелъ онъ,—въ убогомъ жилищѣ
Ему не узнать никого;
Чужая семья тамъ ютится,
Чужіе встрѣчаютъ его.
И стиснуло сердце тревогу:
— Явился я, вѣрно, не въ срокъ,
Скажите, не знаете-ль, братцы,
Гдѣ мать, гдѣ жена, гдѣ сынокъ?
— Жена твоя,—сядь, отдохни-ка,
Небось твои раны болятъ.
— Скажите скорѣе всю правду!
— Всю правду? Мужайся, солдатъ!
Толпа изнуренныхъ рабочихъ
Рѣшилась пойти ко дворцу,
Защиты просить челобитной
Къ царю, какъ къ родному отцу.
Надѣвъ свое лучшее платье,

Съ толпою пошла и она,
 И насмерть зарублена пашкой
 Твоя молодая жена.
 — А гдѣ же мой маленькій мальчикъ,
 Гдѣ сынъ мой? — Мужайся, солдатъ!
 Твой сынъ въ Александровскомъ паркѣ
 Былъ пулею съ дерева снятъ.
 А мать помолиться Казанской —
 Старушка едва ужъ пошла,
 Избита казацкой нагайкой
 До ночи едва дожילה.
 — Не все еще взято судьбою,
 Остался единственный братъ,
 Гдѣ братъ мой? — Мужайся, солдатъ!
 — Ужели и брата не стало?
 Погибъ, знать, въ Сусимскомъ бою?
 — О, нѣтъ, не сложилъ отъ Сусимы
 Онъ жизнь молодую свою.
 Погибъ онъ у Чернаго моря,
 Гдѣ ихъ броненосецъ стоять:
 За то, что вступился за правду,
 Своимъ офицеромъ убить.
 Ни слова солдатъ не промолвилъ,
 Лишь поднялъ онъ къ небу глаза,
 Была въ нихъ великая клятва
 И будущей вмѣстѣ (?) гроза.

Пѣли эту пѣсню и парни, и дѣвушки хоромъ подь гармоникю и поодиначкѣ за работою.

Одновременно съ этой пѣсней стали раздаваться по селу (Новое, Клинскаго уѣзда, Московской губерніи) и другія новыя пѣсни, на примѣръ:

Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой,

Однако при всемъ такомъ скоромъ появленіи «модныхъ» пѣсень преимущество все-таки отдается здѣсь частушкѣ. Какъ на гуляньяхъ, такъ и на посидѣлкахъ частушка остается главною пѣсней. Съ нея начинаютъ, ею и кончаютъ.

Предположимъ, что молодежь пѣла хоромъ подъ гармонику только что приведенную пѣсню и какъ только всѣ умолкли, кто-нибудь запѣваетъ:

Милашка, ягодка лѣсная,
А я яблочь садовой;
Отъ солдатчины останусь,
Не разстанусь я съ тобой.

Къ голосу парня подтааетъ «тальянка», къ ней другіе голоса, а потомъ и льются частушки одна за другой, пока не умолкнетъ гармоника.

Черезъ нѣсколько времени кто-нибудь изъ парней снова наладить:

Отречемся ютъ стараго міра,
Отряхнемъ его прахъ съ нашихъ ногъ,

И вдругъ всѣ хоромъ, отрывисто, подхватываютъ:

Вставай, подымайся, рабочій народъ!

Но всѣ эти новыя пѣсни, слова, какъ и газеты среди крестьянъ стоятъ на большомъ разстояніи отъ «дѣла». Миѣ неоднократно приходилось спрашивать у парней и дѣвушекъ, почему они полюбили эти пѣсни. «Да потому, что мотивъ хорошій». — Вотъ обычный отвѣтъ молодежи. А когда приходилось допытываться, чѣмъ именно хорошій мотивъ, то отвѣчали: «Да какъ же, посуди самъ — впередъ, впередъ, впередъ!» Последнія слова поясняются на голосъ, такъ что красота мотива будто заключается въ отрывистомъ возгласѣ каждаго слова.

Такъ гуляли и пѣли «новыя пѣсни» дѣвушки и парни нѣсколько мѣсяцевъ. Хотя мѣстная полиція и предупреждала, что пѣвцовъ такихъ могутъ забрать въ тюрьму, тѣмъ не менѣе молодежь не обращала на это никакого вниманія. Пѣли ничуть не тише и не меньше прежняго, основываясь на томъ, что «всѣхъ не заберутъ». Между прочимъ иногда даже нарочно дразнили кое-кого новыми пѣснями.

Но и на это никто не обращалъ вниманія. Пѣсни распѣвались каждый вечеръ.

Такъ продолжалось все лѣто 1906 года. А потомъ, въ концѣ концовъ такое настроеніе было подавлено. И подавлено

было не полнцей, а своими земляками, солдатами, вышедшими въ запасъ осенью того же года. Ихъ было трое, изъ числа которыхъ былъ одинъ флотскій, оставшійся на сверхсрочную службу и бывшій въ то время на побывкѣ въ селѣ.

И съ этого времени на гуляньѣ не стали раздаваться «новыя» пѣсни. Собственно, парни въ одиночку и въ компаніи не переставали дѣть, но уже на общемъ гуляньѣ, среди дѣвушекъ не загѣвали.

Дѣвушки стали ограничиваться только пѣсней: «Отъ павшихъ твердыни Артура», которая считалась незапрещенной, «Много я въ жизни отрадала» и частушками.

Надо замѣтить, что какъ бы ни было подавлено настроеніе молодежи на общемъ гуляньѣ, все же предыдущій годъ оставилъ большіе слѣды. Дѣвушки сознали, что «новыя» пѣсни запрещенныя, что пѣть на улицѣ ихъ нельзя, но разъ онѣ уже къ нимъ привыкли, то онѣ будутъ пѣть дома. И пѣли за работою и въ полѣ въ своей компаніи. И теперь сложилось такъ, что если 6—7 лѣтъ тому назадъ «Чудный мѣсяцъ» зубрили всѣ подростки и позже пользовалась такимъ же успѣхомъ «Ой, полна, полна коробочка», то въ настоящее время, когда жизнь народная двинулась впередъ, «Вставай, подымайся» поютъ даже дѣти, которыя играютъ на луговинѣ въ камушки. Я не мало былъ удивленъ, когда на Пасхѣ нынѣшняго года, увидѣлъ 5-лѣтнюю дѣвочку крестьянина сосѣда, игравшую подъ окномъ своего дома и съ дѣтскимъ выговоромъ пѣвшую: «Вставай, подымайся, рабочій народъ. Впеледъ, впеледъ, впеледъ»... Затѣмъ пришлось убѣдиться, что дѣти заучиваютъ эти два стиха на каждомъ шагѣ.

Однако описывая настроеніе деревенской молодежи послѣдняго времени, мы отступили отъ описанія обстановки гуляній и посидѣлокъ, а также и вечеринокъ данной мѣстности. Поэтому вернемся къ нимъ.

Мы уже видѣли, что на ряду со всевозможными новыми пѣснями частушка остается на своемъ мѣстѣ. Но это только на гуляньяхъ или на вечеринкахъ и посидѣлкахъ чисто деревенскаго характера. А вотъ на вечерахъ, задаваемыхъ сельскою буржуазіей (проще, богачами) или пріѣзжей изъ города молодежью, частушку вовсе не поютъ. Тутъ преобладаютъ романсы, а при случаѣ и «запрещенныя» пѣсни. Точно также сюда можно отнести

и другіе деревенскіе «балы», напримѣръ, «сидѣнье», свадьбу и вообще вечера, на которыхъ собирается «городская» молодежь. Случись на вечерѣ два или три городскихъ «кавалера», и веселье будетъ на ихъ сторонѣ. А «кавалеровъ» такихъ здѣсь много, потому что принято съ дѣтства отдавать мальчиковъ въ городъ къ опредѣленному занятію; они затѣмъ являются въ деревню уже «настоящими кавалерами». Поэтому рѣдкая свадьба или сидѣнье обходится безъ ихъ присутствія. А выходятъ изъ Московской, Ярославской и частью Тверской губерніи (Корчевскій уѣздъ) больше всего приказчики, артельщики, ремесленники и нерѣдко владѣльцы крупныхъ предпріятій. Такъ или иначе, всѣ они имѣютъ большую связь съ деревней: пріѣзжаютъ домой, блестятъ среди деревенскихъ обывателей костюмами, манерой и т. п. Дѣвушки плѣняются ими, а парни, по возможности, имъ подражаютъ.

Теперь, я думаю, не удивится читатель, если я скажу, что здѣсь на обыкновенныхъ посидѣлкахъ на ряду съ пѣсней «Солнце всходитъ и заходитъ» и частушками мы встрѣчаемъ больше, чѣмъ гдѣ-либо, на дѣвушкахъ модныя прически, корсеты, на парняхъ крахмальные воротнички, стрижку ежикомъ, слова «мерси», «пардонъ» и т. п.

На вечерахъ здѣсь танцуютъ «кадриль», «лягсье», «польку», «венгерку», а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и модные танцы, играютъ на нѣмецкой гармоникѣ. Но отъ этихъ вечеровъ переходитъ понемногу обстановка и на посидѣлки. Напримѣръ, въ частности нѣмецкая гармоника на посидѣлкѣ уже имѣетъ больше успѣха, чѣмъ «тальянка», хотя въ общемъ относятся къ нимъ одинаково. Танцуютъ тѣ же танцы, за исключеніемъ «венгерки» и модныхъ танцевъ. Танцы на посидѣлкѣ здѣсь служатъ самымъ конькомъ развитія. Вотъ почему на всѣхъ деревенскихъ вечерахъ городскіе «кавалеры» имѣютъ больше успѣха. Увлечшись съ ними въ танцы, дѣвушки совсѣмъ позабываютъ о своей деревенской поэзіи, и потому частушекъ тогда не слышно.

Въ Корчевскомъ и Мышкинскомъ уѣздахъ часто танцуютъ безъ гармоникъ, подъ пѣсни. Сгруппировавшись въ одинъ кругъ (нерѣдко за отсутствіемъ парней однѣ дѣвушки), хоромъ запѣваютъ:

Ужъ ты улица, улица моя,
Трава мурава, зелененькая.
Вотъ ли, люли, люли, люли, люли,
Трава мурава, зелененькая.

Въ это время двѣ пары начинаютъ танцовать первую фигуру «кадрили», а остальные стоятъ и ждутъ очереди. Дѣвушки продолжаютъ:

Что по улицѣ купчикъ идетъ,
По широкой удаля голова,
Вотъ ли, люли, люли, люли, люли,
По широкой удаля голова.

Первыя двѣ пары кончаютъ свое па, начинаютъ другія и продолжаютъ пѣть:

Чтожъ ты, миленькій, серчаешь на меня,
Душа, радость, вѣдь одна я у тебя.
Вотъ ли, люли, люли....
Душа, радость, вѣдь одна я у тебя.

Затѣмъ танцуетъ опять первая пара, и т. д. Пѣсня продолжается:

Развѣ есть иная у тебя,
Что которая не лучше меня?
Вотъ ли, люли, люли, люли, люли,
Что которая не лучше меня.
Поглядите, добры люди, на меня,
Чѣмъ я, дѣвица, на личико дурна,
Вотъ ли, люли, люли, люли, люли,
Чѣмъ я, дѣвица, на личико дурна,
На лицо бѣла-бѣлешенька
И собою веселешенька.
Вотъ ли, люли, люли, люли, люли,
И собою веселешенька.
Что собою веселешенька,
Пойду къ милому скорешенько.
Вотъ ли, люли, люли, люли, люли,
Пойду къ милому скорешенько.
Я пойду къ нему скорешенько,

Попеняю я малешенько.
 Вотъ ли, люли, люли, люли, люли,
 Попеняю я малешенько.
 Ужъ ты, миленькій мой, дорогой,
 Не пора ли огородъ городить.
 Вотъ ли, люли, люли, люли, люли,
 Не пора ли огородъ городить (2 раза).
 Для чего бѣлу капусту садить.
 Вотъ ли, люли, люли, люли, люли,
 Для чего бѣлу капусту садить (2 раза).
 Лучше въ городѣ готовую купить,
 Вотъ ли, люли, люли, люли, люли,
 Лучше въ городѣ готовую купить (2 раза).
 Буду съ миленькимъ по садику ходить.
 Вотъ ли, люли, люли, люли, люли,
 Буду съ миленькимъ по садику ходить (2 раза).
 По сыру бору погуливати.
 Вотъ ли, люли, люли, люли, люли,
 По сыру бору погуливати (2 раза).
 Въ темномъ лѣсѣ пріаукивати,
 Вотъ ли, люли, люли, люли, люли,
 Въ темномъ лѣсѣ пріаукивати.
 Ты, ау, ау, мой миленькій дружокъ,
 Ты послушай мой тонкій голосокъ.
 Вотъ ли, люли, люли, люли, люли,
 Ты послушай мой тонкій голосокъ.

Протанцовавъ первую фигуру кадрили, начинаютъ также поочередно вторую и запѣваютъ:

Ты земелька черноземъ, (2 раза).
 Роза, роза, черноземъ. (2 раза).
 Посѣяли дѣвки ленъ, (2 раза).
 Роза, роза, дѣвки ленъ (2 раза).
 Посѣяли на горѣ,¹⁾
 Роза, роза, на горѣ.
 Посѣявши пололи,

¹⁾ Въ стихахъ по 2 раза.

Роза, роза, пололи,
 И съ полонья домой шли,
 Роза, роза, домой шли.
 Имъ на встрѣчу шли купцы,
 Роза, роза, шли купцы.

Что какъ (по названію деревни называютъ
 царней) удалцы,

Роза, роза, удалцы.
 Вели коня подъ ковромъ,
 Роза, роза, подъ ковромъ.
 Подъ бѣлымъ полотномъ,
 Роза, роза полотномъ.
 Конь ихъ нѣжится, неидеть,
 Роза, роза не идетъ.
 Копытами землю бьетъ,
 Роза, роза землю бьетъ.
 До камышковъ достаетъ,
 Роза, роза достаетъ.

Подъ третью фигуру поють :

Какъ у красныхъ у воротъ
 Есть направо поворотъ,
 Есть направо и налѣво ;
 Тамъ прибито двѣ доски :
 Одна Питерска—Московска.
 Вокругъ линіи поидеть.
 На пути лежала шина,
 По ней бѣгала машина.
 Какъ изъ Питера штафеть,
 Присылай милый отвѣтъ.
 Я записку получала,
 Со вниманіемъ читала :
 Пишетъ, пишетъ милый мой,
 Приказалъ гулять одной.

Подъ четвертую фигуру поють :

Мимо саду винограду,
 Мимо зеленого

Летѣль голубь, летѣль сизый
 Со голубушкою.
 Шель молодчикъ, шель молодчикъ
 Съ красной дѣвицею.
 Позади идутъ товарищи
 Подслушиваютъ.
 Что подслушиваютъ,
 Разговариваютъ :
 — Какъ бы эта красна дѣвица
 Со мной она была,
 Я бы зналъ, я бы вѣдалъ
 Какъ утѣшить ее.
 Я бы золотомъ обвѣшалъ
 Со жемчужинками.
 Я бы лѣтомъ, краснымъ этимъ
 На колясочкѣ каталъ.
 А зимою шестернею
 Я на воронныхъ коняхъ,
 Я на воронныхъ коняхъ,
 Новолаковыхъ саняхъ.

Подъ пятую фигуру поютъ :

Ты, береза, ты, моя береза,
 Раскудрявая моя береза,
 Цвѣты ли мои, цвѣты розовые,
 Цвѣты розовые, бѣлорозовые.
 На тебѣ ль, моя береза,
 Уродились одни листья.
 Цвѣты ли мои, цвѣты розовые,
 Цвѣты розовые, бѣлорозовые.
 Уродились одни листья,
 До земли они повисли,
 Цвѣты ли мои, цвѣты розовые,
 Цвѣты розовые, бѣлорозовые.

Эта пѣсня повторяется до двухъ или до трехъ разъ. Послѣ пятой фигуры танцуютъ обыкновенно «лягсье» и поютъ :

Скажи, Надя, гдѣ была, гдѣ была?
 Я въ садочкѣ гуляла, гуляла.

Чево, Надя, видѣла, видѣла?
 Я милого видѣла, видѣла.
 Посажу дружка на мягкій стулъ,
 Сама сяду на другой, на другой,
 Скажу: кушай, милый мой, милый мой (2 раза).
 Милый пьяный напился, напился,
 Разговоромъ занялся, занялся.

Эта пѣсня также поется нѣсколько разъ послѣ того, какъ протанцуютъ «лянсье», садятся на мѣста и запѣваютъ частушки. Здѣсь иногда появляется бубень, трензель, и все это вмѣстѣ съ гармоникой и съ голосами дѣвушекъ и парней сливается въ одинъ общій концертъ.

Надо замѣтить, что здѣсь, въ противоположность Петербургской и Новгородской губерній, частушку поютъ одну хоромъ и на одинъ голосъ.

Наконецъ, парни просятъ дѣвушекъ запѣть «половую» пѣсню, т.-е. игральную. Одинъ изъ нихъ начинаетъ ходить кругомъ избы и присматриваетъ дѣвушку.

Ему запѣваютъ:

Какъ по травкѣ, по муравкѣ
 Шель молодчикъ,
 Шель молодчикъ молодой,
 Веселился, душа мой.

Парень подходитъ сначала къ одной дѣвушкѣ, потомъ къ другой и приглашаетъ ихъ на средину избы. Тѣ встаютъ съ мѣстъ и становятся въ сторонѣ отъ парня. Дѣвушки поютъ:

Ему встрѣчу, ему встрѣчу
 Двѣ дѣвицы,
 Двѣ дѣвицы, двѣ дѣвицы,
 Красавицы.

«Кавалеръ» проходитъ по избѣ; дѣвушки ему навстрѣчу. Всѣ они расходятся и возвращаются на прежнія мѣста. Имъ продолжаютъ пѣть:

Русы кудри, русы кудри,
 Черныя брови.

Черны брови шевелятся,
Велятъ съ парнемъ цѣловаться.

Парень цѣлуетъ одну изъ дѣвушекъ, которая садится на лавку, а затѣмъ другую, послѣ чего удаляется и самъ. Дѣвушка ходитъ по избѣ; ей поютъ:

Ужъ ты, зимушка, зима,
Зима лютая была;
Завѣтъ, замететь
Всѣ дорожки пути (2 раза).
Нельзя къ милому пройти.
Я дорожку размету,
Сама къ милому пойду.

Тутъ она наклоняется и размахиваетъ въ воздухѣ носовымъ платкомъ, дѣлая видъ, что подметааетъ. Дѣвушки продолжаютъ:

Я стелю, стелю постель,
Стелю пуховую.
Я кого вѣрно люблю,
Три разъ поцѣлую.

«Барышня» приглашаетъ «кавалера»; тотъ подходитъ и цѣлуетъ ее, а потомъ также ходитъ по избѣ; дѣвушки припѣваютъ ему, и такъ далѣе. Игральныя пѣсни мы прилагаемъ въ концѣ настоящей статьи.

Послѣ игры опять поютъ частушки; потомъ кто-нибудь наладитъ «большую» пѣсню, на примѣръ, «Отъ павшихъ твердыни Артура» или «Много я въ жизни страдала», а затѣмъ снова частушки и такъ до конца посидѣлки. Между тѣмъ ухаживающіе за дѣвушками парни подсаживаются «рядкомъ» и заводятъ разговоры.

Съ посидѣлки иногда дѣвушкѣ также провожаетъ парень и нерѣдко подъ-руку, тихо, важно, какъ ходятъ влюбленные.

Въ лѣтніе праздники дѣвушки здѣсь не ходятъ гулять въ другія деревни, какъ это мы видѣли въ сосѣднихъ губерніяхъ. Дѣвушкамъ ходить въ гости здѣсь считается неприличнымъ; все равно, что показывать себя, набиваться замужъ. А это, по мнѣнію населенія,—униженіе чести дѣвушки. Поэтому ни въ какіе торжественные дни большого гулянья здѣсь не бываетъ. Оттого и

лучшихъ платьевъ на гуляньяхъ вы не увидите. Дѣвушки одѣваютъ ихъ только въ церковь, къ обѣднѣ. Церковь въ настоящее время служитъ центральнымъ мѣстомъ, гдѣ дѣвицы и молодухи, какъ незажиточной крестьянской, такъ и буржуазной (богатой) или духовной семьи показываютъ свои лучшіе модные наряды. Какъ только вернулась дѣвица или женщина отъ обѣдни, она тотчасъ же снимаетъ съ себя хорошій нарядъ и одѣваетъ на весь день болѣе или менѣе простой, хотя бы ей представилось итти и гулять по деревнѣ.

Игральныя пѣсни, распѣваемые на указанныхъ нами народныхъ собраніяхъ слѣдующія:

1.

Какъ пошелъ нашъ молодець,
 Какъ пошелъ нашъ удалецъ.
 Колечко мое серебрянное
 Становился на салфетъ,
 Онъ на розовый цвѣтъ.
 Колечко мое...
 Отдалъ дѣвущкѣ поклонъ,
 И платочекъ изъ рукъ вонъ.
 Колечко мое...
 Вотъ платочекъ бѣленькій,
 Поцѣлуй мой миленькій.
 Колечко мое...
 Какъ платочекъ полосатый
 Поцѣлуй-ко разъ десятокъ.
 Колечко мое...

2.

Во горѣнкѣ во новѣй
 Стоитъ столикъ убраной,
 Что за нужды убраной (2 раза).

Накрытъ шелковой фатой,
Съ серебряной бахромой.

Что за ...

Тутъ (имя рекъ) выступалъ,
(Отчество парня) выступалъ

Что за ...

Стаканъ чаю наливалъ
Своей милой подносилъ

Что за ...

Выпей, милая душа,
Стаканъ чаю отъ меня

Что за ...

Выпивши, душа моя,
Поцѣлуй скорѣй меня

Что за нужды что меня (2 раза).

3.

Какъ пошелъ нашъ лебединъ,
Какъ пошелъ нашъ господинъ,
Лебединъ мой лебединъ
Лебедушка бѣлая.

Все. (имя рекъ) лебединъ
Все (отчество) господинъ
Лебединъ мой...

Но а кто-жъ у насъ лебедка,
Но а кто-жъ у насъ господка?
Лебединъ мой...

Что за свѣтъ у насъ лебедка
Это (ласкательн. имя дѣвушки) господка
Лебединъ мой...

Постой милый у воротъ,
А я схожу въ огородъ,
Лебединъ мой...

Я схожу въ зеленый садъ,
Не поспѣлъ ли виноградъ.
Лебединъ мой...

Перву вѣтку сорвала,
Я себѣ млада взяла.

Лебединъ мой...
 А вторую сорвала,
 И милому отдала.
 Лебединъ мой...
 Что какъ третью сорвала,
 Его за руку брала.
 Лебединъ мой...
 Его за руку брала,
 И по саду провела.
 Лебединъ мой...
 Что по саду провела,
 Цѣлованье завела.
 Лебединъ мой...

4.

Пошелъ Ваня въ хороводъ,
 Положилъ кудри въ комодъ:
 До такого времечка
 До краснаго лѣтечка.
 Красно лѣтечко настанеть
 Завиваться перестанеть.
 А ты, Ваня, не горюй
 Дѣвчоночку поцѣлуй.

5.

Сошилъ миленькій пальто
 Табачнаго цвѣта;
 На што, миленькій, пальто?
 Теперь моды нѣту.
 Теперь мода сюртучки,
 Съ галошами сапоги,
 Жилеточки съ часами,
 Цѣловаться съ нами.

6.

Модень, модень молодець,
 Модень, модень удалецъ,
 На бесѣду покатишь,

Перчаточку обронилъ.
 Перчаточка спала съ рукъ,
 Ты прощай, любезный другъ,
 Цѣловаться недосугъ.

7.

Миль идетъ и поетъ:
 — Гдѣ-то зорька моя,
 Заря утренняя.
 Миль за ручку беретъ
 И цѣлуетъ меня (2 раза)
 И голубить меня.

8.

Руби, руби, батюшка,
 Куда древо гнется,
 Отдай, отдай, батюшка,
 Куда замужъ хотца.
 Хоть за горьку пьяницу,
 Да на лицо красавицу.
 Горька пьяница проспится,
 А дуракъ-то никогда (2 раза)
 Цѣлуй, дѣвка, молодца.

9.

Наступила первый разъ
 Написала буки, азъ.
 Буки, азъ, — цвѣточки —
 Новински дѣвочки,
 Веселешенько сидятъ,
 Цѣловаться намъ велятъ.

10.

Афросеня долгой хвостъ,
 Неметеный грязный мостъ,
 На мосту солома,
 На дворѣ корова,
 На клѣти овца
 Цѣлуй, дѣвка, молодца.

11.

Пошла дѣвка на покой,
Сама топнула ногой.
Посовѣтуйте, подружки,
Мнѣ котораго любить?
Женатаго полюбить:
Жена его осердится,
Холостого полюбить:
Скоро скоро женится.
Чѣмъ не пара чѣмъ не пара
Хоть сейчасъ и подъ вѣнецъ?
Цѣлуй дѣвку, молодецъ.

12.

Пошла дѣвка по воду
Къ колодчику новому,
Опустила кольцо въ воду
Кольцо золотое.
Оно не тонеть, не плыветь
За нимъ молодецъ идетъ.
Молодецъ кольцо досталъ.
И дѣвчонку приласкалъ.

13.

Ужъ я жала млада въ ельничкѣ,
Спожинала во березничкѣ.
Я боялась что бы волкъ не съѣлъ,
На ту пору молодецъ поспѣлъ.

14.

На улицѣ крупный дождь,
Старостинъ сынъ хорошъ:
На улицу вышелъ,
Три словечка слышалъ;
Пришелъ къ дѣвкамъ разсказалъ,
Цѣловаться приказалъ.

15.

Не ходи, бѣлый, кудрявый,
 Мимо мово саду
 Не ломай, бѣлый, кудрявый,
 Мово винограду.
 Я не для тебя садила,
 Не для тебя поливала;
 Для кого я поливала,
 Того цѣловала.

16.

Мой милой воспотѣлъ,
 Онъ пить захотѣлъ.
 Дѣвчочка услышала
 Въ окошечко подала:
 Въ окошечко полковшичка,
 Во другое два ковша,
 Что въ другое два ковша
 Цѣлуй, дѣвка, молодца.

17.

Шла Арина изъ овина
 Задомъ пятилася, (2 раза)
 Въ лужу брякнулася;
 Не видала, какъ упала —
 Погляжу въ грязи лежу, (2 раза)
 Цѣловаться прикажу.

18.

Настенька, Настенька,
 Походочка частенька,
 Развеселые глаза,
 Поцѣлуй-ко три разка.

19.

Шла Машонька изъ лѣсочку,
 Несла торбочку песочку.

Тяжело песокъ носить —
Пойду къ старостѣ просить
А староста разказалъ:
Цѣловаться приказалъ.

20.

Двѣ подружки Катеньки,
Головушки гладеньки,
Русы косы завиты
И гребенки золоты.
При гребенкѣ больша вошь
Выбирай кого ты хошь,
При гребеночкѣ коса
Цѣлуй, дѣвка, молодца.

21.

Ходить Ваня по полу
Лисій тулупъ до полу.
Кто не спросить: «Чей такой?»
Катя скажетъ: «Милый мой!»
Поцѣлуемся со мной.

22.

На улицѣ пыльно,
А мнѣ выйдти стыдно.
Просится Миколинька:
«Выйди, выйди, Поленька,
Выйди разгуляться
Три разъ поцѣловаться».

23.

По́ полу, по́ полу,
Яишенку слопали;
Давайте другую,
Поцѣлуй милую.

24.

Не расти верба во ржи,
Рости лучше на межи,

Вербу вѣтромъ не гнетъ,
 Соловей гнѣзда не вьетъ,
 Соловей у насъ Васильюшка,
 А соловушка Настенька,
 Говорилъ: сердце болитъ —
 Цѣловаться намъ велить.

25.

Занька, выйди въ садъ,
 Бѣленькій, сорви цвѣтокъ:
 Вотъ такой сорви цвѣтокъ,
 Вотъ такой сплети вѣнокъ.
 Бѣленькій, надѣнь вѣнокъ,
 Занька, вотъ это такъ,
 Бѣленькій, вотъ это такъ.
 Занька, поцѣлуй,
 Бѣленькій, поцѣлуй.

26.

Черна шляпа на ушкѣ,
 Кудерушки вьются;
 Онѣ вьются на одинъ часъ —
 Поцѣлуемся сейчасъ.

Василій Степановъ.

Изъ свадебныхъ и родинныхъ обычаевъ Хотинскаго уѣзда, Бессарабской губерніи.

Сватанье. На свадьбѣ главные участники ея носятъ слѣдующія названія: женихъ и невѣста — «молодой», «молода», посаженные — «батько», «матка», шафера — «дружбы», дружки — «дружки», сваты — «старосты», свахи — «свашки».

Сватать идутъ два старосты въ домъ родителей невѣсты, гдѣ и говорятъ: «Почему вы не спросите зачѣмъ мы пришли?» — «Потому что вы не мальчики, а люди почтенные, и мы ждемъ вашего

слова». Затѣмъ идутъ переговоры, условливаются о срокѣ для «заручиня» и свадьбы, спорятъ о приданомъ, торгуются, ссорятся, мирятся и т. д. Все, что рѣшено и обѣщано родителями старостамъ, всегда потомъ выдается, хотя бы черезъ 2—3 года; но почти не было случая отказа потомъ выдать дочери обѣщанное.

Свадьбы бываютъ: 1) обыкновенныя, 2) «вкупн» или 3) «крадиномъ». Первые характерны тѣмъ, что здѣсь идутъ расходы отдѣльно у родителей «молодого», отдѣльно у род. «молодой», (музыка, угощенія и т. д.). На свадьбѣ второго вида оба дома для сокращенія тратъ дѣлаютъ все сообща (1 музыка, 1 угощеніе). Въ свадьбѣ третьяго вида невесту «крадутъ» — или потому, что родители ея не согласны на бракъ, и она уходитъ въ домъ жениха, гдѣ и живетъ у его родителей до свадьбы; или же иногда это дѣлается и съ общаго согласія, т.-е. «крадутъ» невесту съ согласія (тайнаго) ея родителей, чтобы послѣдніе не участвовали въ свадебныхъ расходахъ; потомъ они молодымъ выплачиваютъ ту сумму, которая иначе пошла бы на угощенія и подарки гостямъ.

На сватаньи на вопросъ родителей о желаніи выйти замужъ дѣвка должна «соромиться» и говорить, что «согласна по приказанію родителей». Сватамъ дарятъ «рушники и щедро угощаютъ. Невѣста и женихъ обмѣниваются «знаками». Онъ требуетъ отъ нея дорогую вещь: шелковой платокъ, новое платье, шубу (лѣтомъ) и т. д., чтобы она потомъ ему не отказала, выйдя за другого. Въ такомъ случаѣ ея «знакъ» ей не возвращается.

Бываетъ, что давшая «знакъ» сватается другимъ, болѣе милымъ для нея женихомъ, и тогда она послѣднему горько плачетъ, причитаетъ: «отчего раньше не сваталъ», теперь уже она должна идти за перваго, потому что дала «знакъ», стоящій 5—10—20 руб., и для спасенія цѣнной вещи приносится въ жертву чувство.

Но иногда, узнавъ, что такая-то засватана, — другой парень перебываетъ, откупаетъ ее у получившаго «знакъ» или же платитъ за утраченную вещь и за расходы по угощенію сватовъ и такимъ образомъ самъ женится.

Обрученіе (безъ священника). На «заручныя» берутъ полное сито жита, въ которое прячутъ кольца; женихъ и невеста разомъ выхватываютъ по горсти жита; если кольца не попадаютъ — нехорошо; если до 3-хъ разъ кольца попадутся невестѣ — ея, а

жениху — его — нехорошо. Если невѣста выхватитъ его кольцо, а онъ ея — то это хороший знакъ.

Невѣста обвязываетъ руки старостамъ ручниками или платками, при чемъ ихъ присутствующіе спросятъ: «Что это васъ вяжутъ? провинились или прокрались вы что ли?» Они отвѣчаютъ: «Прогрѣшили мы, прогрѣшили». Женихъ туго перетягиваетъ на себѣ поясъ; невѣста подходитъ къ нему съ «ширинкой» (вышитымъ ручничкомъ). Гости спрашиваютъ: «А ну, чи годна снпгъ завязаты»: да умѣетъ ли она снопы вязать на жатвѣ — вообще хорошая ли работница? Женихъ надумается, а невѣста старается сильнымъ и ловкимъ движеніемъ заложить ему за поясъ «ширинку». Если это ей быстро удается — хвалятъ: «Годна, годна снопы вязать!»

Потомъ просятъ всѣхъ за столъ «пить слово». Старосты спрашиваютъ: «Та на якій то мы счетъ пыты будемъ? що съ того буде? коли не висия?» Во время угощенія условливаются о днѣ свадьбы и подробно обсуждаютъ какой кому расходъ и т. д. Послѣ этого уже свадьба не можетъ разстроиться, т.-е. уже «шили слово» и совершенно обрученіе (церемоніи съ кольцами, житомъ, шириной и т. д.).

Подарки, приданое, расходы. За недѣлю или 2 до свадьбы женихъ и невѣста вдвоемъ на цѣлый день отправляются «въ мисто» за покупками. Это самый ожидаемый и любимый день. Закупаютъ все нужное: подарки гостямъ, одежду и т. д.; онъ ее угощаетъ и, смотря по состоянію и по симпатіи, щедро одариваетъ. Вечеромъ когда онъ ее привозитъ и за ней выгружаетъ покупки — подруги сбѣгаются смотрѣть что именно она получила. Онъ тоже получаютъ конфеты, яблоки, орѣхи и т. д.

Обязательные подарки на счетъ жениха: невѣстѣ платье, «покрывало» (платокъ), обувь, вѣнокъ, кольцо, серьги, бусы и друг. мелочи, ленты и т. д. Ея матери бурнусъ и башмаки или же матери бурнусъ, а отцу чоботы. Посаженой матери что-нибудь (платокъ). Онъ же платитъ священнику за вѣнчаніе (отъ 8 до 25 рублей) и нанимаетъ музыку отъ 6 до 40 руб. (По 1 руб. священнику обязаны дать и посаженные).

На счетъ невѣсты и ея родителей: ручники, «пестимлэлы», т.-е. платки, идущіе на «дары», числомъ отъ 40, 50 до 100. Угощенія. У каждой дѣвушки за годъ и 2 до свадьбы уже заготовлены

домотканные ручники, изъ нихъ часть съ вышитыми концами, большіе, малые, средніе — на разныя цѣны. Рубаху для жениха и для его матери она шьетъ изъ домашняго полотна и красиво расшиваетъ.

На свадьбѣ (средняго состоянія) расходуется 25 — 40 ведеръ вина и 5 ведеръ водки, иногда еще пиво. Вина покупаютъ цѣлый анталъ въ Кодряхъ, Аккерманск. уѣзда (за 100 верстъ). Кодри— село, гдѣ почти всѣ крестьяне имѣютъ виноградники. Цѣна вина 70, 80 коп. и до 1 р. 20 за ведро. Передъ свадьбами специально нѣсколько подводъ ѣдутъ въ Кодри, везя пустыя бочки (анталы) для вина. Зажиточные хозяева щеголяютъ обиліемъ угощеній. Если невѣста хорошая работница, то у нея большое приданое, много «дзестръ» ковровъ, полотна, подушекъ и одежды. Приданое сложено въ большой «скрынъ» — (сундукъ). Когда послѣ свадьбы молодой является, чтобы увозить къ себѣ жену и ея «скрыню», то сестра ея садится на этотъ сундукъ и «не даетъ». Дружбы выносятъ изъ хаты сундукъ съ сидящей на немъ дѣвочкой и та уходитъ только получивши отъ «молодого» выкупъ (подарокъ или деньги 10 — 20 коп.). Братъ молодой, мальчикъ, старается вскочить на коня «молодого», и тотъ долженъ и своего коня «выкупить», бросивъ горсть карамели или монету.

Въ понедѣльникъ еще приходятъ гости и продолжается попойка, но уже каждая гостящая чета приносить съ собой $\frac{1}{2}$ ока водки (чтобъ облегчить хозяевамъ расходы по угощенію).

На «маса мари» (см. 206 стр.) во время «витанія» гости и родные сбрасываютъ молодымъ на тарелочки 40 — 50, иногда до 100 рублей.

Вънецъ. Въ субботу съ утра дружки съ невѣстой ходятъ по селу «съ колачами» и приглашаютъ родныхъ и знакомыхъ «до винка», т. е. присутствовать при церемоніи возложенія вѣнка. Въ каждой хатѣ невѣста оставляетъ колачи и получаетъ подарокъ (полотна, курицу, ручникъ, пряжу и т. д. или деньги—15—30 коп.).

Вечеромъ родные собираются и уже приводятъ музыкантовъ.

Невѣсту сажаютъ «на посадъ» на подушку, подъ которую положенъ «кожухъ» (полупубокъ). Батько первый, а за нимъ всѣ родные по кусочку расплетаютъ ея косу, причемъ дружки поютъ, музыка играетъ очень заунывно и протяжно, невѣста плачетъ. Батько съ маткой берутъ (не голой рукой, а черезъ платки) вѣ-

ночь и кладутъ ей на голову, приговаривая пожеланія и благословенія. Дружки укрѣпляютъ на головѣ вѣнокъ. Послѣ невѣсты на подушку спѣшитъ сѣсть одна изъ дружекъ (чтобъ скоро замужъ выйти).

Если свадьба «вкупѣ», то сперва «на посадѣ» сажаютъ жениха, всѣ родные его чешутъ гребнемъ и ему пришиваютъ на грудь цвѣты (тоже назыв. «вѣнокъ»). Потомъ «на посади» невѣста, а затѣмъ обоихъ уже въ вѣнкахъ батько 3 раза обводитъ (держа ихъ не голой рукой, а за бѣл. платочки) вокругъ стола, на которомъ по угламъ поставлены колачи, соль, горятъ восковыя свѣчи (воткнутыя въ хлѣбъ) и украшено все это барвинкомъ. На всѣхъ углахъ остановка, крестятся и цѣлуютъ колачи. Потомъ къ столу сажаютъ на подушки жениха и невѣсту, произносятъ пожеланія, наставленія и отпускаютъ затѣмъ танцовать до утра. Старшіе всю ночь угощаются. Ночью нѣсколько разъ дружки приглашаютъ молодежь отъ танца въ хату, спрашивая кто желаетъ поѣсть. Если желающіе отдѣляются, то съ ними въ хату идутъ и «молодые», которые садятся у стола. Гости входящимъ кланяются, потомъ ихъ угощаютъ, а они сбрасываютъ на тарелку деньги и опять всѣ идутъ танцовать.

Передъ вѣнчаніемъ въ воскресенье съ утра свашки относятъ въ ситѣ подарка отъ невѣсты къ жениху и его роднѣ отъ него — ея роднымъ. Получившій подарокъ бросаетъ въ сито «горсть денегъ» около 15 — 20 коп., но все по $\frac{1}{2}$ и по 1 коп. Свашки встряхиваютъ деньгами въ ситѣ и поютъ, хваля богатство молодого или молодой. Рубаха, шитая невѣстой жениху — называется «камеша ди кононіа нирилуй». Платокъ, который женихъ даритъ невѣстѣ и которымъ ее послѣ свадьбы покрываютъ — «пестымѣль».

Передъ отъѣздомъ къ вѣнцу матка слѣдитъ, чтобъ воротникъ былъ на женихѣ разстегнутъ. Если манжеты рукавовъ на пуговицахъ, то и ихъ разстегиваетъ.

Подъѣхавъ къ хатѣ за невѣстой, жениха (на конѣ верхомъ) дружки подводятъ къ снѣжамъ; дружки платочками отгоняютъ, а невѣста, стоя на порогѣ внутренней комнаты, смотритъ на жениха «сквозь колачъ». 2 раза дружки отгоняютъ, на 3-й невѣста бросаетъ на коня коверъ и подаетъ жениху воды, а онъ ей бросаетъ рубль. Тотъ цѣть и остатки льетъ черезъ свою голову назадъ на окружающую толпу. Женихъ, спѣшившись, выводитъ невѣсту къ

повозкѣ; публика подзадориваетъ: «А ну, чи годенъ снопъ подбросить, стогъ вершить?» Женихъ старается однимъ взмахомъ «выкинуть» на повозку упирающуюся невесту; возлѣ нея садится matka съ подушечкой въ рукахъ; жениха верхомъ дружбы (ведя его лошадь подъ уздцы) 3 раза обводятъ вокругъ повозки и каждый разъ онъ «кончукомъ» ударяетъ невесту по головѣ; matka прикрываетъ ея голову подушечкой и проситъ: «Не бей, фине» (финъ — вѣнчальный сынъ). Публика кричитъ: «Бей больнѣ, чтобы слушалась мужа». Мать ея кропитъ весь поѣздъ свадебный свяченой водой пучкомъ васильковъ. Бдутъ въ церковь: впереди невесты съ посаженными и возлѣ женихъ верхомъ; затѣмъ дружки и возлѣ верхами дружбы; затѣмъ гости и сзади музыканты.

Въ церкви, стоя на ручникѣ, невеста, если хитрая, старается стать на ногу жениху, а онъ на-сторожѣ и прячетъ «чоботы» подальше, чтобъ она не была «старшей въ домѣ». При возвращеніи изъ церкви кто-нибудь въ селѣ поджидаетъ и «переливаетъ», т.-е. подъ ноги лошадямъ и на колеса повозки льетъ ведро воды; ему за это даютъ денегъ, т.-к. это счастье принесть.

Послѣ вѣнца. Танцы и угощенія чередуются. Когда всѣ пообѣдали (по очереди, т.-к. хата не вмѣститъ разомъ всѣхъ), дружки идутъ ловить «молоду»; она нѣсколько разъ вырывается и возвращается къ танцу. Наконецъ ее силой дружки ведутъ въ хату «покрывать»; она упирается ногами и руками въ косяки дверей, рвется, плачетъ. Ее садятъ на лавку, передъ ней столъ съ хлѣбомъ и бринзой; за ней на лавку становятся дружки. Бабы стоятъ сбоку, поютъ все-таки пѣсни. Музыка въ сѣняхъ заунывно играетъ. Разстояніе отъ двери (открытой въ сѣни) до стола свободное; по немъ, приплясывая, приближается братъ невесты, держа на двухъ камышинкахъ платокъ; невеста, опустивъ голову на столъ, рыдаетъ; дружки платочками машутъ надъ ней и гонятъ брата до 8-хъ разъ; тотъ отступаетъ къ двери и опять идетъ, наконецъ, набрасываетъ съ камышинокъ на голову невесты сверхъ вѣнка платокъ. Дружки стараются сбросить, но бабы кидаются, гонятъ дружекъ, свалка, толкаются и обвязываютъ платками голову невесты «по бабски». Приходитъ женихъ съ дружбами; онъ черезъ столъ подмышки перетягиваетъ жену и уводитъ танцевать. Дружки садятся за столомъ; дружки зовутъ ихъ въ таецъ,

онѣ отказываются; тогда каждый дружба выбираетъ себѣ дружку и предлагаетъ ей денегъ 1 коп., 2, 3 и т. д., торгуются и, наконецъ, за 15—20 коп. она согласна. Онѣ ей бросаетъ деньги и, перетянувъ ее «підъ пахи» (нодмышки) черезъ столъ, уводитъ въ танецъ. Послѣ церемоніи «покрытія молодой» братъ долженъ переломать обѣ камышинки и бросить на крышу хаты. Потанцовавъ еще — молодую «забираютъ», т.-е. везутъ или ведутъ въ домъ молодого, гдѣ его родители встрѣчаютъ хлѣбомъ-солью, она же земно кланяется всѣмъ его родственникамъ.

Опять танцы и вечеромъ ужинъ — «маса мари». За столъ садятся только «молодые» и старшіе родные и женатые и замужніе гости. Молодежь танцуетъ на дворѣ и затѣмъ расходится. Неутомимые музыканты идутъ въ сѣни и тамъ играютъ послѣ ужина при «витаніи». Витають всѣхъ родныхъ, потомъ гостей: молодые становятся сбоку стола, держа тарелочки (не голой рукой, а платочками); возлѣ нихъ ея мать съ «дарами» — (ручники и платки). Староста съ двумя полными рюмками (которыя даетъ на тарелкѣ молодымъ) выкликаетъ: «Гдѣ-то здѣсь есть нашъ дядя (или братъ, отецъ и т. д., кумъ, свать) — имя и фамилія — откликнись («дайте ся чуты!») Названный встаетъ, беретъ у молодыхъ 2 полныя рюмки (не голой рукой, а поданнымъ матерью невѣсты «даромъ» платкомъ или ручникомъ) и съ ними танцуетъ; обойдя хату, подходитъ къ своей женѣ; она беретъ у него 1 рюмку, и оба танцуютъ, пьютъ и бросаютъ на тарелочки по 3 р., 1 р. или мелочь. Или заявляютъ: «Даруемъ овцу (или тѣлку или столько-то дубовъ (на хату), столько-то хлѣба)». Староста на стѣнѣ отмѣчаетъ сколько чего подарено. Иногда сѣвъ на свое мѣсто, тотъ, кого уже «витали», кричитъ: «Жалаю соби», т.-е. еще хочетъ что-то подарить, и тотчасъ церемонія съ рюмками и танцами повторяется. Расходившійся богачъ иногда по 6—7 разъ «жалаетъ» чтобъ его «витали» къ большей радости публики. Послѣ «маса мари» matka уводитъ молодыхъ въ чужую хату, а гостей беретъ къ себѣ; музыка тоже переходитъ къ маткѣ въ ея домъ, и тамъ свахи бѣснуются, пляшутъ, величаютъ матку, которая ихъ угощаетъ.

Въ четвергъ отецъ и мать молодой идутъ ее навѣстить въ домъ мужа, гдѣ собрались его родители и родные и приготовленъ маскарадъ: старую бабу увѣшиваютъ лохмотьями, мажутъ лицо

сажей, треплють волосы и т. д., и когда родители, войдя, спрашиваютъ: «А идѣ тутъ наша дочь?», имъ выводятъ эту бабу. Тѣ причитаютъ: «Что изъ нашей «дытны» стало? мы дали вамъ «квиточку» (цвѣтокъ) и что вы сдѣлали?» и т. д. Уродливая баба кривляется, всѣ хохочутъ. Потомъ выскакиваетъ молодая, вся въ обновкахъ, веселая и нарядная. Начинается пирушка и угощеніе гостей. Бабу выгоняютъ, но она, умывшись и приодѣтая, возвращается и ее угощаютъ, «частуютъ». Поселившись въ хатѣ родителей мужа, молодая берется за работу: замететъ, но ей велятъ въ первое утро не выносить «смитя» и посылаютъ за водой; когда она приноситъ воду, свекровь бросаетъ ей въ коновку горсть «смитя»; молодая покорно возвращается къ колодцу за свѣжей чистой водой, но ей опять на порогѣ хаты бросаютъ золовки, деверья и брать соръ въ воду; такъ она ходитъ нѣсколько разъ (чтобъ доказать покорность), наконецъ, свекоръ или мужъ, выйдя на встрѣчу, закрываетъ коновку платкомъ и самъ вноситъ воду.

Отецъ невѣсты черезъ недѣлю послѣ свадьбы «беретъ молодыхъ на хлѣбъ», т. е. приглашаетъ ихъ и посаженныхъ и родныхъ и угощаетъ и даритъ телку, овцу, что-нибудь. На свадьбѣ у брата (братъ женить сына или дочь выдаетъ) — родные дяди, тетки, дары принимаютъ, а у сестры, то дары возвращаютъ племянникамъ и еще отъ себя подарки прибавляютъ.

Въ воскресенье «витаютъ» всѣхъ чужихъ и гостей, а уже въ понедѣльникъ еще угощеніе и витаютъ родныхъ. Хорошій родной, богатый и дружественный, велитъ себя «витать» 3—6—8 разъ, каждый разъ одаривая молодыхъ.

Родины. Когда молодая женщина въ первый разъ идетъ «на родыны», то беретъ миску муки, какъ и другія бабы, но ее три раза выталкиваютъ во дворъ, — не пускаютъ будто.

Передъ родами бабка «креститъ» ребенка, чтобъ онъ легче родился, 3 раза осѣняетъ крестомъ «чрево» и кропитъ святой водой и говоритъ: «Родится хлопецъ будетъ Иванъ, дѣвушка будетъ Марія». Потомъ имя даютъ какое угодно другое. Такой ребенокъ считается «получившимъ крестъ» и если тотчасъ по рожденіи умереть, то хоронятъ его на кладбищѣ. Мертворожденнаго и не «получившаго креста» хоронятъ гдѣ-нибудь. Семь лѣтъ онъ лежитъ, а черезъ 7 лѣтъ вылетаетъ изъ гроба и проситъ креста. Если человѣкъ слышитъ надъ собой стоны, или же птичка

вьется и все кричить «креста», «креста», то надо тотчас положить на крестъ двѣ соломины, нитки — даже отрываютъ кусочки отъ своей юбки, рукава, платочка и т. д. и кладутъ на крестъ. Некрещеный ребенокъ (умершій 7 лѣтъ назадъ) слетаетъ, хватаетъ эти соломинки, нитки или тряпочки и несетъ ихъ на небо, хваляся передъ Богомъ, что онъ получилъ уже, выпросилъ себѣ крестъ. Человѣкъ же сдѣлавшій это — очень большую имѣетъ «поману», и для его души это большая польза.

Если похороненъ некрещеный рожденный отъ дѣвушки ребенокъ въ лѣсу, то кто станетъ ногой на то мѣсто — заблудится или какую-нибудь неприятность потерпитъ.

Замужней женщины ребенокъ, хотя бы и некрещеный, хоронится на кладбищѣ, такъ какъ считается что при рожденіи онъ «бабкой» окрещенъ. Баба до родовъ креститъ мать свяченой водой и 3 раза креститъ, говоря: «Хлопецъ будетъ Иванъ, дивчина Марія». Потомъ даютъ имя того святого, въ какой день родится ребенокъ. Это чаще всего.

Е. П. Казиміръ.

Изъ свадебныхъ, родинныхъ и похоронныхъ обычаевъ Подольской губерніи.

Подольская губернія (Каменецкъ). Женихъ заказываетъ невѣстѣ бѣлое платье и покупаетъ бѣлыя перчатки. Идутъ за платьемъ и за вѣнкомъ съ музыкой дружки и несутъ все это изъ магазина на подносахъ или блюдахъ по улицѣ.

Дѣвушка (въ 40-хъ и 50-хъ годахъ), пока не засватанная, не носить юбки. Случалось, что до 25 лѣтъ (въ ожиданіи пока отецъ вернется изъ солдатъ) дѣвушка ходитъ въ рубахѣ съ поясомъ (веревочкой).

Когда посватаютъ, то мать ей покупаетъ узенькую юбку изъ «дымы» (полосатая парусинка).

Женищина послѣ родовъ до 6 недѣль не отходить далеко отъ хаты (страшно, т.-к. у нея нѣтъ души) и куда бы ни пошла, то за поясомъ у нея долженъ быть ножъ. Въ церковь ей нельзя.

Если она кому перейдетъ дорогу — то это грѣшно и очень нехорошо. За молитвой къ священнику мать идетъ съ бабой, въ церковь войти ей нельзя, а стоитъ на дворѣ съ ребенкомъ-дѣвочкой, а священникъ съ порога читаетъ. Если мальчикъ, то священникъ вноситъ его въ церковь.

На крещеніи, когда священникъ ходитъ съ крестомъ, надо давать прядево, «чтобъ не былъ голый крестъ».

Хлѣбъ изъ печи вынувши, назадъ нельзя класть (если недопечень), если есть въ хатѣ дѣвушка. «Завертаты хлѣбъ, то завертаты будутъ старосты», т.-е. трудно будетъ замужъ выдать. «А у бабы тяжкой—то дытына будетъ на родахъ завертаты».

Вынувъ хлѣбъ изъ печи — тотчасъ бросить что-нибудь (полѣно) въ печь, «чтобъ не зѣвала печь», т.-е. чтобъ не было голода въ хатѣ.

Запаривъ борщъ, надо бросить въ него горящій уголекъ и тянуть хлопца за уши, чтобъ былъ кислый борщъ.

Новорожденного заворачиваютъ въ «первую одежду»—въ отповскій сюртукъ, жилетъ, рубаху или что-нибудь, хоть кожиху отца — это для того, чтобъ отецъ его любилъ.

Мать, говорившая до родовъ, что отдастъ дитя на чужія руки, что ей это обуза, и т. д., уже не сможетъ не любить ребенка, если заставить ее поцѣловать его.

Если родится мальчикъ, у кого дѣти умирали, то надо вынуть окно и черезъ окно продать его кумамъ — чтобъ жило. На томъ свѣтѣ ребенокъ уже будетъ считаться не родителей, а купившихъ.

Если хоронять католика или лютеранина, т.-е. «чужой вѣры», то въ гробъ надо класть деньги, иначе земля не приметъ его.

Если монета упадетъ (въ гробъ) ребромъ — нехорошо.

Дѣлать щелокъ въ пятницу нельзя, грѣхъ, т.-к. на томъ свѣтѣ будутъ тогда щелокомъ поить.

Пожиченная принадлежность хозяйства не должна оставаться въ чужой хатѣ черезъ праздникъ сочельникъ.

«Подсыпать квочку», садить насѣдку на яйца надо изъ кучмы, и всѣ присутствующіе должны сидѣть, а когда курица сядетъ — то всѣ разомъ встаютъ, чтобъ разомъ вышли цыплята.

Возлѣ новорожденного, пока не крещень, класть нельзя вѣнникъ, «куцюбу» (кочергу), ножъ или иголку, чтобъ нечистый его не «пидійшовъ».

Послѣ родовъ, когда повитуха идетъ домой, надо ей дать хлѣба, муки, соли, чтобъ не шла «голоручь», потому что на томъ свѣтъ Матерь Божья спрашиваетъ: «Съ чѣмъ ты идешь отъ родили?». Черезъ недѣлю баба приходитъ купать мать и послѣ эта баба держитъ пригоршню надъ цебромъ, а мать льетъ въ ея руки литру воды и кладетъ полотенно. Затѣмъ угощаются.

Если хоронятъ хозяина или хозяйку, то надо затворить ворота и бросить на ворота коверъ, а покойника остановить у воротъ; когда священникъ уже отпоетъ, то коверъ съ воротъ внести въ хату — чтобъ хозяйство не рассыпалось, чтобъ все велось по прежнему хорошо.

Е. П. Казиміръ.

Критика и библиографія.

Voth, H. R. *Oraibi Natal Customs and Ceremonies*. («Field Columbian Museum. Publication» № 97. «Anthrop. Series». Vol. VI. № 2. Chicago. 1905. p. 47.—61.)

Собранные со свойственною автору тщательностью обряды, сопровождающие рождение дѣтей у индѣйцевъ *hopi* въ селеніи Орайби (Аризона), весьма интересны. Отметимъ, между прочимъ, двадцатидневный періодъ, въ теченіе котораго родильница пользуется особеннымъ обрядовымъ уходомъ со стороны «бабки» — матери отца ребенка или ея сестры, т.-е. тетки отца; завѣшыванье входа въ жилище, чтобы солнце не повредило ребенку; обрядъ начертанія при посредствѣ тонко смолотой муки, черточекъ (въ 6—7 дюйм. длины и 1 д. ширины) вдоль четырехъ стѣнъ помѣщенія, гдѣ находится родильница; эти черточки стираются одна за другой по совершеніи различныхъ обрядовъ надъ родильницей въ теченіе двадцати дней ея заключенія: начертаніе черточекъ называется построеніемъ «дома» для родильницы. Очень интересенъ списокъ травъ и растеній, считающихся пригодными для родильницы, также требованіе поддерживать въ теченіе условленныхъ двадцати дней неугасимый огонь въ жилищѣ. Если огню случится погаснуть, его разводять вновь, но этотъ день выкидываютъ изъ счета и къ двадцати днямъ прибавляютъ лишній. Запрещено также печь что-нибудь въ огнѣ, тогда какъ варить на огнѣ дозволено. Характерны въ родильныхъ обрядахъ *hopi* частыя омовенія, которымъ подвергаютъ ребенка, мать, отца и бабушку — свекровь родильницы. Особыми обрядами отмѣченъ двадцатый день. Въ этотъ день между прочимъ происходитъ дача имени, при чемъ ребенку дается нѣсколько именъ. Первое — дается бабкою съ отцовской стороны, другія — женщиною изъ рода (*clan*) матери. Ребенка при этомъ подвергаютъ все новымъ омовеніямъ при дачѣ каждаго имени. Бабка и мать несутъ его за деревню, обращаясь къ восходящему солнцу и раскачиваютъ его по направленію восходящаго свѣтила. По возвращеніи домой сходятся за трапезу какъ домашніе, такъ и гости. Покрывало передъ дверью жилища снимается, и жизнь принимаетъ обычный порядокъ.

В. Х—на.

Böckel, Otto: Psychologie der Volksdichtung. Leipzig. 1906. Teubner. 429.

Книга Böckel'я заключаетъ въ себѣ обширный матеріалъ, старательно и искусно обработанный авторомъ. Начиная съ вопроса о происхожденіи пѣсни, Böckel подробно разбираетъ языкъ пѣсень, приемы пѣсеннаго творчества, значеніе пѣвцовъ—хранителей пѣсни и женщинъ, имѣющихъ постоянно отношеніе къ пѣснѣ (составительницы пѣсень, хранительницы ихъ). Основаніемъ пѣсни Böckel считаетъ восклицаніе (радостное, насмѣшливое, печальное), ставшее впослѣдствіи припѣвомъ разившейся пѣсни; созданіе содержанія идетъ въ непосредственной связи съ напѣвомъ, безъ котораго слова не имѣютъ значенія—напѣвъ возникаетъ ранѣе содержанія пѣсни; пока хранится извѣстный напѣвъ, существуетъ и пѣсня. Передавая настроеніе человѣка, пѣсня отражаетъ на себѣ и тѣ внѣшніе условія, которыя вліяютъ на человѣка, отсюда изображеніе въ пѣснѣ картинъ природы и окружающей обстановки, въ которыхъ создается та или другая пѣсня; по этимъ чертамъ возможно сдѣлать заключеніе о той средѣ, гдѣ впервые явилась та или другая пѣсня. Пѣсни моряковъ, горныхъ жителей и т. д. хранятъ въ себѣ слѣды тѣхъ мѣстностей, гдѣ онѣ сложились. Разбирая языкъ пѣсень, Böckel дѣлаетъ замѣчаніе, что создатели пѣсень старались выразиться болѣе изысканно въ своихъ произведеніяхъ, нежели въ своихъ обыденныхъ рѣчахъ, такое стремленіе объясняется отношеніемъ къ пѣснѣ, какъ къ чему-то праздничному, торжественному, возвышенному; хранители пѣсень тщательно берегли ихъ и заботились о точной передачѣ; въ числѣ пѣснехранителей авторъ отмѣчаетъ слѣпцовъ, которые у различныхъ народовъ и въ разные эпохи являлись пѣвцами и бывали въ состояніи удерживать въ своей памяти огромное количество пѣсень. Переходя къ классификаціи пѣсень, Böckel подробно останавливается на погребальныхъ плачахъ и отмѣчаетъ ихъ особенности и черты сходства; такъ же подробно и съ большимъ вниманіемъ авторъ разсматриваетъ свадебныя пѣсни, военныя, шуточные, выясняя ихъ психологию и характерныя черты. Интересный вопросъ затрогиваетъ Böckel въ главѣ о соотношеніи исторіи и народнаго творчества, въ ней авторъ говоритъ о тѣхъ измѣненіяхъ и превращеніяхъ, которыя совершаются надъ лицомъ исторической дѣйствительности при его переходѣ въ народную поэзію.

Въ послѣднихъ главахъ своего труда Böckel говоритъ о современномъ состояніи пѣсни, признаетъ ея упадокъ и пытается установить причины этого обстоятельства; измѣненія въ общественной и бытовой жизни выставляются авторомъ на первый планъ при рѣшеніи этого вопроса и постепенное исчезновеніе пѣсни онъ приписываетъ угасанію жизнерадостности въ душѣ современнаго человѣка.

Книга Böckel'я необыкновенно содержательна и даетъ много интересныхъ свѣдѣній о пѣснѣ; заключенія и выводы автора дѣлаются на основаніи богатаго матеріала и съ большою частію ихъ нельзя не соглашаться.

Для изслѣдователей пѣсни книга Вёскел'я является цѣннымъ приобрѣтеніемъ, а языкъ ея, ясный и точный, дѣлаетъ трудъ автора доступнымъ и неспеціалистамъ.

Е. Е.

A. L. M. Nicolas, Seyyèd Ali Mohammed dit le Bab. Histoire. Paris. 1905, 458 стр., съ портретомъ.

Г-нъ Никола, занимающій въ Тегеранѣ должность перваго драгомана французскаго посольства, посвящаетъ свои досуги изученію бабизма, его исторіи и догмамъ¹⁾.

Подъ бабидами разумѣются послѣдователи сенда Али Мохаммеда извѣстнаго болѣе подъ именемъ Баба. Выросшій въ атмосферѣ мистическихъ ожиданій имама Махди, долженствующаго водворить на землѣ справедливость, Бабъ, уже отъ природы мечтательный, увѣровалъ въ свою божественную миссію и объявилъ, что онъ—«ворота», такъ долго остававшіяся закрытыми, черезъ которыя человекъ познаетъ божество. Но съ первыхъ шаговъ социальная реформа, задуманная Бабомъ, встрѣтила упорное сопротивленіе со стороны оффиціального (мусульманскаго) духовенства, которое пыталось въ потокахъ крови остановить опасное для него движеніе. Повидимому, зѣвства мучителей только экзальтировали сектантовъ, и секта, хотя раздробившаяся на нѣсколько вѣтвей, все болѣе и болѣе приобрѣтаетъ подъ собою почву. Константинопольскіе персы, говоря о бабидахъ, отзываются о нихъ далеко не съ той нетерпимостью, какой можно было бы ожидать отъ мусульманина. Очевидно, идея обновленія родины, во имя которой борются бабиды, находитъ широкое сочувствіе и одобреніе въ народныхъ массахъ. Стало-быть, обиліе сектъ въ Персіи (какъ и въ Россіи), причину которыхъ ищутъ въ догматичности господствующей церкви, мертвящей душу, съ одной стороны, а съ другой—въ невѣжествѣ массъ, свидѣтельствуетъ о глубокой потребности идеала и служить въ извѣстной степени залогомъ живучести, возрожденія націи. Вѣдь вотъ въ Турціи имѣются налицо оба фактора: и невѣжество народа, и тупость духовенства, а между тѣмъ ничто не указываетъ намъ на какой-нибудь внутренней процессъ, совершающійся въ массѣ *турецкаго* народа. Для пониманія современной Персіи бабиды представляютъ большое значеніе; но въ сожалѣнію, русская литература о нихъ бѣдна. Впрочемъ, кто хотѣлъ бы составить себѣ общее представленіе о бабизмѣ, того отсылаю къ „*Вѣстнику Европы*“, гдѣ, если мнѣ не измѣняетъ память, въ январской книжкѣ за 1897 годъ г. Батюшковъ (нашъ консулъ въ Дамаскѣ) даетъ живой очеркъ секты. Тамъ же указана библиографія. Но, конечно, книга г. Никола даетъ еще болѣе обильный матеріалъ, только нужно сперва предостеречь читателя, чтобы онъ зналъ, въ какой степени можно пользоваться его трудомъ.

Обширныя связи г. Никола въ Персіи, позволявшія ему изучить страну, такъ выгодно выдѣляютъ его изъ среды путешественниковъ,

1) Второй части труда у меня нѣтъ подъ руками.

наводняющихъ книжный рынокъ легковѣсными описаніями своихъ впечатлѣній. Г. Никола, вѣроятно, прекрасно знаетъ персидскій языкъ, и онъ могъ бы дать цѣнные переводы персидскихъ текстовъ; но эта задача его не удовлетворяла, и онъ вообразилъ о себѣ, что онъ—ученый, говорящій *ex cathedra*. Результатъ получился плачевный. Выборъ пособій, мелочность примѣчаній, иногда повторяющихся и безъ нужды увеличивающихъ нижній этажъ, все это нѣсколько наивно. Polemическія стрѣлы, направленныя напр., противъ бар. В. Р. Розена, не достигаютъ цѣли, и авторъ черезъ нѣсколько страницъ уже забываетъ, что онъ противорѣчитъ себѣ и подрываетъ всякій авторитетъ къ своимъ словамъ, обнаруживая некомпетентность въ вопросахъ, о которыхъ беретъ судить. (Рѣчь идетъ о томъ, насколько зналъ Бабъ арабскій языкъ). Эти недостатки особенно рѣзки въ первой части книги, трактующей о шиизмѣ, гдѣ впрочемъ, встрѣчаются интересные факты, иллюстрирующіе народныя персидскія воззрѣнія. Вторая часть (исторія бабизма и первыя преслѣдованія) читается съ большимъ интересомъ и производитъ хорошее впечатлѣніе детальнымъ изученіемъ источниковъ, для пріобрѣтенія которыхъ авторъ прилагаетъ много стараній.

Повторяемъ, научное значеніе работы г. Никола не велико; но драматичность событій, рассказанныхъ авторомъ съ живостью и симпатіей къ бабидамъ, несомнѣнно увлечетъ читателя, и книга найдетъ, вѣроятно, большой доступъ въ публику.

Во всякомъ случаѣ, работа г. Никола говоритъ о достойномъ подражаніи времяпрепровожденію французскихъ дипломатовъ.

Вл. Гордлевскій.

Ismaël Hamet, Les musulmans français du nord de l'Afrique. Paris. 1906. 313 стр.

Книга г. Измаила Хаме представляетъ, такъ сказать, иллюстрацію къ проблемѣ (въ свое время вызвавшей оживленныя пренія) о совмѣстности ислама съ прогрессомъ.

Авторъ близко знаетъ исторію сѣвернаго побережья Африки и непрерывно работаетъ надъ нею, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ курсъ его, недавно начатый въ «Свободномъ Коллежѣ социальныхъ наукъ». Но, какъ алжирскій мусульманинъ, онъ вноситъ страстность сужденія, отчего оптимистическіе выводы его работы, въ общемъ написанной серьезно, какъ-то мало убѣждаютъ читателя. Уже изъ бѣлаго очерка исторіи сѣверной Африки, до занятія Алжира французами (стр. 15—102) ярко вырисовывается гибкость населенія туземнаго, отдававагоса вліянію иностранцевъ (карагенянь, римлянъ, арабовъ). Французы, несмотря на всю недавность своего появленія въ Африкѣ, произвели еще болѣе сильное впечатлѣніе на туземцевъ, для которыхъ «галломанія» стала, по видимому,—по крайней мѣрѣ, въ высшихъ слояхъ общества, маркой высшаго тона. Такимъ образомъ, культуроспособность африканцевъ (арабо-берберской расы) или точнѣе, способность впитать въ себя чужую культуру, матеріальное превосходство которой для нихъ очевидно, не подлежитъ

никакому сомнѣнью; но вслѣдствіе слабой связи съ національными традиціями, они обезличиваются, теряютъ всякую печать оригинальности, отрекаясь во французской школѣ, на ряду съ предрасудками, отъ вѣры, которая одна, какъ мнѣ кажется, могла-бы въ будущемъ дать толчокъ къ живительной реакціи противъ чрезмѣрнаго увлеченія французской культурой. Впрочемъ, этотъ вопросъ требуетъ глубокаго изученія. Замѣчу только, что взгляды г. Хаме на мусульманъ не одиноки; ихъ вполне раздѣляетъ проф. А. Ле-Шателье, одинъ изъ знатоковъ современнаго ислама во Франціи.

Въ уменьшенномъ масштабѣ г. Хаме отражаетъ на себѣ черты обстановки, среди которой онъ выросъ. Работа его обнаруживаетъ, правда, большое трудолюбіе, но она лишена сочности.

В.л. Горда.

P. S. Можетъ быть, стоило бы отмѣтить неточности г. Хаме: напр., на стр. 62 Хаджи-Хальфа попалъ въ арабы; см. также стр. 38 (о происхожденіи шитовъ) или стр. 56, но все это сущѣ пустяки.

M. Mauss, *L'origine des pouvoirs magiques dans les sociétés australiennes*. Paris. 1904. 85 стр.

Мосъ руководитъ въ Религіозной секціи «Практической школы высшихъ изученій» занятіями по религіи дикихъ (нецивилизovaných) народовъ. Лекціи его, нѣсколько схематичныя и суховатыя, полезны однако для слушателей въ томъ отношеніи, что знакомятъ съ методомъ изученія текстовъ, изъ которыхъ г. Мосъ извлекаетъ всегда то, что они заключаютъ въ себѣ.

Въ рецензируемомъ очеркѣ г. Мосъ анализируетъ происхожденіе «знахарства» въ австраійскомъ обществѣ. Съ методологической точки зрѣнія авторъ поступилъ правильно, ограничивъ свои наблюденія міромъ австраійцевъ, потому что такимъ образомъ сохранена однородность фактовъ. Но недостаточность матеріала, на которую авторъ неоднократно жалуется, сообщила работѣ узость. Очеркъ выигралъ-бы, еслибы авторъ захотѣлъ привлечь факты изъ жизни другихъ обществъ, поскольку конечно, они не нарушаютъ цѣльности перспективы. (Когда, напр., г. Мосъ разбираетъ вопросъ о перерожденіи знахаря, внутренніе органы котораго замѣняются другими, болѣе совершенными, сами собой напрашиваются аналогичныя воззрѣнія, сохранившіяся у семитовъ. Откуда, вѣрно, путемъ библейскихъ реминисценцій создается въ русской поэзіи (у Пушкина) характеристика пророка, у котораго «шестокрылый сераѣмъ грудь разсѣкъ мечомъ и сердце пламенное вынулъ»...).

Вкратцѣ выводы г. Моса можно такъ резюмировать. Наптіе высшей силы, ощущаемое индивидуумомъ, совершается послѣ ряда приготовленій, которыя въ конечномъ результатѣ истощаютъ его плоть и вызываютъ галлюцинаціи, экстазъ. Этотъ экстазъ выражается въ общеніи съ загробными духами, измѣняющими его природу. Видимымъ знакомъ возрожденія знахаря являются кристаллическіе камешки, въ которыхъ воплощена магическая сила.

Очеркъ г. Моса свидѣтельствуеъ о логичности его мышленія; но группировка матеріала, утомляющаго читателя однообразіемъ фактовъ, которые съ мелкими различіями встрѣчаются у всѣхъ почти трибъ австраійскаго материка, суха. Эта сухость вытекаетъ изъ отсутствія въ авторѣ художественнаго чутья.

Вл. Г.

Hessische Blätter für Volkskunde. Leipzig. 1906. Bnd. V., N. 1—3., стр. VII + 192.

Журналъ былъ случайно разрытъ мною въ ворохѣ книгъ парижскихъ букинистовъ, разложившихъ вдоль извилистой набережной Сены свои ящики, на которыхъ красуются ярлыки цѣнъ, избавляющіе любителей отъ бесполезнаго торга.

Извѣстность журнала, какъ провинціального изданія, ограничивается тѣснымъ кругомъ гессенскихъ земель; но его исторія, обнаруживающая методичность нѣмецкой націи, поучительна для насъ, русскихъ, широкіе размахи которыхъ страдаютъ безпочвенностью.

Органъ этнографическаго общества въ Гессенѣ, журналъ этотъ былъ основанъ пять лѣтъ тому назадъ проф. Ад. Штракомъ. А. Штракъ, смерть котораго (въ 1906 году) тягостно отозвалась на его друзьяхъ, послѣднее время серьезно интересовался процессомъ народнаго творчества. Взгляды его (впрочемъ, еще не вылившіеся въ опредѣленную форму) не отличаются особой оригинальностью или новизной. Но если, какъ ученый, Штракъ не выходилъ изъ ряда посредственностей, онъ обладалъ талантомъ объединять вокругъ себя людей для научной работы.

Было-бы ошибочно думать, что журналъ посвященъ исключительно мѣстной этнографіи. Сознывая, что мѣстный фактъ приобретаетъ надлежащее освѣщеніе въ связи съ изученіемъ быта другихъ народовъ, сотрудники журнала предпринимаютъ экскурсы въ область общегерманской этнографіи. Вопросы, поднимаемые на страницахъ журнала, могутъ показаться подчасъ мелочными, но въ общемъ, они вносятъ вкладъ въ исторію народнаго самосознанія.

Уклоняясь отъ разбора отдѣльныхъ статей, обращаю только вниманіе на оригинальный авторефератъ г. Фейльборга, въ которомъ онъ знакомитъ съ результатами своего изслѣдованія о «колядѣ» (Копенг., 1904). Въ колядѣ до сихъ поръ видятъ воспоминаніе эпохи язычества о поворотѣ солнца на лѣто; но на скандинавскомъ сѣверѣ коляда сохранила характеръ праздника душъ (умершихъ) и духовъ, т.-е. вальта предковъ, чествованіемъ которыхъ народъ хочетъ заслужить ихъ расположеніе. Представляетъ также интересъ окончаніе очерка проф. Рона о польскихъ дэмонахъ.

Замѣтимъ наконецъ, что, кромѣ рецензій и мелкихъ сообщеній, въ журналѣ печатается обзоръ газетъ, облегчающій поиски этнографическаго матеріала. Теперь стоитъ на очереди обзоръ газетъ за 1904 годъ.

Вл. Г.

Archiv für Religionswissenschaft. Zehnter Band, erstes Heft.
1907 г.

Первая книга *Archiv*'а по обычаю заключаетъ въ себѣ интересный и разнообразный матеріалъ, относящійся къ исторіи религій и вѣрованій различныхъ народовъ. Небольшая статейка Goldziher'a, озаглавленная «Eisen als Schutz gegen Dämonen», сообщаетъ рядъ свѣдѣній о томъ, какое значеніе придавалось и доселѣ дается у различныхъ народовъ желѣзу. Этотъ металлъ, соотвѣтственно своимъ качествамъ виѣшнимъ, обладаетъ, по представленіямъ людей, внутреннею силою, способною укрѣплять душу, поддерживать мужество, защищать человека отъ враждебныхъ силъ, удалять демоновъ. Въ виду этихъ свойствъ ношеніе желѣзнаго кольца, подкладываніе подъ подушку желѣзнаго пояса, храненіе въ домѣ желѣзной подковы считается благопріятнымъ и необходимымъ для избавленія отъ зла. Въ статьѣ указаны свидетельства различныхъ изслѣдователей, касающіяся даннаго вопроса, и обширная библиографія.

Въ разбираемомъ номерѣ журнала зананчивается статья Рихарда Мейера (R. Meyer) «Mythologische Fragen», касающаяся нѣкоторыхъ весьма тонкихъ штриховъ, свойственныхъ построенію устныхъ произведеній (миновъ, сказокъ и т. д.). Разбирая эти какъ бы незначительныя детали, авторъ указываетъ на ихъ устойчивость и древность. Сюда относятся, напримѣръ, такіа выраженія, какъ «все кромѣ одного»...

Эта словесная формула ведетъ за собою уже опредѣленное расположеніе плана разсказа: лишній играетъ особую роль. Эта формула измѣняется во «все кромѣ *)...—предполагается отсутствіе одной какой-либо причины, факта,—отсутствіе, опредѣляющее послѣдующее развитіе дѣйствія. Въ связи съ указанными формулами стоятъ и традиціонное убавленіе или прибавленіе числа: «40 и 1», «тысяча и одна»... Въ этихъ прочно удержавшихся чертахъ авторъ видитъ не случайныя штрихи, а остатки такихъ словесныхъ формулъ, которыя облекали собою опредѣленную воззрѣнія и имѣли особенное серьезное значеніе. Авторъ пересчитываетъ еще нѣсколько подобныхъ подробностей, очень искусно отдѣняетъ ихъ, расширяетъ ихъ внутренній смыслъ и психологическую основу.

Много интереснаго находится въ сообщеніи W. Foу 2 Melanesien 1903/04, заключающемъ въ себѣ свѣдѣнія о племенахъ, живущихъ на островахъ Торресова пролива. Эти свѣдѣнія заимствованы авторомъ, какъ онъ и указываетъ, изъ отчетовъ антропологической Кембриджской экспедиціи 1898/99 въ Торресовъ проливъ (Reports of the Cambridge Anthropological Expedition to Torres Straits ¹⁾), на V томѣ которыхъ онъ особенно останавливается. Озаглавленъ этотъ томъ «Sociology, Magic and Religion of the Western Islanders.

*) См. выше стр. 56. и слѣдующ.

¹⁾ Edited by A. C. Haddon. Cambridge 1904 XII and 378 s. 4°. 22 отд. картины, 84 иллюстрацій въ текстъ и 3 карты.

Первыя главы его представляют собраніе разсказовъ, которые, помимо своего мѣологическаго значенія, интересны чертами очень древняго быта. Здѣсь находятся мѣны, относящіяся къ тотемистическому міровоззрѣнію; мѣны, повѣствующія о различныхъ духахъ, о кобольдахъ женскаго рода и т. п. бытовые и комическіе разсказы дополняютъ это собраніе. Эти мѣны и разсказы позволяютъ ближе и подробнѣе ознакомиться съ міровоззрѣніемъ примитивнаго человѣка и выяснить себѣ его религіозныя представленія. Въ послѣднихъ главную роль играетъ богъ солнца, о немъ разсказывается въ мѣнѣ, что большая рыба проглотила его и черезъ нѣкоторое время онъ, разрѣзавъ ей бока, счастливо вышелъ, лишившись только своихъ волосъ. Роль мѣсяца также не мало-важная, онъ считается помощникомъ въ битвахъ, съ нимъ связанъ культъ череповъ, въ погребальныхъ танцахъ исполнители ихъ носятъ на себѣ эмблему мѣсяца. Звѣзды считаются воплощеніемъ душъ умершихъ. По сохранившимся мѣологическимъ даннымъ можно предположить, что культъ мѣсяца существовалъ на многихъ островахъ Меланезіи. Отличительною чертою мѣновъ можно считать то, что они приурочиваются къ извѣстнымъ скаламъ и камнямъ, а герои этихъ мѣновъ нерѣдко кончаютъ свою жизнь обращеніемъ въ камень.

Что касается до тотемистическихъ воззрѣній островитянъ, то они достаточно опредѣлены. Тотемы большею частію принадлежатъ животному и растительному царству, между тѣмъ, какъ въ центральной Австраліи тотемы очень разнообразны. Изображеніе тотема или какой-нибудь его части обыкновенно члены класса носятъ при себѣ, иногда вырѣзаютъ его на тѣлѣ. Кромѣ главнаго, почитаются еще второстепенные тотемы. Интересна та особенность въ членахъ племени одного тотема, что они въ своихъ движеніяхъ подражаютъ ему, какъ бы указывая этимъ на свою крѣпкую связь съ тотемомъ. Съ тотемомъ связывается извѣстный ритуалъ колдовства.

Обычаи островитянъ, сопровождающіе рожденіе дѣтей, очень разнообразны и связаны съ цѣлымъ рядомъ волхвованій.

Изъ погребальныхъ обычаевъ интересенъ тотъ, который касается черепа. Черепъ, по отдѣленіи головы отъ трупа, очищается, разрисовывается и хранится у ближайшаго родственника.

Вообще голова человѣка вызываетъ къ себѣ особое отношеніе; изъ головы побѣжденныхъ враговъ съѣдаются глаза и щеки для пріобрѣтенія крѣпости силъ, для этого же пьютъ кровь изъ головы. Передъ битвой и послѣ нея свершается цѣлый рядъ церемоній, имѣющихъ специальное значеніе. Военные танцы очень развиты, основное ихъ значеніе—значеніе колдовства. Колдовству, широко распространенному на островахъ Торресова пролива, посвящена обширная глава; здѣсь говорится о профессиональныхъ волшебникахъ, о предметахъ, ими употребляемыхъ, о дѣйствіяхъ, ими производимыхъ, о заговорахъ, которые ими произносятся.

Души умершихъ, по представленію островитянъ, удаляются на островъ, расположенный тамъ, гдѣ садится солнце, и слѣдуютъ всегда за солнцемъ.

Трудно въ краткомъ отчетѣ передать всё тѣ интересныя свѣдѣнія, которыя заключаются въ статьѣ W. Fou, они тѣмъ болѣе имѣютъ значеніе, что островитяне, о которыхъ идетъ рѣчь, съ каждымъ годомъ уменьшаются въ числѣ, и ихъ мировоззрѣніе постепенно измѣняется подъ вліяніемъ появляющихся на островахъ европейцевъ. Статья W. Fou еще не окончена, и къ ней предстоитъ еще вернуться. *Е. Е.*

Ко дню семидесятилѣтія академика **Василія Васильевича Радлова** (5 января 1907 г.) Спб. 1907.

Перечень многочисленныхъ трудовъ маститаго ученаго и очеркъ развитія подъ его руководствомъ Музея Антропологии и Этнографіи Имп. Академіи Наукъ за 1904—1906 гг., составленный его ближайшими сотрудниками. Л. Я. Штернбергомъ, Б. Адлеромъ, Е. Петри, С. Ольденбургемъ, Е. Романовой, Ю. Людевичъ—вотъ содержаніе этой книги, изданной въ честь долголѣтней научной работы В. В. Радлова. Мы узнаемъ изъ нея, какъ много любви и труда отдано имъ наукѣ; узнаемъ блестящій ростъ Музея, принятый имъ въ крайне несовершенномъ убогомъ видѣ. И тутъ, какъ въ исторіи другихъ просвѣтительныхъ учреждений Россіи, мы видимъ, что можетъ сдѣлать, при недостаточности средствъ, воодушевленная энергія настоящихъ работниковъ. Очеркъ Музея будетъ интересенъ лицамъ, желающимъ ознакомиться съ его содержаніемъ, съ главными жертвователями, участниками различныхъ экспедицій и съ обмѣномъ, предпринятымъ Музеемъ съ иностранными аналогичными учреждениями. Интересно также указаніе на способъ каталогизаціи предметовъ, принятыхъ Радловымъ. «Каждая, связанная общностью провенанса, коллекція записывается въ журналъ поступленій подъ однимъ общимъ номеромъ, слѣдующимъ за номеромъ предыдущей по журналу коллекціи. На каждомъ отдѣльномъ предметѣ данной коллекціи выставляется два номера: крупными цифрами—номеръ коллекціи по журналу поступленій и болѣе мелкими—номеръ предмета данной коллекціи по порядку. Эта система даетъ возможность то разрознивать коллекціи, то размѣщать предметы въ любомъ порядкѣ—эволюціонномъ или культурно-этническомъ и въ то же время въ любой моментъ по крупному номеру его опредѣлить провенансъ и находить всё относящееся къ нему документы, хранящееся подъ тѣмъ же номеромъ». (стр. 34). Что касается до проведеннаго Радловымъ размѣщенія коллекцій, то въ немъ выдержанъ строго культурно-этническій принципъ; при этомъ, внутри каждой культурно-этнической группы, предметы расположены исключительно по однородности ихъ назначенія и роли въ культурѣ. Этимъ достигается наибольшая доступность предметовъ для обозрѣнія (стр. 54). *В. X—на.*

Фридрихъ Деличъ: Библия и Вавилонъ, пер. съ нѣм. бар. Э. Нольде, изд. 2-е. Спб. 1906. изд. Суворина.

Ассиро-вавилонскія раскопки, давшія ученому міру богатую клинописную литературу, позволили заглянуть въ тысячелѣтія до Р. X. и ознакомиться съ развитіемъ культурою Ниневіи и Вавилона. Разобранныя клинописныя таблицы сдѣлали доступной изученію богатую литературу,

начиная съ торговых документовъ, кончая кодексомъ царя Гаммураби, современника патріарха Авраама, и религіозными гимнами.

Въ виду того, что единственнымъ памятникомъ, въ которомъ сохранились упоминанія объ ассирійскомъ и вавилонскомъ царствахъ, служитъ Библія, явились изслѣдованія, цѣлію которыхъ было выяснитъ связь этой священной книги со вновь открытыми литературными памятниками, принадлежавшими народамъ, о которыхъ сообщала лишь Библія.

Изслѣдованій такихъ въ Германіи явился длинный рядъ, причѣмъ взгляды ученыхъ во многомъ расходились, завязалась полемика, живость которой придавало увлеченіе вновь открытымъ богатымъ матеріаломъ. Многіе и религіозныя пѣсни вавилонянъ ставились въ связь съ Библіей, причѣмъ содержаніе послѣдней разсматривалось, какъ заимствованное во многихъ своихъ чертахъ изъ литературы халдеевъ.

Нѣмецкій ассириологъ Фр. Деличъ прочелъ публичную лекцію въ 1903 г., озаглавивъ ее «Библія и Вавилонъ»; въ ней онъ сжато излагалъ тѣ выводы, которые были только что сдѣланы и которые продолжали дѣлаться изъ сличенія Библіи и литературныхъ памятниковъ древняго Вавилона. Сущность его лекціи заключалась въ признаніи огромнаго и первенствующаго вліянія вавилонской культуры на прилегающія къ Вавилону страны вообще и на народъ еврейскій въ частности. Этому культурному вліянію Вавилона на евреевъ Фр. Деличъ и посвящаетъ, главнымъ образомъ, какъ первое свое чтеніе, такъ и послѣдовавшія за нимъ—второе и третье. Не имѣя возможности кратко передать всѣ доводы и выводы нѣмецкаго ученаго, посредствомъ которыхъ онъ выясняетъ зависимость религіи евреевъ отъ религіозныхъ возрѣній вавилонянъ, укажу между прочимъ его объясненіе происхожденія субботняго дня. Фр. Деличъ по найденному вавилонскому календарю находить дни, назначенные для отдыха, наименованія которыхъ означаютъ «праздникъ», «прекращеніе работы» и, дѣлая сопоставленіе ихъ съ субботой евреевъ, убѣждается въ тождественности этихъ установленныхъ дней отдыха и первоначальное учрежденіе такого дня приписываетъ Вавилону.

Несмотря на кажущуюся убѣдительность доводовъ Ф. Делича, его положенія вызвали или поправки, или совершенно противоположныя мнѣнія ученыхъ, подобно ему, занимавшихся изученіемъ ассиро-вавилонскихъ раскопокъ. Какъ бы отвѣтомъ на чтеніе Ф. Делича «Библія и Вавилонъ» явилась статья проф. Г. Барта «Вавилонъ и еврейская религія» (русс. переводъ др. А. Нурокъ), въ которой этотъ ученый, перебирая матеріалъ, использованный проф. Деличемъ, и основываясь на немъ, приходитъ къ совершенно противоположнымъ заключеніямъ, отрицая безусловное воздѣйствіе Вавилона на евреевъ.

Отдавая должное многимъ остроумнымъ заключеніямъ автора «Библія и Вавилонъ», ослабляетъ его заключенія и проф. Г. Гункель (H. Gunkel) въ своей брошюрѣ «Израиль и Вавилонія» (Israel und Babylonien), приводя между прочимъ въ доказательство самобытности еврейскаго народа существованіе у него собственныхъ письменъ. Не мѣнѣ скепти-

чески отнесся къ выводамъ Ф. Делича пр. Кяттель (Kittel) въ статьѣ «Die babylonischen Ausgrabungen und die biblische Urgeschichte», гдѣ онъ, сравнивая содержаніе первыхъ главъ Библии съ мифами Вавилона, указываетъ на огромную разницу между ними, какъ въ основномъ содержаніи, такъ и въ ихъ подробностяхъ, что, по его мнѣнію, предполагаетъ независимое существованіе и развитіе какъ тѣхъ, такъ и другихъ.

Такимъ образомъ, переведенная въ настоящее время брошюра прое. Делича, заключающая въ себѣ его первое и второе чтеніе, явилась поводомъ къ горячимъ спорамъ и вызвала рядъ статей, интересныхъ, какъ и сама она, по совершенно новымъ сообщеніямъ и взглядамъ. Снимки съ изображеній, найденныхъ при раскопкахъ, дополняютъ текстъ статьи «Библия и Вавилонъ», по нимъ читатель можетъ ознакомиться съ лицами и сценами далекаго быта, съ отраженіями давно угасшей жизни.

Е. Е.

Ал. Харузинъ. Славянское жилище въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Изъ матеріаловъ по исторіи развитія славянскихъ жилищъ. Вильна. 1907, стр. 341. Цѣна 3 р.

Книга А. Н. Харузина является серьезнымъ приобрѣтеніемъ для русской этнографической литературы и, богатая матеріаломъ, получаетъ важное значеніе въ ряду изслѣдованій по исторіи развитія человѣческихъ жилищъ. Еще въ своемъ трудѣ «Жилище словинца Верхней Краины», вышедшемъ въ 1903 г., авторъ затронулъ тотъ вопросъ, который такъ широко разработалъ въ вышеназванной книгѣ. Въ основу труда А. Н. Харузина легли его личныя наблюденія, производившіяся разновременно въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ надъ жилищами бѣлоруссовъ, великоруссовъ, малоруссовъ и поляковъ въ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края, въ разныхъ великорусскихъ и малорусскихъ, затѣмъ въ Привислянскомъ краѣ, Галиціи, Силезіи, Штиріи, Крайнѣ, въ Австрійскомъ и Венгерскомъ Приморьяхъ и т. д. Кромѣ личныхъ наблюденій, авторъ пользовался обильными матеріалами, присланными ему изъ различныхъ губерній добродетельными сотрудниками; обширными коллекціями моделей славянскихъ построекъ въ этнографическихъ музеяхъ: въ Москвѣ, Варшавѣ, Люблинѣ, Загребѣ, Сараевѣ; этнографическимъ матеріаломъ, собраннымъ по инициативѣ и по программѣ кн. Тенишева, и многочисленною литературою предмета, библиографія которой и приложена авторомъ въ введеніи.

Въ введеніи же авторъ объясняетъ, почему предметомъ его тщательнаго изслѣдованія сдѣлалось жилище Сѣверо-Западнаго края: оно (жилище бѣлорусса), съ точки зрѣнія хода развитія вообще славянскихъ жилищъ, приобрѣтаетъ особое значеніе въ виду того, что въ лицѣ бѣлорускаго племени надлежитъ видѣть наиболѣе чисто сохранившійся славянский типъ.

Бѣлоруссамъ однако приходится и приходилось жить въ своемъ краѣ совмѣстно съ великоруссами, малороссами и поляками, что, конечно, не

могло не вызывать обоюдного вліянія на развитіе жилья, благодаря которому стерлись первоначальныя племенные и мѣстныя особенности.

Несмотря однако на это и на нѣкоторыя другія вліянія, наличное жилище въ Сѣверо-Западномъ краѣ, безъ различія вѣмъ оно строится или обитается, въ правѣ именоваться не иначе, какъ жилищемъ славянскимъ, хотя и далеко не чуждымъ своеобразныхъ особенностей. Это-то жилище и рассматриваетъ подробно авторъ. Вначалѣ онъ кратко отмѣчаетъ нѣкоторые обычаи, связанные съ постройкою дома и переселеніемъ семьи въ новое жилище, затѣмъ подробно описываетъ матеріалъ построекъ (глав. об. дерево), фундаментъ, завалину, срубъ, крышу, окна, крыльцо, порогъ, причемъ приводитъ мѣстныя названія всѣхъ этихъ частей на различныхъ славянскихъ языкахъ и нарѣчіяхъ и отмѣчаетъ развивавшееся постепенно разнообразіе въ описанныхъ частяхъ жилья. Совокупность описанныхъ частей называется повсемѣстно въ краѣ: «хата, хатка, хаточка, хатчина, хатчонка, хатѣнка, халуца, халупка (пронически). Хата, несмотря на ея сравнительную несложность, потребовала для своего развитія долгіе періоды, въ теченіе которыхъ существенно измѣнилась, проходя послѣдовательныя стадіи развитія, которыя ясны и въ настоящее время; это 1. хата, какъ однокамерная постройка, 2. хата съ сѣнями, 3. отдѣльно—истопка и клѣтъ и 4. эти послѣднія въ соеятаніи съ хатой и сѣнями. Однокамерной хатѣ предшествовала вѣроятно клѣтъ—помѣщеніе безъ печи, согрѣваемое очагомъ.

Этому жилищу предшествовали еще болѣе простыя жилища какъ землянка и шалашъ. Въ славянскихъ языкахъ существуютъ для наименованія жилья слова: куча, станиъ, вѣжа, и колѣба, ихъ прототипомъ служитъ шалашъ; затѣмъ слова: хижа, ижа, хиза, хипа, хижина, клѣтъ,—жилье такого наименованія основой своею имѣло землянку; наконецъ названія: изба и хата обозначаютъ наземное, отопляемое печью жилище. Такимъ образомъ, все славянское населеніе можно раздѣлить на двѣ группы: на ту, у которой основаніе жилища составляетъ шалашъ съ очагомъ, т.-е. куча—куча, и на ту, у которой въ основу жилья легло отопляемое печью помѣщеніе т.-е. изба. Хата тождественна съ избой. Слово же хата, по словамъ автора, воспринято безъ какого либо измѣненія органическихъ особенностей жилья отъ сосѣдей, въ частности отъ нѣмцевъ. Выяснивъ основной типъ славянскаго жилья, авторъ рассматриваетъ его развитіе: пристройку сѣней, хлѣва, дополнительнаго жилья, постепенное созданіе трехраздѣльнаго дома; затѣмъ обращаетъ вниманіе на развитіе печи, очага, сѣней (причемъ отклоняетъ мысль, что сѣни могли бы имѣть самостоятельное, первичное значеніе, въ виду встрѣчающагося въ нихъ очажка—кабыца, кабпча), кухни, спальни, фронтона дома и указываетъ на тѣ измѣненія облика зданія, которыя происходятъ отъ употребленія разнаго строительнаго матеріала. Заключаетъ же авторъ свое изслѣдованіе тою мыслью, что какъ бы ни были разнообразны детали жилища, необходимо являющіяся при его развитіи, «онѣ не мѣняютъ единства славянскаго дома, единства, имѣющаго столь нагляд-

ное выражение въ общности наименованій и самого жилого дома и его отдѣльных частей».

Краткимъ изложеніемъ содержанія книги А. Н. Харузина, конечно, нельзя исчерпать богатство сообщаемыхъ имъ свѣдѣній. Детальное обзорнѣе жилища Сѣверо-Западнаго края ведетъ за собою множество интересныхъ и полезныхъ сообщеній о каждой части жилища (о крышѣ стр. 51, пороги стр. 58—59, хозяйственныхъ постройкахъ 75—139), о деревнѣ и усадьбѣ (усадьбы въ бѣловѣжской пушѣ стр. 173), объ инвентарѣ жилища (стр. 204—213), сообщеній, основанныхъ какъ на личныхъ наблюденіяхъ, такъ и на изученіи древнихъ русскихъ памятниковъ (лѣтописи, житія). Книга снабжена 202 фотографическими снимками съ изслѣдованныхъ жилищъ, 60 чертежами и нѣсколькими планами въ текстѣ. Такое прибавленіе позволяетъ наглядно ознакомиться съ изслѣдуемымъ предметомъ и составить о немъ очень ясное и точное представленіе. Все вышесказанное дѣлаетъ трудъ А. Н. Харузина цѣннымъ вкладомъ въ русскую этнографическую литературу. Прекрасное изданіе (печать, бумага, отчетливые снимки) заставляетъ признать назначенную цѣну (3 р.) очень умѣренной.

Е. Е.

Васильевъ, І. свящ. Обзорнѣе языческихъ обрядовъ, суевѣрій и вѣрованій вотяковъ Казанской и Вятской губерній. (Изв. Общ. Археологій, Исторіи и Этнографіи при Имп. Казанск. Унив. Т. XXII. в. 3, 4, 5).

Аналогичная работа о. Васильева на нѣмецкомъ языкѣ была помѣщена имъ въ *Mémoires de la Soc. Finno-Ougrienne*, XVIII. Helsingfors, 1902. Въ свое время, отмѣтивъ интересный трудъ о. Васильева (см. *Э. О.* LVI. 1903, № 1), мы обратили вниманіе на форму, въ которой представленъ богатый собранный матеріалъ. Это—сводка данныхъ, быть можетъ, изъ литературныхъ источниковъ, быть можетъ собранныхъ самимъ авторомъ. Мы замѣчали, что отсутствіе указаній, откуда взято данное, записано ли оно, въ какой мѣстности, взято ли оно изъ литературныхъ источниковъ—умалняетъ цѣнность работы. Не обращено было также вниманіе автора на чисто родовой характеръ религій вотяковъ и могущія вытекать отсюда различія въ разныхъ родовыхъ группахъ. Тѣ же достоинства и тѣ же недостатки мы встрѣчаемъ и въ данной работѣ о. Васильева. Передъ нами богатый и цѣнный матеріалъ—особенно по жертвоприношеніямъ. Въ высшей степени детально описаны различныя моленія вотяковъ, розниціяся другъ отъ друга при разныхъ обстоятельствахъ, составъ жрецествующихъ лицъ, требованія относительно жертвенныхъ животныхъ и т. п. Мы видимъ, какъ ритуаль жертвоприношеній разработанъ у вотяковъ, какъ развита у нихъ религіозная мысль, какими тонкими условіями обставлено у нихъ моленіе. Вотъ почему становится особенно досаднымъ, что матеріалъ, такъ сказать, оторванъ отъ почвы (лишь въ нѣсколькихъ случаяхъ указана мѣстность, гдѣ совершается обрядъ). Между тѣмъ, какъ нами и было уже указано въ

вышеупомянутой рецензіи, различія въ ритуалѣ по отдѣльнымъ мѣстностямъ и родамъ должны существовать у вотяковъ. На это есть указанія и у о. Васильева. При моленіяхъ на полѣ «въ Трещу употребляютъ живыя вѣтви... въ Петровъ день березовыя, осенью хвой, въ Покровъ—осока. Впрочемъ это дѣлается по мѣстному обычаю» (в. 4. стр. 257). На стр. 263 того же вып. 4 о. Васильевъ упоминаетъ о жертвоприношеніи, очевидно ранѣе практиковавшемся исключительно въ родѣ Поска. «Въ первый разъ совершали его въ шутку (?) маленькія дѣвушки» изъ рода Поска. Едва ли шуточное моленіе могло пріобрѣсти въ глазахъ населенія такой смыслъ, что оно въ с. Юскинскомъ (въ которомъ оно было впервые совершено) происходитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ. Для успѣшнаго совершенія его требуется непременно присутствіе чловека изъ рода Поска. Изъ всего матеріала, собраннаго о. Васильевымъ, мы получаемъ увѣренность, что языческая религія вотяковъ, изучавшаяся уже многими изслѣдователями, представляетъ огромный интересъ для изученія. Обратимъ вниманіе этнографовъ на приведенныя авторомъ вѣрованія вотяковъ, связанныя съ рожденіемъ ребенка, дачей ему имени, на «разказы вотяковъ изъ минувшихъ чудесъ язычества» (такіе разказы освѣщаютъ иногда ярко народную вѣру), на молитвы (тексты и переводъ), образецъ наговора съ повтореніемъ магическаго числа 77.

В. Х—на.

Бурдуковъ, Н. Гончарныя издѣлія средней Азіи. (Céramique de L'Asie Centrale, N. Bourdoukoff). Спб. Экспедиція заготовленія Государственныхъ бумагъ. Изд. Министерства Финансовъ. (Безъ обозначенія года).

Превосходное изданіе съ типографскою точкою зрѣнія во всѣхъ отношеніяхъ и по своей дешевизнѣ (5 рублей) далеко оставляетъ за собою подобныя заграничныя изданія. Артистическое исполненіе, fac-similé, 22 акварелей Зедекъ-Кверфельда, изображающихъ кувшины и тарелки изъ собранія г. Бурдукова, дѣлаетъ высокую честь Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ. Предисловіе къ изданію и заглавіе послѣдняго—на русскомъ и французскомъ языкахъ; цѣль, повидимому, служащая къ большому распространенію настоящаго альбома.

Касаясь внутренняго содержанія, необходимо отмѣтить слѣдующее: глиняныя издѣлія, которыя нашли себѣ мѣсто на таблицахъ настоящаго изданія, въ сущности далеко не исчерпываютъ собою всѣхъ образцовъ гончарнаго производства Средней Азіи, причемъ едва ли взяты для настоящаго изданія наиболее типичныя и совершенныя образцы этого рода мѣстнаго кустарнаго производства. Сюда включены образцы посуды Риштана ¹⁾, Бахаудина, Варданзе ²⁾ Бухары и Катта-Кургаца и совсѣмъ не представлены крупныя центры гончарнаго производства: Самаркандъ, Ташкентъ, Андижанъ, Ходжентъ и города Бухары, хотя въ предисловіи

¹⁾ Кишлакъ въ Ферганской области.

²⁾ Кишлаки въ Бухарѣ.

авторъ подробно останавливается на отличительныхъ чертахъ росписной глиняной посуды того или другого изъ этихъ центровъ. Поэтому, казалось бы, тѣмъ болѣе для полноты изданія необходимо было включить по одному или по два рисунка наиболѣе типичныхъ издѣлій каждаго изъ названныхъ городовъ. Иначе получилось ничѣмъ въ сущности не оправдываемое пристрастіе къ какимъ нибудь 3 селеніямъ Туркестана³⁾. При этомъ нельзя не замѣтить, что съ точки зрѣнія искусства декоративнаго далеко не все представленны въ настоящемъ изданіи гончарныя издѣлія заслуживаютъ вниманія по своей оригинальности и типичности. Особенно это относится до блюдовъ, которыми заняты 6—22 таблицы, т.-е. большая часть всего изданія. Многія изъ нихъ безусловно имѣютъ интересъ своеобразной прелести орнамента (напримѣръ таблицы VI, XIII, XV, XIX, XX, XXII), но есть и такія, въ помѣщеніи которыхъ едва ли встрѣчалась бы особенная нужда (таблицы XIV, XVI, XVII, XVIII), ибо если онѣ и представляютъ извѣстный интересъ съ точки зрѣнія рисунка, то ихъ обжигъ и получившаяся послѣ того гамма красокъ дѣлаютъ ихъ тоны достаточно тусклыми и грязными, такъ что впечатлѣніе художественности и красочности почти совершенно теряется. Подобные рисунки могутъ служить скорѣе образцами отрицательнаго типа, хотя бы и вустарнаго производства.

Преобладающимъ рисункомъ на большинствѣ блюдовъ является растительный орнаментъ, повидимому, взятый изъ окружающей природы. Онъ мало или почти не стилизованъ и въ немъ не трудно угадать тѣ или иные растенія. Впрочемъ это типичная черта средне-азиатскаго, или, вѣрнѣе (не въ такомъ общемъ смыслѣ), бухарскаго орнамента, въ которомъ цвѣточные мотивы излюблены и получили широкое распространеніе и на вышитыхъ шелками *палак'ахъ*⁴⁾, и на шитыхъ золотомъ и серебромъ *ялпуш'ахъ*⁵⁾ и на рѣзьбѣ дверей, и на чеканкѣ мѣдной посуды.—Въ какой мѣрѣ самобытенъ характеръ рисунка современныхъ гончарныхъ издѣлій Туркестана—трудно сказать, ибо древнихъ образцовъ мѣстной керамики не сохранилось. Судя же по тѣмъ безчисленнымъ черепкамъ древней посуды, которыми усыяны окрестности различныхъ развалинъ мѣстныхъ городовъ,—можно думать, что въ предѣлахъ Средней Азіи (по крайней мѣрѣ въ теченіе мусульманскаго періода страны) болѣе въ ходу была посуда съ очень хорошою бѣлою поливою внутри

³⁾ Изъ 22 таблицъ 13 изображаютъ гончарныя произведенія Риштана, 5—Бахауддина и Варданзе, 3—Бухары вообще и I—вишлага Катта-Кургана въ Самаркандской области.

⁴⁾ Палак—занавѣсъ, пологъ, вышиваемый невѣстою себѣ въ приданое по „матѣ“ (мѣстная рѣдная хлопчато-бумажная ткань) разноцвѣтными шелками гладью.

⁵⁾ Ялпуш—попона, чепракъ; шитье золотомъ и серебромъ ялпушей производится или по бархату, или по атласу и отличается большою художественностью. Теперь, къ сожалѣнію, и палаки, и ялпуши такой работы встрѣчаются все рѣже и рѣже и, имѣя большой спросъ въ Западную Европу, скоро совсѣмъ исчезнутъ въ странѣ ихъ производства. Современное же поколѣніе работу ихъ совсѣмъ почти забросало.

и отчасти снаружи, по которой тянулась лента черныхъ кушеческихъ надписей; выходило и просто, и благородно. Попадаютъ также черепки и съ темно-коричневою орнаментацией по бѣлому фону. Наряду съ такою посудою встрѣчаются въ большомъ количествѣ и черепки—дубликаты современной голубовато-глазированной обливной посуды, и остатки китайскаго эмалированнаго фарфора. Тѣмъ не менѣе въ образцахъ гончарныхъ произведеній современной эпохи, представленныхъ въ разбираемомъ нами изданіи, встрѣчаются мотивы весьма почтенной старины; наприимѣръ, середина тарелки на таблицѣ XVIII украшена столь всѣмъ извѣстной свастикой, этимъ до сихъ поръ удовлетворительно необъяснимымъ, чуть ли не общечеловѣческимъ, мотивомъ орнаментации; окаймляющій края тарелки на таблицѣ XI бордюръ является воспроизведеніемъ орнамента, идущаго вдоль башенъ парапета въ соборной мечети Мешеди—Мисриана ⁶⁾, построенной во время послѣдняго Харезмъ—Шаха, султана Мухамеда—ибнъ—Текеша (XII в. по Р. X.).

Образцы кувшиновъ (кузб),—ихъ всего три (таблицы II, III, IV), почти однообразны и по формѣ мало типичны: два съ небольшимъ резервуаромъ для воды и высокимъ длиннымъ горломъ, одна кузб (таблица IV) обыкновеннаго типа, столь распространеннаго въ сѣверной Персіи, среди туркменъ Закаспійскаго края, въ Хивѣ, Бухарѣ и въ трехъ коренныхъ областяхъ Туркестанскаго края (Сыръ-Дарьинской, Самаркандской и Ферганской); прототипомъ для кузы, рисунокъ которой помѣщенъ въ альбомѣ г. Бурдукова, служилъ, повидямому, такой же металлическій сосудъ усыпанный бирюзой, ибо глиняная куза украшена густо насаженными синими зернами глины. Впрочемъ возможно, что мастеръ произвелъ это по собственной инициативѣ, не видя предполагаемаго мною образца.

Грубо раскрашенный глиняный подсвѣчникъ (таблица V) несомнѣнно сдѣланъ по традиціонному образцу персидскихъ и средне-азіатскихъ металлическихъ подсвѣчниковъ, развѣ только въ меньшемъ размѣрѣ: та же широкая подставка съ загнутымъ кверху бортомъ и соразмѣрно ей высокой пьедесталъ, въ который вставляется свѣча.

Переходя къ тексту предисловія, позволительно указать на нѣкоторыя неточности въ немъ, наприимѣръ, г. Бурдуковъ полагаетъ, что настоящее изданіе «представляетъ собою первый опытъ въ Россіи воспроизведенія образцовъ средне-азіатской керамики». Смѣемъ увѣрить автора, что образцы расписныхъ гончарныхъ издѣлій Средней Азіи помѣщены также въ извѣстномъ атласѣ Симакова «Искусство Средней Азіи». Приводя названія посуды на мѣстномъ нарѣчьи, г. Бурдуковъ даетъ двойныя при этомъ названія, наприимѣръ: *табакъ* и *табаччи*, *кузб* и *кузачи* и т. п., но всѣ слова, оканчивающіяся на *чи*, означаютъ уже не посуду, а ей

⁶⁾ Такъ называются развалины древняго города въ Чикишларскомъ приставствѣ, Красноводскаго уззда, Закаспійской области. О нихъ и въ частности о характерѣ этого орнамента см. мою статью, имѣющуюся появляться въ ближайшихъ выпускахъ „Извѣстій Восточнаго Археологическаго Общества“.

дѣлателей, мастеровъ. Такъ, *табакчи* или *тыбаччи* значить—тотъ, кто дѣлаетъ тарелки, *кузачи*—мастеръ, дѣлающій кувшины и т. д.

Призывъ г. Бурдукова «своѣхъ истинныхъ друзей искусства» прийти на помощь въ дѣлѣ развитія все болѣе и болѣе падающаго гончарнаго производства Средней Азии—прекрасное, чисто платоническое желаніе, но болше, ибо разъ на мѣстѣ некому поощрять развитіе кустарной промышленности, разъ на мѣстѣ ея производства никто изъ «сравнителей народныхъ» не интересуется ею,—то никакія предписанія и циркуляры изъ Петербурга ни на шагъ не подвинуть дѣла впередъ ?).

Въ заключеніе нельзя не высказать одного соображенія: несмотря на великолепное исполненіе рисунковъ настоящаго изданія, все-же изображенія тарелокъ недостаточно точно отбѣняютъ ихъ вогнутость и потому на первый взглядъ эти изображенія весьма напоминаютъ обычные клеенчатыя круглыя плиты подъ лампы или подсвѣнники⁸⁾. Повинна въ этомъ, разумѣется, не типографія, а художникъ, избравшій для рисовки столь мелкочемчатыхъ предметовъ, какъ тарелки, акварельный способъ. Быть можетъ болѣе удачно было въ этомъ случаѣ примѣненіе цвѣтной фотографіи, которая въ настоящее время,—въ особенности по отношенію къ репродукціямъ,—сдѣлала столь быстрые шаги впередъ⁹⁾.

Во всякомъ случаѣ, несмотря на замѣченные недочеты и недосмотры, нельзя не привѣтствовать настоящаго изданія и не пожелать ему самаго скората и широкаго распространенія.

А. С—ъ.

Н. П. Остроумовъ. Сказки сартовъ въ русскомъ изложеніи. Съ пятью оригинальными рисунками. Ташкентъ. 1906 года (171 стр.).

Эта весьма прилично изданная книга представляетъ собою въ сущности 2-е исправленное и дополненное изданіе II выпуска труда «Сарты» того же автора. «Выпускъ этотъ,—говоритъ Н. П. Остроумовъ, въ предисловіи къ настоящему изданію,—напечатанный въ 600 экземплярахъ, въ настоящее время весь разошелся, а спросъ на него по временамъ бываетъ; поэтому «Сказки сартовъ» печатаются во второй разъ, причемъ изъ перваго изданія взяты только первыя 17 сказокъ, къ которымъ вновь присоединены 4 сказки (стр. 110—153).

«Перепечатанныя въ новомъ изданіи сказки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправлены со стороны изложенія и снабжены необходимыми примѣча-

⁷⁾ Вспомнимъ судьбу прекраснаго и въ высокой степени благороднаго проекта самого Н. О. Бурдукова о возрожденіи ковроваго производства въ Закаспіи...

⁸⁾ Этимъ недостаткомъ (но еще въ большей степени) страдаетъ вышеупомянутое изданіе Симакова въ воспроизведеніи образцовъ гончарныхъ издѣлій Туркестана.

⁹⁾ Какъ на образцовый примѣръ въ этомъ родѣ позволимъ указать на артистически сработанный снимокъ г. Прокудина—Горскаго (въ 10 номерѣ журнала „Фотографъ-любитель“ за 1906 годъ)—Икона Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго“ изъ собранія проф. Шляпкина. (Эта репродукція была выставлена также на II Областномъ Владимірскомъ Археологическомъ Съѣздѣ, гдѣ удостоилась похвального отзыва).

ніями». Весь собранный въ книгѣ матеріалъ памятниковъ сартовскаго народнаго творчества записанъ, по просьбѣ издателя, различными лицами въ разныхъ мѣстахъ трехъ коренныхъ областей Туркестанскаго края. Встрѣчаются сказки записанныя въ Сыръ-Дарьинской, въ Самаркандской и Ферганской областяхъ. Поэтому при пестротѣ населенія этихъ областей (узбеки, таджики, киргизы и, наконецъ, небольшая сравнительно по численности этническая группа, которую принято называть сартами¹⁰⁾, казалось-бы, слѣдовало обозначить, со словъ какой національности каждая сказка записана. Хотя при томъ изданіи, въ какомъ эти сказки принадлежатъ публикѣ (вполнѣ литературный переводъ), и принимая во вниманіе то общее настроеніе, которымъ они проникнуты, это не играетъ существенной роли.

Большинство сказокъ проникнуто несомнѣнными началами иранскихъ народныхъ вѣрованій, повѣрій и примѣтъ. Тутъ фигурируютъ и кампир'ы (переводимыя въ книгѣ словомъ Баба-Яга) и дивы, и пери, и драконы, и прочіе образы народнаго иранскаго міросозерцанія. Даже большинство собственныхъ именъ—персидскаго происхожденія (напримѣръ: Шахзада—Бахромъ, царевна Хизаръ—Гейсу, Гуляндомъ и проч.¹¹⁾, поэтому усмотрѣть въ этихъ сказкахъ типичныя черты эпоса другого какого либо народа, кромѣ персовъ, затруднительно. Едва-ли не единственнымъ указателемъ на мѣстную особенность этихъ сказокъ является частое упоминаніе такъ, сравнительно, близко лежащаго торговаго и богатаго Китая (Чини-Мачинъ), съ которымъ населеніе Средней Азии въ собственномъ смыслѣ этого слова искони было связано торговыми и отчасти политическими сношеніями.

Но, несмотря на все это, сказки тѣмъ не менѣе представляютъ богатый матеріалъ для пониманія своеобразнаго восточнаго міра, въ которомъ человѣческое сердце, какъ всегда и всюду, неудержимо рвется къ свободѣ и правдѣ, и фантастическіе образы народныхъ сказаній котораго имѣютъ такъ много общихъ чертъ съ міромъ нашихъ народныхъ сказокъ.

Вотъ, наприимѣръ (въ сказкѣ «Баба-Яга и братья-царевни» стр. 130), дѣвушка поетъ какъ «придется ей весь вѣкъ сидѣть взаперти, на женской половинѣ двора (ичкарн), часто слышать и видѣть, какъ старшія жены мужа бранятся и дерутся между собою и попрекаютъ ее за ея молодость и красоту»... Поэтому умоляетъ она мать, чтобы выдала она ее «хоть за бѣднаго, да за молодого и умнаго мужа, да въ такое царство, гдѣ по закону у мужа одна жена и гдѣ всѣ женщины и дѣвушки ходятъ съ открытымъ лицомъ».

Поэтическіе образцы нашихъ несчастныхъ Аленушки-сестрицы и братца-Иванушки весьма явственно очерчены въ сказкѣ «Злая мачеха

¹¹⁾ Правописаніе издателя.

¹⁰⁾ Этими терминои мѣстное пришлое населеніе въ Туркестанѣ обычно называетъ все осѣдлое населеніе Ферганы, Сыръ-Дарьинской и Самаркандской областей и Бухары. По скольку это точно—комментарій не требуется.

и коварныя жены царя» (92 стр.). Приведу для примѣра въ краткомъ изложеніи эти сказки: сходство очень большое. Отецъ по наговору злой мачехи отводитъ своихъ дѣтей въ лѣсъ и бросаетъ. Бредутъ несчастныя малютки со старшей сестрой наугадъ по дремучему лѣсу. Самыя малыя поуспали, хотѣя пить, но старшая сестра уговариваетъ ихъ не пить ничего, такъ какъ вода нечистая. Но не могутъ утерпѣть отъ жажды дѣти, и попьетъ одна сестренка водицы—превратится въ обезьяну и бѣжитъ въ лѣсъ, попила другая—стала волкомъ и скрылась въ лѣсу, попила третья—стала лисой, попила четвертая—превратилась въ тигра. Осталась старшая сестра съ младшимъ братцемъ, не утерпѣвъ и этоть, напилась водицы—сталъ козленочкомъ и побѣжалъ за любимой сестрицей. Поплакала послѣдняя и пошла дальше, воздерживаясь отъ питья. На пути ее встрѣтилъ царь, влюбился и женился. 39 женъ царя возненавидѣли молодую царицу и въ отсутствіе царя столкнули ее въ воду, а царю замѣнили ее похожею на нее женщиною. Но на днѣ пруда нѣскольکو пери подхватили утопленницу и внесли въ серебряный домикъ, гдѣ и стали царицѣ прислуживать. А братецъ-козленочекъ все бѣгаетъ вокругъ пруда и жалобно кричитъ. Услышавъ пріѣхавшій царь эти крики и спросилъ у обманщицы-жены, замѣнившей молодую царицу, что стало съ козленочкомъ. Та сказала, что козленокъ замирѣлъ и его надо зарѣзать. Пришелъ мясникъ, сталъ точить ножъ. Увидѣвъ козленочекъ, что приходитъ его смерть, жалобно закричалъ человѣческимъ голосомъ:— «Сестрица милая, велѣлъ царь зарѣзать меня, мясникъ пришелъ вѣзать меня и точить ужъ свой острый ножъ, чтобы зарѣзать меня. Научи, какъ мнѣ избавиться отъ смерти». А сестра отвѣчаетъ:— «Братецъ, братецъ милый, сижу я въ серебряномъ домикѣ, качаю двѣ золотыя люльки; въ правой—Хасанъ, въ лѣвой—Хусейнъ: не могу я дѣтей бросить и выйти помочь тебѣ». Долетѣли эти переговоры брата съ сестрой до слуха царя, велѣлъ онъ вычерпать весь прудъ. Нашелъ на днѣ его серебряный домикъ, а въ немъ свою красавицу-жену съ двумя родившимися дѣтьми. Узнавъ царь всю правду и приказавъ своихъ коварныхъ женъ привязать къ хвостамъ лошадей и распустить по чистому полю.

Наша сказка объ Иванѣ-Царевичѣ, Жарь-Птицѣ и Сѣромъ Волкѣ такъ живо отражена въ сказкѣ «Царевичъ Хасанъ-Паша, доставшій при помощи волка трехъ волшебныхъ птицъ, красавицу-царевну и желтаго коня» (стр. 97), что не знаешь, какую сказку считать прототипомъ. А сказка «Бѣдный юноша и скатерть-самобранка» (стр. 29) весьма напоминаетъ рядъ нашихъ народныхъ сказокъ-вариантовъ о волшебной скатерти или волшебной сумкѣ.

Наконецъ отдѣльные эпизоды въ тѣхъ или другихъ сказкахъ представляются какъ бы прямо позаимствованными изъ міра европейскихъ сказокъ вообще и русскихъ народныхъ въ частности. Вдумчивый читатель, хорошо знакомый съ сюжетомъ и образами этихъ сказокъ, найдетъ много общихъ мѣстъ съ разбираемыми нами сказками сартовъ. Сближая, наконецъ, эти сказки съ незатѣйливыми по сюжету памятниками народ-

ной фантазіи иранскихъ общинъ, живущихъ на сѣверныхъ склонахъ Хиндукуша, и съ болѣе замысловатыми по фабулѣ сказаніи Ирана въ собственномъ смыслѣ этого слова, мы также встрѣтимъ между ними кривляки несомнѣнно близкой аналогіи. Короче говоря, по заключающемуся въ нихъ содержанію эти сказки представляютъ собою неотъемлемую часть общаго памятника народнаго творчества индо-европейскаго міра, и съ этой точки зрѣнія безусловно заслуживаютъ вниманія.

Къ нѣкоторымъ недостаткамъ настоящаго изданія необходимо отнести нѣкоторую двойственность, которую выносивъ изъ ближайшаго знакомства съ книгою. Повидимому издателю хотѣлось, чтобы его книга удовлетворяла и притязаніямъ научнымъ, и требованіямъ такъ называемой «большой публики». Поэтому къ нѣкоторымъ сказкамъ приложены ихъ варианты; въ концѣ книги приложены компилятивно составленныя, преимущественно по персидскимъ сочиненіямъ, свѣдѣнія о дивахъ, симургѣ, драконахъ и проч.; каждая сказка отмѣчена, кѣмъ, когда и со словъ кого записана. Съ другой стороны, легко читаемые переводы, безъ указаній поскольку они близки къ подлиннику,—отсутствіе точныхъ ссылокъ на цитируемыя сочиненія и, наконецъ, повидимому своеобразно понятая потребность въ рисункахъ, приложенныхъ къ книгѣ,—очевидно рассчитаны на широкій кругъ читателей. Слѣдовало бы, во всякомъ случаѣ, придерживаться чего-нибудь одного.—На рисункахъ необходимо остановиться поподробнѣе: ихъ всего пять; четыре изъ нихъ изображаютъ: дракона, дива, захваченнаго въ плѣнъ Александромъ Македонскимъ, дива, по прозванію «Акванъ», и птицу Симургъ. Эти рисунки заимствованы изъ персидскихъ сочиненій и непосредственнаго отношенія къ тексту сказокъ не имѣютъ. Вѣроятно, издатель хотѣлъ дать представленіе читателю, какъ изображаются вообще представители сказочнаго міра сартовъ, хотя весьма спорный вопросъ, такъ ли именно сарты Н. П. Остроумова представляютъ дивовъ, драконовъ, симурговъ и перс, какъ и персы?

Пятый рисунокъ изображаетъ Бабу-Ягу и царевича и изображаетъ собою доморощенное произведеніе, судя по подписямъ двухъ мѣстныхъ рисовальщиковъ, гг. Юдина и Никифорова. По уродству фигуръ и неумѣлой компановкѣ ихъ этотъ рисунокъ совершенно не слѣдовало бы помѣщать. Вообще рисунки—слабая сторона настоящей книги, и послѣдняя много бы выиграла, если бы издатель взамѣнъ ихъ помѣстилъ репродукціи съ фотографій, иллюстрирующихъ тѣ проявленія жизни мѣстныхъ туземцевъ, которые имѣютъ отношеніе къ содержанію сказокъ. Вѣдь среднеазиатскій міръ постольку еще консервативнѣе, что бытовые черты и особенности его народовъ до сихъ поръ остаются такими же, какими они были въ далекія ханскія времена, къ которымъ относится большинство сказокъ.

Необходимо также отмѣтить нѣкоторыя неточности въ примѣчаніяхъ, сдѣланныхъ издателемъ къ настоящимъ сказкамъ: напримѣръ, приводя киргизскій вариантъ сказки (стр. 44), Н. П. Остроумовъ дѣлаетъ догадку о китайскомъ происхожденіи сказки на основаніи того, что царь въ ней

названъ Фаѳурумъ (т.-е. «Фарфоромъ», добавляетъ онъ), и что упоминается искусство живописи, «съ которыми сарты никогда не были знакомы». Можетъ быть дѣйствительно эта сказка занесена изъ Китая, — не споримъ, но слово *Фаѳуръ* въ своемъ точномъ смыслѣ имѣеть значеніе именно титула китайскихъ императоровъ, а искусство живописи, безъ сомнѣнія, было хорошо извѣстно въ Средней Азіи и распространено во время расцвѣта этой страны въ 14—16 в. в. по Р. Х. Отголоски его не умерли и до сихъ поръ, ибо воспроизведеніемъ великолѣпной растительной орнаментации по дереву и штукатуркѣ бѣловыми красками до сихъ поръ еще славится Бухара, Самаркандъ, Ташкентъ и другіе города. *Календаръ* ами называютъ дервишей не только въ Бухарѣ и Туркестанѣ (стр. 125), но и въ Персіи. Въ сказкѣ «Дочь купца и старикъ» упоминается городъ Каала, который издатель помѣщаетъ въ Ассиріи («городъ Каала (Калахт?)—древній городъ Ассиріи»). Едва ли эта сказка связана съ столь отдаленною и невозвратно отшедшею въ вѣчность монархіею, не проще ли видѣть въ названіи «каала» просто нарицательное имя «крѣпость».

Заключительная часть книги («Дополненія», стр. 154—171) вмѣщаетъ въ себя: 1 «Разсказъ ташкентскаго туземца муллы Абдуль-Халима (Куся-Ванъ) о происхожденіи демоновъ», 2, «Акванъ-Дивъ, Аржангъ-Дивъ и Сафидъ-Дивъ», 3, «Драконъ (аждаха, са'банъ)», 4, «Птица Симуургъ или Анка», 5, «Водяная лошадь (аспи-аби)», «Продолжительность человѣческой жизни». Все это отрывки, имѣющіе или мало отношенія къ тексту сказокъ, или совсѣмъ никакого, и, по нашему мнѣнію, дополненіе этими статьями настоящаго изданія является результатомъ нѣкоторой необходимости. Для чего, напримѣръ, включено описаніе водяной лошади въ такой редакціи? «Изображеніе водяной лошади находится въ сочиненіи «Аджанбуль-Махлюкатъ». У арабовъ эта лошадь называется «морскою лошадью». Въ сочиненіи «Хянту-ль-Хайванъ» говорится, что эта лошадь водится въ Египетской рѣкѣ. Голова ея похожа на лошадиную, копыта — на копыта рогатаго скота, а хвостъ — на хвостъ свиньи». Разсказъ «Продолжительность человѣческой жизни», перепечатанный изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за 1897 годъ № 353, принадлежитъ перу Юрія Кази-Бека и былъ первоначально напечатанъ въ «Нивѣ», если не ошибаюсь, за 1892 годъ. Къ содержанію сартовскихъ сказокъ положительно не имѣеть отношенія.

Несмотря на перечисленные недостатки книги, тѣмъ не менѣе пожелаемъ ей широкаго распространенія, ибо у насъ еще такъ мало памятниковъ изустнаго творчества восточныхъ народовъ въ хорошо исполненныхъ литературныхъ переводахъ, что каждому изданію ихъ въ такихъ переводахъ приходится искренно порадоваться.

А. С—ъ.

Диваевъ, А. А. Этнографическіе матеріалы. Киргизскія сказки о походеніяхъ трехъ плѣшивыхъ. I. Киргизскій текстъ. II. Русскій переводъ. Вып. XI. Ташкентъ. 1906. 40 стр.

Три сказки, въ которыхъ героемъ является плѣшивый—хитрецъ или

хитроумный. Первая—представляет интересный вариант сказочного мотива о хитромъ ворѣ, широко распространеннаго, одну изъ древнѣйшихъ версій котораго мы имѣемъ въ египетской сказкѣ о сокровищницѣ Рампсинита. (См. по этому вопросу Клингеръ, Сказочные мотивы въ Исторіи Геродота. Кіевъ, 1903, стр. 168—184; на стр. 176—178 говорится о сравнительной древности египетской и греческой версій). Весьма поразительна стойкость отдѣльныхъ эпизодовъ сказки: ограбленіе царской казны, гибель одного изъ воровъ, всегда старшаго, удачное скрыванье себя младшимъ, плачь надъ опрокинутымъ нарочно виномъ, масломъ, молокомъ, выставленіе царской дочери для поимки вора, подсовыванье ею мертвой руки, женитьба героя на царской дочери и его полное прощенье. Киргизская сказка къ основному мотиву—ограбленію царской казны и уверткамъ вора—присоединила и другіе, тоже воровскіе. Клингеръ объединяетъ ихъ въ одинъ циклъ подъ названіемъ: сокровищница царя Рампсинита. Но они часто встрѣчаются и въ качествѣ самостоятельныхъ рассказовъ, безъ ограбленія казны, и намъ, кажется, могутъ быть скорѣе причислены къ мотиву о «хитромъ ворѣ». Киргизская сказка повѣствуетъ о дѣтствѣ героя, объ его дѣтскихъ воровскихъ подвигахъ, напр. о выкрадываньѣ яицъ изъ подъ птицы такъ, чтобы она этого не замѣтила—далѣе, издѣвательство надъ ограбленнымъ имъ ханомъ и поимка хитростью другого хана. Вторая изъ сообщенныхъ Диваевымъ сказокъ повѣствуетъ о хитроумномъ плѣшивомъ, дерзкой находчивостью избавившемъ себя и другихъ отъ бѣды: здѣсь мы встрѣчаемся съ мотивомъ подбрасыванья трупа убитаго.—Третья сказка есть вариантъ о мудромъ мальчикѣ, удивляющемъ царя (хана) своимъ умомъ. Какъ нерѣдко въ восточныхъ сказкахъ, мудрость сказывается въ придумываньѣ (40) небылицъ.

В. Х—на.

Н. Пантусовъ. Таранчинскіе бакши. Перн Уйнатмакъ. (Способы игры и лѣченіе бакшей). («Извѣстія Туркестанскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества». Т. VI. Стр. 37—91: съ нотами). Тшк. 1907 г.

Г. Пантусовъ въ означенномъ очеркѣ даетъ интересные матеріалы, иллюстрирующіе слѣды шаманства у тюрковъ-таранчей, исповѣдающихъ исламъ. Ихъ бакши, при лѣченіи больныхъ, изгоняютъ изъ нихъ злыхъ духовъ, при чемъ предаются изступленной пляскѣ. Сеансъ изгнанія злыхъ духовъ авторъ не разъ наблюдалъ въ Илійскомъ краѣ—въ Бульдѣѣ. Изгоняютъ ихъ мужчины и женщины изъ больныхъ разнаго же пола, въ присутствіи многочисленной публики, при звукахъ оглушительной музыки. Сеансъ раздѣляется на три акта-игры («суюнь»—игра), самый главный—последній—«гонгъ-уюнь», великая игра.

Среди комнаты все, требуемое сеансомъ, приготовлено (дано подробное описаніе). Интересна здѣсь роль свѣчей: къ слѣнамъ въ углы на всѣ четыре части свѣта прикрѣпляется по одной свѣчѣ и двѣ свѣчи (въ честь «40 существъ») внизу «туга» (знамени) или больше, всего

до 14 свѣчей, приготовленныхъ по особому ритуалу. Свѣчи зажигаются. Баксы проводятъ нѣсколько разъ свѣчами вокругъ больного и затѣмъ послѣ молитвы и тренія веревки (привязанной съ потолка), руками дѣлаютъ «тебдирь». Въ дальнѣйшемъ обрядѣ выступаютъ музыканты, поды бубны и барабаны которыхъ бакши поютъ канты (приведены образчики съ нотами). Далѣе начинается пляска бакши, почти сплошное круженіе, при чемъ восторженные зрители выкрикиваютъ разные звуки и благочестивыя слова. У больного начинаются видѣнія: «синій козелъ», баксы же молятся, бѣгаетъ съ нагайкой, бьетъ больного и окружающихъ. Такъ кончается первая игра.

Во второмъ актѣ баксы прибѣгаетъ къ молитвѣ, массажу, уколамъ тѣла больного, манипуляціямъ съ кинжаломъ («тычетъ ему кинжаломъ въ горло и глаза, а затѣмъ во всѣ мѣста тѣла (въ лицо, въ животъ, въ спину) усиленно и быстро), далѣе идетъ окропленіе, выжиманіе крови, опять круженіе съ кинжаломъ вокругъ веревки.

«Гонгъ-уюнъ» — третья игра — начинается пляской баксы, который бѣгаетъ съ кинжаломъ, кричитъ «алла», вертится, бьетъ кинжаломъ воздухъ около больного и въ тѣло самого больного, потомъ кропитъ, носитъ его на себѣ, массируетъ по спишѣ ногой, потомъ даютъ ему веревку, и всѣ вертятся около веревки. На разсвѣтъ, до восхода солнца, больного выносятъ въ другую комнату или во дворъ и прикрываютъ. Приносятъ бѣлую курицу или пѣтуха (или же черную, но здоровую); курицей бакши бьетъ больного. Затѣмъ послѣ нѣкоторыхъ возжиганій и молитвъ сеансъ кончается.

Интересны приводимые тутъ же ритуальные разговоры пришедшихъ посѣтить больного. Напримѣръ:

Посѣтитель: (больному) «Не приказывали ли вы читать заговоры?»

Больной: «Мы не могли имѣть хорошаго муллы».

П.: «За воротами Су-дербазе есть одинъ мулла, по имени мулла Абду-керимъ паршивый. Вы попросите его и онъ придетъ, а вы заставьте его читать». — Паршивый мулла ворожить по книгѣ двумя палочками, смотреть и говорить, что къ этой болѣзни привязался мусульманскій перь. Мулла приказываетъ принести одну бѣлую курицу чернолицую. Паршивый мулла говоритъ: «Пока я кончу читать молитвы, вы приготовьте 40 блиновъ, на салѣ испеченныхъ, и 40 блиновъ, жаренныхъ безъ сала».

А вотъ одинъ изъ заговоровъ муллы:

«Во имя Бога милостиваго и милосерднаго! Я прочиталъ заговоръ надъ вами, о духи джиновъ, отдайтесь подалеже отъ этого больного! Во имя пятикнижія Моисеева и евангелія Іисуса и псалтыря Давидова и священныхъ книгъ Мухаммеда-Мустафа, да благословитъ его Господь, и да привѣтствуетъ! Посредствомъ дыханія Соломона, сына Давидова, переселитесь, уходите, о джины, о пери, о дивы! О мать дѣтей. Пришло повелѣніе пророка Соломона: посредствомъ дуновения Тамуса-пери, Шабалия сына Шаруха-пери, Малека Абдурахмана джина переселитесь, уходите, о пери, проклятые! Если вы христіанскіе пери, то уходите ради

пророка Іисуса, о проклятые! Если вы жидовскіе пери, то уходите именемъ пророка Моисея, о проклятые! Если вы изъ монгольскихъ пери, то переселяйтесь и уходите ради пророка Шуайба, о проклятые! Если вы еврейскіе (перы), то переселяйтесь и уходите именемъ пророка Узейра, о проклятые! Если вы изъ пери невѣрныхъ, то переселяйтесь ради пророка Давида, о проклятые! Если вы изъ мусульманскихъ пери, то переселяйтесь, уходите именемъ пророка Божія Мухаммеда. Выходите совсѣмъ!»!

Описанъ также особый способъ готовить пиву духовъ: изъ рубленого мяса дѣлаютъ фигуры змѣи, лягушекъ, ящерицъ и т. п.

О происхожденіи бакшей сохранился разсказъ у самихъ таранчей. Въ этой легендѣ есть мотивы о спорѣ ангеловъ и злыхъ духовъ изъ-за обращенія людей, о набожной цѣломудренной женщинѣ, зачавшей безъ мужа ребенка-сына — Бузеджиръ-хана (ставшаго потомъ государемъ Джунгарскаго царства), о нечестивомъ потомкѣ его—идолопоклонникѣ и о встрѣчѣ его на охотѣ со знахаремъ (бакши), исцѣлившемъ его больного сына. Отсюда и пошло распространяться врачебное искусство бакши. Тоже есть разсказъ о Пулатъ-бакши, знающемъ скрытое и о многихъ другихъ.

Мулла Касымъ-Ахунъ составилъ «книгу о дѣяніяхъ таранчинскихъ бакшей», приводимую въ переводѣ г. Пантусовымъ. Въ 5-й главѣ этой книги говорится, что искусные бакши (при лѣченіи больныхъ) встаютъ на зарѣ, совершаютъ омовеніе и вспоминаютъ о святыхъ невидимыхъ мужахъ, а затѣмъ, играя на дафѣ и приходя въ экстазъ, произносятъ заклинанія. Тамъ къ духамъ есть такіа обращенія: «если вы изъ 366 жилъ или изъ 444 отдѣльныхъ костей, выходите, уходите! Если вы изъ хромыхъ и безрукыхъ пери, выходите, уходите! Если вы изъ воды и огня, выходите! Если вы изъ обезьянъ эоіонскихъ (далѣе: негрскихъ—абиссинскихъ, арабскихъ, обезьянъ явныхъ—видимыхъ), уходите!» Далѣе перечисляются перы: благословенные великіе, поклоняющіеся солнцу, поклоняющіеся огню, идолопоклонники, перы луны, солнца, царскіе, острые какъ мечъ, слѣпые на оба глаза, водяные, перы земли, вѣтра и т. д... «во имя рая и ада, во имя лица земли, перекочуйте въ большіе ключи и родники, перекочуйте въ старыя мечети, перекочуйте въ старыя строения, перекочуйте въ старыя мельницы. Во имя сорока дѣвицъ, уходите! Во имя пророковъ, уходите! Во имя Адама, уходите!» и т. д.

Нѣсколько подробное изложеніе содержанія статьи г-на Пантусова было необходимо, чтобы дать болѣе ясное представленіе о томъ богатомъ этнографическомъ матеріалѣ, который цѣлыми залежами лежитъ на нашемъ ближнемъ востокѣ, лежитъ, какъ кладъ, но... въ Россіи его судьба подобна судьбѣ и археологическихъ древностей того же востока. Время разрушаетъ. Думаемъ ли мы, что не разрушится только оригинальная культура нашего Туркестана! Напрасно. Все старое исчезнетъ поразительно быстро и здѣсь. Надо и здѣсь спѣшить, а потому нельзя не привѣтствовать «Извѣстій Туркестанскаго отдѣла», удѣлившихъ въ своемъ VI-омъ томѣ такъ много мѣста этнографіи таранчей.

Вл. В.

Чичерина, С. У Приволжскихъ инородцевъ. Путевыя замѣтки.
Спб. 1905. 427 + 210.

Чичерина, С. Положеніе просвѣщенія у приволжскихъ инородцевъ. («Изв. И. Р. Геогр. О. 1906. в. II—III. Т. XLII. Спб. 1906. стр. 596—649.»)

Книга и статья г-жи Чичериной тѣсно связаны другъ съ другомъ. Обѣ—результатъ поѣздки автора къ приволжскимъ инородцамъ съ цѣлью изучить русскую школу и достигнутые ею результаты среди инородческаго населенія. Авторъ—не этнографъ, и этнографическія данныя ею не затрогиваются, нерѣдко она пропускаетъ ихъ даже тогда, когда они обыкновенно бросаются въ глаза и неспециалисту путешественнику (напр. жилище, одежда, пища, орудія, ремесла и пр.). Г-жа Чичерина твердо держалась намѣченной ею программы изслѣдованія: школа, успѣхи инородцевъ въ русскомъ языкѣ, успѣхи руссификаціи при двухъ совершенно противоположныхъ методахъ преподаванія русскаго языка, вліяніе русской школы и православной вѣры на религіозность жизни населенія. Заглавіе объемистой книги, можетъ быть, введетъ въ заблужденіе этнографа относительно свойствъ матеріала, помѣщеннаго въ ней. Однако мы горячо советуемъ всѣмъ интересующимся инородческимъ населеніемъ Приволжья ознакомиться какъ съ книгою, такъ и со статьею г-жи Чичериной. Въ этихъ данныхъ, собранныхъ по пути, въ разговорахъ, въ столкновеніяхъ съ инородцами живо отражается душа народа, его внутренняя, духовная жизнь, какъ не всегда бываетъ въ чисто этнографическомъ описаніи. Особенно интересной показалась намъ вторая часть книги: «У приволжскихъ инородцевъ»—приложенія, гдѣ въ отвѣтахъ на программу, разосланную г-жей Чичериной, встрѣчаются и данныя, могущія заинтересовать специалиста-этнографа. Наибольшее вниманіе заслуживаетъ «Извлеченіе изъ лѣтописи церкви с. Рунги», гдѣ живо описана священникомъ его борьба противъ обычая совершать языческія моленія. Эта полная жизни картина прекрасна своей правдивостью. Добавимъ ко всему вышесказанному, что какъ статья г-жи Чичериной, такъ главнымъ образомъ ея книга снабжены прекрасными снимками съ инородцевъ, по которымъ можно ознакомиться съ типами и костюмами.

В. Х—на.

Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Им. Рус. Арх. О-ва, томъ VIII, вып. первый. 1906 г. подъ ред. С. Ѳ. Платонова.

Въ вышеозначенномъ томѣ «Записокъ» возбуждаетъ особый интересъ статья «Шаманскія изображенія», дающая краткія замѣчанія и множество снимковъ съ найденныхъ на сѣверо-востокѣ Европейской Россіи и въ Сибири подѣлокъ явно религіознаго характера. Эти подѣлки названы авторомъ, г. Спицынымъ, шаманскими. Районъ распространенія шаманскихъ изображеній, районъ урало-алтайскихъ народностей—огромнѣйшій бассейнъ р. Оби съ Иртышомъ и бассейнъ Камы съ прилегающими частями бассейновъ Вычегды и Печоры. Болѣе всего находокъ сдѣлано

въ Камскомъ районѣ, вслѣдствіе большаго количества населенія и издавна имѣвшихся здѣсь коллекціонеровъ. Лучшія шаманскія изображенія относятся къ VIII—IX в. Фигуры очень разработанныя, композиціи разнообразныя, подѣлки многочисленныя. Авторъ предполагаетъ существованіе опредѣленныхъ мастерскихъ такихъ подѣлокъ, откуда эти послѣднія и распространялись по всему урало-алтайскому міру. Въ бассейнѣ Камы подобныхъ подѣлокъ найдено очень много, среди фигуръ изображенія птицъ съ человѣческими головами на груди и отчасти сууде могутъ считаться несомнѣнно религиозными фигурами. Сууде—это челоѣкообразное существо съ крыльями и хвостомъ птицы, съ головою и ступнями верблюда или лоша. Полныя изображенія сууде очень рѣдки, обыкновенно они встрѣчаются въ сокращенномъ видѣ: одна рука съ крыломъ или вмѣсто одной руки крыло, ноги непарныя, голова то лоша, то орла, символы ихъ солнце и мѣсяць.—Между подѣлками мѣстнаго производства были найдены блюда и бляхи, очевидно доставленные персидскими или тюркскими купцами съ рисунками греческаго характера; на этихъ блюдахъ поверхъ уже имѣвшихся рисунковъ и орнаментовъ нацарапаны изображенія шаманскія; преобладаетъ челоѣческая фигура въ позѣ танцующей съ поднятыми руками, въ каждой рукѣ по ножу, на головѣ три возвышающіяся темена.—Въ X и XI в. сохраняются лишь основныя темы шаманскихъ изображеній. Композиціи становятся бѣднѣе, техника слабѣетъ, количество подѣлокъ значительно уменьшается. Авторъ объясняетъ это обстоятельство постепенной демократизаціей шаманизма, способствовавшей его упрощенію.—Разсматривая атласъ изображеній шаманскихъ фигуръ, подробно знакомишься съ этими атрибутами культа и невольно ищешь прототиповъ этихъ, порою чудовищныхъ, издѣлій: ящерицъ съ широкими лапами, необыкновенныхъ птицъ и т. п. Приходитъ на мысль, что не были ли моделями ихъ формы и части ископаемыхъ различныхъ геологическихъ періодовъ, ископаемыхъ, не разъ находимыхъ въ сѣверныхъ районахъ.

Для исторіи шаманизма атласъ указанныхъ изображеній несомнѣнно долженъ имѣть немаловажное значеніе.

Остальныя статьи «Записокъ», касающіяся «зауральскихъ древнихъ городищъ», коллекцій кунсткамеры и Имп. Эрмитажа, сообщаютъ свѣдѣнія о раскопкахъ и находкахъ археологическихъ, снабжены онѣ многочисленными снимками съ найденныхъ предметовъ, что даетъ возможность воочію познакомиться съ археологическими рѣдкостями и отмѣтить различныя возможныя культурныя теченія.

Е. Е.

Московская церковная старина. Труды комиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и московской епархіи, изд. подъ ред. предсѣдателя комис. А. И. Успенскаго, т. III, в. 2. М. 1906.

Изученіе памятниковъ церковной старины г. Москвы продолжается, благодаря трудамъ комиссіи, не прекращающей печатаніе своихъ интересныхъ изслѣдованій. Возстановляя въ памяти читателей прошлое цер-

ковныхъ памятниковъ, каждая статья «Трудовъ» даетъ картину прежняго быта и стариннаго устройства Москвы. Исчезнувшія урочища, кладбища, учрежденія, связанныя съ церквами-богадѣльни, убогіе дома и т. п. все это упоминается въ документахъ, говорящихъ о той или другой церкви и позволяетъ читателю составить себѣ представленіе о тѣхъ частяхъ города, которыя стали неузнаваемы въ настоящее время и хранить память о быломъ лишь въ своемъ прозвищѣ «Садовники», «Вешники» и т. д. Статьи г. Успенскаго «Церковь св. Николая Чудотворца, что на Береевскѣ», и о діаконѣ Н. Виноградова «Церковь св. Николая Чудотворца именуемаго Стрѣлецкаго, у Боровицкихъ воротъ» даютъ очеркъ тѣхъ садовъ и слободъ, которые занимали въ 16 и 17 вв. мѣсто современныхъ улицъ и переулковъ. Старинные кресты и иконы, хранящіяся въ названныхъ церквахъ, представляютъ собою образцы искусства церковнаго и имѣютъ значеніе для исторіи этого искусства, а жалованныя грамоты, въ которыхъ указано, что и за что жертвовалось въ храмы, вскрываютъ уголокъ бытовой жизни прошлыхъ вѣковъ, знакомя съ извѣстными воззрѣніями былого.

Интересною представляется статья О. В. Металлова «Изъ исторіи русскаго церковнаго пѣнія XV, XVI, XVII, вв.» Въ ней почтенный авторъ, знакомя читателя съ исторіей русс. церковнаго пѣнія, указываетъ на то, что оно къ XIII в. почти совершенно освободилось отъ византійскаго вліянія и, развиваясь самостоятельно, достигло въ 17 в. достаточной степени совершенства. О. Металловъ сообщаетъ о музыкальномъ достоинствѣ стихиръ, сложенной царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, носящей характеръ русскаго пѣсеннаго творчества. При статьѣ приложены нѣты стихиръ-переводъ съ крюковъ.

Для исторіи русской иконописи имѣетъ значеніе статья г. Гурьянова объ иконѣ пр. Троицы въ Сергіевской Лаврѣ, нарисованной Андреемъ Рублевымъ и нѣсколько разъ реставрированной.

Е. Е.

По поводу рецензіи г. Зеленина на статью И. С. Абрамова: „О Курскихъ саянахъ“¹⁾. Въ видахъ научнаго безпристрастія считаю необходимымъ сдѣлать нижеслѣдующія мои замѣчанія на вышеуказанную рецензію Д. К. Зеленина:

1) Уважаемый рецензентъ, между прочимъ, упрекаетъ меня въ незнакомствѣ со статьей акад. А. И. Соболевскаго «Замѣтки о сѣверскихъ говорахъ» — гдѣ этотъ ученый дѣлаетъ нѣсколько краткихъ, но весьма остроумныхъ и проницательныхъ замѣчаній о саянахъ, между прочимъ, подчеркивая названіе ихъ въ пѣснѣ «полянми, т.-е. степняками».

Съ названной замѣткой «о сѣверскихъ говорахъ», посвященной разбору обширнаго труда профессора М. Г. Халанскаго о народныхъ говорахъ Бурской губерніи, я былъ хорошо знакомъ, но по прочтеніи этой интересной замѣтки я пришелъ къ другимъ выводамъ, чѣмъ г. Зеле-

1) „Этногр. Обзор.“ 1906 г. № 3 и 4.

нинъ. Для бѣльшей очевидности укажу на нижеслѣдующій небольшой прилѣръ: Г. Зеленинъ, пользуясь названной замѣткой А. И. Соболевскаго («Рус. Фил. Вѣс.» 1905 г. № 3, стр. 38) ссылается на одну интересную саянскую пѣсню, записанную М. Г. Халанскимъ въ с. Будаповкѣ, *идя саяны будто бы называются полянами, т.-е. степняками*. Между тѣмъ, если заглянуть въ трудъ проф. Халанскаго и разыскать тамъ отмѣчаемую имъ по чужой замѣткѣ пѣсню, мы найдемъ тамъ слѣдующее:

«Ай, да вы, *пыляня*,
Пылянушки удѣлы!
 Ай да ны *луговой пыляни*
Растетъ трава шамкавая»²⁾.

Я считаю, что въ указываемой г. Зеленинымъ пѣснѣ говорится не о народѣ «полянахъ, т.-е. степнякахъ», а просто о луговыхъ полянахъ, на которыхъ растетъ трава шелкокая...

2) Г. Зеленинъ, перебирая указанную мною литературу о саянахъ, замѣчаетъ: «авторъ совершенно напрасно называетъ книжку М. Бойкова «Краткое обозрѣніе Курской губ.»: въ этой книжкѣ о саянахъ нѣтъ ни полслова, а есть только маленькое замѣчаніе о путивльскихъ «горюнахъ». Между тѣмъ въ моей статьѣ по поводу книжки г. Бойкова говорится буквально слѣдующее:

«Г. Бойковъ, преподаватель курской учительской семинаріи... смѣшиваетъ саяновъ съ бѣлоруссами, добровольно переселившимися въ XVIII в., *называетъ ихъ «горюнами»*, и опредѣленно указывается, гдѣ живутъ «горюны».

Я считалъ умѣстнымъ упомянуть объ этомъ въ статьѣ, посвященной саянамъ.

3) Г. Зеленинъ пишетъ: «въ своей статьѣ г. Абрамовъ пользуется какъ своими личными впечатлѣніями отъ саяновъ *Щигровскаго уѣзда*, такъ и существующею литературою объ этой этнографической группѣ» (стр. 339).

Между тѣмъ, въ моей статьѣ я заявляю, что пользуюсь личными впечатлѣніями, полученными отъ поѣздки къ саянамъ *Курскаго уѣзда* (села: Виногробль, Долгово, Жерновець, Тазово, Будаповка), *а также уѣзда Щигровскаго*.

По словамъ г. Зеленина «Саяны живутъ также въ *Курскомъ*, *Льговскомъ* и *Фатежскомъ уѣздахъ*, но этихъ «не настоящихъ» (по отзывамъ народа) авторъ (т.-е. я, Абрамовъ) въ виду не имѣлъ» (стр. 339).

Между тѣмъ въ своей статьѣ я имѣлъ въ виду саяновъ *Курскаго уѣзда*, *а также Щигровскаго*. Перечисливъ села *Курскаго уѣзда*, *а также* Коренную Пустынь, Виногробль, Долгое, Жерновець и др., я говорю: «саяны, какъ известно, живутъ еще и въ *Щигровскомъ*

²⁾ Сборн. отд. Рус. яз. и сл. Имп. Ак. Наукъ т. 76. Спб. 1904 г. Стр. 287 Народные говоры Курской губ. М. Г. Халанскаго. Пѣсня № 348.

уѣздѣ Курской губ., а также въ смежныхъ уѣздахъ Харьковской, и въ другихъ мѣстахъ, но тѣ, какъ они сами говорятъ, «не настоящіе». Такимъ образомъ, придерживаясь народной терминологіи, *настоящіе* саяны живутъ въ Курскомъ уѣздѣ, а не въ Щигровскомъ, какъ неправильно понялъ меня рецензентъ.

5) Установивъ въ говорѣ «цукановъ» присутствіе звука *ц*, г. Зеленинъ замѣчаетъ: «въ говорѣ саяновъ не было этого признака, и они не получили имени «цукановъ». Въ дѣйствительности же, въ говорѣ саяновъ, по моимъ личнымъ наблюденіямъ и по записямъ М. Г. Халамсаго, звукъ *ц* наблюдается на ряду со звукомъ *с*, напр.: вулиса, кузнецъ.

«Все ни строхнит^сца, ни строхнит^ц-а, но варохнит^с-а, падь ней вада

ни скалохнит^с-а»³⁾ и т. д.

По поводу названія «*саяны*» въ моей статьѣ говорится: «названіе саяны произошло вѣроятнѣе всего отъ *саяма* или *соаяна*, особой женской одежды, описанной выше»; по тому же поводу г. Зеленинъ замѣчаетъ: «можно думать, что они (саяны) воспользовались при этомъ именемъ предмета своей гордости и красоты, хотя такимъ предметомъ и была просто-напросто бабья юбка⁴⁾. Такова *наша* (?) гипотеза объ отношеніи къ другимъ этнографическимъ группамъ и объ ихъ имени».

Ив. С. Абрамовъ.

³⁾ „Народн. говоры Курск. губ.“ Халамсаго.

⁴⁾ Здѣсь въ цитатѣ г. Абрамовъ сдѣлалъ пропускъ нѣсколькихъ предложеній, послѣ которыхъ и слѣдуетъ общее заключеніе: „такова наша гипотеза“, относящееся ко всему предыдущему разбору статьѣ, а не только къ вопросу объ имени.

Редакция.

ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ.

«Вятскій Вѣстникъ». 1906. № 33. Положеніе просвѣщенія у приволжскихъ инородцевъ. Замѣтка эта представляетъ довольно полное изложеніе доклада, сдѣланнаго 24 января с./г. въ географическомъ обществѣ С. В. Чичериной. (См. здѣсь „критику и библиографію“).

Древности. Труды Славянской Комиссіи Имп. Моск. Археол. Общества. Томъ 4-й, вып. 1-й. Подъ ред. А. С. Орлова. М. 1907. 4^о 332+67 стр. Памяти М. И. Соколова (съ портретомъ).—*Покровский, К. В.* Книга, глаголемая Назиратель, сн рѣчь урядъ домовыхъ дѣтель (изъ исторіи древней сельско-хозяйственной литературы).—*Кононовъ, Н. Н.* Изъ области астрологій. Обзоръ статей: Планетника, Звѣздочтеца, Колядника, Громника, Лунника, Трепетника, Тайная тайныхъ, Лѣчебника и проч. рукоп. XVIII в. А. Г. Первухина.—*Дурново, Н. Н.* Легенда о заключенномъ бѣсѣ въ византийской и старинной русской литературѣ.—*Евстаевъ, И. Е.* Слова святыхъ пророкъ—противоюдейскій памятникъ XV вѣка.—*Кузьминскій, К.* О сборникѣ молитвъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Абагаръ» (освѣщается исторія павливанъ).—

Живая Старина, періодич. изданіе Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О. подъ ред. В. И. Ламанскаго, Ф. И. Щербатскаго и Н. Н. Виноградова. 1906 г. вып. IV. *Абрамовъ, И. С.* Городецкій музей (см. «Хроникъ»).—*Зачиняевъ, А. И.* Объ эпическихъ приѣмахъ былинны «взяты Базань» (оконч.).—*Фасмеръ, М.* Въ вопросу о славянскихъ заимствованіяхъ въ греческомъ языкѣ (ср.-греч. βάλτος—болото заимствовано изъ славянскихъ языковъ; καρβέλι—кравай, σάγμα—слама, σβάρνα—брана, δραγάτης—драга, βαρδαβίτσα—брадава, μέρζα—мрѣжа. Средне-греческое κουνάδι—«куница» славянскаго происхожденія).—*Большаковъ, М. А.* Община у зырянъ (оконч.).—*Миллеръ, А.* Прошлое и настоящее Сенстана (оконч.) Указана обширная библиографія.—Отдѣлъ II: Пословицы и др. матеріалы Острогжскаго уѣзда (*Г. Яковлевъ*), Эстонскія толкованія словъ (*Д. Зеленинъ*), Литовскія суевѣрія и примѣты (Янулайтисъ), подробное содержаніе якутскаго спектакля «Олонхо» (Эд. Пенарскій).—

1907. Вып. I. *Макаренко, А. А.* Сибирскія пѣсенныя старинны.—*Макаренко, Н. Е.* «Пречиста» въ Москалівці (съ рис.)—*Шустакъ, А. А.* Взгляды крестьянъ Кадниковскаго уѣзда на земельную собственность.—*Сергпутовскій, А. К.* О завиткахъ въ Бѣлоруссіи.—

Ильинскій, Г. А. Изъ русской діалектологіи. («корогодь», «во лузяхъ»). — *Шиммаревъ, В. Ф.* Этюды по исторіи поэтическаго стиля и формъ. — Отдѣлъ II: заговоры; говоръ Сестрорѣцка; печерскіе стихи и пѣсни. Брѣтѣвка и хроника.

Записки Зап. Сибирскаго Отдѣла И. Р. Географическаго Общества. Кн. XXXII. Омскъ. 1906. Для этнографа въ этой книгѣ представляетъ интересъ лишь небольшая статья *Черманова*: Замѣтка о киргизахъ Павлодарскаго у. По соображеніямъ редакціи, статья эта, составленная очевидно по порученію, такъ какъ отвѣчаетъ на заданные вопросы и принадлежащая автору-киргизу, относится къ 70-мъ годамъ XIX-го в. Она содержитъ интересныя свѣдѣнія о зимовкахъ киргизовъ, пастбѣ скота, перекочевкахъ, занятіяхъ, промыслахъ, о скотоводческомъ хозяйствѣ. Подробно описаны способы охоты, ловля ястребовъ и прирученіе ихъ для охоты на птицъ, приготовленіе молочныхъ продуктовъ.

«Записки Красноярскаго Подотдѣла Вост.-Сибир. Отдѣла И. Р. Г. О.» По этнографіи. Т. I. В. II. 1906. Томскъ. Русскія и инородческія сказки Енисейской и Томской губерніи. Всего помѣщено въ сборникѣ 57 сказокъ, записанныхъ гг. Бондаремъ, Адриановой, Ермоленко, Гнетевымъ, Карбышовой, Вал. Булгаковымъ, Г. Н. Потанинымъ и экспедиціей г. Швецова по изслѣдованію быта инородцевъ въ 1900 г. въ Кузнецкомъ районѣ. Наибольшее количество сказокъ, именно 29, записано Вал. Булгаковымъ въ разныхъ уѣздахъ Томской губерніи: Бійскомъ, Барнаульскомъ и Кузнецкомъ. Сборникъ снабженъ предисловіемъ и примѣчаніями его редактора Г. Н. Потанина, а также собирателя.

Извѣстія общества археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ. 1907. Томъ XXIII, вып. I. *Ахмаровъ, Г. Н.* Свадебные обряды казанскихъ татаръ. (Похищеніе невѣсты. Добровольный уходъ невѣсты къ жениху. Полученіе невѣсты по сватовству. Браки между родственниками. Многоженство и др.). Въ концѣ статьи авторъ оцѣниваетъ книгу Фукса, посвятившаго 19 страницъ описанію свадебныхъ обрядовъ татаръ Казани («Казанскіе татары въ статистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ». 1844.), книгу «Народы Россіи. Татарское племя», (изд. «Досугъ и дѣло» 1878 г.), а также книгу М. Н. Пинегина «Свадебные обычаи казанскихъ татаръ» (Ваз., 1891.). — *Матвѣевъ, С., священ.* Гаданіе на кольцахъ у крещеныхъ татаръ. (Интересная замѣтка, свидѣтельствующая, какъ, съ принятіемъ христіанства, въ татарскую среду проникаетъ и русская культура). —

Извѣстія Отдѣленія русс. яз. и слов. И. Ак. Наукъ. 1906. Кн. 2-я. *Соболевскій, А. И.* Хронологія древнѣйшихъ ц.-сл. памятниковъ. I. Кіевскіе глаголическіе отрывки. II. Синайскій требникъ. III. Родина кіевскихъ отрывковъ. — *Истрингъ, В. М.* Редакціи Толковой Палки. (Продолж. слѣдуетъ). — *Миллеръ, В. Ф.* Отголоски Смутнаго времени въ былинахъ. (См. рецензію Н. В. В—ва въ «Этн. Обзор.», 1906, 3—4,

стр. 328).—*Богородицкій, В.* Діалектологическія замѣтки.—*Яцимирскій, А. И.* Мелкіе тексты и замѣтки по старинной славянской и русской литературѣ (Въ томъ числѣ: Адскіе газеты въ Пятокъ сырныя недѣли—«На сесть днѣхъ выхалъ кульеръ из ада, какова тамъ грѣшникамъ будить награда»...; «Банта, изложенная при отдачѣ духовенства въ рекруты» 1831 г. и др.).—*Коробка, Н. И.* Къ вопросу объ источникѣ русскаго христіанства. Замѣтка по поводу новыхъ матеріаловъ, напечат. Соболевскимъ въ 4 кн. X тома «Изв. Ак. Наукъ». Авторъ склоняется къ мысли о западномъ источникѣ, породившемъ религіозныя сношенія русскихъ съ «латиною», которая, какъ думаетъ авторъ, до конца монгольскаго періода возбуждала у греческой іерархіи антагонизмъ, какъ серьезная «реальная» сила, проникавшая русскую культуру.—*Кн. 3-я. Ш., В.* Памяти А. Н. Веселовскаго.—*Веселовскій, А. Н.* Русскіе и вильтины въ сагѣ о Тидрекѣ Бернскомъ (Веронскомъ) (Эпизодъ о вильтинахъ и русскихъ въ составѣ саги; вильтины—велеты; русская генеалогія саги о Тидрекѣ; Ортнитъ и Илья русскій; Ортнитъ и Вольга; Илья греческій или изъ Герцеке (?); родословная вильтиновъ; Веландъ и Вади; отголоски финско-айтскаго эпоса; Витеге, Гейме и пѣсенный циклъ Эрманриха).—*Съницкій, И. С.* Обзоръ сношеній Карпатской Руси съ Россіей въ 1-ю половину XIX вѣка.—*Крымскій, А. Е.* Древне-кѣвскій говоръ. I—VIII. (Опровергая мнѣнія А. И. Соболевскаго, авторъ устанавливаетъ, что «старо-кѣвскій говоръ есть прямой предокъ нынѣшней малорусской рѣчи сѣверной и средней Кіевщины и Черниговщины съ прилегающими частями Полѣсья»).—*Кн. 4-я. Срезневскій, В. И.* Сказаніе о молодцѣхъ и о дѣвицѣхъ по сп. XVII вѣка.—*Добровольскій, В. Н.* Культъ зерноваго хлѣба въ повѣрьяхъ крестьянъ Рязанской губ.—*Ильинскій, Г. А.* Patronymica на —ово въ русскомъ языкѣ. (Начиная съ XV вѣка въ русс. памятникахъ встрѣчаются отчества на —ово; сначала передъ ними стоитъ слово «сынъ», но съ XVII вѣка этотъ обычай исчезаетъ. Вотъ нѣкоторые примѣры въ хронологич. порядкѣ: 1484 Семень Васильевичъ сынъ Бородатова, 1491 Михайло с. Плохово, 1495 Федка Ивашка с. Дурново, 1500 Иванъ Кобыла Александровъ с. Сухово, 1514 Иванъ Микулинъ с. Ярово, 1534 Федоръ Михайловъ с. Нагово, 1551 Лопато Прокофьевъ с. Хитрово, 1614 кн. Иванъ Григорьевичъ Долгоруково, 1661 Тимофей Щербатово, 1691 Наумъ Смирново и мног. др. Это все родительныя падежи отъ соответствующихъ прилагательныхъ: Бородатый, Плохой и т. д. Такъ какъ род. пад. можетъ оканчиваться и на *го*, то есть и фамиліи на *го*: Холонъ Иванъ Васильевъ с. Сѣченого (1498), Булгакъ Дмитреевъ с. Мертвого (1669), Михайло Меньшого с. Дурной (1696) и др. Далѣе авторъ развиваетъ сомнѣнія въ вопросѣ о происхожденіи этого—ово. Онъ думаетъ, что «родительныя падежи на *го* не превратились въ patronymica потому, что ихъ окончаніе не имѣло никакихъ точекъ соприкосновенія съ этимъ суффиксомъ». (Однако срв. существующія фамиліи на *аго*: Живаго, Мертваго, а также сибирскія фамиліи на—*ихъ*: Мѣлкихъ, Высокихъ и т. п.), между тѣмъ какъ

«окончаніе—во въ концѣ XV вѣка еще сохраняло реминисценцію о своемъ этимологическомъ родствѣ съ суффиксомъ—*овъ*, притяжательное значеніе котораго и было причиной превращенія ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ въ патронимическія имена».—*Яцимирскій, А. И.* «Черная шаль Пушкина» и румынская пѣсня.—

Русскій Филологическій Вѣстникъ. Подъ ред. проф. Е. В. Барскаго. 1907. I. *Ветуховъ, А. В.* Заговоры, заклинанія, обереги и т. п. (Продолж.).—*Бобровъ, В. А.* Русскія народныя сказки о животныхъ.—*Перетцъ, В. Н.* Забѣтки о пѣсняхъ XVIII вѣка. I—VIII.

«Сибирская Мысль». 1906. 26. Z. Къ вопросу о степномъ правѣ. Забѣтка написана по поводу статьи Д. Е. Лапко въ октябр. книжкѣ «Рус. Мысли» за 1906 г. «Объ изученіи степного права», въ которой авторъ указываетъ на необходимость догматическаго изученія степного права, нормирующаго обычно-правовую жизнь сибирскихъ инородцевъ. 26. *Аборигенъ.* Съ Ангары. Здѣсь подробно описывается организація рыболовства въ Пинчугской и Кежемской в. в. Енисейской губерніи.

«Сибирскіе Вопросы» (СПБ). 1906. Кн. 2. *Братскій, М.* Очеркъ бурятскаго хозяйства въ Балаганскомъ уѣздѣ Иркутской губерніи. Въ настоящей статьѣ авторъ, на основаніи цифровыхъ данныхъ, умѣло охарактеризовываетъ результаты столкновенія русской и бурятской культуры въ экономической области.—*Жамцарано Цыбенъ.* О правосознаніи бурятъ. Пользуясь, главнымъ образомъ, протоколами съѣздовъ бурятскихъ представителей и авторитетомъ русскихъ ученыхъ, авторъ знакомитъ читателей съ нѣкоторыми особенностями бурятъ и ихъ взглядами насчетъ устроенія ихъ жизни въ ближайшемъ будущемъ. Въ статьѣ достигнута обстоятельность и объективность.—*Швецовъ, С.* Изъ религіозной жизни алтайскихъ инородцевъ. (Религіозное движеніе на Алтаѣ въ 1904 году). По нашему мнѣнію, статья г. Швецова является пока самымъ обстоятельнымъ очеркомъ алтайскаго движенія 1904 г., какъ по сравнительному богатству фактическихъ данныхъ, такъ и по удачному ихъ освѣщенію. Авторъ видитъ въ этомъ движеніи двойной интересъ: «здѣсь, говоритъ онъ, сплетаются интересы научнаго наблюденія съ общественно-политическими».—*Чермакъ, Л.* Вымирають ли киргизы? Статья имѣетъ цѣлью показать, что киргизы, вопреки весьма распространенному мнѣнію, вовсе не представляютъ вымирающаго племени. Въ этой интересной статьѣ приведены также данныя о характерѣ киргизскаго хозяйства и быта.—*Моравскій, В.* Мертвый и живой инвентарь въ крестьянскомъ хозяйствѣ Южно-Уссурийскаго уѣзда Приморской Области. Статья почти вся состоитъ изъ цифръ, но очень убѣдительныхъ. Авторъ приходитъ къ заключенію о необходимости широкой организаціи въ уѣздѣ агрономической помощи, страхованія, кредита, ветеринарнаго дѣла и пр.

Университетскія извѣстія (Кіевскія). 1906. 11. Сборникъ законодательныхъ памятниковъ древняго западно-европ. права, издав. подъ

ред. проф. П. Г. Виноградова и М. Ф. Владимірскаго-Буданова.—12. *Чудаковъ, Г. И.* Отраженіе мотивовъ народной словесности въ произведеніяхъ Н. В. Гоголя.—*Перетцъ, В. Н.* Приложенія къ статьѣ: «Новые труды по источниковѣдѣнію древнерусской литературы и по палеографіи».

1907. 1. *Богумиль, А.* Начальный періодъ народничества въ русской художественной литературѣ.—*Перетцъ, В. Н.* Новые труды по источниковѣдѣнію древнерусской литературы.—2. *Дашкевичъ, Н. П. проф.* Рецензія на книги Н. В. Шаровольскаго подъ заглавіемъ: «Сказаніе о мечѣ Тюрфингѣ (Hervarar saga ok Heidreks). I. Старосландскій текстъ съ введеніемъ. III. (?) Историко-литературное введеніе», К. 1906., представленныхъ авторомъ на соисканіе степени магистра исторіи зап.-европ. литературъ.—*Богумиль.* Начальный періодъ и т. д. (прод. въ 3 и 4).—4. *Шаровольскій, И. В.* Сказаніе о мечѣ Тюрфингѣ.

Ученыя Записки Казанскаго Университета. 1906. XII. *Хвостовъ, М.* Развитие внѣшней торговли Египта въ греко-римскій періодъ.—XII (прилож.) *Петрозскій, Н.* Первые годы дѣятельности В. Копитара (Оконч. стр. 465—757).

Для этнографа интересна глава IV-я этого сочиненія—«Копитаръ и его отношенія къ сербо-хорватской литературѣ», а также V-я, въ кот. онъ высказываетъ свои идеи о принадлежности старо-славянскаго языка словинцамъ и объ этническомъ происхожденіи вайкавцевъ. Въ концѣ этой (послѣдней) главы г. Петровскій находитъ, что Копитаръ нельзя считать характернымъ романтикомъ, такъ какъ онъ не относился восторженно къ исландскимъ сагамъ, Оссіану, Шекспиру, не увлекался Индіей (хотя, какъ лингвистъ, былъ увѣренъ въ исконной близости арійскихъ языковъ). Близость же къ романтикамъ объясняется вліяніемъ на Копитара предтечи романтизма—Гердера („Stimmen der Völker“ и „Ideen“). Изъ народной пѣсни, по мнѣнію Гердера, лучше всего можно узнать народный языкъ (мнѣніе теперь, оставленное). Копитаръ вызывалъ словинцевъ къ собранію народныхъ пѣсень «въ Гердеровскомъ смыслѣ». Онъ заинтересовался этнографіей, вызвалъ дѣятельность Караджича и явился до извѣстной степени «славянскимъ Гердеромъ».

Ученыя Записки Юрьевскаго Университета. 1907. I и II. *Grass, Karl Konrad, mag. theol.,* Die russischen Sekten. I. Die Gottesleute oder Chlūsten. (Русскія секты. I Божьи люди или хлысты). Обширное изслѣдованіе, не оконченное въ этихъ двухъ книгахъ.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей российскихъ. 1906. 3. Матеріалы историческіе: Утвержденная грамота объ избраніи на Московское Государство Михаила Ѳеодоровича Романова (Съ 1-й фототипіей). Съ предисловіемъ С. А. Бѣлокурова. (Въ предисловіи опредѣленъ историко-литературный характеръ памятника, даны палеографическія и другія указанія).—*Яковъ Рейтенфельсъ:* Сказаніе свѣтлѣйшему герцогу Тосканскому Козьмѣ третьему о Москвіи. (См. «Эт. Обзор.», 1906, № 3—4, «Хрошка»),—4. Макарій патр. Антиохійскій

въ Россіи 1654—1658 гг. Съ предисловіемъ и примѣчаніями *Н. В. Рождественскаго* (Документы Посольскаго Приказа, напечатанные здѣсь, дають цѣнный провѣрочный матеріалъ для извѣстныхъ записокъ Павла Аллепскаго).—Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825. Составилъ *Григорій Геннади*. Томъ 3-й. Съ предисловіемъ А. А. Титова. Первые два тома напечатаны въ Бердичѣ въ 1876 и 1880 гг. Здѣсь есть свѣдѣнія и о такихъ извѣстныхъ писателяхъ, какъ Надеждинъ, Новоструевъ, Новиковъ, Норовъ, кн. Одоевскій и др., но главный интересъ представляютъ менѣе извѣстные писатели и ихъ сочиненія. Назовемъ нѣкоторыхъ: Назаровъ, Филиппъ, бывший въ Конандѣ въ 1813—1814 гг. (Записки о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ средней части Азіи. П. 1821. 8°), *И. Нейманъ*: (Исслѣдованіе о жилищахъ древнихъ руссовъ. М. 1827, перев. М. Погодинъ), безъ указанія автора: 1) обряды жидовскіе, производимые въ каждомъ мѣсяцѣ у Сяпвещеніуховъ; съ польскаго. 1787. 8°. П., 2-е изд. Смоленскъ 1800 г. 2) Разныя описанія монастырей, дорогъ, городовъ и т. д. 3) Описаніе горскихъ народовъ. Курскъ. 1794. 8°. 4) Описаніе жизни Конфуція, китайскихъ философовъ начальнига, съ лат. М. 1780. 8°. 5) Историческое и географическое описаніе Битайской имперіи, съ нѣм. М. 1789. 8°. 6) Описаніе Константинополя съ присовокупленіемъ извѣстія о нѣкоторыхъ обрядахъ, вѣрѣ и нравахъ тамошнихъ жителей. М. 1791. 8°. 7) Краткое описаніе образа жизни самоѣдовъ и лопарей, народовъ, обитающихъ въ Сибири, о ихъ вѣрѣ, о жертвоприношеніи, о присягѣ, о учителяхъ вѣры, о женитбѣ, о родинахъ младенцевъ, о нравахъ, и жилищахъ, объ одеждѣ, о болѣзняхъ и врачеваніи оныхъ, о погребеніи и пр. П. 1788. 8°. 8) Обстоятельное описаніе происхожденія и состоянія Маньчжурскаго народа и войска въ осми знаменахъ состоящаго, изд. акад. наукъ, 17 частей, П. 1784. 8°.—*Пирлингъ П.* Новые матеріалы о жизни и дѣятельности Якова Рейтенфельса. Тексты документовъ перевелъ А. Станкевичъ.—*Хахановъ А. С.* Очерки по исторіи грузинской словесности. Вып. 4-й. Литература XIX вѣка.—*Оглобинъ, Н. Н.* Черемисскія городища и мольбища около города Василя. (Это—чертово городище, гдѣ по преданію, зарыта лодка съ золотомъ, охраняемая чертомъ, даѣе—Семеново городище и, наконецъ, Тюлеевъ взвозъ съ тремя святыми ключами: у Тюлеевой часовни, въ Пономаревомъ оврагѣ («Супротивный ключъ») и у с. Сумки. Въ послѣдніе три пункта стекаются большія паломническія толпы черемисъ, вѣрующія, что у Супротивнаго ключа обитаетъ Большой Богъ, на Тюлеевомъ ключѣ—Сынъ Большаго Бога, а у с. Сумокъ Двоюродный Братъ Большаго Бога. У часовенъ повѣшаны тряпицы, ленточки, шнурки, кружева, свертки, перевязанные тесемкой (отъ семьи), бумага. Самыя многочисленныя собранія къ «Большому Богу» происходятъ наканунѣ и въ день «Ивана Постителя» (28 и 29 августа).—

Новости этнографической литературы.

Ахмаровъ, Г. Н. Свадебные обряды казанскихъ татаръ. К. 1907. 8°. («Изв. о. арх., ист. и этн., XXXIII, вып. I, 1—38 стр.»)

Баронъ, Хр. и Виссендорфъ, Г. Латышскія народныя пѣсн. Т. III, вып. 2. Спб. 1906 г. 784 стр.

Бобчевъ С. С. Обычай и законъ. Страница изъ исторіи древне-болгарскаго права. 1906. 15 стр. (Изъ «Сборника въ честь В. И. Ламанскаго»).

Бодуэнь-де-Нуртене, И. А. (издалъ и объяснилъ). Латинско-итальяно-славянскій поминальникъ XV и XVI столѣтій, составленный въ области терскихъ славянъ. Вып. I. Текстъ. Спб. 1906. 8°. II+55 стр. Прилож.: фототип. снимки. II. 1906. 8° больш. 16 листовъ.

Большаковъ, М. А. Община у зырянъ. Спб. 1906. 8°. (Изъ «Жив. Старины»).

Быновскій, И. Исторія старообрядчества всѣхъ согласій, единовѣріе, начало раскола и сектантства. Съ иллюстр. и портретами. М. 1906.

Веселовскій, А. Русскіе и Вильтины въ сагѣ о Тидерикѣ Бернскомъ. Спб. 1906. 190 стр.

Виноградовъ, Н. Великорусскій вертепъ. (Предисловіе, текстъ вертепной драмы, библ. указатель). Спб. 1906.

Воеводинъ, Л. Е. 45 народныхъ старинныхъ пѣсень въ заводахъ Пермской губерніи. II. 1906.

Волкова, С. О древне-русскихъ церковныхъ напѣвахъ и о значеніи ихъ для будущности русскаго музыкальнаго искусства. Спб. 1906.

Волконскій, Григорій, кн. Обязательныя наследственныя аренды. Съ предислов. *А. Карелина*. Спб. 1906. 8°. 26 стр.

Галицко-руськи народні мелодіі. Зібрані на фонограф. *Иосифом Радольским*, списав и зредачував *Станислав Людкевич*. Часть I. («Етнографічний Збірник» наук. тов. ім. Шевченка). У Львсві. 1906 8°. 187 стр.

Гидуляновъ, Павелъ. Изъ исторіи развитія церковно-правительственной власти въ восточно-римской имперіи. Митрополиты въ первые три вѣка христіанства. (Введение: происхожденіе и развитіе іерархіи общинъ. Гл. I: (2) Императорскій культъ. (4) Провинціальное и этнографическое дѣленіе на востокъ Римской имперіи въ первые вѣка христіанства.

(5) Образование церковных округов на почвѣ этнографическаго дѣленія Римской имперіи). М. 1905. 8°. VIII+377 стр.+карта.

Гнатюк, Володимир. Коломийки. Т. I. 1905. 8°. 259 стр., т. II. 1906. 8°. 315 стр. У Львові. («Этн. Збірник» наук. тов. і. Шевченка).

Городцовъ, П. А. Азань-Юрты. Зап.-сиб. легенда. М. 1906. 8°. (Изъ «Этн. Обзор.», 1906, № 1—2).

Городцовъ, П. А. Чудь. Зап.-сиб. легенда. М. 1906. 8°. (Изъ «Этн. Обзор.», 1906, № 1—2).

Григорьевъ, А. Общіе результаты работъ собирателей и изслѣдователей русскихъ былинъ. Львовъ. 1906. («Научно-литературный сборникъ Галицко-русской матицы»).

Григорьевъ, В. Къ вопросу о поземельномъ устройствѣ инородцевъ Минусинскаго края. Спб. 1906.

Даниловъ, В. Одна глава объ украинскихъ похоронныхъ причитаніяхъ. Бievъ. 1906. 8°. (Изъ «Б. Стар.»).

Дермавинъ, Н. Абхазія въ этнографическомъ отношеніи. 8°. 38 стр. (Изъ XXXVII вып. «Сборн. мат. для оп. м. и п. Кавказа»).

Диваевъ, А. А. Семь сказокъ Сырь-Дарьинской области. М. 1906. 8°. (Изъ «Этн. Обзор.», 1906, № 1—2).

Диваевъ, А. А. Этнографическіе матеріалы. Вып. XI. Киргизскія сказки о походеніяхъ трехъ плѣшивыхъ. 1) Кирг. текстъ. 2) Русс. переводъ. Ташк. 1906. 8°. 40 стр.

Древности. Труды комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Изд. подъ ред. И. П. Машкова. Т. I. М. 1907. 4°. 117 стр., со многими фототипіями и рисунками.

Едемскій, М. Кокшеньская старина. («Зап. Русск. О. И. Р. Арх. О.») Спб. 1906.

Елеонская, Е. Н. Нѣкоторые замѣчанія о пережиткахъ первобытной культуры въ русск. нар. сказкахъ. М. 1906. 8°. (Изъ «Этн. Обзор.», 1906, № 1—2).

Елеонская, Е. Н. Сказки о Василісѣ Прекрасной и группа однородныхъ съ нею сказокъ. М. 1906. 8°. (Изъ «Этн. Обзор.», 1906, № 3—4).

Жановъ, Н. Очерки изъ жизни рабочихъ и крестьянъ на сѣверѣ. Спб. 1906.

Зеленинъ, Д. Н. Къ исторіи распространенія тайныхъ Сектъ въ Прикамскомъ краѣ. М. 1906. 8°. (Изъ «Этн. Обзор.», 1906, 1—2).

Зеленинъ, Д. Н. Южно-великорусскія «страданія». М. 1906. 8°. (Изъ «Этн. Обзор.», 1906, № 1—2).

Зѣлинскій, Ф. Ф. проф. (редактировалъ). Эллинская культура въ изложеніи Фр. Баумгартена, Фр. Поланда, Рих. Вагнера. Перев. М. Бергъ. Вып. V. Спб. 1907.

Иностранцевъ, Н. Отрывокъ военнаго трактата изъ сасанидской «Книги установленій». Спб. 1906. 8°. 36 стр. («Зап. Вост. Отд. Р. Арх. о-ва»).

Иностранцевъ, Н. Торжественный выѣздъ фатимидскихъ халифовъ. Спб. 1906. 8°. 114 стр. («Зап. Вост. Отд. Арх. о-ва»).

Истринъ, В. М. Изслѣдованія въ области древне-русской литературы. I—V. Спб. 1906. 257 + VI стр.

Каталогъ, подробный, изданій Имп. археологической комиссіи М. Н. Пр., вышедшихъ въ свѣтъ съ 1836 по 1903 г. 4-е изд. Спб. 1904.

Кондаковъ, Н. П. Археологическое путешествіе по Сиріи и Палестинѣ. Спб. 1904.

Костоловскій, И. В. Изъ повѣрій Ярославской губерніи. М. 1906. 8°. (Изъ «Этн. Обзор.», 1906, № 3—4).

Кузнецовъ, С. К. Изъ воспоминаній этнографа. М. 1906. 8°. (Изъ «Этн. Обзор.», 1906, № 1—2).

Кулановскій, Ю. Прошлое Тавриды. Съ 3 карт. и 6 рис. Кіевъ. 1906. 141 стр.

Лавровъ, П. А. Разборъ труда П. А. Ровинскаго «Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ», тома I и тома II 1—2 части, представленныхъ на соисканіе преміи проф. Котляревскаго. Спб. 1906. 8°. 106 стр.

Латышевъ, В. В. (собралъ и издалъ съ русскимъ переводомъ). Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѣи и Кавказѣ. Т. II. Латинскіе писатели. Вып. 2-й. Съ географической картой. (Спб. 1906. 8°. 273—454 стр. («Зап. Класс. Отд. Р. Арх. о-ва»)).

Левицкій, Ор. Сговоръ малолѣтнихъ. Страницы изъ исторіи брачнаго права малолѣтнихъ на Украинѣ. Кіевъ. 1906. (Изъ «Б. Стар.»).

Макаренко, А. А. Сибирскія пѣсенныя старины. («Жив. Стар.», 1907, в. I). Спб. 1907. 8°. 20 стр.

Максимовъ, А. Н. Макъ-Леннанъ и Морганъ. Къ 25-лѣтію со дня смерти. М. 1906. 8°. (Изъ «Этн. Обзор.» 1906, № 3—4).

Марковъ, А. В. Изъ исторіи русскаго былевого эпоса. У Добрыни-змиѣборецъ. Происхожденіе былины. М. 1906. 8°. (Изъ «Этн. Обзор.», 1906, № 3—4).

Марръ, Н. Дѣянія трехъ святыхъ-близнецовъ мучениковъ Спевска, Еласка и Меласка. Спб. 1906. 8°. 60 стр. («Зап. Вост. Отд. Р. Арх. о-ва»). (Изъ древне-грузинской агіологіи).

Матвѣевъ, С., свящ. Гаданіе на кольцахъ у крещеныхъ татаръ. Казань. 1907. 8°. («Изв. о. арх., ист. и этн., XXXIII, вып. I, стр. 39—45»).

Менделѣевъ Д. Къ познанію Россіи. Съ приложеніемъ карты Россіи. 4-е изданіе. Спб. 1906. 8°. 157 стр. Ц. 1 р.

Миллеръ, А., врачъ. Очеркъ Сеистана. Съ картой. («Сборникъ Матеріаловъ по Азіи», вып. 77).

Миллеръ, Вс. Ѳ. Кавказское языкознаніе и вопросы исторической этнографіи передней Азіи. М. 1906. 8°. (Изъ «Этн. Обзор.», 1906, № 3—4).

Можаровскій, А. Ѳ. Духовные стихи старообрядцевъ Поволжья. М. 8°. 1906. «Изъ «Этн. Обзор.» 1906, № 3—4»).

Мороховецъ, Левъ. Основные звуки человѣческой рѣчи и универсальный алфавитъ. Съ 60 рис. М. 1906.

Муна, Э. Полабскіе славяне. 1906. («Слав. Изв.»).

Муна. Литература лужицкихъ сербовъ съ 1548—1849 г. (ibidem).

Муса, мулла. «Исторія владѣтелей Кашгаріи. Сочиненіе муллы Мусы, Іенъ мулла Айса, Сайрамца. Казань. 1905. 8°. 320+23 стр.

Пантусовъ, Н. Таранчинскіе бакши. («Изв. Турк. Отд. И. Р. Г. О., т. VI, 38—88 стр., съ нотами). Ташк. 1907. 8°.

Пенарскій Эд. К. Къ вопросу о происхожденіи слова «тунгусъ». М. 1906. 8°. (Изъ «Этн. Обзор.», 1906, № 3—4).

Петровъ, А. Статьи объ Угорской Руси. Забѣты по этнографіи и статистикѣ. Спб. 1906. («Зап. И.-Фил. о. Спб. у—та»).

Поповъ, Г. Медицинская этнографія, какъ элементъ университетскаго образованія. Спб. 1906.

Радловъ, В. Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. Вып. XX. Спб. 1906. Стр. 321—640.

Рѣдинъ, Е. К. Профессоръ Николай Ѳеодоровичъ Сумцовъ. Къ 30-лѣтней годовщинѣ его учено-педагогической дѣятельности. Хрк. 1906. 32 стр.

Рѣдинъ Е. К. Искусство и археологія. Библиографія. Спб. 1906.

Свѣнцицкій, И. С. Матеріалы по исторіи возрожденія Карпатской Руси. I. Сношенія Карпатской Руси съ Россіей въ 1-ю половину XIX вѣка. Львовъ. 1906. 212 стр. Изд. Галицко-русской Матицы.

Симони, П. К. Къ 40-лѣтію учено-литературной дѣятельности проф. и акад. А. Н. Веселовскаго. 1859—1902. Съ приложеніемъ библиографическаго списка его учено-литературныхъ трудовъ. Спб. 1906. 20+55 стр.

Сони, А. Горе и доля въ народной сказкѣ. Кіевъ. 1906.

Сперанскій, М. Н. Курскій лирникъ Т. И. Семеновъ. М. 1906. 8°. («Изъ «Этн. обзор.», 1906, № 1—2).

Сперанскій, М. Н. Одинъ изъ старыхъ рукописныхъ сборниковъ слогагованій и пѣсенъ. М. 1906. 8°. (Изъ «Этн. Обзор.», 1906, № 1—2).

Срезневскій, И. Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Т. III, в. 2. Сте—Тър. Спб. 1906, стлб. 514—1056.

Степановъ, В. И. Свѣдѣнія о родильныхъ и крестинныхъ обрядахъ въ Клинскомъ у, Московской губ. М. 1906. 8°. (Изъ «Этн. Обзор.», 1906, № 3—4).

Тиандеръ, К. Ѳ. Поѣздки норманновъ въ Бѣлое море. Спб. 1906.

Троцанскій, В. Ф. Эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ. Посмертное изданіе, редактированное Э. К. Пекарскимъ, съ примѣчаніями его же и Н. Ѳ. Патканова. (Изъ «Уч. Зап. Каз. у—та»). Каз. 1906.

Трубецкой, Н. С., кн. Къ вопросу о Золотой Бабѣ. М. 1906. 8°. (Изъ «Этн. Обзор.», 1906, № 1—2).

Тураевъ, Б. Повѣствованіе о Дабра-Либаносскомъ монастырѣ. Спб. 1906. 8°. 18 стр. съ фотип. («Зап. Вост. Отд. Р. Арх. о-ва»).

Тураевъ, Б. Эѳіопскія рукописи въ С.-Петербурѣ. Спб. 1906. 8°. 134 стр. («Зап. Вѣстн. Отд. Р. Арх. о-ва»).

Уварова, графиня, (ред.) Матеріалы по археологіи Кавказа. Выпускъ XI. М. 1907. 4°. 48 стр. текста, 50 таблицъ фототипій. (Борисдетское евангеліе).

Успенскій, Дм. Ив. Народныя вѣрованія въ церковной живописи. М. 1906. 8°. (Изъ «Этн. Обзор.», 1906, № 1—2).

Успенскій, Дм. Ив. Свадебныя величальныя пѣсни. М. 1906. 8°. (Изъ «Этн. Обзор.», 1906, № 3—4).

Франко, І. До історіі українського вертепа XVIII в. Львів. 1906. 152 стр.

Францевъ, В. Польское славяновѣдѣніе конца XVIII и первой четверти XIX столѣтія. Прага. 1906. IX+491+CLXXI стр.

Харузина, В. Н. Къ вопросу о почитаніи огня. Введеніе въ программу для собиранія свѣдѣній о почитаніи огня у русскихъ крестьянъ и инородцевъ, съ приложеніемъ программы. М. 1906. 8°. (Изъ «Этн. Обзор.», 1906, № 3—4).

Харузина, В. Н. Нѣсколько словъ о родильныхъ, крестинныхъ обрядахъ и объ уходѣ за дѣтьми въ Пудожскомъ у., Олонецкой губ. М. 1906. 8°. (Изъ «Этн. Обзор.» 1906, № 1—2).

Цвѣичъ, І. Македонскіе славяне. Этнографическое изслѣдованіе. Спб. 1906. 59 ст. («Славянская бібліотека» докт.-инл. И. С. Шайковича, І).

Чамберленъ, Г. С. Евреи, ихъ происхожденіе и причины ихъ вліянія въ Европѣ. Спб. 1906.

Череванскій, Вл. Исчезнувшее царство. Эпоха Семирамиды. Историческая монографія. Со мног. гравюр. и рис. Ч. I и II. Спб. 1906.

Шайминъ, Н. С. Олонецкій фольклоръ. Былны (критико-бібліографическій обзоръ былнъ и 14 новыхъ былнннхъ записей). Петро-заводскъ. 1906. XIV+176 стр. Ц. 40 к.

Якушинъ, Е. И. Замѣтка объ одномъ очень рѣдкомъ изданіи бѣлорусскихъ пѣсень. М. 1906. 8°. (Изъ «Этн. Обзор.», 1906, № 1—2).

Яцимирскій, А. И. По исторіи славянской письменности въ Молдавіи и Валахіи, XV—XVII в. в. Спб. 1906. 9+CXVIII+176.

Balhassan-oglu. Un texte ouïgour du XII-ème siècle. („Keleti Szemle“, 1906).

Bericht. Ueber das Museum des Königreiches Böhmen für das Jahr 1905. Prag. 1906. 8°. 98 S.

Bibliotheca buddhica. I—VIII томы. Спб. 1897—1905 гг. (т. V: Сборникъ изображеній 300 бурхановъ. По альбому Азіатскаго музея. Съ примѣчаніями издалъ С. Ф. Ольденбургъ т. VI: Обзоръ собранія предметовъ ламайскаго культа. Составилъ профессоръ А. Грюнвальдъ. Часть I текстъ. Часть II рисунки).

Eisen, M. J. Über den Peko-Kultus bei den Setukesen. („Finn.-ugr. Forsch.“, 1906, B. VI).

d'Enjoy, Paul. Le spiritisme en Chine. („Bulletins et mémoires de la société d'Anthropologie de Paris“, 1906, № 2).

Fabo, B. Rhythmus und Melodie der türkischer Volkslieder („Keleti Szemle“, 1906).

Fuchs, D. R. Laut- und Formenlehre des süd-ostjakischen dialekte. („Keleti Szemle“, 1906).

Hampel. Alterthümer der frühen Mittelalters in Ungarn. B. I. Systematische Erläuterung mit 2359 Abb. u. 2 Taf. 853 S. B. II. Fundbeschreibung. Mit viel. Abb. 1006 S. B III. Atlas. 539 Tafeln. (См. большую рецензию Н. П. Кондакова въ „Изв. отд. р. я. и сл.“ 1906, IV).

Héberf, I. Survivances ethnographiques. L'écorçoir dans les Ardennes, l'Indre et l'Yonne. („Bull. et mem. d. l. s. d'anthropologie de Paris“, 1906).

Ienks A. E. The Bontoc Igorot. v. I. Manila. 1905. Dep. of the Interior, Ethnol. Survey Public. 8.

Koch, Th. Anfänge der Kunst im Urwald u. Indianerhandzeichnungen auf seinen Reisen in Brasilien gesammelt. B. Wasmuth. (1905) 8.

Kúnos, Ignaz. Rumelisch-türkische Sprichwörter. („Keleti Szemle, 1906).

Leciejewsky, Jan, d-r. Runy i runiczne pomniki slowiasskie. Lwow. 1906. (см. этюды А. И. Соболевскаго въ „Изв. отд. р. я. и сл.“, 1906, IV)“.

Mansikka, V. I. Das Lied von Ogoi und Howatitsa. („Finnisch-ugrische Forschungen“ 1906, B. VI, 40—59 S.).

Mészáros, Gyula. Ozmán-török babonák. Materialien zum osmanischen Volksglaubeu. („Keleti Szemle“, 1906).

Mészáros, Julius. Osmanisch-türkischer Volksglaube. („Keleti Szemle“, 1906).

Munkácsi, Bernhardt. Götzenbilder und Götzengeister im Volksglauben der Wogulen (I). („Keleti Szemle“, 1906).

Munkácsi B. Die Weltgottheiten der wogulischen Mythologie. („Keleti Szemle“, 1906).

Munkácsi, B. Spuren eines altgermanischer Einflusses auf die ostfinnischen Sprachen und auf das Czuwaschische. („Keleti Szemle“, 1906).

Paasonen, H. Der Name der Stadt Kasan. („Finn. Ugr. Forsch“, 1906, VI).

Reinhardt, L. Der Mensch zur Eiszeit in Europa. München; Reinhardt. 1906. X.

Sirelius, U. T. Über die primitiven Wohnungen der finnischen und ob-ugrischen Völker. Die Zelte mit spizem Dach bei Ostjaken und Wogulen. („G.-Ugr. Forschungen“, 1906, B. VI.).

Strekelj, Karol, d-г. (uredil). Slovenske narodne pesmi. Jzdala „Slovenska Matica“. U. Lubliani. Выпуски I—X. 1895—1906
году.

Ватов, Ст. и други. Матервали по народната медицина въ Болгарія. Софія. 1905. („Сборн. за нар. умотвор.“).

Милетичъ, Л., д-ръ Източнитъ български говори. Софія. 1905. („Сборник за нар. умотв.“).

Новановичъ. Косовоерпске народне песме о боју на Косову. Једнаесто наново попунено издание с новим предговором. Београд. 1906. 70 стр.

Цѣновъ, Ганчо. Праотечеството и праезикътъ на Българитъ. Историко-филологически издирвания въз основа на първоизточници. Софія. 1907. II. + 212 стр.

Явашевъ, А. Приносъ къмъ българската народна ботаника. Софія 1905 („Сборн. за нар. умотв.“).

ХРОНИКА.

25-лѣтіе безсѣннаго предсѣдательства въ Этнографическомъ Отдѣлѣ И. О. Л. Е., А. и Э. профессора Всеволода Федоровича Миллера, исполнившееся 15 декабря 1906 года, чествовалось въ засѣданіи Отдѣла въ тотъ же день какъ самимъ Отдѣломъ, такъ и многими учеными обществами, учрежденіями и лицами.

Засѣданіе, въ присутствіи членовъ Общества Естественнаго, его Этнографическаго Отдѣла и многочисленныхъ депутацій, открылось привѣтственнымъ *адресомъ отъ Отдѣла* слѣдующаго содержанія (прочелъ Н. А. Янчукъ):

«Глубокоуважаемый Всеволодъ Федоровичъ!

Этнографическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, вступая въ 40-й годъ своего существованія, считаетъ необходимымъ напомнить представителямъ русской науки о томъ, что въ этотъ длинный періодъ времени жизнь Отдѣла наибольшее число лѣтъ была неразрывно связана съ Вашимъ именемъ. Сегодня исполнилось 25 лѣтъ Вашего руководительства въ Отдѣлѣ въ качествѣ его безсѣннаго предсѣдателя съ 15 дек. 1881 г.

Окидывая бѣглымъ взоромъ протекшее 25-лѣтіе, мы съ искреннимъ чувствомъ удовольствія и благодарности къ Вамъ отмѣчаемъ тотъ отрадный фактъ, что во весь періодъ Вашего предсѣдательства Этнографическій Отдѣлъ съ достоинствомъ несъ впередъ свое научное знамя и подъ Вашимъ опытнымъ, искуснымъ руководствомъ успѣшно выполняетъ передъ лицомъ русской науки большую и многообразную работу, уже достаточно оцененную въ ея результатахъ научною критикой.

Являясь до извѣстной степени центромъ русской этнографической науки, нашъ Отдѣлъ въ теченіе своей жизни отражаетъ на себѣ исторію этой науки въ Россіи. Невольно вспоминается тотъ знаменательный моментъ въ исторіи русской этнографіи, который былъ созданъ Императорскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія и вызвалъ къ жизни нашъ Отдѣлъ, это—устройство Всероссийской Этнографической выставки съ созывомъ славянскаго съѣзда въ Москвѣ въ 1867 г. Это событіе, выдвинувшее у насъ впервые съ такой широтой задачи этнографическаго изученія не только нашей родины, но и родственнаго намъ сла-

вянства, застало врасплохъ нашихъ ученыхъ, не успѣвшихъ еще разобратъся во множествѣ научныхъ и практическихъ вопросовъ, связанныхъ съ этнографическими изслѣдованіями. Понятно поэтому, что и нашъ Отдѣлъ въ первые годы послѣ своего возникновенія отражалъ на себѣ всецѣло тогдашнее состояніе этой науки, еще недостаточно опредѣлившейся.

Когда горизонтъ сталъ проясняться, наступилъ второй моментъ въ жизни Отдѣла, потребовавшій большей опредѣленности и болѣе сознательнаго отношенія къ дѣлу. Для этого необходимъ былъ руководитель, близко стоящій къ вопросамъ этнографіи не только какъ историкъ и славистъ, каковымъ былъ первый его предсѣдатель Н. А. Поповъ, но и какъ словесникъ, лингвистъ и фольклористъ и при томъ знакомый съ матеріальной культурой. Императорскому Обществу Любителей Естественнаго знанія и его Этнографическому Отдѣлу, послѣ отказа Н. А. Попова отъ предсѣдательства въ Отдѣлѣ, предстояла трудная задача выбрать такого предсѣдателя, который бы удовлетворялъ указаннымъ требованіямъ и далъ бы надлежащее направленіе дальнѣйшей дѣятельности Отдѣла. Выборъ палъ на Вася; выборъ былъ единогласный; и дальнѣйшее показало, что Об-во и Отдѣлъ не ошиблись, вручая Вамъ судьбу Отдѣла въ тотъ моментъ, когда этнографической наукой стали выдвигаться на очередь одинъ за другимъ серьезные вопросы, когда и историки, и социологи, и лингвисты и представители многихъ другихъ областей науки стали предлагать этнографіи массу запросовъ, когда этнографіа и этнологія и у насъ, а еще болѣе въ иностранной наукѣ, начали вступать въ циклъ серьезныхъ самостоятельныхъ научныхъ дисциплинъ. Ставъ во главѣ Отдѣла съ широкимъ пониманіемъ задачъ этнографіи, Вы постарались достигнуть большаго выясненія научнаго горизонта въ этой области, упрочить положеніе этой науки и привлечь къ этой сложной работѣ большее количество научныхъ силъ и рабочихъ рукъ. Важнѣйшее средство къ достиженію этой цѣли Вы видѣли въ томъ, чтобы этнографіа стала предметомъ преподаванія въ университетѣ, откуда могли бы выходить подготовленные молодыя силы для научныхъ этнографическихъ изысканій. Хотя предположенія, высказанныя по этому вопросу въ официальномъ ходатайствѣ, оказались лишь отчасти осуществленными и этнографіа была допущена лишь въ качествѣ подручной науки при кафедрѣ географіи и антропологіи и то только въ столичныхъ университетахъ, тѣмъ не менѣе Москвѣ принадлежалъ первый починъ въ этомъ дѣлѣ при Вашемъ ближайшемъ участіи.

Занимаемая Вами кафедра русской народной словесности дала Вамъ возможность въ значительной степени пополнить кадры русскихъ этнографовъ-фольклористовъ. Вы сумѣли заинтересовать этнографическими вопросами многихъ своихъ слушателей и слушательницъ, привлечь ихъ къ участію въ дѣятельности Отдѣла, гдѣ молодые члены-сотрудники подъ Вашимъ руководствомъ проходили известную школу, приучаясь къ научнымъ методамъ изслѣдованія. Въ скоромъ времени группировавшійся вокругъ Вася кружокъ московскихъ этнографовъ составилъ значительное научное ядро, съ которыми стали считаться.

Не довольствуясь научною работою надъ старыми матеріалами, Вы поощряли молодыхъ труженниковъ къ собиранію новыхъ данныхъ, къ освѣщенію и пополненію свѣдѣній путемъ непосредственныхъ наблюденій надъ народною жизнью. Для этой цѣли, въ видѣ практическаго пособія, Вы нашли необходимымъ дать въ руки изслѣдователямъ ясныя и опредѣленныя программы изученій. При Вашемъ участіи и по Вашей инициативѣ программы были составлены, изданы и разошлись по всей Россіи въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Въ результатѣ получился приливъ этнографическихъ матеріаловъ въ Отдѣлъ, вызвано къ живой дѣятельности не мало дремавшихъ силъ въ провинціи и оживился общій интересъ къ этнографіи. Притекавшіе матеріалы, не оставаясь подъ спудомъ, освѣщались Вами и Вашими сотрудниками научно и въ такомъ видѣ предлагались вниманію публики въ многочисленныхъ докладахъ въ засѣданіяхъ Отдѣла и въ печатной обработкѣ.

Независимо отъ этого, еще больше сдѣлано Вами самостоятельныхъ изысканій въ области различныхъ вопросовъ этнографической науки въ связи съ данными археологій, исторіи и лингвистики, на основаніи личныхъ наблюденій во время многочисленныхъ Вашихъ поѣздокъ, въ особенности на Кавказъ, а отчасти и въ другія мѣста. Эти поѣздки дали Вамъ возможность близко знакомиться также съ матеріальной культурой многихъ народностей Россіи и подготовили въ Васъ хорошаго завѣдующаго Этнографическимъ Музеемъ, созданнымъ стараніями нашего Общества и служащимъ до сихъ поръ лучшимъ образцомъ этого рода учрежденій у насъ въ Россіи. Пробывъ въ этой должности 12 лѣтъ Вы и на этомъ посту проявили живую дѣятельность, которая выразилась въ научной систематизаціи коллекцій, въ ихъ систематическомъ описаніи, вышедшемъ въ 4-хъ томахъ, въ привлеченіи пожертвованій новыхъ предметовъ, въ особенности черезъ посредство Этнографическаго Отдѣла, и, наконецъ, въ основаніи при Музее спеціальнаго изданія «Сборника матеріаловъ по этнографіи», выходявшаго три года подъ Вашей редакціей.

По мѣрѣ развитія этнографической науки стало выясняться то безспорное положеніе, что въ этой области настало время перейти отъ сомнительныхъ и необоснованныхъ обобщеній къ детальнымъ изслѣдованіямъ отдѣльныхъ вопросовъ. Этотъ научный методъ едва ли не впервые былъ, между прочимъ, примененъ Вами къ дѣлу изученія народнаго эпоса по отдѣльнымъ сюжетамъ, съ привлеченіемъ къ этому также реальной исторической обстановки.

Такого рода детализація въ области этнографическихъ изученій потребовала спеціальныхъ руководящихъ программъ по отдѣльнымъ вопросамъ. Одной изъ первыхъ подобныхъ программъ была Ваша программа собиранія свѣдѣній о народныхъ костюмахъ, давшая Вамъ много новыхъ достовѣрныхъ матеріаловъ для описанія коллекцій Этнографическаго Музея. Почти одновременно съ этимъ Этнографическимъ Отдѣломъ были изданы спеціальныя программы по обычному праву, по народнымъ вѣрованіямъ. Особенно почастливилось въ Отдѣлѣ

подъ Вашимъ предсѣдательствомъ народнымъ юридическимъ обычаямъ, несмотря на то, что Вы не специалистъ въ этой области, и это достаточно ярко показываетъ, съ одной стороны, широкое пониманіе Вами задачъ этнографіи, а съ другой—умѣніе привлекать къ дружной научной работѣ лицъ изъ разнородныхъ областей. Это сказалось уже при самомъ вступленіи Вашемъ въ должность предсѣдателя Отдѣла, когда Вы избрали своимъ ближайшимъ помощникомъ и секретаремъ Отдѣла такого знатока юридическихъ народныхъ обычаевъ, какъ проф. М. М. Ковалевскій.

Въ тѣсной связи съ этимъ находилась и другая особенность въ направленіи дѣятельности Отдѣла, это именно—особенно живой интересъ къ жизни инородцевъ Россіи. Въ этой области, среди народовъ низшей культуры, наука справедливо искала разрѣшенія многихъ теоретическихъ вопросовъ народнаго права, народныхъ вѣрованій и социальныхъ отношеній, такъ какъ именно здѣсь болѣе всего сохранилось пережитковъ глубокой старины, бросающихъ яркій свѣтъ на историческую эволюцію человѣческой культуры. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Вы, а за Вами и весь Этнографическій Отдѣлъ, всегда обращали серьезное вниманіе на изученіе быта инородцевъ Россіи, что сказалось и въ экспедиціяхъ членовъ Отдѣла, и въ научныхъ докладахъ, и въ изданіяхъ Отдѣла. Нечего и говорить о томъ, что въ отношеніяхъ Вашихъ, какъ и всего Этнографическаго Отдѣла, къ отдѣльнымъ народностямъ никогда не допускалось и тѣни какой-либо національной исключительности, нетерпимости или неуваженія къ правамъ или бытовымъ особенностямъ той или иной народности. Но этотъ особенный интересъ къ этнографіи инородцевъ отнюдь не доказываетъ, что коренная русская народность была забыта: стоитъ вспомнить лишь тотъ фактъ, что во время Вашего предсѣдательства издано нѣсколько выпусковъ «Трудовъ Этногр. Отдѣла», посвященныхъ этнографіи русскаго населенія и носящихъ даже особое заглавіе: «Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи»; въ числѣ докладовъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ Отдѣла, здѣсь достаточно отмѣтить цѣлый рядъ Вашихъ очерковъ по русскому народному эпосу, чтобы убѣдиться въ томъ, что русской народности удѣлялось должное вниманіе. Мало того, оживленный интересъ къ русскому эпосу, вновь вызванный въ значительной степени Вашими изысканіями въ этой области, повелъ къ новымъ открытіямъ, сдѣланнымъ вашими учениками, членами Этнографическаго Отдѣла, обогатившими науку въ послѣдніе годы новыми цѣнными собраніями путемъ личныхъ экскурсій къ отдаленнымъ берегамъ Бѣлаго моря.

Въ числѣ важныхъ фактовъ, совершившихся въ жизни Отдѣла при вашемъ предсѣдательствѣ, слѣдуетъ далѣе отмѣтить основаніе журнала «Этнографическое Обзорніе». Постепенно разраставшаяся и осложнявшаяся разнообразіемъ задачъ дѣятельность Отдѣла естественно привела къ сознанию необходимости имѣть при Отдѣлѣ періодическое изданіе, которое могло бы чаще давать откликъ на различные научные запросы, служило бы средствомъ къ ближайшему общенію съ провинціальными труженниками и содѣйствовало бы такимъ образомъ удовлетворенію возраста-

ющаго интереса къ этнографической наукѣ и объединенію разрозненныхъ силъ, работающихъ на этомъ поприщѣ. Этому первому въ Россіи этнографическому журналу, задуманному небольшою группою членовъ Отдѣла, Вы оказали не только сочувствіе, но и полное содѣйствіе, какъ въ направленіи изданія по строго научному пути, такъ и въ доставленіи для него своихъ цѣнныхъ статей, а также матеріаловъ изъ другихъ рукъ. Семнадцатилѣтнее существованіе «Этнографическаго Обзорія» успѣло упрочить за нимъ солидное положеніе въ наукѣ, и мы съ интересомъ отмѣчаемъ тотъ фактъ, что вслѣдъ за нашимъ журналомъ появился рядъ подобныхъ изданій, какъ при другихъ отдѣлахъ нашего Общества, такъ и при иногороднихъ ученыхъ учрежденіяхъ.

Характеризуя въ общемъ Ваши отношенія къ Этнографическому Отдѣлу, мы ставимъ Вамъ въ особенную заслугу ту замѣчательную черту, что Вы собственнымъ примѣромъ постоянно будили энергію въ членахъ Отдѣла, сами являлись инициаторомъ не одного полезнаго начинанія и всегда шли навстрѣчу возникавшимъ въ Отдѣлѣ планамъ и предпріятіямъ, влотившимся къ расширенію и оживленію его дѣятельности. Нельзя не вспомнить, напримѣръ, «этнографическихъ концертовъ», идею которыхъ Вы энергично поддерживали и принимали дѣятельное участіе въ ея осуществленіи, а эта идея, какъ извѣстно, вызвала цѣлый рядъ подражаній, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, такъ и въ провинціи. Не менѣе отзывчиво Вы отнеслись къ высказанной въ Отдѣлѣ идее примѣненія фонографа къ дѣлу записи музыкальныхъ и словесныхъ образцовъ народнаго творчества, подавъ мысль о полезности обсужденія этого дѣла специалистами и о важности для будущей науки образованія специальныхъ собраній такого рода записей. Эта мысль, брошенная Вами, вскорѣ окрѣпла, развилась полнѣе и привела къ сознанію необходимости учрежденія при Отдѣлѣ особой постоянной Музыкально-Этнографической Комиссіи для изученія народной музыки, и новообразованная Комиссія съ успѣхомъ дѣйствуетъ, поддерживая честь Отдѣла.

Такимъ образомъ, при Вашемъ предсѣдательствѣ и большею частью съ Вашимъ личнымъ дѣятельнымъ участіемъ, научная дѣятельность Этнографическаго Отдѣла постоянно все болѣе расширяется въ разныхъ направленіяхъ, охватываетъ все большія области народной жизни въ различныхъ ея проявленіяхъ и стремится подъ Вашимъ руководствомъ возможно полнѣе осуществить тѣ завѣты, которые были заложены его членами-учредителями. Честь и слава имъ за положенное доброе начало, еще большая честь и слава такимъ продолжателямъ, каковыми были Вы въ теченіе четверти вѣка, и каковыми, дастъ Богъ, останетесь еще на многіе годы на славу нашего Общества, Отдѣла и русской науки.

Примите же отъ насъ, глубокоуважаемый Всеволодъ Федоровичъ, это искреннее пожеланіе вмѣстѣ съ глубочайшею благодарностью за все то доброе, что Вы сдѣлали для насъ, Вашихъ учениковъ и товарищей, а также для русской науки и въ особенности для нашего Этнографическаго Отдѣла, въ исторіи котораго Ваше имя займетъ по праву одно изъ первыхъ мѣстъ».

Послѣ прочтенія адреса секретарь Отдѣла, сказавъ привѣтствіе юбиляру, сообщилъ, что Этнографическій Отдѣлъ постановилъ собрать капиталъ имени юбиляра, при чемъ проценты съ этого капитала предназначаются на печатаніе особой серіи трудовъ по этнографіи подъ названіемъ: «Этнографическая Библіотека имени профессора Всеволода Федоровича Миллера. Изданіе Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи».

Въ отвѣтъ на это привѣтствіе Вс. Ф. заявилъ, что въ благодарность за такой цѣнный даръ онъ тоже даритъ Отдѣлу и тоже этнографическую библіотеку, но не въ видѣ серіи изданій, а въ видѣ собранія книгъ по этнографіи до 1500 томовъ.

Затѣмъ депутаціи прочли слѣдующіе адреса и привѣтствія:

Отъ *Совета Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи* (Д. Н. Анучинъ):

«Глубокоуважаемый Всеволодъ Федоровичъ!

Въ ряду наиболѣе дѣятельныхъ сочленовъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи Вы занимаете уже многія десятилѣтія одно изъ первыхъ мѣстъ. Членъ Этнографическаго Отдѣла съ конца шестидесятыхъ годовъ, почетный членъ Общества съ 1886-го года, Вы служили въ Обществѣ въ разныхъ званіяхъ до должности президента включительно, но особенно потрудились Вы въ Этнографическомъ Отдѣлѣ Общества, въ которомъ уже четверть вѣка состоите беззмѣннымъ предсѣдателемъ. Рядъ солидныхъ и цѣнныхъ трудовъ, опубликованныхъ Отдѣломъ за время Вашего въ немъ предсѣдательства, издаваемый съ 1889-го года подъ Вашей редакціей журналъ «Этнографическое Обозрѣніе», основанная при Отдѣлѣ Музыкально-Этнографическая Комиссія, уже заявившая о себѣ цѣнными изданіями, вотъ ближайшіе результаты Вашей неустанной руководительной дѣятельности въ нашемъ Обществѣ. Вы сплотили вокругъ себя кружокъ лицъ, преданныхъ Отдѣлу и его задачамъ, Вы объединили рядъ работниковъ, связанныхъ общими научными стремленіями и глубокимъ къ Вамъ уваженіемъ. Въ университетѣ Вы подготовили рядъ учениковъ, которые продолжаютъ Ваше дѣло по разработкѣ народной словесности, собирая, обнаруживая и изучая разнообразныя памятники духовнаго народнаго творчества. Но Вы были не только руководителемъ: Вы, своею личностью, своимъ примѣромъ служили поучительнымъ образцомъ многосторонней и въ высшей степени плодотворной научной дѣятельности. Филологъ и лингвистъ, знатокъ санскрита и иранскихъ языковъ, кавказовѣдъ и оріенталистъ, прекрасно знакомый съ исторіей древняго Востока, этнографъ и археологъ, первоклассный изслѣдователь русскаго былиннаго эпоса, Вы заявили о себѣ во всѣхъ этихъ отрасляхъ знанія многочисленными изслѣдованіями и рядомъ капитальныхъ трудовъ. Вы послужили болѣе тридцати лѣтъ Московскому университету. Вы трудились многіе годы въ качествѣ директора Этнографическаго Отдѣленія Румянцевскаго музея, Вы руководите зачатіями Восточной комиссіи Московскаго Археологическаго Общества, Вы стоите во главѣ Лазаревскаго Института, спеціальныя классы кото-

раго являются разсадникомъ знаній по языкамъ, литературамъ и исторіи Востока. Почти сорокъ лѣтъ Вы неустанно работаете для науки и продолжаете трудиться и теперь съ тѣмъ же увлеченіемъ, какимъ Вы отличались въ юности, съ тою же основательностью, какую Вы проявляли во всѣхъ Вашихъ работахъ. Общество Любителей Естествознанія, Антропологій и Этнографіи приноситъ Вамъ глубокую благодарность за все, Вами для него сдѣланное; оно высоко чтитъ Васъ, какъ выдающагося научнаго дѣятеля; оно отъ всей души привѣтствуетъ Васъ сегодня, какъ своего стариннаго, дорогаго, почетнаго сочлена; оно надѣется видѣть Васъ еще долго, долго въ своей средѣ; оно выражаетъ Вамъ самыя сердечныя пожеланія всего лучшаго на многіе и многіе годы. Москва, 15 декабря 1906 года».

Д. Н. Анучинъ сказалъ также привѣтствіе отъ *Антропологическаго Отдѣла* Общества и затѣмъ отъ его *Географическаго Отдѣленія*. П. Г. Статкевичъ — отъ *Отдѣленія Физиологии*, а А. Т. Гречаниновъ прочелъ адресъ отъ *Музыкально-Этнографической Комиссіи, состоящей при Этнографическомъ Отдѣлѣ И. О. Д. Е., А. и Э.*:

«Глубокоуважаемый Всеволодъ Федоровичъ!

Въ числѣ многихъ разнородныхъ звеньевъ, составляющихъ въ настоящее время ИМПЕРАТОРСКОЕ Общество Любителей Естествознанія, Антропологій и Этнографіи, однимъ изъ самыхъ молодыхъ его отпрысковъ является Музыкально-Этнографическая Комиссія—юное дѣтище того самаго Отдѣла, которому Вы ревностно служите уже 25 лѣтъ.

Выступая сегодня впервые въ такомъ знаменательномъ торжествѣ, Музыкально-Этнографическая Комиссія счастлива, что ей выпало на долю привѣтствовать Васъ въ день Вашего юбилея, какъ перваго предсѣдателя Этнографическаго Отдѣла, при которомъ Комиссія начала свою самостоятельную дѣятельность и которому она въ извѣстной степени обязана своимъ существованіемъ.

Идея образованія подобной Комиссіи уже давно носилась въ воздухѣ, и, благодаря Вашему сочувствію и поддержкѣ, ей, наконецъ, пришлось осуществиться въ 1901 году.

Еще гораздо раньше, въ 1893 г., когда въ Этнографическомъ Отдѣлѣ возникла мысль о необходимости представить публикѣ образцы народной музыки въ художественномъ концертномъ исполненіи, Вы были однимъ изъ самыхъ усердныхъ дѣятелей по осуществленію этой идеи, причѣмъ уже тогда сама собою выдѣлилась особая временная музыкальная Комиссія изъ нѣсколькихъ лицъ при Вашемъ ближайшемъ участіи, и ей, какъ извѣстно, удалось организовать первый въ Россіи «этнографическій концертъ»; за нимъ послѣдовала цѣлая серія подобныхъ концертовъ, устраиваемыхъ Отдѣломъ, при Вашемъ неослабномъ интересѣ къ этому дѣлу, и вызвавшихъ подражанія этой идеѣ въ Москвѣ, Петербургѣ и другихъ городахъ. Народная пѣсня, благодаря этому начинанію, впервые солидно предстала на концертной эстрадѣ передъ широкой публикой.

Рядомъ съ этимъ Этнографическій Отдѣлъ подѣ Вашимъ предѣдательствомъ всегда обращалъ большое вниманіе на чисто-народныхъ исполнителей музыкальныхъ произведеній, приглашая ихъ въ свои засѣданія для публичной демонстраціи народной пѣсни въ ея естественномъ видѣ, при чемъ Вами лично въ такихъ случаяхъ посвящались этому вопросу предварительныя объяснительныя чтенія для публики. Вспомнимъ, напр. выступленіе въ публичныхъ засѣданіяхъ Отдѣла такихъ виртуозовъ изъ народной среды, какъ извѣстные сѣверные сказатели: Щегиленокъ, Рыглицинъ, Арина Федосова, удостоенные отъ Общества награжденія медалями по предложенію Этнографическаго Отдѣла.

Занимаясь изученіемъ народнаго эпоса, Вы всегда сознавали необходимость совмѣстнаго изученія и его музыкальной стороны, въ виду чего Вами поощрялись попытки музыкальныхъ записей народныхъ пѣсень, особенно съ тѣхъ поръ, какъ явилась возможность примѣненія къ этому дѣлу фонографа. При Вашемъ содѣйствіи осуществилось нѣсколько специальныхъ поѣздокъ съ фонографомъ отъ имени Этнографическаго Отдѣла, изъ коихъ поѣздки въ Сѣверный край сопровождались немаловажными научными открытіями и доставили свѣжій музыкально-этнографическій матеріалъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, послѣ демонстраціи въ Отдѣлѣ первыхъ фонографическихъ записей пѣсень, Вы высказали мысль, что при Этнографическомъ Отдѣлѣ полезно было бы имѣть специальную Комиссію, которая бы, во первыхъ, обсудила степень примѣнимости фонографа для музыкально-научныхъ цѣлей и возможность усовершенствованія этого дѣла, а затѣмъ занялась бы вообще изученіемъ народной музыки болѣе систематично. Для этой цѣли въ число членовъ Отдѣла былъ введенъ цѣлый рядъ новыхъ лицъ изъ среды московскихъ музыкантовъ, которые хотя и не сразу организовались въ особую Комиссію, однако стали выступать въ засѣданіяхъ Отдѣла со специальными докладами по народной музыкѣ, что было не только совершенной новинкой въ нашемъ Обществѣ, но и вообще рѣдкимъ явленіемъ въ этнографической наукѣ. Такимъ образомъ, здѣсь едва ли не впервые народная музыка была введена въ кругъ серьезныхъ изслѣдованій ученаго Общества не только въ идеѣ, но и въ дѣйствительности, какъ это сказалось наглядно въ рядѣ научно-музыкальныхъ образцовъ народнаго творчества.

Затронутая серьезно и широко, эта новая область этнографическаго изученія оказалась настолько обширною и захватывающею, что явилась естественная и настоятельная необходимость учрежденія при Отдѣлѣ постоянной Музыкально-Этнографической Комиссіи, которая и продолжаетъ теперь начатую Отдѣломъ дѣятельность, привлекая новыя силы для работы на этомъ поприщѣ. Вы охотно пошли навстрѣчу идеѣ учрежденія такой постоянной Комиссіи, тѣмъ болѣе, что это была Ваша давнишняя идея, и, по выдѣленіи этой Комиссіи въ особое учрежденіе, Вы постоянно оказываете ей свою моральную поддержку.

Музыкально-Этнографическая Комиссія, высоко цѣня Ваши заслуги передъ Отдѣломъ за истекшее 25-лѣтіе, выражаетъ свое искреннее удо-

вольствіе, видя въ Васъ человѣка, содѣйствовавшаго приобщенію народнаго искусства къ области научнаго изученія. Дай Богъ, чтобы Вы, глубокоуважаемый Всеволодъ Федоровичъ, еще многіе годы стояли во главѣ Этнографическаго Отдѣла, и чтобы благотворное вліяніе Вашего руководства въ Отдѣлѣ попрежнему отражалось на дѣятельности Музыкально-Этнографической Комиссіи.

Далѣе ректоръ *Московского Университета* А. А. Мануйловъ сказалъ привѣтствіе юбиляру, какъ почтенному собрату по наукѣ въ стѣнахъ общей alma matris, благодарность ему отъ имени университета за обильные и цѣнные труды въ области сравнительнаго языковеденія, санскрита, исторіи Востока, исторіи русскаго языка, литературы и изслѣдованія русскаго народнаго творчества.

Депутация *историко-филологическаго факультета московскаго университета* (проф. А. В. Никитинскій и Р. Ѳ. Брадтъ) привѣтствовала юбиляра, какъ долголѣтняго члена факультета.

Отъ *Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ* А. С. Хановъ прочелъ адресъ:

«Глубокоуважаемый Всеволодъ Федоровичъ!

Исторія насажденія и развитія этнографіи въ нашемъ отечествѣ, этой столь важной для общечеловѣческой культуры области знанія, неразрывно связанной съ Вашими плодотворнымъ служеніемъ русской наукѣ, впишетъ Ваше имя въ число славнѣйшихъ поборниковъ высшаго знанія. Сегодня, на празднествѣ науки, чествуя знаменательную годовщину Вашего талантливаго 25-лѣтняго руководства въ Этнографическомъ Отдѣлѣ Общества Любителей Естествознанія, гдѣ Вы все время оставались неизмѣнно вѣрны лучшимъ завѣтамъ науки, Лазаревскій Институтъ Восточныхъ Языковъ считаетъ высокой честью для себя присоединиться съ глубокимъ сочувствіемъ и благодарностью ко всеобщему признанію Вашихъ заслугъ передъ русской этнографіей.

Этнографическій Отдѣлъ, развивая на дѣлѣ внушаемую и поддерживаемую Вами широкую научную программу, никогда не зналъ національных предпочтеній, посвящая себя собранію и изученію памятниковъ народной жизни разнообразнѣйшихъ племенъ Россіи и смежныхъ съ нею странъ, причемъ востоку отводилось въ этой дружной работѣ видное и важное мѣсто.

Это направленіе, естественно возбуждавшее искреннее сочувствіе въ учрежденіи, которое тѣсно связано съ тѣмъ же востокомъ, вызвало еще болѣе тѣсную связь съ Вами, еще болѣе близость къ Вамъ. Эта личная унія, которая соединяетъ благодаря Вамъ Лазаревскій Институтъ съ Этнографическимъ Отдѣломъ, отразилась на сліяніи ихъ научныхъ силъ. Профессорскій и преподавательскій персоналъ и студенчество Института выставили не мало ревностныхъ дѣятелей этнографіи; въ жизни Института замѣтно пробудились новыя, свѣжія силы.

Памятуя цѣнные результаты Вашего живительнаго воздѣйствія на Вашихъ товарищей по Институту и на учащуюся молодежь, мы не можемъ считать сегодняшняго прекраснаго праздника себѣ стороннимъ

событіемъ. Оно намъ близко, кровно, душевно,—и среди русскихъ этнографовъ мы возглашаемъ Вамъ честь и славу, полные надежды, что на многіе, долгіе годы Вы сохраните за собой энергичное руководство Вашимъ завѣтнымъ и любимымъ дѣломъ.»

Отъ *Высшихъ женскихъ курсовъ* привѣтствовала П. Н. Сакулинъ. Отъ *Московского сельско-хозяйственнаго института*—Н. М. Кулагинъ. Затѣмъ шли привѣтствія отъ московскихъ ученыхъ Обществъ:

Отъ *Московского Археологическаго Общества* (гр. П. С. Уварова):
Глубокоуважаемый Всеволодъ Федоровичъ!

Привѣтствуя Васъ сегодня въ день двадцатипятилѣтія Вашей неутомимой ученой дѣятельности, Императорское Археологическое Общество отъраднымъ чувствомъ воспоминаеть, что въ постоянныхъ стараніяхъ посвятить и взрастить сѣмена чистаго знанія и строгой научности среди учащейся молодежи Вы не только находили время дѣлиться своими обширными знаніями съ Обществомъ, но и вводили Вашихъ достойнѣйшихъ учениковъ въ нашу среду, въ историческія стѣны Годуновскаго дома, гдѣ, вѣрные завѣтамъ учителя, они продолжали ваше дѣло и становились въ ряды энергичныхъ труженниковъ Общества.

Будучи усерднымъ, неутомимымъ работникомъ, а затѣмъ и руководителемъ Восточной комиссіи нашего Общества, Вы сдѣлались душою ея, и не только сочлены Ваши и Ваши ученики, но и посѣтители засѣданій воспринимали отъ Васъ истинныя научныя знанія, обогащая ими свой умъ, дополняя свое развитіе.

Когда же Вы стали во главѣ единственнаго въ Москвѣ разсадника знанія Востока, Вы привлекли новыя силы къ труду въ нашемъ О-вѣ, и въ дѣлѣ развитія и расширенія круга своихъ занятій Общество многимъ и многимъ обязано Вамъ.

Не менѣе признательно Вамъ Общество и въ другой отрасли его дѣятельности: къ Вашему авторитетному голосу въ нашемъ редакціонномъ комитетѣ привыкли мы прислушиваться всякій разъ, когда приходилось дѣлать оцѣнку работы изъ этой области, гдѣ наука о древностяхъ соприкасалась съ этнографіей.

Принося Вамъ сегодня свое искреннее поздравленіе, Императорское Московское Археологическое Общество отъ души желаетъ Вамъ новыхъ силъ и новой энергіи для долготѣннаго продолженія Вашей ученой и педагогической дѣятельности на славу науки, строгой, сильной и безпристрастной.

Отъ *Восточной комиссіи Московскаго Археологическаго Общества* (А. Е. Брымскій):

Глубокоуважаемый Всеволодъ Федоровичъ!

Восточная комиссія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества горячо привѣтствуетъ Васъ въ день 25-лѣтней годовщины Вашего предѣдательства въ Этнографическомъ Отдѣлѣ. Всѣмъ извѣстно, въ какой тѣсной связи вездѣ стоитъ изученіе востока съ изученіемъ этнографіи, и Ваша научная дѣятельность является этому нагляднѣйшимъ подтвержденіемъ: человекъ, положившій огромныя заслуги

въ дѣлѣ развитія этнографіи въ Россіи, Вы въ то же время являетесь и просвѣщеннымъ востоковѣдомъ, получившимъ общеевропейское признаніе и общеевропейскую почетную извѣстность, особенно въ иранистикѣ. Но, помимо общей, несубъективной связи между востоковѣдѣніемъ и этнографіей, существуетъ сугубо сильная, специальная связь научной жизни нашей Московской Восточной комиссіи Императорскаго Археологическаго Общества съ научной жизнью Московскаго Этнографическаго Отдѣла. Насъ соединяетъ персональная унія: четверть столѣтія Вы председательствуете въ Этнографическомъ Отдѣлѣ,—но Вы же и у насъ, въ Восточной комиссіи, много лѣтъ состоите выборнымъ нашимъ председателемъ, душою нашего дѣла,—да и всѣ безъ исключенія члены нашей Восточной комиссіи являются въ то же время членами или хотя бы сотрудниками Этнографическаго Отдѣла. Поэтому нынѣшній праздникъ Этнографическаго Отдѣла есть вполнѣ и нашъ праздникъ. Приносимъ Вамъ свой задушевный, искренній привѣтъ и горячее пожеланіе еще много-много лѣтъ съ тѣми же бодрыми силами и съ тѣми же блестящимъ талантомъ процвѣтать на высокую пользу науки вообще, а востоковѣднія въ частности.

Отъ *Славянской комиссіи Московскаго Археологическаго Об-ва* (С. О. Долговъ):

Глубокоуважаемый Всеволодъ Федоровичъ!

Сорокъ почти лѣтъ тому назадъ, въ маѣ 1867 г., открылась въ Москвѣ Всероссийская Этнографическая выставка и одновременно съ ней состоялся достопамятный Славянской сѣздъ, которымъ было положено прочное основаніе для взаимнаго сближенія славянскихъ народовъ съ Россіей.

Знаменательна эта связь съ первыхъ дней существованія Этнографическаго Отдѣла Общества, соединившая изученіе племенныхъ особенностей быта, языка, обычаевъ и вѣрованій Руси съ такимъ же изученіемъ славянъ. На этой почвѣ началось и окрѣпло движеніе, которое ведетъ къ духовному единенію всего славянства.

Въ Этнографическомъ Отдѣлѣ Общества во время Вашего двадцатипятилѣтняго председательства связь эта не порывалась, но возрастала на единственно твердомъ основаніи—взаимномъ изученіи и познаніи.

Особенно важно въ этомъ отношеніи Ваше дѣятельное участіе въ возникновеніи и трудахъ Славянской Комиссіи Московскаго Археологическаго Общества, которой Вы были однимъ изъ учредителей и члены которой почти всѣ Ваши ученики; при чемъ, кромѣ того, подъ Вашимъ руководствомъ трудятся въ Этнографическомъ Отдѣлѣ.

По всему этому Славянская комиссія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества считаетъ прямымъ своимъ долгомъ привѣтствовать Васъ въ этотъ торжественный день, когда Вы съ гордостью можете оглянуться на пережитую четверть вѣка и сказать: «Я сѣялъ доброе сѣмя и на добрую землю».

Отъ Археологической комиссіи того же Общества привѣтствовалъ С. Е. Бузнецовъ.

Отъ *Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ* (Е. В. Барсовъ):

Милостивый Государь Всеволодъ Ѳедоровичъ!

Вы организовали Этнографическій Отдѣлъ, воспользовавшись его свѣжими юными силами и воспламенивъ ихъ своимъ научнымъ огнемъ. Вы расширили его задачи, умѣя привлечь къ нимъ мыслящія силы, разбѣянные по самымъ далекимъ угламъ Россіи. Вы создали строго-научный этнографическій органъ и собрали богатый этнографическій матеріалъ, который еще ожидаетъ научной разработки и своего изданія. Въ особенности знаменательна дѣятельность Ваша по отношенію къ русскому народному эпосу. Вы обогатили его новыми записями и открытіями; Вы сохранили для потомства самые пѣсенные мотивы, укловивъ ихъ непосредственно изъ устъ пѣвцовъ; Вы дали понятіе и почувствовать московскому обществу значеніе ихъ устройствомъ этнографическихъ концертовъ; но, что самое главное, Вы внесли своими изысканіями новый свѣтъ въ эту область народнаго пѣснотворчества.

Высоко цѣня Ваши заслуги для русской этнографіи, Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, привѣтствуя Васъ въ знаменательный день четвертьвѣковыхъ неустанныхъ научныхъ трудовъ, искренно желаетъ Вамъ крѣпости силъ и духа для продолженія столь же плодотворной дѣятельности на пользу русской науки и русской исторіи.

Отъ *Московскаго Общества Испытателей Природы* (В. Д. Соколовъ):

Высокоуважаемый Всеволодъ Ѳедоровичъ!

Двадцать пять лѣтъ Вашего безсмыннаго предсѣдательства въ Этнографическомъ Отдѣлѣ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи связало Ваше имя съ выдающимися успѣхами русской этнографіи за четверть вѣка. Ваша созидательная и высокопросвѣщенная дѣятельность, неутомимое привлеченіе и собраніе лучшихъ силъ къ служенію въ этой научной области, вызываютъ въ Императорскомъ Моск. О-вѣ Испыт. Природы чувства глубокой симпатіи, и мы приносимъ Вамъ наши искреннія привѣтствія и пожеланіе, чтобы Ваши плодотворные труды еще долгое время отмѣчались исторіей излюбленнаго Вами научнаго учрежденія.

Отъ *Общества Любителей Россійской Словесности* сказалъ живо и прочувствованное привѣтствіе П. Д. Боборыкинъ.

Отъ *Московскаго Румянцовскаго Музея* (И. В. Цвѣтаевъ):

Глубокоуважаемый Всеволодъ Ѳедоровичъ:

Въ 1867 году при дѣятельномъ участіи ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Естествознанія, которому Вы отдали столько времени горячей работы, организовался въ составъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ вокругъ небольшого этнографическаго собранія графа Румянцова Дашковскій Этнографическій Музей, которому позднѣе Вы посвятили цѣлыхъ 13 лѣтъ плодотворнаго и неустаннаго труда.

Тѣ годы, когда Вы въ качествѣ хранителя управляли Дашковскимъ Этнографическимъ Музеемъ, останутся всегда памятными въ исторіи этого

учреждения, быстро пустившаго глубокіе научныя корни и не перестающаго развиваться доселѣ.

Вы обратили вниманіе и много потрудились надъ систематической группировкой непрерывно нараставшихъ собраній. Вы вызвали къ жизни строго научное систематическое описаніе ихъ, для чего Вами былъ предпринятъ сложный трудъ собиранія новыхъ матеріаловъ. Вами была сдѣлана попытка основать при Румянцовскомъ Музеѣ специальное научное изданіе для разработки этнографической науки въ видѣ «Сборника матеріаловъ по этнографіи», котораго Вы успѣли издать 3 выпуска.

Когда Вы были призваны стать во главѣ виднаго самостоятельнаго учебнаго заведенія, совмѣщающаго въ себѣ и университетскіе курсы и гимназію, Вы не порвали связи съ Румянцовскимъ Музеемъ, имѣющимъ честь считать Васъ въ числѣ своихъ Почетныхъ членовъ, и не перестали заботиться о ростѣ и развитіи его этнографическихъ коллекцій. Вамъ Этнографическій Музей обязанъ своими непрестанными и понышѣ пополненіями, при дѣятельной помощи ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія и его Этнографическаго Отдѣла. Вашими заботамъ о дальнѣйшей систематизаціи научнаго матеріала онъ обязанъ соединеніемъ всѣхъ этнографическихъ собраній Москвы въ своихъ стѣнахъ.

Долголѣтняя сердечная связь, существующая между Московскимъ Публичнымъ и Румянцовскимъ Музеями и Вами, Глубокоуважаемый Всеволодъ Феодоровичъ, вызываетъ сердечную же потребность нашего учрежденія принести Вамъ сегодня искреннія и душевныя поздравленія, поблагодарить Васъ за все сдѣланное Вами для Румянцовскаго Музея и пожелать Вамъ силъ и энергіи для продолженія на многіе годы Вашей широкой и могучей дѣятельности, какъ ученаго и какъ педагога.

Отъ *Московского Историческаго Музея* (за отсутствіемъ Н. Е. Забѣлина, секретаря Музея):

Высокоуважаемый Всеволодъ Феодоровичъ!

ИМПЕРАТОРСКІЙ Россійскій Историческій Музей Имени ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III, радостно привѣтствовалъ исполнившееся шесть лѣтъ тому назадъ славное тридцатилѣтіе Вашей научной дѣятельности, почитаетъ долгомъ и нынѣ привѣтствовать Васъ съ блестящимъ двадцатипятилѣтіемъ предсѣдательства Вашего въ Этнографическомъ Отдѣлѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи.

Ваша неутомимая дѣятельность въ Отдѣлѣ, помощью привлеченныхъ Вами къ научной работѣ многочисленныхъ сотрудниковъ обогатившая нашу науку собраніемъ обильныхъ сокровищъ народнаго творчества;

Ваша плодотворная работа въ Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ, научно освѣтившая богато-собранные матеріалы по этнографіи многочисленныхъ и разноплеменныхъ обитателей русской земли;

Ваши наконецъ замѣчательныя изслѣдованія въ той же области этнографіи,—все это даетъ право признать Васъ однимъ изъ выдающихся двигателей данной науки за послѣдніе двадцать пять лѣтъ.

Да поможетъ Вамъ Богъ еще на многіе годы поработать на славу русской науки, на дальнѣйшее преуспѣяніе этнографіи, которая Вамъ такъ много уже обязана своими успѣхами».

Далѣе шли привѣтствія депутацій:

отъ *Музея прикладныхъ знаній* (А. Х. Рейманъ), отъ *Архива министерства юстиціи*, отъ *Архива министерства иностранныхъ дѣлъ*, отъ *Учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній*, отъ *Этнографическаго Отдѣла музея имени Императора Александра III* (Д. А. Клеменць), отъ *Историко-филологическаго факультета Новороссійскаго университета* (И. А. Линниченко); отъ *Диалектологической комиссіи*, состоящей при Императорской Академіи Наукъ, Д. Н. Ушаковъ прочелъ слѣдующее привѣтствіе:

Глубокоуважаемый Всеволодъ Федоровичъ!

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ среди начинающихъ ученыхъ образовался кружокъ для изученія русскаго языка, его исторіи и диалектологіи. Въ настоящее время этотъ кружокъ работаетъ подъ названіемъ Диалектологической Комиссіи, состоящей при Отдѣленіи русскаго языка и словесности Академіи Наукъ. Двойная связь, и въ прошломъ, и въ настоящемъ, соединяетъ насъ, членовъ этой комиссіи, съ Вами, Всеволодъ Федоровичъ! Мы всѣ въ Московскомъ Университетѣ были Вашими учениками въ области лингвистики, а теперь занятія диалектологіей русскаго языка сближаютъ насъ съ направляемой Вашими просвѣщеннымъ руководствомъ дѣятельностью Этнографическаго Отдѣла, который посвящаетъ свои силы преимущественно изученію народностей Россіи и, главнымъ образомъ, ихъ духовнаго быта. Наконецъ, тѣ изъ насъ, которые состоятъ одновременно и членами Отдѣла, не могутъ не вспомнить съ благодарностью о томъ, что имъ не разъ приходилось свои экскурсіи съ диалектологическою цѣлью совершать отъ имени Этнографическаго Отдѣла.

Позвольте же и Диалектологической Комиссіи привѣтствовать Васъ, лингвиста и этнографа, въ день чествованія двадцатипятилѣтія предсѣдательства Вашего въ Этнографическомъ Отдѣлѣ и выразить искреннее пожеланіе долго еще видѣть Васъ во главѣ столь близкаго намъ ученаго общества.

15 декабря 1906 года.

Далѣе отъ *Осетинскаго издательскаго общества «Ір» на Кавказѣ* осетинъ г. Кисаевъ прочелъ:

«Адресъ профессору Всеволоду Федоровичу Миллеру отъ Осетіи 1881—1906 г.

Глубокоуважаемый Всеволодъ Федоровичъ!

Въ 1881 году Вы выпустили первый томъ «Осетинскихъ Этюдъ», которыми положили прочное основаніе научнаго изученія нашего языка,

исторіи, религиозныхъ вѣрованій, и, главнымъ образомъ, произведеній народнаго творчества.

Дальнѣйшіе труды Ваши въ этой области, снискавшіе Вамъ почетную извѣстность въ наукѣ, были продолженіемъ этой работы.

Передъ осетинскою интеллигенціею Вы открыли обширное поле для духовной работы, пробудили въ ней національное самосознаніе и народныя творческія силы.

Всѣ работники на этомъ поприщѣ работали подъ воздѣйствіемъ Вашихъ трудовъ, которые легли въ основаніе стремленія вождей нашего народа къ созданію перваго рычага прогресса—родной литературы.

Отъ береговъ бурнаго Терека до ущелій священнаго Рекома, въ странѣ бурной Лияхвы и Гуджеретскаго нагорья раздался великій вздохъ облегченія,—началось просвѣтленіе древняго историческаго народа подъ говоръ роднаго печатнаго слова.

И если,—въ сердцѣ Кавказа, потомкамъ древнихъ Алановъ—Оссовъ суждено сдѣлаться культурнымъ народомъ, то этимъ они во многомъ обязаны Вашимъ научнымъ трудамъ.

Наука, великая руководительница и путеводная звѣзда въ свѣтлое царство правды и счастья, въ лицѣ Вашемъ еще разъ доказала, какого она заслуживаетъ преклоненія.

Благодаря Вашимъ трудамъ многіе другіе ученые заинтересовались нашей народностью и дали цѣлый рядъ капитальныхъ трудовъ по изслѣдованію нашей археологій, обычнаго права и исторіи.

Труды Ваши пренеполнены не только высокой научности, но они проникнуты и согрѣты уваженіемъ къ нашему прошлому и любовнымъ отношеніемъ къ нашей настоящей судьбѣ.

Четвертьвѣковая Ваша дѣятельность на этомъ поприщѣ высокопочтена. Сердечное спасибо говорятъ Вамъ осетинскій народъ, какъ сѣятлю среди него разумаго, добраго и вѣчнаго.

Позвольте же, глубокоуважаемый Всеволодъ Федоровичъ, привѣтствовать Васъ отъ имени нашего народа и пожелать, чтобы еще долго Вы были духовнымъ вождемъ и путеводною звѣздой и для Осетіи.

6-го декабря 1906 года, гор. Владикавказъ».

Послѣ прочтенія этого адреса г. Кисаевъ вручилъ юбиляру:

«Дипломъ на званіе почетнаго члена Осетинскаго Издательскаго Общества «Ір.»».

Общее собраніе членовъ Осетинскаго Издательскаго Общества «Ір.», состоявшееся 6 декабря 1906 года, постановило избрать, согласно ст. 13 устава Общества, автора «Осетинскихъ этюдовъ» и многихъ другихъ работъ по изслѣдованію языка, исторіи, археологій и быта осетинскаго народа профессора Всеволода Федоровича Миллера своимъ первымъ почетнымъ членомъ, въ удостовѣреніе чего выдается настоящій дипломъ.

1906 года, декабря дня. Гор. Владикавказъ».

Затѣмъ онъ же произнесъ привѣтствіе на осетинскомъ языкѣ отъ *учащихся въ Москвѣ осетинъ.*

Далѣ одинъ изъ литовцевъ, бывшій воспитанникъ Московскаго университета, сказалъ привѣтствіе отъ *литовцевъ*

Юбиларъ на всѣ привѣтствія депутацій отвѣчалъ благодарственными рѣчами, при чемъ г. Кисаеву по-осетянски.

Затѣмъ секретарь Этнографическаго Отдѣла прочелъ привѣтствія (телеграммы и письма) отъ слѣдующихъ учреждений:

*Императорской Академіи Наукъ,
Совѣта Петербурскаго университета,
Совѣта Харьковскаго университета,
Совѣта Варшавскаго университета,
Факультета Восточныхъ языковъ Петербурскаго университета,
Историко-филологическаго факультета Харьковскаго университета,*

*Императорской Археологической комисіи,
Восточнаго Отдѣленія Русскаго Археологическаго Общества,
Кавказскаго Отдѣла Московскаго Археологическаго Общества,
Русскаго Антропологическаго Общества въ Петербургѣ,
Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества,*

*Западно Сибирскаго Отдѣла того же Общества,
Красноярскаго Отдѣленія того же Общества,
Читинскаго Отдѣленія того же Общества,
Троицко-Савско-Кяхтинскаго Отдѣленія того же Общества,
Историко-филологическаго Общества при Харьковскомъ универ.,
Общества Нестора-лѣтописца,
Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ университетѣ,*

*Нѣжинскаго филологическаго Общества,
Петровскаго Общества изслѣдованія Астраханскаго края,
Орловскаго церковно-историческаго Общества,
Тамбовской Ученой Архивной Комисіи,
Кавказскаго Учебнаго Округа,
Этнографическаго Чешско-Славянскаго Музея,
Науковаго товариства імени Шевченка:*

«Наукове товариство ім. Шевченка у Львові заслає щирій привѣтъ профессору Всеволоду Міллеру по поводу 25-лѣтняго юбилею його председательства въ этнографічнімъ вѣддїі «Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи» въ Москві.»

Затѣмъ въ 7 час. вечера въ «Эрмитажѣ» состоялся товарищескій въ честь В. Ө. Миллера обѣдъ, на которомъ были произнесены и прочитаны еще многія привѣтствія и, между прочимъ, слѣдующія:

Отъ Великаго Князя Георгія Михайловича и служащихъ въ Этнографическомъ Отдѣлѣ Музея Императора Александра III:

Глубокоуважаемый Всеволодъ Федоровичъ!

Въ наукѣ, какъ и въ жизни, идетъ борьба за существованіе. Новый методъ изслѣдованія, новая идея, а тѣмъ болѣе новая отрасль науки, должны добиваться признанія упорнымъ трудомъ. Въ такомъ состояніи весьма долго находилась этнографія и родственныя ей науки, особенно у насъ. Нельзя сказать, чтобы мы уже такъ мало интересовались этнографіей. Она въ Россіи, не говоря уже о трудолюбивыхъ собирателяхъ и любителяхъ, разрабатывается учеными съ начала XVIII в.; но, по странной случайности, учрежденіе, которое создало первый въ Россіи музей-кунсткамеру, до сихъ поръ не имѣетъ у себя особой кафедры этнографіи ни въ одномъ изъ своихъ трехъ отдѣленій. Движеніе въ пользу признанія правъ этнографическихъ наукъ на кафедре въ высшей школѣ шло съ другой стороны. Нужно ли говорить здѣсь, въ Москвѣ, въ день Вашего юбилея, о томъ, кому принадлежитъ инициатива въ этомъ дѣлѣ? Кому неизвѣстно Общество Любителей Естественнаго Испытанія, Антропологии и Этнографіи при Московскомъ университетѣ, въ особенности его Этнографическій Отдѣлъ, и Ваша дѣятельность въ немъ? Вы съ кафедры среди Вашихъ слушателей и въ обществѣ пробуждали и поддерживали интересъ къ этнографическимъ изслѣдованіямъ; при Вашемъ участіи и поддержкѣ возникъ цѣлый рядъ научныхъ трудовъ; Вы привлекали молодежь къ изученію этнографіи; по инициативѣ, а нерѣдко и при Вашемъ участіи, было организовано нѣсколько научныхъ экскурсій, давшихъ важныя данныя для этнографіи различныхъ мѣстностей Россіи; цѣлая плеяда вашихъ учениковъ,—людей, пользующихся извѣстностью въ наукѣ, продолжаетъ Ваше дѣло; въ Вашихъ личныхъ ученыхъ трудахъ Вы не боялись новыхъ путей, и смѣлая мысль о древнемъ литературномъ общеніи между Россіей и Востокомъ весьма многимъ обязана Вамъ въ борьбѣ за право признанія.

Завоевавшій столь прочную извѣстность въ этнографической литературѣ журналъ «Этнографическое Обозрѣніе» хранить на своихъ страницахъ, на ряду со многими цѣнными трудами Вашими, и живые слѣды Вашего вліянія, какъ многолѣтняго редактора его и вдохновителя.

Этнографическій Отдѣлъ Русскаго Музея Императора Александра III, знаменуя свое глубокое уваженіе къ Вашей плодотворной дѣятельности, бьетъ Вамъ челомъ за Ваши труды и горячо желаетъ Вамъ здоровья на многіе годы на пользу, славу и честь русской этнографической науки,

Великій Князь Георгій Михайловичъ и служащіе Музея.»

Отъ академика Ф. О. Фортунатова:

«Отъ всего сердца привѣтствую стараго товарища въ день чествованія его плодотворной дѣятельности. Желаю здоровья и слять на долгіе годы».

Отъ академика А. А. Шахматова:

«Приношу Вамъ, своему учителю и руководителю первыхъ моихъ занятій, «поздравленіе въ торжественный для русской науки и для Васъ, ея славнаго дѣятеля, день».

Отъ графа *С. Ю. Витте*:

«Благоволите передать достойнѣйшему и почтеннѣйшему юбиляру Всеволоду Федоровичу мое искреннее привѣтствіе и пожеланіе еще многіе годы служить просвѣщенію нашего дорогого отечества».

Отъ князя *С. С. Абамелекь-Лазарева* съ пожеланіемъ «продолжать свою славную дѣятельность на пользу науки и Лазаревскаго института».

Отъ кн. *Вл. Ев. Львова* привѣтствіе «съ выраженіемъ высокаго уваженія обширной и плодотворной дѣятельности юбиляра».

Отъ *А. А. Ивановскаго*:

«Искреннее поздравленіе и таковое же пожеланіе еще многіе и многіе годы стоять во главѣ Этнографическаго Отдѣла... Въ числѣ свѣтлыхъ воспоминаній моей жизни храню воспоминаніе о первомъ знакомствѣ съ Всеволодомъ Федоровичемъ, такъ тепло и участливо отнесшемся къ первымъ моимъ шагамъ въ Этнографическомъ Отдѣлѣ».

Отъ *Е. А. Ляцкого*:

привѣтствіе: «Съ глубокой признательностью вспоминаю свѣтлыя минуты духовнаго общенія съ Вами въ университетѣ, въ Этнографическомъ Отдѣлѣ, въ сердечномъ кругу Вашей семьи».

Отъ *Н. Л. Гондатти*:

«Сердечно привѣтствую Васъ, Глубокоуважаемый Всеволодъ Федоровичъ, со знаменательнымъ днемъ Вашей жизни, посвященной не только научному изслѣдованію родины, но и подготовкѣ многочисленныхъ дѣятелей по разнымъ отраслямъ знанія, въ особенности, этнографіи и археологіи. Нѣтъ такого мѣста въ государствѣ, гдѣ бы Ваши ученики, поощряемые Вашимъ примѣромъ, не занимались изслѣдованіемъ разнороднаго населенія Россіи и не вносили бы, по мѣрѣ силъ и возможности, своей лепты въ общую сокровищницу знанія. И все это—благодаря Вамъ! Пусть же много-много лѣтъ еще русская этнографія будетъ имѣть Васъ своимъ руководителемъ и печальникомъ за свои нужды!»

Отъ *Григорія Николаевича Потанина*:

«Изъ-подъ льдовъ военнаго положенія, царящаго въ Томскѣ, шлю Вамъ самый горячій привѣтъ. Военное положеніе сокрушило нашу общественную жизнь; оно убило нѣкоторыя просвѣтительныя и ученныя организаціи и всѣ остальные заморозило, такъ что никакой возможности не представилось университетскому городу Сибири фигурировать на Вашемъ торжествѣ».

Я запоздалъ съ выраженіемъ своихъ личныхъ чувствъ, но Вы не заподозрите искренности моего сочувствія фольклористу, который связалъ русскій эпосъ съ восточнымъ. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы выразить Вамъ свою искреннюю благодарность за нравственную поддержку, которую Вы оказывали мнѣ въ моихъ попыткахъ привлечь новые восточные матеріалы въ число пособій при изученіи русскаго эпоса.

Кончаю это письмо пожеланіемъ Вамъ бодрыхъ силъ и здоровья, чтобы еще долго эта Ваша добродѣтель, участливое и снисходительное отношеніе къ работамъ рядовыхъ труженниковъ, ободряли ихъ въ ихъ трудахъ».

Отъ *этнографа-сборителя Владимира Николаевича Добровольскаго*.

Глубокоуважаемый Всеволодъ Федоровичъ!

«Поздравляю Васъ съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ предсѣдательской дѣятельности въ Этнографическомъ Отдѣлѣ Московскаго Общества Естествознанія и Антропологии и желаю Вамъ здоровья для продолженія Вашихъ трудовъ на пользу русской этнографической науки, Этнографическаго Отдѣла и этнографовъ Вашихъ учениковъ, къ которымъ Вы относились всегда доброжелательно, поддерживая ихъ своими совѣтами не только на научной дорогѣ, но и на скользкомъ жизненномъ пути. Вы, глубокоуважаемый Всеволодъ Федоровичъ, внимательно выслушивали каждаго изъ насъ, когда мы дѣлали Вамъ какое-либо сообщеніе о своихъ научныхъ трудахъ, хотя на Васъ лежало бремя и другихъ заботъ. Широки и разнообразны задачи этнографіи, но нѣтъ той детали, какого-либо частнаго этнографическаго вопроса, къ которому бы Вы относились равнодушно, и, благодаря такому живому интересу ко всѣмъ проявленіямъ этнографической науки, Вы были душой Этнографическаго Кружка, около Васъ группировались молодые силы, и всегда чувствовалась связь между трудами Вашими и Вашихъ учениковъ, для которыхъ Вы были и руководителемъ и вдохновителемъ. Имя Ваше останется незабвенно въ въ сердцахъ Вашихъ учениковъ.»

Отъ *сборителя-этнографа Е. Р. Романова*:

«Искренній привѣтъ маститому юбиляру».

Отъ *«любителя этнографіи» П. К. Симоны*—привѣтствіе:

«высокополезной дѣятельности Этнографическаго Отдѣла, столь существенно подвинувшаго за ближайшую четверть вѣка изученіе русской этнографіи на прочныхъ научныхъ началахъ—что должно быть приписано, почти всецѣло, особому счастливому случаю, именно, безсмѣнному въ теченіе 25-лѣтъ предсѣдательству въ Отдѣлѣ извѣстнаго ориенталиста и изслѣдователя памятниковъ русской словесности проф. Вс. Ѳ. Миллера... В. Ѳ. сглотилъ вокругъ себя въ столицахъ, въ провинціи, на дальнихъ окраинахъ безчисленное множество свѣдущихъ и энергичныхъ этнографовъ, изслѣдователей разныхъ сторонъ народной жизни, благодаря чему Отдѣлъ... успѣлъ заявить себя цѣннѣйшими научными предпріятіями и трудами, появившимися какъ въ его прекрасномъ органѣ—«Этнографическомъ Обзорѣніи», такъ и въ отдѣльныхъ сборникахъ. Только благодаря такой одухотворенной дѣятельности по разысканію нужнаго матеріала стала, наконецъ, возможна разработка и оцѣнка памятниковъ нашей культуры, словесности, искусствъ и т. д.

Отъ проф. П. А. Кулаковскаго:

«Дорогому старому товарищу» привѣтствіе «въ день Вашего юбилея, подвига служенія русской этнографической наукѣ».

Отъ Г. В. Баева:

привѣтствіе, съ сожалѣніемъ, что за краткостью времени осетины не могутъ прїѣхать, чтобы «цѣлою депутаціей» почтить Вашъ «кувдъ».

Отъ «юныхъ осетинъ»:

«шлютъ сердечный привѣтъ и благопожеланія дорогому труженнику на почвѣ осетинской письменности».

Прислали также привѣтствія:

Akademik Jagicz (изъ Вѣны),

Kern (извѣстный санскритологъ въ Утрехтѣ прислалъ письмо съ его собственнымъ двустилиемъ на санскритскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія): «Преданный расширенію наукъ, помощникъ своимъ друзьямъ, славный заслугами, живи долго и счастливо, таково мое благословеніе».

Hartmann (изъ Хермсдорфа),

Noeldeke und Hübschman (изъ Страсбурга):

«senden Herrn Professor Miller, dem hervorragenden Forscher auf dem Gebiete der russischen Ethnographie, Volkskunde und Sage, dem ausgezeichneten Kenner der kaukasischen Sprachen, dem durch seine ossetischen Studien auch um die indogermanische Sprachwissenschaft hochverdienten Gelerten die herzlichsten Glückwünsche».

A. Ludwig (изъ Праги),

Bernhard Munkacsı (изъ Будапешта),

H. Schuhardt (изъ Граца).

Привѣтствія, въ видѣ писемъ и телеграммъ, прислали также слѣдующіе русскіе профессора и приватъ-доценты: П. М. Богаевскій, Н. П. Дашкевичъ, Н. Е. Жуковскій, М. В. Довнаръ-Запольскій, П. А. Лавровъ, А. М. Лобода, Г. М. Лопатинъ, Л. М. Мсеришнъ, М. М. Покровский, В. К. Поржезинскій, М. Н. Розановъ, М. Н. Сперанскій, В. А. Тихомировъ, М. Г. Халанскій, С. А. Чаплыгинъ, И. А. Шляпкинъ (изъ Венеціи); члены ученыхъ обществъ и другія лица: мирза Казимъ-бекъ Абединовъ, Д. И. Аракчиевъ, П. И. Астровъ, М. Беккеръ, Бердникова («изъ глухой провинціи»), К. А. Борисовъ, Н. И. Виноградовъ, А. А. Диваевъ, Дикюфъ, В. С. Елпатьевскій (изъ Мюнхена), В. В. Каллашъ, Н. В. Камужскій, Н. Д. Кашкинъ, А. Н. Корещенко, А. А. Левенсонъ, Н. Г. Леонъ, В. А. Масловъ, А. Ф. Можаровскій, М. В. Никольскій, В. В. Радуйловичъ, Дм. П. Рашковъ, Н. Т. Савенковъ (съ Алтая), А. А. Семеновъ (пзъ Ташкента), Б. Смирновъ (изъ Тулы), Ольга и Александръ Федченко, А. С. Якубъ (изъ Вятки) и другіе.

За объѣдомъ были произнесены многія привѣтствія юбиляру, тосты за науку, «стариковъ», молодежь и т. п. на разныхъ языкахъ, а именно, кромѣ современнаго русскаго, на санскритскомъ, осетинскомъ, грузинскомъ, армянскомъ, черкесскомъ, арабскомъ, турецкомъ, монгольскомъ, литовскомъ, малорусскомъ, древне-еврейскомъ, языкѣ древне-русскихъ былинъ и др.

На объѣдѣ присутствовало до 60-ти членовъ Этнографическаго Отдѣла, Общества Естественнаго и представителей другихъ ученыхъ учреждений.

Юбилей Шмельца. Директоръ Лейденскаго (Голландія) этнографическаго музея dr. phil. Шмельцъ (Schmeltz) праздновалъ 15-го мая 1907 г. двадцатипятилѣтіе своей службы при этомъ музеѣ. Іоганнъ Дидрихъ Эдуардъ Шмельцъ (Johann Diedrich Eduard Schmeltz) родился въ 1839 г. въ Гамбургѣ. Съ 1863 по 1882 г. онъ состоялъ директоромъ музея Готерда (Godeffroy), а въ 1882 былъ назначенъ консерваторомъ, затѣмъ директоромъ Лейденскаго Национальнаго Этнографическаго Музея. За свои сочиненія онъ получилъ въ 1896 г. степень доктора отъ Лейпцигской Академіи, а еще раньше (въ 1878 г.) его научные труды были увѣнчаны золотой медалью отъ Императорскаго Общества Этнографіи и Естественнаго. Dr. Шмельцъ былъ неутомимымъ работникомъ въ своей научной отрасли. Съ 1887 г. по его инициативѣ началъ издаваться этнографическій журналъ Internationales Archiv für Ethnographie, редакторомъ котораго онъ и состоялъ. Труды Шмельца сдѣлали его имя извѣстнымъ въ наукѣ, и многія научныя общества избрали его своимъ почетнымъ членомъ. Главныя работы dr. Шмельца: 1879. Одежда и украшенія туземцевъ о-вовъ Тихаго Океана. Антропологическо-этнографическое отдѣленіе музея Готерда (Godeffroy).—1881. Статья по изученію племенъ Южнаго Океана совместно съ dr. Браузе: Парадное оружіе у туземцевъ о-вовъ Индійскаго Океана.—1890. Статья къ изученію художественнаго ремесла на островахъ Индійскаго океана. (Индонезія): Коллекція изъ Кореи въ Этногр. Национальн. Лейден. Музеѣ.—1893. Этнографическое описаніе западнаго и сѣвернаго берега Новой Гвинееи, (совмѣстно съ F: S. A de Clercq).—1894. Этнографическія статьи I. S. Kubaгу къ изученію Каролинскаго Архипелага.—1894. Раковины и улитки въ жизни туземцевъ Индонезіи и Океаніи.—1896. Этнографическіе музеи въ Европѣ.—1901. Этнографическій Альбомъ съ береговъ Конго, 240 изображеній въ текстѣ. Кромѣ этихъ работъ перу dr. Шмельца принадлежатъ многія статьи въ Интернаціональномъ Архивѣ Этнографіи (Internat. Archiv für Ethnographie) и другихъ этнографическихъ журналахъ. Въ 1907 г. dr. Шмельцемъ составленъ каталогъ Этнограф. Музея въ Лейденѣ.

† **Федоръ Герасимовичъ Мищенко**, проф. Базанскаго университета, скончался въ Кіевѣ на 58-омъ году жизни 28 окт. 1906 г. Окончивъ университетъ Св. Владимира по истор.-опп. факультету, онъ скоро занялъ въ

томъ же у-тѣ привать-доцентуру по кафедрѣ греческой словесности, въ 75—77 гг. былъ въ Германіи, Франціи и Италіи, гдѣ изучалъ древне-греческія рукописи. Среди его работъ по классическимъ древностямъ многія имѣютъ этнографическій интересъ: «Этнографія Россіи у Геродота», рефератъ «Геродотовскіе вшеды» и др. О. Г. въ послѣднее время принималъ большое участіе въ археологическихъ сѣздахъ.

† **Ив. Вас. Помяловскій**, проф. сиб. университета, филологъ и археологъ, скончался 28 сентября, 1906 г. Ему принадлежить много работъ въ области русской и греческой агіографіи, древностей Палестины, не говоря уже объ этнографическихъ матеріалахъ Италіи («Эпиграфическіе этюды») и др.

† **Вас. Ив. Модестовъ**, извѣстный знатокъ римскихъ древностей; авторъ «Введенія въ римскую исторію», «Исторіи римской литературы», скончался на 68-омъ году жизни. Ему посвященъ обстоятельный очеркъ Д. Н. Анучина въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ».

† **Памяти Н. О. Хизанова** (1852—1906). 15 декабря 1906 г. предательски былъ убитъ судебный слѣдователь тифлискаго мирового отдѣла Николай Фаддеевичъ Хизановъ. Онъ палъ отъ руки неизвѣстныхъ убійцъ, скрывшихся среди бѣлаго дня на одной изъ людныхъ улицъ г. Тифлиса. Смерть его, столь нелѣпная и преждевременная, составляетъ тяжелую утрату для грузинской литературы, въ области которой онъ былъ извѣстенъ этнографическими и юридическими изслѣдованіями. Плебей по происхожденію и семинаристъ по образованію, онъ личнымъ трудомъ пробилъ себѣ дорогу къ высшему образованію, закончивъ его на юридическомъ факультетѣ Новороссійскаго университета. Вернувшись на родину, онъ состоялъ судебнымъ слѣдователемъ въ предѣлахъ Тифлисской губ., сначала среди осетинъ въ Цханвольскомъ участкѣ, а затѣмъ въ Тіонетскомъ районѣ, обнимающемъ тушино-пшаво-хевсурское населеніе. Пребываніе среди горцевъ обогатило его умъ широкими наблюденіями изъ области народныхъ обычаевъ, вѣрованій и правовыхъ воззрѣній. Богатымъ запасомъ накопленнаго фактическаго матеріала онъ воспользовался для своихъ цѣнныхъ этнографическихъ работъ по изученію пшавовъ и хевсуръ. Эти изслѣдованія обратили на себя вниманіе кавказовѣдъ и были переведены съ грузинскаго языка на русскій авторомъ извѣстной монографіи о тушино-пшаво-хевсурскомъ округѣ кн. Р. Д. Эристовымъ и помѣщены въ «Запискахъ Кавказ. Отдѣла И. Рус. Геогр. Общества. Свѣжестью выводовъ и основательностью построенія отличаются его юридическія и историческія работы: Древне-грузинская семья, законы Бекъ и Агбуги, Законы («Дзеглисъ-деба») царя Георгія Блгстательнаго и Жизнь Давида Возобновителя. Покойный былъ извѣстенъ еще какъ авторъ бойкихъ сельетоновъ въ газ. *Иверія* подъ псевдонимомъ «Рлебъ»;

научныя же статьи онъ печаталъ за подписью «Урбнели», по мѣсту своего происхожденія изъ сел. Урбниси. Безъ преувеличенія можно сказать, что онъ былъ одинъ изъ первыхъ изслѣдователей грузинскихъ законодательныхъ памятниковъ, къ изученію которыхъ онъ примѣнялъ сравнительно-историческій методъ. Прекрасный стилистъ и знатокъ языка, онъ обогатилъ грузинскую литературную рѣчь научными терминами и положилъ начало школѣ юристовъ-этнографовъ.

А. Хахановъ.

† Георг. Степ. Лытинъ, извѣстный этнографъ-зырянинъ, авторъ книги: «Зырянскій край при епископахъ пермскихъ и зырянскій языкъ» (въ кот. помѣщены сказки, пословицы, пѣсни, загадки; есть переводъ на финскомъ языкѣ), а также словарей: зыряно-вотяцко-русскаго, вотяцко-зырянско-русскаго и русско-вотяцко-зырянскаго; скончался 22 марта 1907 года.

† Вас. Степ. Передольскій, знатокъ Новгородской старины, авторъ книги «Бытовые остатки поселениковъ Ильменско-Волховскаго побережья и земель великоновгородскаго державства каменнаго вѣка» и «Новгородскихъ древностей» (неоконченныхъ); скончался въ Новгородѣ.

† Я. И. Гуртъ, пасторъ, много поработавшій по фольклору эстонцевъ, скончался 31 дек. 1906 г. Имъ записано до 200.000 номеровъ сказокъ, легендъ, преданій, повѣрій, обычаевъ и т. д., обработанныхъ систематически. О его работахъ были даваемы свѣдѣнія и въ «Этнографическомъ Обзорѣннѣ». Въ 1903 году Императорское Русское Географическое Общество присудило ему высшую награду — Константиновскую медаль.

† Н. А. Шабунинъ, художникъ, изслѣдователь быта самоѣдовъ (коллекціи ихъ быта въ Этнографическомъ Отдѣлѣ Музея Александра III); скончался 27 января 1907 года.

† М. С. Мостовскій, авторъ «Этнографическихъ очерковъ Россіи» (49 характеристикъ); скончался 14 января 1907 года.

Объ ученыхъ трудахъ проф. Ю. А. Нулановскаго (1876—1906) помѣщена обширная «Записка» въ «Извѣстіяхъ Общества археологій, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ» (1907 г., № 1). Здѣсь читатель найдетъ длинный списокъ и характеристику ученыхъ трудовъ проф. Булаковскаго. Изъ нихъ укажемъ здѣсь немногіе: «Къ вопросу о началѣ Рима», «Древнія надписи Черноморскаго побережья», «Бъ исторіи готской епархіи (въ Брыму)», «Гдѣ начинается территорія

славянъ по Иордану», «Христіанство у аланъ», «Аланы по свидѣтельству классическихъ и византійскихъ писателей», «Керченская христіанская катакомба 491 года», «Бъ вопросу объ имени города Берчи», «Замѣтки по исторіи Брыма: Гурзуфъ или Коросанъ», «Карта европейской Сарматіи по Птоlemeю», «Греческіе города на Черноморскомъ побережьѣ» и др.

Объ ученыхъ трудахъ проф. Н. Ѳ. Высоцкаго по археологіи, исторіи и этнографіи помѣщена «Записка» въ «Извѣстіяхъ» Базанскаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи. Н. Ѳ. Высоцкому принадлежитъ Музей археологическихъ и художественныхъ коллекцій: собранія доисторическихъ древностей, являющіяся цѣнными остатками каменнаго вѣка въ предѣлахъ средняго Поволжья; рядъ восточныхъ древностей: терракоты, ручки амфоръ, стеклянная посуда, античныя вазы красно-фигурнаго стиля, бѣл. лекины; древняя русская металлическая посуда съ надписями; монеты, иконы. Описаніе коллекцій будетъ напечатано въ «Извѣстіяхъ» Общества.

Перу проф. Высоцкаго, между прочимъ, принадлежатъ слѣдующія труды: «Чума при Алексѣѣ Михайловичѣ, 1654—1655 гг.», «Нѣсколько словъ о слѣдахъ употребленія у насъ фигурнаго письма», «Медицинскія воззрѣнія нашего народа въ пословицахъ и поговоркахъ», нѣсколько статей по доисторической археологіи и антропологіи. Въ настоящее время Н. Ѳ. Высоцкій закончилъ въ рукописи цѣлый рядъ обширныхъ этюдовъ по народной медицинѣ, въ которыхъ соединилъ знанія врача, историка и этнолога.

Къ вопросу о происхожденіи Руси—докладъ лингвистическаго характера—былъ прочитанъ Ф. В. Калининимъ 26 января 1906 года въ Обществѣ археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ. Отвѣтомъ на это сообщеніе было другое, того же названія, прочитанное тамъ же П. С. Шестаковымъ 2 октября 1906 года.

Вліяніе народной поэзіи на творчество Пушкина, послѣ работы Вс. Миллера («Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ») явилось недавно темой статьи В. Сиповскаго «Русланъ и Людмила. Бъ литературной исторіи поэмы» (Спб., 1906 г.). Обращено вниманіе на вліяніе сказокъ Чулкова, на литературное происхожденіе нѣкоторыхъ сказокъ и на мастерское творчество Пушкина въ духѣ народной поэзіи.

Этнографическое обследованіе болгарскихъ колоній Таврической и Херсонской губерній, произведенное въ 1904 году, по порученію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, Н. С. Державинимъ, было закончено съ успѣхомъ, при чемъ былъ собранъ интересный матеріалъ, особенно цѣнный въ виду того, что процессъ этнической ассими-

миграция идетъ очень быстро и болгарскія колоніи все больше и больше утрачиваютъ свою національную самобытность.

О результатахъ своего обследованія Н. С. Державинъ дѣлалъ докладъ на Екатеринославскомъ Археологическомъ Съѣздѣ (см. «Этн. Обзор.»), давши при этомъ цѣлый рядъ диаграммъ по этнографіи Новороссійскаго края и фотографическіе снимки. Эта работа передана для напечатанія въ Трудахъ Таврической Ученой Архивной Комиссіи. Одна глава изъ этой работы была помѣщена въ «Славянскихъ Извѣстіяхъ». (См. «Этн. Обзор.», кн. I, XX—LXXI, стр. 351).

«О болгарскомъ великанѣ по описанію арабскаго писателя XIII вѣка З. Казвини», который передаетъ въ извращенномъ видѣ извѣстіе Ибн-Фодлана (X в.), прочелъ рефератъ въ казанскомъ обществѣ (арх., ист., этн.) В. Н. Андерсонъ, иллюстрировавшій и «портретъ» этого мифическаго великана. Г. Н. Ахмаровъ обѣщавъ дополнить это сообщеніе легендой о великанахъ вятскихъ татаръ.

По исторіи вятчанъ въ каз. о-вѣ арх., ист. и этн. имѣется рукопись А. Вештомова: «Исторія вятчанъ со времени поселенія ихъ при р. Вяткѣ до открытія въ сей странѣ намѣстничества (1181—1781)», съ 3-мя фотографическими снимками. Н. Θ. Батановъ сообщилъ, что эта рукопись, принадлежащая вятской гимназіи, была напечатана въ 1824—27 гг. въ «Казанскомъ Вѣстникѣ», повидимому, сполна, но что, въ виду рѣдкости этого изданія и важности значенія труда Вештомова, полезно было бы издать его вновь въ «Извѣстіяхъ» о-ва арх., ист. и этн. при каз. у—тѣ.

Описаніе чувашской свадьбы изъ путешествія бывш. казанскаго проф. Н. Томаса въ 1842 г. было переведено и комментировано въ за-сѣданіи казанскаго общества (арх., ист., этн.) В. Н. Андерсономъ.

Литература о чувашахъ обогатилась присылкой въ каз. общество арх., ист. и этн. А. Ивановымъ переработаннаго и дополненнаго «Указателя книгъ, брошюръ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ на русскомъ языкѣ о чувашахъ съ 1756 по 1905 годъ». Указатель будетъ напечатанъ въ «Извѣстіяхъ» общества.

Черемисско-русскій словарь Троицкаго дополненъ словаремъ языческихъ черемисскихъ собственныхъ именъ, который составленъ М. Θ. Бандратскимъ. Дополненіе будетъ напечатано въ «Извѣстіяхъ» казанскаго общества арх., ист. и этногр.

«По вопросу о національности древних обитателей южной Россіи» — Съ такимъ заглавіемъ докладъ былъ прочитанъ (17 марта 1906 г.) въ казанскомъ обществѣ арх., ист., и этн. *С. П. Шестаковымъ*. Докладъ будетъ напечатанъ въ «Извѣстіяхъ» общества.

Матеріалы о кумандинцахъ, которыми располагалъ Алтайскій подъ-отдѣлъ З.-Сиб. Отдѣла Этнографическаго Общества, прочитанные Д. И. Звѣревымъ и г. Шерромъ еще въ 1902 году (судя по отчету—это архивные матеріалы) постановлено подъ-отдѣломъ не печатать въ тѣхъ ихъ частяхъ, которыя касаются «бытовыхъ сторонъ кумандинцевъ». («Отчетъ Алт. подъ-отдѣла» за 1902). См. также статью Н. Б. Шерра: Изъ поѣздки къ кумандинцамъ въ 1898 году. («Алтайскій сборникъ», томъ 5-й).

По матеріальной культурѣ Туркменіи одинъ изъ корреспондентовъ «Этн. Обзорнія» сообщаетъ неутѣшительныя свѣдѣнія. Прежде всего въ печальномъ состояніи находятся мѣстныя музеи, представляющіе сборища хлама, не разобранныя и не приведеннаго въ порядокъ; причемъ нѣтъ не только каталоговъ или путеводителей, но отсутствуютъ даже инвентари. Этнографовъ-любителей почти нѣтъ. Мало и другихъ изслѣдователей края. Сами туземцы все свое народное, старинное забрасываютъ, и бытовая старина исчезаетъ съ поразительной быстротой. Въ Туркменіи, напр., прекратили выдѣлку когда-то знаменитыхъ туркменскихъ ковровъ (особенно въ Ахалъ и Пенде), и ковры этихъ сортовъ итѣтъ черезъ 5—10 будутъ такъ же рѣдки, какъ гобелены. Въ Туркестанѣ высоко стоявшее искусство рѣзбы по дереву тихо замираетъ, а мѣдную посуду съ чеканкой совсѣмъ почти перестали дѣлать, и ее замѣнила эмалированная; издѣлія изъ тисненой кожи дѣлаются все хуже и хуже; шитья шелками, вышивки ручной работы замѣнились тамбурными и проч. и проч.

Изданіе памятниконъ русской литературы до-монгольскаго періода предпринимается на средства Отдѣленія русскаго языка и словесности подъ редакціей проф. Н. К. Никольскаго. Т. о., въ одномъ собраніи будутъ соединены всѣ извѣстныя до настоящаго времени произведенія русскихъ писателей, при чемъ возможно будетъ воспользоваться лучшими или древнѣйшими списками, а также сдѣлать полныя критическія и бібліографическія указанія объ имѣющихся спискахъ того или другого древняго памятника.

Изданіе Этнографическаго Отдѣленія Венгерскаго Національнаго Музея «Ertesítője» прекратило свое существованіе и замѣнилось журналомъ «Vierteljahr Anzeiger».

«Томскія Губернскія Вѣдомости» за первые годы ихъ изданія представляютъ библиографическую рѣдкость. Ихъ нѣтъ ни въ Императорской Публичной Библиотекѣ, ни въ Томскомъ Губернскомъ Правленіи, ни въ Статистическомъ Комитетѣ. Недавно онѣ приобрѣтены за 20 лѣтъ для библиотеки Алтайскаго подъятка Географическаго Общества. Онѣ богаты историческими и статистическими свѣдѣніями насчетъ Сибири; въ нихъ заключается много матеріаловъ, подлинники которыхъ безслѣдно погибли, какъ, напр., писцовые документы; въ нихъ же появились первые печатные труды Ядринцева, Потанина и другихъ сибирскихъ изслѣдователей.

(«Отчетъ Алт. подъятд.» за 1903 г.)

Лекціи по наездѣ этнографіи, антропологіи и антропогеографіи будутъ въ 1907—8 ак. году читаться: 1) въ Москвѣ: Д. Н. Анучинымъ и А. А. Ивановскимъ въ университетѣ, В. Н. Харузиной—на высшихъ женскихъ курсахъ, 2) въ Петербургѣ—А. И. Соболевскимъ, Н. П. Кондаковымъ, Д. Айналовымъ, И. А. Бодуэнъ-де-Куртена, П. А. Лавровымъ, И. А. Шляпкинымъ и др.—въ университетѣ, 3) также будутъ читаться лекціи по археологіи и этнографіи въ открывающемся съ осени текущаго года московскомъ археологическомъ институтѣ.

VIII-й Этнографическій концертъ въ воскресенье, 11-го февраля, былъ устроенъ Музыкально-Этнографической Комиссіей, состоящею при Этнографическомъ Отдѣлѣ Императорскаго Общества любителей Естественнаго, Антропологіи и Этнографіи при московскомъ университетѣ, при участіи артистовъ Императорской оперы: г-жъ М. А. Дейша-Сіоничевой, Л. Ю. Звягиной, А. П. Чагѣвой, Г. С. Мамиконьянъ (арфа); гг. Г. Д. Бакланова, А. В. Богдановича, М. Е. Пятницкаго, В. К. Шевченко (лира и бандура), Ф. А. Бислова (гусли), А. Н. Макарова (гобой) и хора мужскаго и женскаго, подъ управлен. Е. С. Котова.

Исполнялись въ отдѣленіи 1-мъ великорусскія пѣсни, во 2-мъ отдѣленіи бѣлорусскія и малорусскія пѣсни.

Дашковскій Этнографическій Отдѣлъ Румянцовскаго Музея въ Москвѣ въ 1906 году приводился въ порядокъ, пополнялся коллекціями, описаніемъ ихъ и т. под. Отдѣленіе иностранной этнографіи растетъ быстрѣе другихъ отдѣловъ музея, но такъ какъ установка его еще не закончена, то и не переизданъ «Путеводитель» по отдѣленію иностранной этнографіи. Подготавлился выпускъ «Систематическаго описанія» по народностямъ крайняго сѣверо-востока Азіи и сѣв.-запада Америки: По айнамъ, эскимосамъ, алеутамъ и колошамъ собрана и вполнѣ подготовлена обширная (до 300 слѣшкомъ названій) литература, при чемъ большинство ссылокъ сопровождается краткой отмѣткой объ этнографіи-

чeskихъ свѣдѣнійхъ, заключающихся въ каждой работѣ. Музей пополнялся коллекціями по русской, славянской, инородческой и иностранной этнографіи, но исключительно въ видѣ пожертвованій.

10-лѣтіе Городецкаго Музея барона Штейнгеля, отмѣченное посвященнымъ ему очеркомъ г. Абрамова въ «Живой Старинѣ» (1906 г., № 4), свидѣтельствуетъ о богатыхъ матеріалахъ по археологій, исторіи и этнографіи на Волынѣ, гдѣ неустанно собирались коллекціи отдѣловъ музея: естественнаго, географическаго, антропологическаго, археологическаго, этнографическаго, а также цѣнная библіотека, богатая рукописями, старопечатными и многими другими рѣдкими книгами. Отъ музея совершались научныя экскурсіи по Волынѣ. Музеемъ изданы три подробныхъ каталога (1898, 1899 и 1905 гг.).

Премія имени М. И. Михельсона, согласно постановленію Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ будетъ выдана въ настоящее конкурсное трѣхлѣтіе (1907—1909 гг.) за ученый трудъ, исполненный на слѣдующія задачи:

1. Тюркскіе элементы въ русскомъ языкѣ до татарскаго нашествія.

Выясненіе, какія слова тюркскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянскоу эпохѣ. Опредѣленіе словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ изъ тюркскихъ нарѣчій до татарскаго нашествія, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ тюркскихъ словъ можно относить ко времени, предшествующему образованію этихъ вѣтвей русскаго языка; 2) систематическаго изслѣдованія русскихъ памятниковъ отъ начала письменности до середины XIII в. со стороны встрѣчающихся въ нихъ заимствованій изъ тюркскихъ нарѣчій. Бромъ словъ тюркскаго происхожденія, изслѣдованію подлежатъ и тѣ иноземныя слова, которыя вошли въ русскій языкъ черезъ посредство тюркскихъ нарѣчій. При опредѣленіи тѣхъ или другихъ заимствованій должно имѣть въ виду точное, по возможности, приуроченіе ихъ къ тѣмъ діалектическимъ разновидностямъ, которыя представляли тюркскіе говоры *). Впрочемъ, въ виду сравнительной скудости матеріала для древнѣйшихъ временъ русскаго письменности, а также трудности хронологическаго приуроченія нѣкоторыхъ словъ, изслѣдователю разрѣшается переступить за предѣлы эпохи татарскаго нашествія, ограничиваясь однако тѣмъ условіемъ,

*) Результаты изслѣдованія (слова иноземнаго происхожденія, заимствованныя въ русскій языкъ) должны быть расположены въ словарномъ порядкѣ.

чтобы разбираемое слово представляло собою достояніе всего русскаго языка, а не одного или немногихъ говоромъ, въ которые оно могло войти впоследствии, и чтобы оно вообще имѣло признаки, позволяющіе допустить возможность его принадлежности къ порѣ до-татарскаго періода.

2. Германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV вѣка.

Опредѣленіе различныхъ эпохъ, къ которымъ можетъ быть приурочено заимствованіе этихъ элементовъ. Выясненіе, какія слова германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ. Выясненіе, какими путями шли заимствования изъ этихъ языковъ въ русскій (Варяги, Рига, Польша и т. д.)? Определеніе словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, вошедшихъ въ русскій языкъ до XV вѣка, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскіихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ германскихъ, латинскихъ и романскихъ словъ могутъ восходить къ эпохѣ до XV вѣка; 2) систематической выборки изъ русскіихъ памятниковъ до XIV вѣка исключительно словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія.

Примѣчаніе. Ученая работа, посвященная изслѣдованію однихъ только германскихъ или романскихъ заимствованій, можетъ быть также удостоена преміи.

3. Польскіе элементы въ русскомъ литературномъ языкѣ.

Списокъ словъ, синтаксическихъ оборотовъ и фразъ, перешедшихъ изъ польскаго языка въ русскій литературный языкъ, съ указаніемъ московскихъ текстовъ XVII вѣка и произведеній русскіихъ авторовъ XVIII и XIX вѣковъ, гдѣ эти польскіе элементы находятся. Выясненіе путей, которыми они проникли въ русскій языкъ.

4. Уменьшительная, увеличительная и т. п. имена въ русскомъ языкѣ.

Списокъ суффиксовъ, посредствомъ которыхъ образуются уменьшительная, увеличительная, ласкательная, презрительная и т. п. имена существительная (нарицательная и собственная), и прилагательная въ литературномъ русскомъ языкѣ и въ говорахъ великорусскіихъ, бѣлорусскіихъ и малорусскіихъ. Возстановленіе древнѣйшихъ (общеславянскихъ) звуковыхъ формъ этихъ суффиксовъ. Родственные суффиксы однородныхъ именъ въ другихъ славянскихъ языкахъ и въ главныхъ изъ индо-европейскихъ языковъ.

5. Слова русскаго языка со звукомъ «х».

Фонетическія условія происхожденія звука «х» въ общеславянскомъ языкѣ, разсматриваемомъ въ его отношеніяхъ къ балтійскимъ и другимъ

родственнымъ языкамъ. Общеславянскія заимствованныя слова со звукомъ «х» или его фонетическими измѣненіями. Списокъ случаевъ (основъ и суффиксовъ), въ которыхъ русскій языкъ имѣетъ общеславянское «х», въ сопоставленіи со свидѣтельствами другихъ славянскихъ языковъ и съ указаніемъ для каждаго случая на языки, изъ которыхъ опредѣляется происхожденіе «х» въ общеславянскомъ языкѣ. Другіе случаи звука «х» въ словахъ русскаго языка: «х» какъ измѣненіе другого звука въ русскомъ языкѣ; «х» въ словахъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ; неясныя по происхожденію русскія слова со звукомъ «х».

6. Финское вліяніе на лексическую сторону русскаго языка.

Древній слой заимствованій, ведущій свое начало изъ древнѣйшей поры русско-финскихъ сношеній. Новѣйшія областныя заимствованія (главнымъ образомъ въ сѣверно-великорусскомъ), объясняющіяся позднѣйшимъ сосѣдствомъ съ финнами. Желательно разграниченіе заимствованій изъ восточныхъ и западныхъ финскихъ языковъ.

7. Иноземные матеріалы по терминологіи художества и ремесла въ Московской Руси по памятникамъ XV, XVI и XVII ст.

Предлагается собрать иноземные слова и термины, относящіеся къ художествамъ и ремесламъ и заключающіеся въ письменныхъ памятникахъ XV—XVII столѣтій, и сообщить реальное значеніе термина, съ объясненіемъ его происхожденія.

8. Скандинавскіе элементы въ русскомъ языкѣ.

Слова скандинавскаго происхожденія: а) въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка; б) въ отдѣльныхъ говорахъ (насколько имѣется матеріалъ по этимъ говорамъ); в) въ литературномъ языкѣ.

Слова скандинавскаго происхожденія: 1) встрѣчающіяся тоже въ языкахъ балтійскихъ: древне-русскомъ, литовскомъ и латышскомъ; 2) встрѣчаемыя тоже въ другихъ языкахъ славянскихъ; 3) составляющія исключительную принадлежность русскихъ славянъ (или всѣхъ, или же только великорусовъ, въ отличіе отъ малорусовъ).

Собственныя имена и мѣстныя названія, обязанныя своимъ возникновеніемъ скандинавскому вліянію.

Къ систематическому обозрѣнію матеріала должны быть приложены, со ссылками на §§ сочиненія, алфавитные списки (словари) всѣхъ разсмотрѣнныхъ словъ и выраженій: 1) русскихъ, 2) скандинавскихъ.

9. Грамматическія и стилистическія ошибки, вкравшіяся въ современный русскій письменный языкъ.

Собраніе, по возможности, обширнаго количества примѣровъ ошибочнаго употребленія словъ, оборотовъ и грамматическихъ формъ изъ языка писателей, ученыхъ и публицистовъ. Распределеніе собраннаго матеріала

по категоріямъ или въ алфавитномъ порядкѣ. Указаніе прохожденія отдѣльныхъ ошибокъ (варваризмы, провинціализмы и т. д.).

10. Мадьярское вліяніе на лексическую сторону подкарпатскихъ говоровъ русскаго языка.

Прослѣдить это вліяніе по памятникамъ письменности и даннымъ фольклора, чтобы опредѣлить возрастъ заимствованныхъ изъ мадьярскаго словъ и площадь ихъ распространенія. Въ списокъ такихъ словъ должны быть включены сверхъ нарицательныхъ и собственныхъ, встрѣчающіяся въ названіяхъ личныхъ и мѣстныхъ.

11. Сборникъ русскихъ синонимовъ.

Собраніе синонимовъ съ примѣрами, по возможности, изъ произведеній русскихъ писателей. Желательно, чтобы была использована литература по русской синонимикѣ первой половины XIX вѣка.

12. Греческія заимствованныя слова въ русскомъ языкѣ.

Указаніе греческихъ элементовъ въ памятникахъ русской письменности, современныхъ русскимъ говорахъ (великорусскихъ, малорусскихъ, бѣлорусскихъ), а также въ условныхъ (офенскихъ) языкахъ. Указаніе ближайшихъ къ русскимъ греческихъ формъ. Указаніе періодовъ заимствованія, путей, которыми они проникали въ русскій языкъ, и опредѣленіе географическаго распространенія каждаго слова въ греческомъ языкѣ. Желательно использование всего матеріала для исторической грамматики греческаго и русскаго языковъ.

§§ 4, 5 и 7 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона.

Преміи имени М. И. Михельсона устанавливаются трехъ разрядовъ: въ 1000, 500 р. и 300 р.

Преміи М. И. Михельсона присуждаются каждые 3 года, начиная съ 16 декабря 1900 года. Сочиненія на соисканіе этихъ премій должны быть представляемы не поздне 1 марта послѣдняго года конкурснаго трехлѣтія *).

На соисканіе премій имени М. И. Михельсона допускаются какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и славянскихъ языкахъ, удовлетворяющія задачамъ, объявляемымъ при началѣ каждаго конкурснаго трехлѣтія особю комиссіею, которая образуется при отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

*) Сочиненія на объявленныя нынѣ задачи должны быть представлены не поздне 1 марта 1909 года—печатныя въ двухъ, рукописныя въ одномъ экземплярѣ и адресованы на имя непремѣннаго секретаря Императорской Академіи Наукъ.

Премія по археологiи, въ ознаменованіе 25-лѣтiя со дня смерти гр. А. С. Уварова, учреждена вдовой его, гр. П. С. Уваровой, за трудъ по русскому церковному зодчеству. Задача, назначаемая на конкурсаніе преміи, предложена на тему: «Самостоятельное изслѣдованіе московскаго періода древне-русскаго церковнаго зодчества отъ основанiя Москвы до конца первой четверти XVIII вѣка». Размѣръ преміи 2000 р. При отсутствіи трудовъ серьезной научной цѣнности, часть преміи можетъ быть выдана и за сочиненія, не вполне удовлетворяющія серьезно-научнымъ требованіямъ. Сочиненія въ рукописи представляются въ Императорское Московское археологическое Общество въ 1 мая 1909 г.

Премія имени А. П. Бахрушина по исторiи и археологiи Москвы и Московской губерніи (800 р.) назначается за лучшее сочиненіе, которое будетъ представлено въ Общество Исторiи и Древностей Россiйскихъ въ маю 1909 года.

Русскій Антропологическій Журналъ,

издаваемый Антропологическимъ Отдѣломъ

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, подъ редакціей секретаря Отдѣла *А. А. Ивановскаго* (основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ, 30 марта 1900 г., председателя Отдѣла *проф. Д. Н. Анучина*); выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая 8—10 печатныхъ листовъ съ рисунками.

Цѣна годовому изданію 5 руб. съ доставкой и пересылкой, за границу 6 руб. Цѣна отдѣльной книжки 1 руб. 50 коп.

Принимается подписка на 1907 годъ.

Съ требованіями обращаться: Москва, Историческій Музей, Секретарю Антропологическаго Отдѣла *А. А. Ивановскому*.

„ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ“,

ИЗДАНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, подъ редакціей председателя Отдѣленія *проф. Д. Н. Анучина*. Журналъ посвященъ изученію географическихъ вопросовъ, преимущественно Россіи, путешествіямъ, очеркамъ природы и населенія различныхъ странъ, обзору географической литературы и т. д.

Выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая около 10—12 печатныхъ листовъ, съ приложеніемъ картъ, фототипій и рисунковъ въ текстѣ.

Подписная цѣна за годъ съ доставкой—6 руб. Прежніе экземпляры продаются по 5 руб. за годъ.

Принимается подписка на 1907 годъ.

Съ требованіями обращаться: Москва, Политехнический Музей, Географическое Отдѣленіе Общества Естествознанія.

Годъ XII.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1907 г.

Годъ XII.

на ежемѣсячный научно-популярный и педагогическій журналъ

„ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ и ГЕОГРАФІЯ“

Выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюль—іюль) книжками изъ 5—6 печатныхъ листовъ.

Журналъ ОДОБРЕНЪ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ; Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ ОДОБРЕНЪ за всѣ годы существованія и допущенъ на будущее время въ библіотеки подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній.

Журналъ ставитъ себя задачей удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журналѣ имѣются отдѣлы: 1) научно-популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія естествознанія теоретическаго и прикладнаго (садоводство, пчеловодство и т. п.) и географіи; 2) акваріумъ и терраріумъ; 3) библіографія (обзоръ русской и иностранной литературы по естествознанію и географіи); 4) хроника; 5) смѣсь; 6) вопросы и отвѣты по предметамъ программы.

Весьма желательно установленіе живой связи между лицами, стоящими у дѣла преподаванія, и журналъ ставитъ себя цѣлью содѣйствовать этому. Редакція проситъ лицъ, завѣдующихъ учебными заведеніями, земскія управы и училищные совѣты высылать въ редакцію отчеты по училищному дѣлу.

Въ журналѣ были помѣщены статьи: И. Я. Акинфьева, А. П. Артари, проф. П. Бахметьева, Л. И. Бородовскаго, проф. А. Ф. Брамдта, В. В. Богданова, П. Вольногорскаго, Н. Н. Вануловскаго, проф. С. П. Глазенапа, М. И. Голенкина, проф. А. С. Догеля, М. И. Деміова, Л. Н. Елагина, В. Е. Жадовскаго, В. М. Житнова, В. Заленскаго, проф. Н. Ю. Зографа, Н. Ф. Золотничаго, проф. Н. Ф. Кашенна, проф. Н. И. Кузнецова, проф. И. А. Каблукова, проф. Н. М. Кулагина, проф. Г. А. Коженикова, М. А. Кожениковой, проф. А. Н. Краснова, М. Э. Мендельсона, С. П. Меча, Г. А. Надсона, А. М. Никольскаго, К. Д. Носилова, проф. А. П. Павлова, А. Н. Рождественскаго, проф. В. В. Сапожникова, К. А. Сатунина, Н. И. Сентъ-Илера, М. М. Сізова, В. И. Талѣва, проф. К. А. Тимирязева, проф. А. А. Тихомирова, П. Р. Фрейберга, проф. В. М. Шимкевича, П. Ю. Шмидта и нѣкоторые другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкою и пересылкою 4 р. 50 коп., безъ доставки 4 руб.; на полгода съ пересылкою и доставкою 2 р. 50 к.; за границу 7 руб. За ту же цѣну можно получить журналъ за 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904 и 1905 гг. Книжки журнала въ отдѣльной продажѣ стоятъ 75 коп. каждая.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 20 коп. съ каждаго годового полнаго экземпляра.

КОНТОРА РЕДАКЦИИ: Москва, Донская, домъ Даниловой, кв. № 4.

Редакторъ-издатель М. П. Варавва.

НА
1907 г.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

ГОДЪ
XIX-й.

НА

„Этнографическое обозрѣніе,“

журналъ, издаваемый Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ,
подъ редакціей

Предсѣдателя Отдѣла В. В. Миллера и Товарища Предсѣдателя Н. А. Янчука.

Изданіе посвящено одному изъ важныхъ отдѣловъ нашего отечествовѣдѣнія—изученію духовнаго и матеріальнаго быта многочисленныхъ народностей Россіи: оригинальныя статьи, изслѣдованія, матеріалы, критика, библиографія, смѣсь, хроника, вопросы и отвѣты, корреспонденціи и иллюстраціи посвящены историческимъ, до-историческимъ и географическимъ свѣдѣніямъ объ изучаемыхъ народностяхъ, ихъ вѣрованіямъ, обрядамъ, правамъ, творчеству (словесному, музыкальному и др.), языку, правовымъ отношеніямъ, высшему образу жизни, а также другимъ вопросамъ этнографіи и высшей культуры.

Выходитъ четыре раза въ годъ, въ необязательные сроки, книжками, около 10 листовъ каждая, въ форматѣ больш. 8^о.

Цѣна годовому изданію **6** р. съ доставкой и пересылкой.

За границу 7 руб. съ пересылкой.

Отдѣльно книжка 1 р. 50 к. съ перес., за границу 1 р. 75 к. По той же цѣнѣ—экземпляръ 1905 года. По особой цѣнѣ продаются №№ за прежніе годы. Немногіе оставшіеся полные экземпляры журнала за все время его существованія, а именно: книги I—LXVII (1889—1905 гг.), продаются за 500 руб.

Книжнымъ магазинамъ уступна 20 коп. съ годового экземпляра.

 Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія „ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ РЕКОМЕНДОВАНО для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Обращаться въ редакцію «Этнографическаго Обозрѣнія»: Москва, Политехнической Музей.

